С. М. Михайлов

ОТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО ДО СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО

МОНОГРАФИЯ

С. М. Михайлов. От Владимира Святого до Святополка Окаянного

С. М. Михайлов

МОНОГРАФИЯ

ОТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО ДО СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

2018

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
М 69

М 69 Михайлов С. М.

От Владимира Святого до Святополка Окаянного : монография / С. М. Михайлов. — СПб. : СПбГИПСР, 2018. — 287 с.

ISBN 978-5-98238-

Монография представляет собой второй том авторского исследования по теме «Логика древнерусской истории». Содержание книги охватывает период правления на Руси киевских князей Владимира и Святополка (последняя треть X — первая четверть XI вв.) Используется обширный свод исторических и религиозных первоисточников, данные археологии, нумизматики, лингвистики. При трактовке ряда проблем автор опирается на методы концептуального и ситуационного анализа. В качестве иллюстраций приводятся редкие миниатюры, иконы, рисунки, картины.

Издание предназначено для аспирантов, преподавателей, широкого круга читателей, интересующихся проблемными вопросами древней истории Киевской Руси.

ISBN 978-5-98238-

© С. М. Михайлов, 2018
© СПбГИПСР, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ **5**
Происхождение 5
Детство, юность 11
Княжение в Киеве Ярополка (975–977 гг.) 18
Война Ярополка и Владимира (980 г.) 23
Языческий период княжения Владимира (980–985 гг.) 42
Выбор новой веры (986–987 гг.) 60
Поход на Корсунь (988 г.) 70
Крещение князя Владимира (988 г.) 82
Крещение киевлян (988 г.) 92
Крещение Руси при Владимире (989–992 гг.) 105
Христианское княжение Владимира 112
Война с печенегами 122
Война в семье Владимира 135
15 июля 1015 года 150

СВЯТОПОЛК **159**
Убийство ростовского князя Бориса 162
Убийство муромского князя Глеба 174
Борис и Глеб как святые 185
Убийство древлянского князя Святослава 188
Новгород времен Ярослава. Битва при Любече (1016 г.) 191
Киевское княжение Ярослава (1017–1018 гг.) 206
Битва при Волыни на Западном Буге (1018 г.) 219
Польская интервенция. Реставрация Святополка (1018 г.) 226

Второе пришествие Ярослава в Киев. Битва при Альте. Бегство Святополка (1019 г.) 235

ПРИЛОЖЕНИЯ 240

О разделе Русской земли в 970 году Святославом 240

О русском посольстве 973 года к германскому императору Оттону I в Кведлинбург 242

Былинный эпос и древнерусское летописание 243

Былинные сказания о походе на Корсунь 248

Былинный эпос о временах князя Владимира 255

О человеческих жертвоприношениях на Древней Руси 260

О крещении князя Владимира 265

Крещение Руси 268

О встрече архиепископа Бруно с князем Владимиром в 1008 году 272

Описание битвы при реке Буг в 1018 году Галлом Анонимом, Винцентием Кадлубком и Яном Длугошом 275

О некоторых характерных особенностях «Польской истории» Яна Длугоша 278

БИБЛИОГРАФИЯ 281

Сладость истины — верный признак ее отсутствия,
Горечь правды — верный признак выздоровления ума,
Здесь нет места лживому пустословию…

Автор

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Происхождение

«Владимир Святой» — Влади́мир Святосла́вич (др.-рус. Володимѣръ Сѫтославичь) родился около 960 г., умер 15 июля 1015 г. Сын великого князя Святослава Игоревича (942–972).

В корневом смысле слова имя «Владимир» означает «владеющий миром, обширной землей»[1]. Именно это имеет в виду средневековый хронист Титмар Мерзебургский, толкуя об имени князя Владимира [27, т. IV, с. 75]. На протяжении долгого времени имя Владимир использовалось исключительно среди князей Рюриковичей. Изначально «Владимир» («Володимер») было славянским языческим именем.

Год рождения Владимира в точности неизвестен. По летописцу, Владимир среди сыновей Святослава был третьим по старшинству

1 Когда в 1157 г. Андрей Боголюбский решил обустроить новый центр восточной Руси и противопоставить его Киеву, он остановил свой выбор именно на древнем городе Владимире, имя которого тем самым стало символизировать его власть над всеми другими городами Древней Руси, в том числе над Киевом. Равным образом византийская икона Богородицы XII века, бывшая в вышгородском Богородичном монастыре, желанием Андрея Боголюбского была забрана в город Владимир и названа иконой Владимирской Богородицы, обретя статус главной иконы Богородицы Древней Руси. — Авт.

после Ярополка и Олега. Но это старшинство имеет условный характер, не столько по возрасту, сколько по кровному родству. Так, по мнению польского историка Яна Длугоша (1414–1480), Владимир был старшим по рождению [119, с. 229].

У сыновей язычника-многоженца князя Святослава были разные матери. Ярополк и Олег были Владимиру не родными, а сводными братьями, что в последующем роковым образом сказалось на их «братских» отношениях.

Имя матерей Ярополка и Олега история не сохранила, но они были знатного кровного происхождения. Владимир был младшим среди них в кровном отношении по своей не знатной матери, хотя, например, по возрасту, он мог быть погодком Ярополку или Олегу.

Матерью Владимира принято считать Малушу. О ее происхождении есть ряд версий. По летописцу, Малуша родилась в Любече, ее отцом был Малк Любечанин, а братом новгородский посадник Добрыня [64, с. 68]. Весьма вероятно, что имя Малуша означает «дочь Малка».

По другой версии, Добрыня был сыном последнего родового князя древлян Мала [101, с. 365]. После разгрома древлян Малушу забрала себе ключницей-служанкой княгиня Ольга. Статус ключницы в то время был весьма высоким. Ключница, т. е. имеющая ключи, хранила княжеское добро. Но есть и другое мнение, что Малушу княгиня Ольга взяла к себе именно рабыней, сделала *малою, малушей* [76, с. 43][2]. Собственно, поэтому Владимир именно по крови был младшим (*малым*) относительно своих братьев Ярополка и Олега.

Есть предположение, что Малуша была милостницей княгини Ольги. По мнению Д. Прозоровского, будучи раздатчицей милостыни (занятие христианки), Малуша нарушила со Святославом заповедь «не прелюбодействуй», что вызвало гнев Ольги [84, с. 19]. Предположение Д. Прозоровского опирается на характер явной христианской набожности княгини Ольги.

В действительности, в совокупности обстоятельств крещения Ольги в православии в 959 г., религиозные мотивы были отнюдь не самыми главными. Н. М. Карамзин считал обстоятельства летописного описания крещения княгини Ольги «древними баснями, типа народных сказок не согласных ни с вероятностями рассудка, ни с важностью истории» [42, с. 57].

2 По классовой стратификации низы древнерусского общества именовались как меньшие, мизинные людие, выше располагались лучшие, прожиточные, значные мужи. — Авт.

Известно, что приняв крещение от константинопольского патриарха Полиевкта (†970), Ольга вернулась в Киев в сопровождении лишь простого духовника пресвитера Григория. Таким образом, Ольга не пошла на установление Русской православной епископии. После своего крещения Ольга никаких связей с Византией не поддерживала.

С религиозной точки зрения, крещение Ольги в православии не имело никакого значения, как для знати местных славянских племен, так и для самих норманнов: «Ни один предмет из церковного обихода и ни одно строение нельзя с уверенностью отнести к тому 15-летнему периоду, который Ольга прожила в Киеве, после принятия христианства» [113, с. 206].

Судя по всему, летописный гнев княгини Ольги на Малушу был вызван не надуманными Д. Прозоровским религиозными причинами, но обстоятельствами более существенными. В этом плане следует отметить, что из известных версий происхождения Малуши следует, что она была славянка, древлянского рода или новгородского.

Для норманнской знати, в том числе и для княгини Ольги, славяне были рабами, говорящим скотом. Можно представить, с каким содроганием Ольга выслушивала к себе брачные предложения древлянского князя Мала. Под внешней маской вынужденной любезности Ольги змеиным клубком ненависти зрели ее замыслы о лютой расправе над древлянами, что вскоре и произошло — их заживо закапывали в землю, убивали и жгли.

В кровном отношении гнев Ольги понятен, ведь ее единственный сын Святослав сошелся с рабыней-славянкой Малушей, естественным следствием чего стало явление на свет, по исконно родовому праву, одного из возможных наследников норманнской династии Рюриковичей — полуславянина Владимира.

Клеймо *робичич* (сын рабыни) сопровождало Владимира всю жизнь. Не случайно полоцкая княжна норманнской крови, гордая красавица Рогнеда, по летописцу, сказала о Владимире: «Не хочю розути робичича» [64, с. 74][3].

То, что Святослав взял в жены славянку Малушу, отнюдь не случайный любовный каприз. Святослав, как великий полководец, прекрасно понимал, что его сила не только в опоре на сравнительно небольшую прослойку норманнской дружинной знати. Святославу было важно и нужно опереться на обширный слой местного славянского воинства.

3 Известно о существовании обряда розутия жениха невестою у русских крестьян [16, с. 246].

Ведь Святослав в это время формировал дружинное войско для похода в Приволжье.

Взяв в жены Малушу, Святослав тем самым дал понять, что отныне он породнился со славянами, стал им своим, славянским князем СВЯТОСЛАВОМ.

Понятно, что в объяснении этимологии имени князя Святослава не следует ссылаться на корневое «свят» в смысле святости, ведь Святослав был князем-язычником. Исторически, по ситуационной логике событий тех лет, правильней именовать Святослава в транскрипции звучания СВЕТОСЛАВ — светлый князь славян и норманнов.

В этой связи не случайно, что Олег-правитель в договоре Руси (912 г.) с греками три раза выступает как «свѣтлость», под рукой которого было много «свѣтлыхъ» [64, с. 32]. Что совершенно объяснимо, ведь Олег, как и его сподвижники из варяжской дружины, были белокурыми представителями северной нордической расы.

Брату Малуши — новгородскому посаднику Добрыне, исходя из статусных соображений, было очевидно нужно и весьма лестно породниться с великим князем Святославом, равным образом, как и Святославу, заручиться поддержкой новгородцев.

Как сообщают поздние источники XVI века (Никоновская и Устюжская летописи), Владимир Святославич родился в селе Будутине «въ Будутинѣ вѣси» [62, с. 35], куда разгневанная княгиня Ольга сослала Малушу: «и рожение бысть Владимеру в Будотине селе, ту бо бе посла Олга Малку во гневе» [110, с.60].

У историков по вопросу о географической локализации местоположения веси Будотино (Будутино) есть ряд мнений. Наиболее принятой считается версия, согласно которой Владимир родился под Псковом (д. Будник) [4, с. 22–31]. Есть также гипотезы, что село, где он родился, находится под Гомелем (с. Будатин) или Владимиром-Волынским (с. Будятичи).

По обычаям княжеской среды тех времен ребенок до трех лет воспитывался матерью и находился рядом с ней. О дальнейшей судьбе Малуши летописи ничего не сообщают и, судя по всему, после трех лет малолетний Владимир жил под присмотром свой бабки княгини Ольги. В этой связи возникает немаловажный вопрос: где жила Ольга с Владимиром?

По Нестору, по смерти Игоря в 945 г. Ольга «же бяше в Киевѣ съ сыномъ съ дѣтьскомъ Святославомъ», там же находилась и варяжская знать. Затем летописец приводит ряд названий местности *гор киевских* и местоположение огражденного княжеского дворца: «дворъ княжъ бяше в городъ <…> двор теремный» [64, с. 54]. К настоящему времени,

Древнее городище Вышгорода (реконструкция)

хотя археологические раскопки в Киеве идут более 150 лет, ни малейших следов княжеского «стоящего надъ горою дворъ теремный» не найдено.

Летописатели XIV–XV вв. по Нестору, со времен Аскольда и Дира *сажали* на княжение в Киеве норманнскую знать Рюриковичей. Однако, судя по данным археологии, речь идет не о княжении норманнов в Киеве, а о нахождении на его территории военного гарнизона варягов.

В середине X века, во время событий древлянского похода Ольги, император Византии *Константин Багрянородный* написал военный историко-географический трактат «Об управлении империей» (лат. *De Administrando Imperio*). В отличие от летописца, Константин, как современник, по сути, сообщает уникальные сведения, в том числе и по городам древней Руси, стоящих по Днепру. Константин не выделяет в числе их Киев как главный, говоря о нем как о крепости *Киоава*, но не городе [27, т. II, с. 159–160].

В то же самое время, как Нестор, так и Константин, пишут о городе-крепости Вышгороде (Вышеград, Вусегард), стоящем в 16 верстах от Киева. Летописец именует его Вышегородом, расположенным относительно Киева выше по Днепру.

Вышгород был расположен на высоком холме, прекрасно укреплен и служил форпостом Киева с севера; около него обыкновенно переправлялись через Днепр, если шли на Киев со стороны Чернигова или из Киева в Чернигов, чтобы не переходить Десны. Вышгородское

городище имеет необыкновенные размеры — около 3 км в окружности [109, с. 295].

Первое летописное известие о городе датируется 946 г. Легенды о Вышгороде идут еще глубже. В Киевском Синопсисе есть указание на то, что Вышгород был основан в легендарные времена Кия, Щека и Хорива: «третій брат, Корев, или Хорев, созда град, такожде от своего имени Хоревицу, а потом Вышгород прозвася» [21, с. 149].

По летописцу, Вышгород стал княжеской резиденцией — Ольгинградом: «бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ» [64, с. 58]. Нестор пишет, что треть «дань тяжьку», возложенной на порабощенных древлян, шла к Ольге на строительство крепости Вышгорода.

Помимо княжеской резиденции княгини Ольги в Вышгороде, на Псковщине, исходя из «северных» летописных версий, находилась ее родовая резиденция, там, где она родилась. По Житию св. Ольги, ее родиной была «*весь* Выбутская, находящаяся ныне близ города Пскова, тогда еще не существовавшего» [87, с. 3].

По летописям, Ольга, родившись на псковской земле, оставила много свидетельств своего пребывания на ней. Нестор пишет, что сани Ольги «стоять в Плесковѣ и до сего дне» [64, с. 59]. Правда, на основании одного из поздних списков летописи из Румянцевского музея, отмечалось, что в Пскове стояли не сани, а сени. Сени — самостоятельная и основательная постройка — вполне могли сохраниться (относиться) ко временам летописным.

Местоположение родовой резиденции Ольги в Выбутово известно, речь идет об участке течения реки Великой, где река пробивает русло через известняк, образуя пороги. Это место единственно удобного брода через реку.

Географически местоположение брода соответствует локальной исторической ольгинской топонимике — Ольгиной горе, уже к XV веку смытой рекой, Ольгинскому берегу и деревне Ольгино [4]. Ольгина гора, контролировавшая перекресток водного и сухопутного (с единственным удобным бродом) путей, стала местом укрепленного поселения, ставшего городищем. Окрестности Ольгиной горы, составлявшие округу Выбут, в конце IX–X вв. были плотно заселены.

Вполне вероятно, что разгневанная Ольга отослала Малушу из княжеской резиденции в Вышгороде в свою родовую резиденцию в Выбутово. В корневом отношении *Выбутово* весьма близко по названию с летописным *Будутином*, местом, где родился Владимир Святославович.

В толковании сути этнонимов Выбутово — Будутино явна их топонимическая близость с названием находящегося неподалеку Изборска.

В основе топонима Изборск («город у реки Иссы» — *Isuborg*) лежит корневое основание *borg,* т. е. крепость. По данным археологии, Изборск с Выбутово — Будутино роднит укрепление их стен известковыми плитами местного происхождения.

Детство, юность

По сути, в детстве Владимир жил без матери и отца. Разгневанная княгиня Ольга изгнала прочь мать Владимира Малушу. 18-летний отец Владимира Святослав жил в дружинной среде, готовясь к походу в Приволжье. С 964 г. Святослав на долгие годы покинул Русь, лишь эпизодически появляясь на киевских землях. Владимир находился под присмотром и попечением своей бабки княгини Ольги.

Источником, дающим некоторые сведения об отношениях юного Владимира и Ольги, являются скандинавские саги. Владимир Святославович выступает в них под именем Вальдемар (Вальдимар, Вальдамар).

«Большая сага», в частности, повествует о престарелой княгине-пророчице, которая каждый вечер, перед ужином, когда ее приносили в кресле слуги, сидя перед Вальдамаром, толковала ему об угрозах, немирье, опасностях и покушеньях на дела государства. Как-то вечером княгиня-пророчица предрекла Вальдамару, что уже в этом году рядом с ним появится сын норвежского конунга, который не причинит никакого вреда Руси, напротив, он будет весьма полезен Вальдамару [24, с. 18].

В «Большой саге» в образе княгини-пророчицы выступает преклонного возраста мать Вальдамара. Ряд исследователей полагает, что в действительности речь идет о княгине Ольге [24, с. 20].

По летописям, действительно, в жизни Ольги большую роль играли пророчества и умыслы. В *Типографской летописи* (конец XV в.) и *Пискаревском летописце* сообщается, что Ольга была дочерью Вещего Олега: «Нѣцыи же глаголють, яко Олгова дчи бѣ Олга» [108, с. 9].

Вещий означает предвидящий будущее, пророчествующий. По церковному преданию, Ольга, подобно киевскому предвидению апостола Андрея, предвестила Пскову славное будущее: «На месте сем будет церковь Святой и Неразделимой Троицы и град велик»[4]. Хитроумная Ольга вероломным образом казнила послов древлян, затем,

4 Предание об основании Пскова Ольгой возникло в XVI веке в Псковской редакции Жития св. Ольги Василия-Варлаама. — Авт.

используя птиц, «умыслі» сжечь древлянский град Искоростень. По летописцу, в 955 г. Ольга, при крещении, «переклюкала» императора Византии Константина, предложившего ей стать его «дополнительной» женой: «хошю тя пояти собѣ женѣ» [64, с. 60].

Сильнейшим впечатлением восьмилетнего Владимира стала осада Киева в 968 г. печенегами. По летописцу: «затворися Волга с унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша [Печенѣзи] градъ в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладом и водою» [64, с. 64].

По данным археологии, в середине X века, за исключением насыпных валов и рвов, Киев не имел укреплений, и взятие его печенегами «в силѣ велицѣ, бещислено множьство» было отнюдь не таким сложным делом.

Ясно, что речь идет не о летописном Киеве, а о Вышгороде, о крепости резиденции Ольги. Ее строили порабощенные древляне, знающие толк в обустройстве крепостей. Известно, что норманны в 946 г., после длительной осады, так и не смогли взять столицу древлян город Искоростень, по причине его неприступности. Тогда, город-крепость они сожгли вместе с жителями.

По летописцу, Святослав, узнав о бедствиях печенежской осады на киевских землях: «вборзѣ всѣ на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, с съжалися о бывшемъ отъ Печенѣг; и собра вои, и прогна Печенѣги в поли, и бысть миръ» [64, с. 66]. Это один из немногих летописных эпизодов, когда Святослав выступает в роли отца, нежно любящего своих детей и заботящегося о них.

В 969 г. престарелая и больная княгиня Ольга, заменившая мать Владимиру, скончалась. Летописец скорбно и проникновенно пишет: «По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея и людье вси плачемъ великомь» [64, с. 66].

В 970 г. Святослав перед походом в Болгарию поделил русские земли между сыновьями: Ярополку отошли киевские земли, Олегу — древлянские, Владимиру — новгородские[5]. Через два года, возвращаясь из болгарского похода, Святослав погиб в бою с печенегами на днепровских порогах.

Детство Владимира окончилось, двенадатилетний ребенок остался один, без любящих его княгини Ольги, отца и матери, которой он вообще не знал. Сводные по отцу братья Владимира Ярополк и Олег

5 Приложение. О разделе Русской земли между сыновьями Святослава.

чурались сына низменной славянки Малуши. Суровый и беспощадный мир окружал юного отрока Владимира.

Единственно, на кого мог положиться Владимир, так это на своего дядю, новгородского посадника Добрыню, имя которого

в этом плане весьма красноречиво. Изгнание княгиней Ольгой матери Владимира Малуши заставило ее брата Добрыню некоторое время быть на втором плане политической жизни Руси.

Ситуация кардинально изменилась со смертью княгини Ольги. Летописец образно сообщает, что, прознав о «посажении» Святославом на землях Руси на княжение сыновей, в Киев явилась депутация новгородского *людье* «просяше князя собѣ», угрожавшая Святославу, что в случае чего, они сами найдут князя [64, с. 67–68]. М. В. Ломоносов по этому поводу замечает, что новгородцы «били челомЪ, соединивЪ прошеніе сЪ республичною грубостію» [70, с. 84]. Ярополк и Олег благоразумно *отпрѣся* (отказались) от новгородского княжения, не желая менять благодатное Поднепровье на суровый северо-запад.

Странным выглядит этот «отказ» Ярополка и Олега от новгородского княжения, ведь им тогда было около 10 лет. И какое понятие о Новгороде и о княжении в городе они могли иметь в таком возрасте? Да и вообще, как могут дети, наравне с взрослыми, «делить» Русскую землю между собой? Случай для времен традиционного язычества совершенно невозможный.

По летописцу, именно посадник Добрыня подбивал новгородское «людье» требовать на княжение юного Владимира, с чем Святослав и согласился[6].

По существу, древние новгородцы, выходя из лона демократии родоплеменных отношений, при посаднике Добрыне в князе-ребенке Владимире не нуждались. Исторически князь для новгородцев, прежде всего, выступал в роли наемного за «корм» толкового руководителя войска, но ни главой города, таким должностным лицом в Новгороде являлся выборный посадник. Но посажение Владимира на новгородское княжение было весьма выгодно Добрыне, который, прикрываясь княжескими полномочиями своего племянника, мог успешнее вершить свои дела.

Немаловажен вопрос и о том, почему именно Добрыня, славянин-кривич родом из Любеча, был так любим новгородцами, что они

6 Илюстрации: Рис. 1. Раздел Русской земли Святославом. Добрыня с князем Владимиром отбывает в Новгород. Судя по миниатюре Радзивиловской летописи, Владимир отбывает не в сам Новгород, а, как это было в действительности, в крепость Рюрикова городища. — Авт.

сделали его своим посадником? Судя по всему, прежде всего из торгово-экономических соображений. Новгород не имел прямых водных путей с Киевской Русью. Из Новгорода товары шли кратчайшим сухопутным путем к Пскову, затем через Изборск выходили в верховья Днепра в районе Любеча и Гнездова (Смоленска). В Любече, известном своими корабельными верфями, новгородские товары перегружались на ладьи и по Днепру шли к Киеву, а затем в северное Причерноморье к греческому Херсонесу. Таким образом, для новгородцев экономически было важно иметь своих людей из Любеча, таким человеком и был Добрыня.

К тому времени все более очевидными становились нарастающие экономические и политические противоречия между Новгородом и централизованной Киевской Русью. С момента возникновения новгородского государства и до его трагического конца, Новгород находился под прессом все более нарастающих притязаний со стороны Великих киевских, владимиро-суздальских и московских Князей.

Святослав, уходя на княжение на «середу земли своей» в Переславль на Дунае, назвал основные экономические блага Руси: «скора (меха), воскъ, медъ и челядь (рабы)» [64, с. 66]. Таковыми именно и были материальные блага новгородской земли.

По летописцу, еще в 882 г. Олег-правитель, уходя на киевское княжение, определил новгородцам платить дань в 300 гривен за год [64, с. 23]. Поскольку по данным археологии Новгород во времена Олега как город еще не существовал, то под данью в 300 гривен за год можно понимать совокупную дань со всех народов северо-запада (словен, чуди, куршей, эстов и др.), порабощенных тогда норманнскими конунгами.

В середине X века отношения между княжеской Киевской Русью и новгородцами серьезно обострились. Княгиня Ольга после погрома древлян, опираясь на дружину норманнов, ввела новые порядки (уставы и уроки) по сбору налогов, захватывая себе земельную собственность, по летописцу, «суть становища еѣ и ловища (охотничья угодья)». В 947 г. «иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли» [64, с. 58–59]. Оправдывая действия княгини Ольги, М. В. Ломоносов считал, что в этих местах «безпорядочные Чудские жители худымЪ домостроительствомЪ бѣдную жизнь препровождали» [70, с. 79].

Установление Ольгой погостов (мест для сбора даней) на коренных новгородских землях и захват охотничьих угодий по Мсте и Луге ущемляли права земельной собственности новгородской родовой знати, вызывая ее недовольство и сопротивление притязаниям княжеской киевской власти. Вполне вероятно, что изгнание княгиней Ольгой

Малуши — сестры новгородского посадника Добрыни, стало отзвуком серьезных противоречий между Киевом и Новгородом тех лет.

В такую непростую политическую атмосферу попал юный Владимир. Призвавшие его в 970 г. на княжение новгородцы не без основания рассчитывали, что Владимир, как и его отец Святослав, породнится с ними.

В это сложное для Владимира время сбылось пророчество княгини Ольги, что вскоре рядом с ним появится молодой и полезный друг. Речь идет о скандинавских сагах, известных в отечественной историографии еще со времен М. В. Ломоносова [70, с. 103–104] и князя М. М. Щербатова [122, с. 252–253]. Саги рассказывают о том, как будущий король Норвегии Олаф I Трюггвасон (ок. 963–1000) провел детство и юность в Хольмгарде (Новгороде).

Мать Олафа, Астрид, бежала от убийц мужа в Новгород к конунгу Вальдемару, у которого служил ее брат Сигурд, но по дороге она с ребенком была захвачена разбойниками в Эстонии (Эйстланд). Сигурд, собирая налоги в Эстонии по повелению Вальдемара, в 972 г. случайно встретил девятилетнего Олафа и выкупил его из рабства за большие деньги (9 марок золотом) [24, с. 20–25].

Знатный Олаф, будучи младше Владимира на 3 года, жил под его покровительством. Попав на Русь в девятилетнем возрасте Олаф, прожил здесь еще девять лет.

Известие «Саги об Олаве Трюггвасоне» о сборе дани русским новгородским князем Владимиром на прибалтийских землях Эстонии (Эйстланда) подтверждается данными *молекулярной палеоантропологии Европы* и археологическими раскопками ареала Чудского озера. Именно здесь находится один из этнических кластеров скандинавской гаплогруппы N1c1d1 рода руси Рюриковичей.

В этой связи, вопрос, проживал ли постоянно в Новгороде юный Владимир, отнюдь не ясен. Новгород как город только зарождался, древнейшая новгородская мостовая датируется 953 г. Не обнаружено никаких следов самой княжеской резиденции. Количество найденных в городе варяжских артефактов, относящихся к IX –X вв. крайне мало.

В то же самое время Псковский регион насыщен археологическими артефактами варяжской древности. Огромный клад арабских и скандинавских монет IX–XI вв. найден в 1891 г. близ деревни Демшино. Распространенность скандинавских топонимов в Псковской области наибольшая — 13 названий на 10 тыс. кв. км, в то время как в Новгородской области — 5 названий, а в Ленинградской области — 3 названия [69, с. 104].

Анализ летописных источников, как и скандинавских саг, позволяет предположить, что юный князь Владимир, судя по всему, преимущественно проживал на псковской земле в Выбутово-Будутино по месту своего рождения в родовой резиденции княгини Ольги. Не случайно, что наместник Владимира Сигурд собирал налоги на прибалтийских землях Эстонии (Эйстланда), приграничных с псковскими землями.

Хитроумные новгородцы предоставили Владимиру право собирать обильные дани в ареале Чудского озера, оставив за собой возможность собирать дани на своей земле, в том числе с Ольгиных становищ и ловищ по Луге и Мсте.

Взрослея и мужая, юный князь Владимир от номинального новгородского княжения постепенно вовлекался в гущу внутренних событий жизни непосредственно уже самого Новгорода.

Одно из громких дел той поры связано с событиями убийства в Новгороде некоего человека по имени Клеркон. Убийцей был Олав, живший под покровительством князя Владимира. В «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, в частности, сообщается, как случайно на улице Олав в Клерконе опознал своего недруга, того, кто убил 6 лет назад его воспитателя у него на глазах, а затем продал его самого в неволю и рабство. Олав обратился к своему дяде Сигурду, и они решили, по родовому обычаю кровной мести, убить Клеркона. У Сигурда под рукой был отряд норманнов. Поймав Клеркона на новгородском торгу, его вывели за город, где 9-летний Олав отрубил Клеркону голову большим широким топором[7] [24, с. 30–31].

Опасаясь возмездия за самоуправство, Сигурд и Олав обратились к князю Владимиру за защитой. В Новгороде в то время по родовому закону следовало убивать всякого, кто убьет не осужденного человека.

Новгородцы, прознав о случившемся, бросились за убийцей Олавом и толпой вломились в княжеские покои. Им навстречу выступили вооруженные люди Сигурда и княжеская дружина Владимира. Обстановка накалилась до предела. Князь Владимир, спасая от казни Олава, благоразумно решает выплатить виру (денежный выкуп) родственникам и общине убитого Клеркона. В этом эпизоде Владимир выступает с княжескими полномочиями судебной власти, решая заменить казнь убийце денежным штрафом.

Комментируя картину убийства Олавом топором Клеркона, автор «Саги об Олаве Трюггвасоне» монах Одд одобрительно отмечает: «это считается славным ударом для такого юного человека» [24, с. 31]. Судя

7 Речь идет о боевой секире, которой искусно владели норманны. — Авт.

по всему, также считал и князь Владимир, взявший после этого случая Олава в свою дружину.

Весьма интересно упоминание в «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда о проведении вече (*тинга* по древнескандинавски) в Новгороде. Вече было многолюдным и длилось несколько дней, помимо местных жителей, на нем присутствовал княжеский двор.

Упоминание о новгородском вече времен князя Владимира относится к древнейшей истории Новгорода. Характер проведения вече рисует картину управления делами города, где княжеская власть органически вписывалась в исконно родовое общественное самоуправление древних новгородцев.

К новгородскому периоду возмужавшего князя Владимира относятся сведения о начале его семейной жизни. По «Саге об Олаве сыне Трюггви», жену князя Владимира звали Аллогия,

по Татищеву — норвежская княжна Олава. Древнерусским источникам Аллогия неизвестна. От брака Владимира с Аллогией был рожден сын Вышеслав. Умер после 1010 г. в Новгороде.

В «Саге об Олаве Трюггвасоне» Аллогия характеризуется как умнейшая из всех женщин, славная и знаменитая княгиня, умеющая красиво говорить, выступающая в роли прорицательницы, которая знала о многом [24, с. 36].

Брак с Аллогией стал прологом цепи многочисленных политических браков в жизни князя Владимира. В истории Древней Руси первым политическим браком был брак Рюрика с Ефандой, дочерью урманского (норвежского) князя из Ингрии [72, с. 124–125]. С помощью политических браков древнерусские князья укрепляли свою власть и приобретали новых союзников.

Брак князя Владимира с Аллогией был взаимовыгодным. В сагах Аллогия выступает как знатная княгиня, весьма обеспеченная, имеющая свой двор и вооруженную охрану (дружину), не меньшую, чем у мужа. Аллогия убедила князя Владимира созвать новгородское вече, на котором распоряжалась и выступала, как ей было нужно, по своему усмотрению.

По древнескандинавским сагам, Аллогия была знатной норвежкой. Имя Аллогия в символически образной форме говорит о происхождении (роде) княжны и о месте ее рождения[8].

8 Имя, фамилия, прозвище могут нести исторические сведения об этнических, географических, личностных особенностях их носителей, а также содержать вышедшие из употребления лингвистические анахронизмы. — Авт.

Большинство историков в толковании имени Аллогии усматривают прямую связь с именем княжны Ольги, которая, по некоторым летописям, была дочерью Олега-правителя. В летописях и древнескандинавских сагах Олег, Ольга и Аллогия характеризуются с единой точки зрения ведовства, знаний и ума[9]. Олег известен как Вещий, Ольга как хитроумная, Аллогия как прорицательная. Из корневого сходства имен Олег-Ольга-Аллогия следует, что, судя по всему, Аллогия была из рода Олега.

В имени Аллогия присутствует второе корневое основание, говорящее о месте ее рождения. Речь идет об одном из древнейших городов северо-запада Руси — Ладоге, название которой в древнескандинавской транскрипции звучит как *Aldagen* или *Aldeigjuborg*[10]. В этом плане имя Аллогия символически образно говорит о ней как о ладожанке знатного рода Олега.

Если это так, то становится очевидным политический и династический смыслы брака новгородского князя Владимира с Аллогией — знатной норвежкой из Ладоги.

Ареал господства и влияния князя Владимира стал весьма обширным, простираясь от ладожского Приволховья до восточных берегов Чудского озера. Опора на норвежскую знать в лице жены Аллогии и Олава Трюггвасона, в будущем помогут Владимиру не только уцелеть в княжеском межусобье, но и, в конечном счете, стать Великим Князем Киевской Руси.

Княжение в Киеве Ярополка (975–977 гг.)

После гибели Святослава в 972 г. в Киеве царила неуверенность и растерянность. В это время в городе появился соратник Святослава Свенельд, которому удалось с большим трудом пробиться на конях к Киеву.

Бросив Святослава на растерзание печенегам в «Бѣлобережьи», воевода Свенельд прекрасно понимал, что одиннадцатилетний киевский князь Ярополк будет игрушкой в его руках: «всегда яко младенец

9 Корневой основой имен Олег–Ольга–Аллогия являются согласные «л–г» как сокращенный символ понятия «логос» в смысле ума, знаний, предусмотрительности, интеллектуальной исключительности. — Авт.

10 Известно, что Старая Ладога была родовой резиденцией Олега. Он построил первые каменные укрепления города, здесь жила его семья, здесь его видели последний раз живым. Неподалеку от Ладоги, по преданию, прах Олега покоится в недрах внушительного кургана. — Авт.

предан под власть своим Вельможам» [122, с. 238]. Вскоре, таким образом, в Киеве установилось регентское правление Свенельда при малолетнем Ярополке.

Свенельд со времен Игоря был киевским воеводой и имел право на сбор дани. У Свенельда была личная дружина, ему беспрекословно подчинялись киевские варяжские наемники.

Свенельд — исключительный феномен в древнерусской истории, он фигурировал в летописях на протяжении 50 лет, с 922 по 972 гг., по сути, являя собой некий собирательный образ реальной зависимости первых киевских князей Руси от воинской элиты дружин норманнов. Свенельд оставался первым воеводой при четырех правителях Киевской Руси, будучи косвенно замешанным в обстоятельствах гибели князей Игоря, Святослава и древлянского Олега.

В 975 г. сын Свенельда Лют, самовольно вторгся в охотничьи угодья древлянского князя Олега, где был тут же убит по княжескому распоряжению[11]. По своим мотивам убийство Люта имело причину в нарушении прав собственности или было связанно с вероятными обстоятельствами кровной мести.

Возможно, Лют, будучи сыном Свенельда, имел некое исконное право быть в древлянских владениях Олега. Так, по сообщению Новгородской летописи по Синодальному списку, еще в 942 г. Игорь Рюрикович «въдасть дань Деревьскую Свѣнделду» [77, с. 8], так же, как до этого в 940 г. Игорь поручил Свенельду собирать дань с Уличей.

Лют открыто вторгся на охотничьи угодья древлянского князя Олега, по Ипатьевской летописи это выглядело следующим образом: «Ловы дѣющю Свѣньгельдичю, именемъ Лотъ, и (с) шедъ бо изъ Киева гна по звѣри в лѣсѣ» [63, с. 49].

А. Ю. Карпов пишет по этому поводу: «Охота на зверя была исконно княжеским занятием. Лют, следовательно, ставил себя в княжеское достоинство, вел себя как равный Олегу» [44, с. 80]. Летописец особо отмечает, что в начале конфликта Олег, узрев нарушителя, осведомился о его личности. Узнав, что это отпрыск «Свѣналдичу», его тут же убили [64, с. 72–73]. По мнению новгородской летописи, Люта убили поскольку «бѣ бо ловы дѣя Олегъ» [77, с. 25].

С точки зрения обстоятельств кровной мести, Лют ответил своей жизнью за предательство его отца Свенельда, за отрубленную печенегами голову Святослава, отца Олега: «мы знаем, каким бесчестием покрывался дружинник, оставивший своего вождя в битве, переживший

11 Иллюстрации: Рис. 2. Убийство Люта слугами древлянского князя Олега.

его и отдавший тело его на поругание врагам» [102, с. 160]. Свенельд для древлянского князя Олега был именно таким человеком.

Убийство Люта по мотивам кровной мести весьма схоже с убийством Клеркона Олавом Трюггвасоном на новгородском торгу. Эти, не связанные между собой, события имели место примерно в одно время и, судя по всему, были весьма характерны для обычаев родового строя.

Ярополк, в отличие от Олега, был определенно зависимым от Свенельда, который воспитывал его как дядька. Летописец пишет, что Свенельд, желая отомстить за убийство Люта, напирая на властное честолюбие Ярополка, стал его подговаривать: «поиди на братъ свой и прими волость его» [64, с. 73].

Ярополк не хотел впадать в распри с братом Олегом из-за убийства Люта, но и не желал ссоры со Свенельдом. Ярополк медлил, надеясь, что со временем все как-то уладится. Однако Свенельд не унимался в течение двух лет, донимая своими кознями Ярополка.

По мнению летописца, Ярополк из-за убийства Люта стал ненавидеть Олега[12] и в 977 г. пошел на него войной, желая забрать себе его «волость», т. е. древлянское княжение. В битве при городе Овруч Олег погиб, в панике раздавленный телами своих же бегущих и погибающих воинов[13].

Судя по всему, Ярополк хотел захватить княжение Олега, изгнать его, но никак не убивать. После длительных поисков «отъ утра и до полудне» мертвое тело Олега было найдено и положено на ковер. По летописцу, Ярополк, найдя мертвого брата, горько плакал над ним, и велел похоронить его с подобающими почестями. Летописец сам видел могилу Олега «до сего дне» у города Вручего.

По картине гибели Олега и отношению к этому Ярополка можно предположить, что они были родными братьями, детьми неизвестной нам по имени первой жены Святослава.

Кончина Олега произвела гнетущее впечатление, как на Ярополка, так и на варягов вообще, чтящих патриархальные обычаи родового права. Свенельд снова оказался замешанным в обстоятельствах гибели норманнской княжеской знати рода Руси. Ярополк, стоя над мертвым Олегом, «рече Свенелду: вижь, сего ты еси хотѣл?» [64, с. 73]. После чего престарелый Свенельд был навсегда изгнан с русской земли, его место занял новый киевский воевода Блуд.

12 Как показали дальнейшие события битвы при Овруче, летописец был не прав, считая причиной войны мнимую ненависть Ярополка к Олегу. — Авт.

13 Иллюстрации: Рис. 3. Гибель древлянского князя Олега в битве с Ярополком.

Вскоре слабохарактерный Ярополк, как и в случае со Свенельдом, подпал под роковое влияние Блуда. М. М. Щербатов пишет о Ярополке: «вЪ немЪ не было ни сего мужества, ни сей твердости, ни мудрости в дѣлахЪ» [122, с. 238].

Ярополк, по летописцу, «прия власть», т. е. обрел княжеское единовластие в Поднепровье. О княжении Ярополка сообщает поздняя Патриаршая (Никоновская) летопись XVI века. В ней пишется об удачном походе Ярополка на печенегов в 978 г. Печенеги стали платить дань Киеву, а печенежский князь Илдей вскоре бил челом Ярополку, просясь на службу [106, кн. 2, с. 56].

В те времена вопрос о взаимоотношениях с кочевыми народами Великой Степи был одним из ключевых в политической жизни Киевской Руси. По летописцу, печенеги впервые объявились близ границ русской земли в 915 г.

Киевский Князь Игорь Рюрикович по отношению к печенегам вел дальновидную миролюбивую политику. По летописцу, Игорь «сотворивше миръ», направил печенежскую орду в сторону дунайского Причерноморья, что дало возможность Киевской Руси на многие десятилетия обезопасить свои южные границы от набегов кочевых орд.

Помимо печенегов, в том же 979 г. пришли к Ярополку послы от греческого царя. В. Н. Татищев пишет, что греки обещали соблюдать «мирЪ и любовь на прежнихЪ договорахЪ, обѣщеваяся погодную дань платить, а ЯрополкЪ обѣщался на ГрекЪ, болгарЪ и КорсунЪ не воевать, и в потребности ГрекамЪ со всемЪ войском помогать» [106, кн. 2, с. 56]. Тогда же «пріидоша послы къ Ярополку изъ Рима отъ папы» [62, с. 39]. Таким образом, подобно княгине Ольге, Ярополк наладил дружественные связи одновременно с православной Византией и католическим Римом[14].

Достоверных сведений, что Ярополк был религиозно склонен к христианству, нет. Вероятно, Ярополк, прежде всего, ценил в христианстве культуру и образованность, в сравнении с язычеством.

Миролюбием отличалась внешняя политика Ярополка и по отношению к своим ближайшим соседям — княжениям норманнов в Полоцке на Западной Двине и в Турове на Припяти.

Полоцкое княжение в те времена было одним из значительных на славянских землях восточной Европы. По летописцу, в то время в Полоцке княжил знатный варяжский конунг Рогволод,

14 Приложение. О русском посольстве 973 г. к германскому императору Оттону I в Кведлинбург.

который «пришелъ изъ заморья»[15]. Полоцкое княжение, расположенное по Западной Двине, впадающей в Балтику, экономически имело весьма выгодное положение.

Непосредственно к Полоцкому княжению примыкал Туров на реке Припяти как политический, экономический и культурный центр славян дреговичей[16]. С юга Туровская земля граничила с древлянским Поднепровьем.

Под 980 г. летописец сообщает, что название Туровской земли возникло от имени князя Туры [64, с. 74], который вместе с полоцким князем Рогволодом «пришелъ изъ заморья». По устюжско-вологодским летописям, Рогволод и Тур были братьями: «Рогволод пришел из-за морья, а брать его Тыры имяше Тиров» [110, с. 61].

Будучи женатым по воле отца Святослава на греческой чернице (монашке), Ярополк решил заключить династический союз с полоцким Рогволодом, путем сватовства к его дочери Рогнеде. Многоженство, общепринятое в то время среди язычников, князя Ярополка отнюдь не смущало.

Брак с Рогнедой сулил блестящие геополитические перспективы для обеих сторон, знаменуя собой становление мощного союза норманнских княжений в центре земель восточных славян от Причерноморья до берегов Балтики, по становому хребту магистральных рек: Днепр — Припять — Западная Двина.

Рогволод и Рогнеда

Судя по всему, Рогнеда ответила согласием на брак с Ярополком. В русской историографии по этому поводу, начиная с Нестора, существует устойчивое мнение, что Рогнеда была сговоренной невестой Ярополка[17].

С целью расширения и упрочения своего единовластия на Руси, Ярополк послал наместников в Новгород при

15 Имеется в виду Балтийское море, от которого путь по Западной Двине до Полоцка около 350 км. — Авт.

16 Вероятно, что название происходит от древнерусского слова дрегва (дрягва), что значит «болото», по-белорус. дрыгва «трясина». — Авт.

17 Летописец сообщает, что когда в 980 г. Владимир готовился напасть на Полоцк: «В сеже время [хотяху] Рогънѣдь вести за Ярополка» [64, с. 74]; «[Рогволд] имел прелестную дочь Рогнеду, сговоренную за Ярополка» [42, т. I, гл. VIII, с. 71]; «Дочь этого Рогволда была сговорена за Ярополка» [102, с. 163].

сильной вооруженной охране. Если княгиня Ольга в свое время покушалась на права земельной собственности в окрестностях Новгорода, то Ярополк решил полностью подчинить новгородцев верховному княжескому Киеву.

Судя по всему, в это время новгородский князь Владимир не имел сильной дружины под своей рукой[18] и, по летописцу, «убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси» [64, с. 74].

Война Ярополка и Владимира (980 г.)

Летописец конкретно не знал, куда ушел из Новгорода Владимир, поэтому ограничился неопределенным географическим направлением: «за море». По летописцу, сходным образом, по обстоятельствам исторической неопределенности, общеплеменное ладожское «посольство» в 862 г. отправилось *за море* с целью «поищемъ сами в собѣ князя» [63, с. 11].

В традиционной и современной российской историографии под понятием *моря*, куда «бѣжа» Владимир, принято разуметь Балтийское море, тем самым предполагается, что Владимир бежал в одну из стран Скандинавии. В частности, по мнению Н. И. Костомарова, Владимир «убежал в Швецию» [54, с. 7].

Спрашивается, куда именно? Швеция тех времен не обладала единой государственностью, это была эпоха викингов, эпоха кровавых феодальных межусобиц. Возникновение Швеции как единого феодального государства относится к времени правления короля Улофа Шеткунга (около 1000 г.) [3, с. 43]. Из известных более или менее крупных шведских поселений тех времен можно упомянуть торговые Бирку и Готланд. Феодальная знать в них реально не жила, как местная, так и пришлая.

Составители Википедии придерживаются версии бегства князя Владимира в Норвегию к правящему тогда ярлу Хакону Могучему[19]. С политической точки зрения такое предположение не совсем очевидно.

---

18 В те времена сила княжеской дружины определялась наличием в ней варяжских наемников. Побеждал тот князь, у кого варягов было больше. Содержание наемников стоило больших денег. По экономическому и военному могуществу Ярополк превосходил Владимира. — Авт.

19 Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Владимир_Святославич; https://ru.wikipedia.org/wiki/Хакон_Могучий.

Князь Владимир бежал из Новгорода не один, но с семьей, родственниками[20] и дружиной. Предводителем дружины Владимира в то время был Олав Трюггвасон — прямой династический конкурент ярла Хакона Могучего[21].

Решая вопрос за какое «море» бежал князь Владимир, следует иметь в виду, что Ладожское озеро в летописях называлось *морем*. По мнению В. Н. Татищева, под призванием варягов из-за моря «разумеется Ладожское озеро» [106, кн.1, с. 361, прим.45]. «Ладожское озеро <…> может рассматриваться как внутреннее море <…> как звено водной системы, соединяющей Балтийское море с бассейном Волги и Белым морем» [56, с. 63].

Если придерживаться версии о том, что жена Владимира Аллогия была знатной ладожанкой, то, судя по всему, Владимир «бѣжа за море» через Ладогу. Уход в низовья Волхова к Ладоге — самое удобное направление в случае бегства из Новгорода.

Остался ли Владимир в Ладоге или ушел дальше «за море» однозначно решить сложно. При желании Владимир мог остаться в Ладоге. Ладога в то время была вольным городом, где мирно уживались славяне, финны и норманны. Ладога была хорошо укреплена, со времен Олега-правителя обзаведясь каменной крепостной стеной со сторожевой башней. Для сравнения, в то время ни Киев, ни Новгород не имели каменных крепостных сооружений.

Если Владимир «бѣжа за море», имея в виду окрестности Ладожского озера, то наиболее вероятным местом его пристанища мог быть район Белоозера. Именно из этих мест, судя по всему, явился в 862 г. Рюрик с братьями рода Руси. Белоозеро наиболее возможное место расположения ставки легендарного chacanus народа *Rhos* [72, с. 67–68, 93, 116, 123].

Исторически не столь важно, за какое «море» бежал князь Владимир и где он нашел пристанище со своей многочисленной свитой. В этом плане Н. М. Карамзин совершенно прав, считая, что Владимир «бежал за море к варягам <…> на земли древнего отечества своих предков», не уточняя, где именно он был «в земле варяжской» [42, с. 70–71].

Владимира не было на Руси два года и, судя по всему, исходя из той цели, которую себе поставил, он объездил весь ареал Ладожского озера и был в странах Скандинавии.

---

20 По мнению Н. И. Костомарова, Владимир бежал со своим дядей Добрыней [54, с. 7].

21 Олав впоследствии свергнет Хакона Могучего, став в 995 г. повелителем Норвегии. — Авт.

Цель, которую поставил перед собой Владимир, была не просто вернуть себе новгородское княжение, но и стать единовластным Князем всей Руси. Решая эту задачу, Владимир, естественно, озаботился усилением своей дружины.

Княжеские дружины в те времена были небольшими, поскольку содержание наемников стоило весьма дорого. О численности варяжских дружин можно судить по древнескандинавским сагам. В одной из них сообщается, что знатный конунг *Торольв* (ок. 858–928) «зимой поехал в горы, взяв с собой большую дружину — не меньше 90 человек <…> Когда Торольв приехал на восток в страну квенов и встретился с конунгом *Фаравидом,* они стали собираться в поход. У Фаравида было тридцать дюжин своих воинов, а норвежцев было десять дюжин» [27, т. V, с. 205–206].

Варяжские дружинники

Два года понадобилось Владимиру, чтобы усилить дружину: «собрать многих варягов под свои знамена» [42, с. 71]. В 980 г. Владимир захватил Новгород, восстановив в нем свою княжескую власть и новгородские порядки вечевого посадника Добрыни.

В духе рыцарских правил Святослава, который «посылаше къ странамъ, глаголя: «хочю на вы ити», Владимир отсылает в Киев бывших новгородских наместников Ярополка со словами: «идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимер ти идеть на тя, пристраивайся противу биться» [64, с. 74].

Как показали дальнейшие события, с военно-стратегической стороны Владимир исходил из хорошо продуманного им плана действий по захвату княжеской власти в Киеве.

В возникшей ситуации князю Владимиру держать при себе несколько сот варягов длительное время было совсем не просто: «варягов надобно было употребить в дело, отпустить их ни с чем было невыгодно и опасно, оставить их у себя в Новгороде было еще невыгоднее и опаснее <…> [В борьбе с Ярополком Владимиру] важно было приобрести себе союзника во владетеле полоцком» [102, с. 163].

Владимир понимал, что двигаться в сторону Киева, оставляя у себя в тылу полоцкое княжение Рогволода, было неразумно и опасно. Чтобы склонить Рогволода на свою сторону в борьбе с Ярополком, Владимир решил породниться с ним, взяв его дочь Рогнеду в жены: «хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ» [64, с. 74]. Многоженство язычника князя Владимира, как и киевского Ярополка, отнюдь не смущало, это было тогда нормой.

Князь Владимир имел определенные основания и надеялся добиться руки Рогнеды. По С. М. Соловьеву, Рогволод, получив брачное предложение от Владимира, впал в затруднительное раздумье и отдал дело на решение дочери [102, с. 163]. В те времена женская знать норманнов имела серьезный личный статус.

Совершенно неожиданно для Владимира, он получил категорический отказ от Рогнеды. По Н. М. Карамзину, Владимир «готовясь отнять державу у брата, хотел лишить его и невесты и чрез послов требовал ее руки, но Рогнеда, верная Ярополку (отказала ему)» [42, с. 71–72]. При этом, отказ Рогнеды имел кровно унизительную для Владимира мотивировку: «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю» [42, с. 74]. Рогнеда ясно дала понять, что не желает быть женой князя Владимира, по причине его низкого происхождения, как полуславянина, сына рабыни (робичича), но хочет быть женой Князя Руси Ярополка.

По летописцу, от новгородского княжения в 970 г. отказались Ярополк и Олег, а в 980 г. быть женой новгородского князя Владимира отказалась Рогнеда, т. е. новгородское княжение в то время не представляло особого интереса для правящей норманнской знати. И действительно, по данным археологии, Новгород как город в это время только зарождался.

По Троицкой летописи XV века, в обстоятельствах столь злополучного сватовства Владимира главную роль сыграл его дядя новгородский посадник Добрыня: «а Володимеру сущу Новегороде, *детьску* сущю еще и погану, и бе у него Добрыня воевода, храбор, и наряден мужъ и съ посла к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера <…> Слышавше же Володимер, разгневася о той речи, оже рече: «Не хочю за робичича», пожалися Добрыня и исполнися ярости <…> и Добрыня поноси ему (Рогволоду) и дщерь его, нарек ей робичица, и повеле Владимиру быть с нею пред отцом ея и матерью»[22]. Историк А. Ю. Карпов пишет по этому поводу: «Обесчестить дочь на глазах родителей и затем хладнокровно умертвить их — это изощренное злодейство» [44, с. 92].

По существу, картина сватовства князя Владимира и роли в этом деле Добрыни в Троицкой летописи явно вымышлены. По определению,

22 «Владимир был в Новгороде, он был еще ребенок, вдобавок еще и поганый (язычник — Авт.), и был у него Добрыня воевода, храбрый и нарядный муж, и послал он к Рогволоду просить у него дочь за Владимира <…> Услышав отказ от Рогнеды, Владимир разгневался, особенно от ее слов «Не хочю за робичича», растроился и Добрыня и исполнился ярости <…> Стал Добрыня поносить Владимиру дочь Рогволда и предопределил ей стать самой рабыней и повелел Владимиру Рогнеду изнасиловать (быть с ней) прямо на глазах у ее отца и матери» [59, с. 131].

ребенок не может быть «поганым» язычником. В 980 г. Владимир сватался не ребенком (детьск*у* сущю), но двадцатилетним молодым человеком. Добрыня был не воеводой[23], но выборным[24] новгородским посадником, лицом гражданским, но не военным. Добрыня отправить посла Рогволоду не мог, ведь это был бы посланник от низменного славянина. Для норманнов славяне были рабами, говорящим скотом.

Посол от славянина еще более унизил бы статус князя Владимира, которому именно и отказали по причине его низкого полуславянского происхождения. Летописное утверждение о том, что Добрыня повелевал Владимиру, совершенно нелепо.

Как это ни странно, но С. М. Соловьев посчитал измышления Троицкой летописи правдивыми, прибавив к ним собственные фантазии. По его мнению, Добрыня сватал Рогнеду за Владимира и «после гордого отказа полоцкой княжны повел (?) племянника и войско (?) против Рогволода, позором отомстил Рогнеде за ее презрительный отзыв о матери Владимира (сестре Добрыни), убил (?! — Авт.) ее отца и братьев» [102, с. 163].

Комментируя обстоятельства сватовства князя Владимира и роли в этом деле Добрыни, С. М. Соловьев пускается в пространные и временами несуразные рассуждения. По его мнению, 20-летний Владимир был еще очень молод и не мог действовать во всем самостоятельно при жизни Добрыни, своего воспитателя и благодетеля, поскольку он именно ему был обязан новгородским княжением. Добрыню С. М. Соловьев характеризует как старика умного, деятельного, решительного и жестокого [102, с. 163]. Но этому «старику» тогда было лишь около 40 лет. Девять лет спустя «старик-Добрыня» вместе с воеводой Путятой и епископом Иоакимом Корсунянином по указанию киевского князя Владимира устроил погром в Новгороде, в ходе карательной акции насильственного крещения новгородцев, предав город «мечу и огню».

По сути, С. М. Соловьев декларирует регентскую власть Добрыни при новгородском князе Владимире, с чем согласиться нельзя. Регентская власть при князе Владимире, сыне норманнской крови

23 Воевода в прямом смысле слова означает «водитель воев (воинов)». Ясно,что речь идет не о княжеской дружине норманнов, а о новгородском ополчении. Во время князя Владимира Новгород как город еще лишь зарождался из трех разноплеменных поселений: чуди, меря и словен. В ту пору и по малочисленности населения, и по его разрозненности говорить о городском ополчении и его воеводе исторически неправомерно. — Авт.

24 Для эпохи Ивана Грозного выборность народом главы города была совершенной дикостью, поэтому услужливые летописатели определили Добрыне чин воеводы. — Авт.

Святослава, неизвестно где родившегося славянина Добрыни, ставшим на вече новгородским посадником, по определению и кровным законам родового права невероятна.

С этой же точки зрения кровных законов родового права, регентская власть Свенельда над братом Владимира киевским князем Ярополком была возможна и существовала на самом деле. Свенельд в кровном отношении был знатным норманном, сподвижником Игоря Рюриковича и воспитателем Святослава Игоревича, отца Ярополка.

С точки зрения ситуационной логики событий и известных исторических фактов, можно обрисовать вероятную картину сватовства князя Владимира к Рогнеде.

Ключевым обстоятельством является выяснение вопроса о том, кем были послы сватовства Владимира? Летописец оставил нам бесценное свидетельство об этом: «И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя Полотъскаго» [64, с. 74].

На Древней Руси отроками называли молодых дружинников. Дружину связывали с князем родо-патриархальные отношения единой воинской семьи, или княжеской «чади», где были «дети, отроки, братья и побратимы». Из части старших дружинников, близких князю, формировалось сословие бояр[25] — в дальнейшем феодальных вассалов, осевших на пожалованный им князем в кормление земельный удел.

Спрашивается, кто руководил дружиной князя Владимира в то время? По скандинавским сагам это был Олав Трюггвасон: «Конунг Вальдамар сделал Олава хёвдингом (предводителем) в дружине, и чтобы управлял теми воинами, которые охраняли земли конунга» [24, с. 42].

Судя по всему, князь Владимир отрядил послом к Рогволоду Олава Трюггвасона, и по причине его знатности, и как близкого к себе доверенного лица, и как опытного в военном деле человека. Последнее было очень важно, видеть, что на самом деле представляет собой укрепления Полоцка и его гарнизон.

Когда Рогволод узрел перед собой посла Владимира Олава Трюгвассона, он смутился. Ведь перед ним стоял знатный норманн королевской крови, будущий король Норвегии. Людей такой знатности в Норвегии было немного, их знали все.

Приведем характерный пример по этому поводу. В «Саге об Олаве Трюггвасоне», в частности, сообщается, что когда 9-летний Олав попал в рабство на землях Эйстланда, его случайно встретил наместник

25 Боярин, явно происходит от слов бой, ярый, удачливый в бою. — Авт.

князя Владимира в этих местах — знатный Сигурд. Сигурд отметил внешний нордический облик мальчика Олава и спросил его: «Теперь скажи мне имя свое и род, и родину. Он отвечает: «Олавом зовусь я, и Норег — моя родина, род мой королевский». Сигурд сказал тогда: «Каково имя отца или матери?» Он ответил: «Трюггви зовется мой отец, и Астрид — мать». Сигурд сказал: «Чьей дочерью была твоя мать?» Он отвечат: «Она была дочерью Эйрика из Опростадира, могущественного человека». И когда Сигурд услышал это, сошел он с коня, и хорошо приветствовал его и расцеловался» [24, с. 24].

Вполне вероятно, что примерно в таком же духе шла церемония знакомства полоцкого конунга Рогволода с послом Владимира Олавом Трюггвасоном. Об этом зримо говорит одна из миниатюр Радзивиловской летописи, на которой изображен посол князя Владимира, стоящий пред Рогволодом. Посол богато одет и вооружен мечом. Рогволод дружески приветствует его, а посол-отрок в знак своих мирных намерений, отдает свой меч хозяину дома Рогволоду[26]. Меч — ключевое обстоятельство в определении личности посла. Если бы это был летописный Добрыня, то это невероятно. Никто бы не допустил к князю Рогволоду на аудиенцию славянина, вооруженного мечом.

Понимая, кто такой Олав, Рогволод отказать ему в приеме как послу королевской крови не решился. Однако, по существу ответа, сославшись на деликатность вопроса, Рогволод отдал окончательное его решение на усмотрение дочери Рогнеды.

Гордая красавица Рогнеда, знала себе цену и не горела особым желанием стать супругой князя окраинных новгородских земель. Ее притязания были велики, ее устраивало только киевское княжеское ложе. По своей эмоциональной недальновидности, а по существу, обычной девичьей глупости, Рогнеда отказала Владимиру, сославшись на его низкое происхождение, имея в виду его мать, славянку Малушу, тем самым, подписав смертный приговор своим родителям и семье Рогволода в целом.

По исконным родовым законам, бытовал культ безусловного уважения и почитания предков, оскорбление их памяти сурово каралось кровной местью. Так, в 970 г. император Византии Цимисхий кровно оскорбил Святослава Игоревича, упомянув о жалкой судьбе его отца, когда отправившись в поход на древлян, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Цимисхий знал, что Святослав был язычником, среди которых был чтим культ предков, и намеренно обесчестил его, глумясь над памятью Игоря. Именно

26 Иллюстрации: Рис. 4. Сват Владимира Святославича у Рогволода.

Древнее городище Полоцка

поэтому ответное послание Цимисхия так «рассердило Сфендослава, он был охвачен варварским бешенством и безумием» [58, с. 57].

Сходным образом, по Никоновской летописи, князь-язычник Владимир «исполнися ярости», услышав унизительный для себя в кровном отношении ответ Рогнеды. Не меньшей злобой пылал и Добрыня, присоветовав Владимиру ответную гнусную кровную месть — публично обесчестить Рогнеду на глазах ее родителей.

Пыл ненависти и ярости Владимира и Добрыни несколько охладил Олав Трюггвасон, который сообщил, что в Полоцке есть сильный отряд норманнов дружины Рогволода, а полоцкое городище являет собой хорошо укрепленную крепость[27].

Городище Полоцка было сплошь застроено. По раскопкам, уже к середине VI в. городище являло собой развитый центр ремесла. Первоначально здесь проживали древние балтские племена. По итогам радиоуглеродного анализа остатков обгоревшей древесины из раскопок на полоцком городище была установлена дата начального славянского заселения городища — 780 г. Во время археологических раскопок на городище были найдены куфические дирхемы — серебряные монеты арабского халифата, которые были отчеканены не позже 818 г. Значит, уже в те времена здесь существовала торговля посредством денежного обмена.

27 Полоцкое городище было расположено на правом берегу устья реки Полотыв 0,8 км от ее впадения в реку Западную Двину. Городище в плане имело очертания неправильного треугольника размером 75×85 м. Высота его от подошвы составляет около 14 м.

На городище проживали князь с дружиной, вместе с княжеским двором на городище располагались усадьбы ремесленников-оружейников и ювелиров.

В конце X столетия полоцкое городище было укреплено деревоземляной стеной с башнями и городнями (внутренними срубными крепостными помещениями для воинов, складов вооружения и продовольствия). Стена была сделана в перекладной «рустовой» технике (сочетание деревянных и каменных конструкций). Крепостной вал, насыпанный в конце X века, неоднократно подсыпался [29, с. 43].

Услышав сообщение Олава Трюггвасона об увиденном им в Полоцке, князь Владимир понял, что штурм полоцкого городища приведет к большим потерям среди его норманнской дружины, что делало дальнейший поход на киевское Поднепровье весьма сомнительным делом.

Вероятно, что Добрыня присоветовал Владимиру набрать в помощь его дружине местное ополчение, по Никоновской летописи, став его «воеводой». Ополчение имело разноплеменной характер: «Володимеръ же собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода» [64, с. 74]. По Н. М. Карамзину — их интерес и цель в походе: «они участвовали только в добыче» [42, с. 85].

По тому, в каком порядке летописец перечислил этническую принадлежность «воев», можно полагать, что ополчение набиралось не сразу, но в ходе похода из Новгорода на Полоцк. Вначале к Варягам присоединились новгородские Словени, на псковских землях к ним присоединилась Чюдь, а непосредственно в районе Полоцка — местные Кривичи[28].

Последний факт весьма важен. На сторону князя Владимира перешли местные славяне-кривичи, для которых приход Владимира знаменовал собой возможность сбросить кабальное иго пришлых «из-за моря» норманнов рода Рогволода.

Понятно, что на штурм укрепленного вала полоцкого городища первой обрушилась толпа ополчения. Картину штурма можно представить себе по описанию Пселлом событий восстания в Константинополе в 1042 г.: «Вооружены были все. Одни сжимали в руках секиры, другие потрясали тяжелыми железными топорами <…> простой же народ бежал беспорядочной толпой с большими камнями за пазухой или в руках» [85, с. 61]. Неся потери, но благодаря своей численности, осаждающие ворвались в крепость. Участь ее защитников была предрешена. Началась вакханалия всеобщего грабежа, насилия и убийств.

28 Иллюстрации: Рис. 5. Поход на Полоцк князя Владимира.

По летописцу, были убиты Рогволод и два его сына. По мнению С. М. Соловьева, их убил Добрыня [102, с. 163]. Это вполне возможно, как воплощение его кровной мести. Однако убийство низменным славянином норманнской знати могло произвести тягостное впечатление на варягов дружины князя Владимира. Вероятно, что «почетную смерть» Рогволд и его сыновья могли принять от Олава Трюггвасона, который к тому времени уже прославился «искусством» ловким ударом боевой секиры отрубать человеку голову.

Помимо кровных мотивов мести Рогволоду, большое значение имели и династические обстоятельства. Род Рогволода нужно было истребить «под корень» именно по мужской линии, чтобы в дальнейшем он никогда не мог конкурентно ожить. По женской линии, после того, как Владимир, по летописцу, «дъчерь его поя женѣ» [64, с. 74], права на полоцкое княжение отошли к князю Владимиру.

Узрев отрубленные головы Рогволода и его сыновей, полоцкая наемная дружина норманнов, не мудрствуя лукаво, сдалась и перешла на сторону Владимира. Какая разница, кому служить за деньги.

Полоцкое городище было сожжено воинством Владимира, следы пожарища сохранились в течение тысячелетия. В целом князя Владимира по результатам полоцкого похода можно охарактеризовать как примитивного дикаря-варвара, с его незатейливой философией — убить, ограбить, изнасиловать, а затем, по низменной дурости, спалить все дотла.

Уцелевшие и неизувеченные при штурме воины сбродного ополчения разбрелись кто куда, довольствуясь, кто горшком, кто содранной с мертвых одеждой. По эпохе нищеты, в которой они жили, эти трофеи были тем, ради чего стоило рисковать жизнью. Основные ценности: оружие, деньги, утварь, ювелирные изделия — достались князю Владимиру и его дружине.

Что касается пленных, взятых при погроме полоцкого городища, то их продали в рабство. Купцы-перекупщики, чувствуя поживу, обычно сопровождали войска. Так дружина конунга *Олава Святого* (1015–1030) состояла из 60 дружинников *(hird-menn),* 30 купцов *(gestir),* и 30 слуг *(huskarlar)* [27, т. V, с. 196].

Так называемый «Раффельштеттенский таможенный устав» *(Inquisitio deteloneis Raff elstettensis)* 904–906 гг. свидетельствует о развитой торговли норманнских купцов Руси *(de Rugis)* от славян по Дунаю в Центральной Европе, в частности, рабами и воском: рыбыня продавалась по цене жеребца, а раб по цене кобылы [74, с. 62–67].

Маршрут дальнейшего похода князя Владимира, вероятно, связан с тем обстоятельством, что, по сообщению Устюжского летописца,

братом Рогволода был князь Тур, пришедший вместе с Рогволодом из-за морья [110, с. 61]. Есть сообщение скандинавских саг о том, что в роду ярла Мёра встречается уникальное сочетание трех имен, а именно — *Рёгнвальд*, *Турир*, *Рагнхильд*, которые в их славянской интерпретации упоминаются в летописях под 980 г. как *Рогволод*, *Туры*, *Рогнеда*[29].

Княжение Тура располагалось на Припяти, впадавшей в Днепр. Это был наиболее удобный и быстрый путь к Киеву. По летописцу, дружина Владимира в конце лета[30] 980 г. неожиданно для Ярополка объявилась близ Киева в предместье Доророгожичи, северо-западном пригороде Киева: «не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими» [64, с. 74].

Владимир из Дорогожичи «посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «поприяй ми; аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и много честь возмешь отъ мене; не язъ бо почалъ братью бити, но онъ <…> И рече Блудъ посломъ Володимеремь: «азъ буду тобѣ в сердце и приязньство» [64, с. 75]. Н. М. Карамзин пишет по этому поводу: «Владимир хотел взять Киев не храбрым приступом, но злодейским коварством» [42, с. 72]. Перед нами возникает летописная картина вероломного сговора Владимира с Блудом по ниспровержению киевского Князя Ярополка путем его убийства.

Ссылка Владимира на то, что не он первый «почал братью бити», весьма знаменательна. По мнению Владимира, Ярополк первым нарушил волю их отца Святослава на справедливый и законный раздел областей княжения Русской земли, тем самым дав право и Владимиру равным образом претендовать и на киевское княжение.

Поскольку год рождения Владимира точно не известен, а матери у него и Ярополка были разные, то Владимир мог быть по возрасту ровесником Ярополку, т. е. проблема их старшинства могла иметь не возрастной характер, но кровный. Владимир был ниже, т. е. младше Ярополка, как низменный полуславянин, относительно более чистокровного варяга Ярополка.

Нельзя не отметить и того факта, что когда Ярополк, по наущению Свенельда, начал войну с братом князем Олегом, то Ярополк имел в виду главным образом захватить древлянское княжение Олега (*землю его*), но отнюдь не его убийство.

---

29 Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рогволод.

30 Конец лета — наиболее вероятное время подхода войск Владимира к Киеву. Владимир, судя по всему, объявился из-за моря никак не ранее начала мая, времени освобождения Ладоги от льда. Около двух–трех месяцев могло уйти на сватовство к Рогнеде и поход на Полоцк и Киев. — Авт.

Олег погиб задавленный своими бегущими в панике воинами. Ярополк долго искал тело брата. В Никоновской летописи рисуется весьма проникновенная картина прощания Ярополка с мертвым Олегом: «И пріиде Ярополкъ, надъ него и плакася горько зѣло и возопи глаголя: <…> брате мой драгій! Лучше мне умрети, а тебѣ живу быти; по сіа вся сотана сотвори лукавствомъ своимъ» [62, с. 38]. Олег был погребен с почестями: «и есть могила его и до сего дне у Вручего» [64, с. 73].

Ничего подобного в обстоятельствах умысла Владимира на княжение Ярополка не было. Владимир совершенно явно решил убить Ярополка, поручив это дело Блуду.

Монах Нестор, хотя и имел почтение к князю Владимиру как будущему крестителю киевлян и святому Руси, при описании картины обстоятельств убийства Ярополка, эмоционально заклеймил ее: «иже свѣщеваютъ на кровопролитье; то суть неистовии <…> ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горше суть бѣсовъ таковии» («те, кто совещаются о кровопролитье, суть неистовые <…> мыслящие о погублении жизни своего князя, хуже любых бесов»). Стремясь обелить князя Владимира, Нестор переложил всю вину за убийство Ярополка на киевского воеводу Блуда: «О злая лесть человѣческа!.. якоже Блудъ преда князя своего <…> се бо бystъ повиненъ крови той» [64, с. 75].

В некоторое оправдание князя Владимира, если это можно считать оправданием, можно отнести то обстоятельство, что Владимир, еще во время изгнания наместников Ярополка из Новгорода, оповестил Ярополка о своих претензиях на киевское княжение.

У Ярополка было время, не менее двух месяцев, пока воинство Владимира шло на Полоцк, штурмовало его и двигалось к Киеву. Но Ярополк, быть может, впав в излишнюю самонадеянность, ничего не предпринимал до тех пор, пока сильная дружина Владимира не появилась близ рвов киевских защитных валов и сооружений.

Свою точку зрения по поводу этих событий излагает Никоновская летопись, составители которой утверждают, что когда Ярополк получил высокомерное послание от Владимира, то он «смутися, и нача съвокупляти воа многы, бѣ бо и самъ храборъ велми». Но, тут в дело вмешался воевода Блуд, который «рече» Ярополку: «не может противу тебе стати братъ твой меншій Володимеръ, якоже синица на орла брань сотворити, не смущайся убо боятися его, и не утружай воиньства своего собирая» [62, с. 39].

Объясняя поведение Блуда, авторы Никоновской летописи приводят весьма существенный и знаменательный довод: «Сіа же Блудъ лукавствомъ глаголаша къ господину своему Ярополку: бѣ бо уласканъ

и улщенъ Владимеромъ» [62, с. 39]. Получается, что Блуд был «уласкан» Владимиром издавно, еще в период его новгородского княжения.

С этой точки зрения Блуд, судя по всему, был соглядатаем Владимира, держал его в курсе событий политической жизни княжеского Киева. По Никоновской летописи, Блуд явно усыплял бдительность Ярополка, вводя его в заблуждение по поводу истинных намерений Владимира.

Блуд был знатным норманном, ставшим киевским воеводой после изгнания Свенельда. О знатности рода Блуда можно судить и по его должности, на которую так просто не попадали. Имя Блуд в корневом отношении весьма близко к скандинавскому имени *Кнут*. Известны короли Швеции Кнут I (1167–1196) и Кнут II (1229–1234).

Знаменательна этимологическая близость имени Блуд с псковскими топонимами родовой резиденции княгини Ольги *Выбутово-Будутино*, местом, где вероятно прошло детство Владимира. В этом плане не исключено то обстоятельство, что знакомство Владимира и Блуда было давним, еще с детства Владимира.

Блуд был значительно старше Владимира, об этом говорит то, что Владимир обещал Блуду в обмен за помощь в овладении Киевом, сделать его своим вторым отцом: «имѣти тя хочю во отца мѣсто» [64, с. 75]. Это означало, что Блуд был весьма знатным варягом. В свое время их судьбы разошлись, Блуд очутился в Киеве, впоследствии став киевским воеводой, а Владимир новгородским князем.

Блуд как человек бывалый, служа Ярополку, помнил и о Владимире. Судя по всему, у Блуда были весьма основательные причины вести двойную, лицемерную политику по отношению к Ярополку. Дело в том, что после изгнания Свенельда из Киева и последующих действий Ярополка как полноправного киевского князя, среди части норманнской военной и купеческой знати стали нарастать все большее недовольство и ропот.

Прежде всего, это касается личной дружины Свенельда, своего рода военной элиты киевских норманнов со времен Игоря Рюриковича. После изгнания Свенельда из Киева его дружина потеряла свой привилегированный статус, что, естественно, вызвало недовольство среди дружинников.

Это недовольство части военной элиты норманнов еще более усилилось после сближения Ярополка с печенегами, следствием которого, по Никоновской летописи, стало появление в 979 г. среди особо доверенных лиц Ярополка печенежского воеводы *Илдея*, который бил челом Ярополку, просясь на службу: «Ярополкъ же пріатъ его, и даде ему грады и власти, и имяше его въ чести велицѣ» [62, с. 39].

Ярополк Святославович (худ. В. П. Верещагин, 1891 г.)

При Ярополке намечается весьма знаменательная особенность становления российской государственности, ее полиэтнический характер. В Киеве, как возникающем центре Древней Руси, на основаниях выгоды стали мирно уживаться славяне, печенеги и часть норманнов, решивших остаться здесь навсегда.

На важное экономическое значение прочных отношений киевлян с печенегами указывает современник этих событий Константин Багрянородный: «росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее» [27, т. II, с. 152–153]. Да и сами печенеги, с точки зрения цивилизованного бытия, от зыбкого состояния временных политических союзов и договоров стали переходить на новый уровень кочевого скотоводства с весны до осени, с элементами оседлой жизни зимой, как в Киеве, так и в «градах» на южных древнерусских границах.

Печенеги при Ярополке, находясь на военной службе, не только прикрывали южные границы Руси, но и весь регион нижнего и среднего Поднепровья, обеспечивая защиту конницей торговых караванов, идущих здесь сухопутным путем.

Весьма важно было и то обстоятельство, что при княжении Ярополка в Киеве складывается религиозный плюрализм, в городе мирно сосуществовали язычники, иудеи, мусульмане, католики, православные, что было немаловажным фактором для ведения прибыльной торговли.

По Патриаршей летописи, правление Ярополка было отлично широкими связями Киевской Руси с ее южными, восточными и западными соседями. Образованное греческое, латинское, хазарское и арабское купечество во все большем числе вело свои торговые дела на киевских землях, оттесняя от выгодных сделок косно языческих норманнских купцов.

Активизация торговли оживила киевских ремесленников, всю городскую жизнь, улучшилось благосостояние киевлян, среди которых власть Ярополка получала все большее должное признание и авторитет.

Утрата части киевской верхушки норманнов политического и экономического доминирования стало той питательной средой, на которой росло недовольство варяжской военной знати новыми порядками, консервативное ее желание вернуться к прежним устоям времен Игоря и Святослава.

Судя по всему, именно киевский воевода Блуд был главным представителем консервативной «партии недовольных» среди ближайшего окружения Ярополка.

В этом плане следует еще раз коснуться сути возможного толкования новгородского обращения Владимира к Ярополку о своих претензиях на киевское княжение: «Володимер ти идеть на тя, пристраивайся противу биться» [64, с. 74].

Ясно, что с военной точки зрения, заведомое лишение себя существенного преимущества первого, внезапного и неожиданного удара по врагу явно бессмысленно и несвойственно жестко расчетливому рационализму поступков князя Владимира.

Летописная невероятность сути новгородского обращения Владимира к Ярополку может быть снята иным толкованием его адресата, а именно: Владимир дал знать о своих намерениях не Ярополку, а киевскому воеводе Блуду как своему тайному стороннику. Владимир уведомил Блуда о своем появлении в Новгороде и о планах вооруженного похода на Киев.

С этого момента между Владимиром и Блудом установилась прочная связь, в частности Владимиру важно было знать, будут ли печенеги в Киеве в момент подхода к городу его войск. Почему именно печенеги? Да потому, что в то время печенеги, будучи грозной военной силой, ни в чем не уступали русам-норманнам, а в ряде случаев, особенно на открытых пространствах, их превосходили.

Сильнейшим детским впечатлением Владимира была многомесячная осада печенегами Киева (Вышгорода) в 968 г., когда он с братьями и княгиней Ольгой чудом уцелел. Знал Владимир и обстоятельства трагической гибели Святослава в неравной битве с печенегами в 972 г.

По Никоновской летописи, когда Ярополк получил новгородское послание от Владимира: «пристраивайся противу биться» — то он решил начать собирать «воа многы». Понятно, что речь идет, прежде всего, о печенегах хана Илдея, стоявших на военной службе у Ярополка.

Но тут в дело вмешался киевский воевода Блуд, который, употребляя все свое лживое и льстивое красноречие, убедил «орла» Ярополка не придавать реального значения мнимым угрозам «синицы» Владимира, и отпустить весной из Киева печенегов Илдея на кочевье в Великую Степь.

По коварным планам и намерениям Владимира и Блуда летом печенегов в Киеве не должно было быть, так оно и произошло в действительности.

О том, что между Владимиром и Блудом была налажена тесная связь, говорит и то обстоятельство, что, по летописцу, как только войска Владимира объявились в Дорогожичи близ киевских рвов и укреплений, то немедленно «Володимеръ же посла къ Блуду», с сообщением, что он собирается не только изгнать Ярополка, но и убить его, на что Блуд ответил с готовностью и согласием.

В дальнейшем, по летописцу, буквально чуть ли не каждый день Блуд «слаше къ Володимеру часто», решая с ним каким образом нужно «пристряпати къ граду бранью» [64, с. 75].

Положение Ярополка в Киеве было незавидным. Его дружина была слабей войск Владимира, усиленных еще и полоцкими норманнами Рогволода, перешедшими на его сторону. Изменники, киевский воевода Блуд и его сторонники, фактически сделали дружину Ярополка мало боеспособной. Печенегов хана Илдея в Киеве не было, в городе отсутствовали надежные каменные укрепления, где можно было укрыться и принять бой.

Единственно, что давало надежду Ярополку на спасение и благоприятный исход дела, так это в буквальном смысле сам город Киев и его жители, которые отнюдь не желали свержения Ярополка и, тем более, его гибели.

Владимир и Блуд опасались того, что, войдя в многотысячный Киев, вольно раскинувшийся на приднепровских низинах Подола и горах, их войска, вполне вероятно, могли быть окружены сотнями киевлян, сторонников Ярополка, ставших на его защиту, взявшихся, кто за оружие, а кто за колья и камни.

Для заговорщиков Владимира и Блуда было ясно, что необходимо выманить Ярополка из Киева. Блуд решил послать к войскам Владимира, чтобы те начали окольную «брань» близ рвов и укреплений города, а сам обратился к Ярополку с лживой вестью о том, что

удержать оборону города он не сможет, ведь по его сведениям: «Кияне слются къ Володимеру, глаголющее: приступай къ граду яко предамы ти Ярополка» [64, с. 76]. Единственный выход для спасения Ярополка, немедленно уйти из города. «И послуша его (Блуда) Ярополкъ».

Ночью Ярополк с семьей и дружиной отплыл из Киева вниз по Днепру, в небольшую крепость Родень. А утром князь Владимир практически без боя занял Киев.

Крепость Родень (Родьня) находилась примерно в 100 км. ниже Киева по течению Днепра в устье реки Рось. Археологические исследования датируют первые поселения на так называемой Княжьей Горе крепости Родень VII–VIII вв. Судя по этимологии названия, здесь, возможно, находился один из древних племенных центров восточных славян, бывший местом культа раннеславянского бога Рода, почитаемого как покровителя потомков рода человеческого, бога семьи.

Спрашивается, почему именно крепость Родню Ярополк выбрал для спасения? Ярополк мог уйти вниз по Днепру на ладье к печенегам, но он на это не пошел, ведь это означало новую кровопролитную войну между братьями, сынами Святослава, в которой на стороне Ярополка выступили бы печенеги, в свое время сгубившие Святослава.

Кроме того, вероятно, Ярополк надеялся на помощь языческого бога Рода как хранителя семейных родовых устоев в деле умиротворения усобицы между братьями.

Через два дня после бегства Ярополка из Киева войска Владимира осадили крепость Родень. Ярополк, надеясь на помощь бога Рода и верных языческим традициям жителей, решил не сдаваться. Время шло, и постепенно в крепости наступил страшный голод. По летописцу, «гладъ» был настолько велик, что «есть притча до сего дне: бѣда аки в Роднѣ» [64, с. 76][31].

Однако и Владимир, несмотря на голод в Родне, брать крепость штурмом не решался. Необходимо было вновь, как и в Киеве, каким-то образом выманить Ярополка из Родни. И здесь снова вмешался в дело коварный сообщник Владимира Блуд.

Вероятно, именно Блуду пришла в голову мысль выманить Ярополка из крепости напирая на языческий культ бога Рода, на исконные родовые традиции семейного миролюбия: «Рече Блудъ Ярополку: видиши сколько вой у брата твоего? Нама ихъ не переборо-ти; твори миръ съ братомъ своимъ»; льстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ:«такъ буди».

31 Иллюстрации: Рис. 6. Осада дружиной Владимира Ярополка в Родне.

«И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя: яко сбысться мысль твоя, яко пріведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити и». Володимеръ же то слышавъ, вьшедъ въ дворъ теремный отень, о нем же преже сказахомъ, сѣде ту съ дружиною своею; и рече Блудъ Ярополку: «поиди къ брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ приму»[32]. Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжько: «не ходи, княже, убьть тя[33]; побѣгни в Печенѣги и приведеша вои; и не послуша его. И преде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста и два Варяга мечьмя подъ пазусѣ, Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ; и тако убьенъ бысть Ярополкъ [64, с. 76][34].

После отвратительно подлого убийства Ярополка последовало событие по своей гнусности не уступающее полоцким злодеяниям Владимира. Утверждая свои кровные права на киевское княжение, он изнасиловал беременную жену Ярополка: «Володимеръ же залеже жену братьню Грекиню, и бѣ непраздна, отъ неяже родился Святополкъ. Отъ грѣховьнаго бо корени зоъ плодъ бываеть: понеже бѣ была мати черницею[35], а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо; тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо отъ двою отцю, отъ Ярополка и отъ Володимера». «Варяшко же видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣги, и много воева Володимера с Печенѣгы» [64, с. 76].

Историк А. Ю. Карпов пишет по этому поводу: «Ни Владимир, ни писавшие позже летописцы не обвинили Варяжко в предательстве, когда он обратился за помощью к [печенегам]. Напротив, Варяжко остался в русской летописи примером беззаветной преданности своему князю, образцом для подражания, а не для осуждения» [42, с. 98]. Для Н. М. Карамзина Варяжко был антиподом Блуда, олицетворением доброты и верности: «да сохранит история память его!» [42, с. 72].

В целом оценивая личность и деяния Ярополка очевидна его зависимость от субъективных внешних факторов. Ярополк в этом отношении похож на своего деда Игоря Рюриковича, жизнь которого протекала в русле зависимости от Олега-правителя и княгини Ольги. При Ярополке политически доминировали киевские воеводы, вначале Свенельд, затем Блуд.

---

32 Ярополк шел на мир с Владимиром любой ценой, соглашаясь вместо киевского на другой княжеский удел. — Авт.

33 Судя по имени, Варяжко был рядовой дружинник-норманн, ближайший сторонник Ярополка. — Авт.

34 Иллюстрации: Рис. 7. Убийство Ярополка в Киеве при князе Владимире.

35 Черница — православная монашка. — Авт.

Понятно, что реально поставить своего гнусного сообщника Блуда «на место своего отца» Владимир не мог, ведь при нем был кровный новгородский дядька Добрыня, который, естественно, отнюдь не желал, чтобы в ближайшем окружении Владимира оказался его новоявленный «родственник», запятнавший себя лицемерием и вероломным предательством.

Да и сам князь Владимир, судя по всему, тяготился своим соучастием в отвратительном братоубийстве Ярополка, живые свидетели которого были ему в укор. Владимир по отношению к Блуду принял «соломоново решение»: с одной стороны, выполнил свое обещание и родственно возвысил Блуда, с другой — отослал его подальше от Киева. Владимир назначил Блуда дядькой при сыне Ярославе и в 988 г. отправил их на княжение в Ростов, затем в Новгород. В Тверском летописце XVI века об этом пишется: «И бѣ у Ярослава дядька и воевода Блудъ старой, иже былъ Владимеру» [65, с. 136].

В злосчастной битве Ярослава с польским князем Болеславом Великим на Буге в 1018 г. Блуд, потешаясь над тучным Болеславом, хвастливо заявил ему: «прободемъ тростію чрево твое толстое», чем вызвал ярость Болеслава и его воинов. Ярослав не успевший «исполтичися», был разгромлен: «избиша воа его, и воеводу Блуда убиша» [65, с. 137].

По версии В. Н. Татищева, который, обеляя Владимира, сообщил, что судьба изменника Блуда была весьма скоротечна. Под примечанием «Злодѣю мука» он пишет, что Блуд: «принялЪ отЪ Владимера честь великую, и возносился три дни, потомъ убіенЪ бысть отЪ Владимира, тако глаголя ему: Я тебѣ по обѣщанію моему честь воздалЪ яко пріятелю, а сужу яко измѣнника и убійцу Государя своего» [106, кн. 2, с. 60].

* * *

Исторический ход событий, приведших Владимира в княжеский Киев, шел в русле несторовской концепции становления древнерусской государственности по геополитической парадигме «из Варяг в Греки». Подобно Рюрику, Владимир пришел от Варяг и с Варягами «из-за моря» по тому же пути в Приволховье, от Ладоги до Новгорода.

Утвердившись в Новгороде, Владимир двинулся в поход на Полоцк, идя через Псков и Изборск. Затем Владимир, подобно Олегу-правителю, выйдя в Среднее Поднепровье, вероломным образом, посредством убийства, захватил киевское княжение.

Но есть и существенные отличия времен Владимира от предшествующей вековой эпохи княжеского Киева времен Аскольда и Дира, Олега-правителя, Игоря и Святослава.

Предшественники Владимира обустраивали в Поднепровье и Причерноморье колонизаторское государство норманнов, имея главной целью грабеж греческой Византии. Они действовали именно как норманны, опираясь на сильный флот на Днепре и Черном море.

В отличие от своих предшественников, князь Владимир своей главной целью ставил создание континентального ранефеодального государства с центром в Киеве, не претендуя на грабеж Византии, наоборот, посредством принятия крещения в православии и династического брака с царевной Анной, вступил в прочные союзные отношения с греками.

Для осуществления своих намерений Владимиру не нужен был флот, он шел сухопутными путями, твердо и неумолимо присоединяя к себе земли и княжения империи Рюриковичей, разбросанные на огромной территории Приволховья, Западного Подвинья и Среднего Поднепровья.

Языческий период княжения Владимира (980–985 гг.)

Первой и весьма существенной проблемой начала княжения Владимира в Киеве стал вопрос, что делать с толпой варягов, явившихся вместе с княжеской дружиной для свержения Ярополка?

Варяги служили или за деньги или за добычу. Денег у Владимира на длительное содержания сотен воинов не было, а Киев, ставший Владимиру своим городом, он, естественно, отдать на грабеж, подобно Полоцку, не мог.

Вскоре, по летописцу, «Варязи» потребовали от Владимира платы за свои военные услуги по взятию Киева: «се градъ нашь; мы прияхомъ [в него], да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка» [64, с. 77].

Если в Киеве тех лет проживало порядка 5 тыс. жителей, то окуп на них был около 10 тыс. гривен, это огромная сумма денег. Для сравнения, по летописцу, Олег наложил дань на всех новгородцев в триста гривен за год.

Владимир попросил отсрочки на месяц, пока не соберет дань кунами (мехами). Месяц прошел, но дань не собрали, киевляне и жители среднего Поднепровья, присматриваясь к пришлому новгородскому князю Владимиру, платить дань отнюдь не спешили.

По истечении месяца, не дождавшись денег, варяги, назвав князя Владимира обманщиком: «сольстилъ еси нами» — отказались ему

служить, и потребовали отправки в Византию, где было принято платить наемникам норманнам золотом, серебром и подарками.

С. М. Соловьев, комментируя ситуацию в Киеве с варягами, вопрошает: почему варяги не попробовали силою взять у Владимира деньги? По его мнению, Владимир именно назначил месячный срок, чтобы предпринять определенные меры для усиления собственного войска [102, с. 168]. По Н. М. Карамзину, когда варяги спустя месяц поняли, что Владимир их обманул, они уже были не страшны, поскольку войско российское в Киеве было их сильнее, они не дерзнули взбунтоваться и смиренно попросились в Грецию: «Владимир с радостию отпустил сих опасных людей, удержал в России достойнейших из них и раздал им многие города в управление» [42, с. 73].

Спрашивается, о каких деньгах князя Владимира идет речь, чтобы варяги могли бы отобрать их силой? Сколько тогда пришло варягов в Киев? Вероятно, порядка 1000 воинов, это по тем временам внушительное войско. Потребовав 2 гривны на воина, варяги претендовали на баснословные деньги, которых у Владимира не было и не могло быть.

По этой причине Владимир попросил отсрочку на месяц, чтобы собрать деньги мехами. Но на такую сумму нужно было собирать не месяц, а несколько лет, или отправиться бесцеремонно грабить славян среднего Поднепровья. Каким результатом окончился грабеж древлян князем Игорем, было его внуку Владимиру хорошо известно.

С. М. Соловьев толкует о неких войсках, по Н. М. Карамзину — российских (? — Авт.), усиление которых в Киеве, при месячной отсрочке платежа Владимиру, так устрашило варягов, что они «смиренно попросились в Грецию». О каких войсках в Киеве в то время вообще можно говорить?

Помимо тысячной толпы недовольных варягов, в Киеве при князе Владимире была его личная дружина, это около сотни наемников норманнов Олава Трюггвасона, которым платили отдельно. Еще несколько десятков человек при киевском воеводе Блуде, предавшем Ярополка. Вот и все, никого, кроме этих воинов, в Киеве в то время не могло быть[36].

Единственно, что мог предпринять князь Владимир в сложившейся ситуации, так это вместо денег отдать во владения некоторым знатным варяжским конунгам удельную земельную собственность в среднем Поднепровье, сделав их своими новоявленными вассалами.

36 Часть дружины Ярополка погибла при защите крепости Родни, остальные бежали вместе с Варяжко к печенегам. — Авт.

По летописцу, Владимир оставил при себе часть преданной ему варяжской знати, мужей «добры, смысленны и храбры», раздав им земельные уделы с «градами». Реально это означало то, что вместо наместников Ярополка, князь Владимир в киевском Поднепровье поставил своих наместников, выбрав из варяжской знати наиболее толковых людей.

Прочих варяжских воинов князь Владимир отправил «идоша Царюграду въ Греки», послав вперед их гонца с сообщением греческому царю: «се идуть к тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градеѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единого»[37].

Владимир отдал варягов совершенно даром, на единственном условии, чтобы им не дали возможности вернуться к нему обратно. Таким вероломством ответил Владимир многим воинам, прошедшим с ним нелегкий путь от Новгорода до Полоцка и Киева.

С другой стороны, с политической точки зрения действия князя Владимира вполне объяснимы. В то время существовал союзный договор между Русью и Византией, заключенный Святославом в 971 г., в том числе и договор о военном союзе.

В Византии обеспокоились киевскими событиями свержения Ярополка, с которым имели дружественный союз. Грекам Владимир был известен как сын Святослава, поэтому они восприняли события в Киеве как дворцовый переворот, ожидая, что будет дальше.

Послав варягов «даром» к Царьграду, Владимир ясно дал понять, что захватив власть в Киеве, он настроен миролюбиво и ищет дружбы с греческим царем.

Выступая с явно классовой, дворянской точки зрения, С. М. Соловьев полагал, что князь Владимир «воспользовался сроком, чтобы склонить на свою сторону лучших варягов, предводителей, привязав их к себе и к Руси выгодами; толпа, худшие люди, оставшись без предводителей, не смели предпринять ничего, таким образом Владимир ослабил варягов, разделивши их» [102, с. 168].

С мнением С. М. Соловьева трудно согласиться, ведь оно вступает в противоречие как с реальной исторической ситуацией, так и с сообщением летописца. Дружинная организация норманнов в то время основывалась на родовых отношениях между предводителями (конунгами) и рядовыми варягами, будучи отлична определенным демократическим

37 «Это к тебе идут Варяги, не держи их вместе в городе, не то они сотворят тебе зло, также, как и у меня, рассредоточь их порознь, а ко мне обратно не пускай ни одного» [64, с. 77].

равенством, единством дружинного братства: «Конунг, т. е. король, сохранял свое звание при морских походах и сражениях. Во всякое другое время все были равны, все садились за общий стол без соблюдения какого либо старшинства» [10, с. 94]. Когда греческий император Цимисхий, в вызолоченных доспехах, окруженный свитой наряженных в драгоценную парчу всадников, явился на переговоры со Святославом, он был весьма удивлен, увидев Князя Русского простым гребцом в ладье: «он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них <…> Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой» [58, с. 82].

По летописцу, варяги потребовали за свои услуги от князя Владимира «окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка», т. е. поровну, как на знатного воина, так и на простого, это обстоятельство явно олицетворяет собой дружинное равенство среди норманнов.

Несмотря на это летописное свидетельство, С. М. Соловьев придумал разделение варягов на лучшую знать, которую приблизил к себе хитроумный князь Владимир, и толпу простых воинов, «худших» людей, не способных к самостоятельным действиям. В этом же плане и Н. М. Карамзин превратно изложил суть событий, утверждая, что толпа варягов, придя в страх перед многочисленными российскими войсками в Киеве, смиренно попросилась у князя Владимира уйти в Грецию.

Но ведь, по летописцу, князь Владимира послал гонца к царю Византии с сообщением, что варяги, те самые, которые остались без своих предводителей, на самом деле отнюдь не смутились этим обстоятельством, но наоборот, вели себя свободно, стали бесчинствовать в Киеве, «створять зло», буйствовали, так что Владимир, хотя и имел личную дружину, явно не мог справиться с варяжской толпой.

Вполне вероятно, что личная дружина князя Владимира, которой руководил Олав Трюггвасон, заняла в киевских распрях с варягами позицию благожелательного к ним нейтралитета, понимая их правоту. Воинам должно было платить, а не лгать и вероломно предавать их интересы.

«Худшие», по С. М. Соловьеву, и «испуганные», по Н. М. Карамзину, варяги отнюдь не смиренно просились в Грецию, а ультимативно потребовали у князя Владимира пропускные бумаги для свободного движения в Византию при полном своем вооружении. Дело в том, что по союзному договору между Русью и Византией, только киевский Князь, в лице Святослава, или его законные наследники сыновья могли дать такое разрешение на отправку войск. Во всех других случаях греки вооруженных людей на своих границах считали врагами империи.

Для князя Владимира ультимативное требование варягов было, очевидно, приемлемым, как в отношении наведения должного порядка в Киеве, так и в плане «дружбы» с греческим царем, поэтому, как верно отмечает Н. М. Карамзин: «Владимир с радостию отпустил сих опасных людей».

События водворения Владимира на княжение в Киев заставили задуматься предводителя его варяжской дружины Олава Трюггвасона — что делать дальше? Наступали новые времена и многое, что он видел вокруг себя, Олаву совсем не нравилось. Еще при взятии Полоцка, когда толпы плебеев-славян, ведомые славянином же Добрыней, крушили и жгли все вокруг себя, то Олаву, как чистокровному норманну королевской крови, было отнюдь не радостно лицезреть резню семейства Рогволода и гнусное публичное насилие Владимира над Рогнедой на глазах истекающих кровью и умирающих ее отца и братьев.

Подлое убийство в Киеве Ярополка из-за спины показало Олаву беспредельную низменность и вероломство Владимира. Судя по всему, именно Олав спас Варяжко с его людьми, отдав распоряжение своей дружине их не трогать, благодаря чему Варяжко беспрепятственно ушел из Киева к печенегам.

Быть вассалом Владимира, пресмыкаться перед ним, сидя в назначенном ему «градке», знатный норманн Олав Трюггвасон отнюдь не хотел. Тем более быть в числе свиты его любимцев — предателя Блуда и низменного славянина Добрыни, всегда угодливо готовых на любую подлость.

Судя по всему, Блуд с Добрыней также ненавидели Олава Трюггвасона, плетя вокруг него интриги. Так, в сагах об Олаве, в частности, упоминаются зависть людей к нему и попытки настроить против него князя Владимира, что стало причиной его ухода с Гардарики (Руси) [24, с. 41].

Около 981 г. Олаф Трюггвасон оставляет службу у князя Владимира и с верными ему людьми отправляется вольным викингом в поход по Балтике. В 995 г. Олаф на всенародном тинге (сходе) был провозглашен верховным конунгом (королем) Норвегии.

Несмотря на молодость, князь Владимир был весьма искушенным политиком. Неудача в сборе дани с жителей киевского Поднепровья показала ему, что он пока реально не является для местных жителей своим князем.

Вероятно, именно обстоятельства осады Ярополка в Родне подсказали Владимиру, что ему делать, чтобы привлечь на свою сторону большинство киевлян. Осада Родни, как культового центра почитания языческого бога Рода, когда жители предпочитали умереть с голоду,

но защитить свои святыни, ясно дали понять Владимиру, сколь сильны мотивы языческой религиозности в повседневной жизни жителей Поднепровья.

Для упрочения своего харизматического влияния князь Владимир решился на яркое публичное действие — открыто поддержать язычество на киевских землях. Тем самым, помимо массы простых людей, привлечь на свою сторону и языческую жреческую знать (волхвов), авторитет которых, как показали дальнейшие события крещения Руси, был соизмерим с княжеской властью и иногда даже превышал ее.

Особенностью языческой веры было природное многобожие. Наиболее известные славянские божества на Руси: *Перун* — творец молнии, бог Вселенной, *Хорс* — бог сущего огня, *Дажьбог* — бог Солнца, *Стрибог* — бог ветра, *Симаргл* — бог растений и земли, *Макошь* — жена Перуна, богиня плодородия, Род — бог покровитель семьи, рода человеческого, *Сварог* — бог-творец труда, Велес — бог-покровитель мира животных и простых людей тружеников.

Помимо природного многообразия языческие божества славянского мира имели свою внутреннюю социальную стратификацию. Древнейшим божеством язычников, судя по всему, был Велес, культ которого восходил к первобытным родовым временам охотников, скотоводов и земледельцев. Властную составляющую организации родоплеменного общества олицетворял собой грозный Перун.

Не случайно, по летописцу, дружинники Святослава клялись соблюдать мир с греками именем двух своих главных божеств Перуна и Велеса [64, с. 72]. Перун олицетворял собой покровителя дружинной знати, Велес же выступал как божество простых дружинников. Единство клятвы Перуну и Велесу зримо воплощало собой воинское дружинное братство.

По летописцу, в 980 г. «нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ», введя культ почитания главных, по его мнению, языческих божеств: «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь» [64, с. 77][38].

Выбор не одного или двух, но целого сонма божеств имел своей целью привлечь к князю Владимиру большинство жителей Поднепровья, многие из которых поклонялись своим, отличным друг от друга языческим богам.

38 Илюстрации: Рис. 8. Воздвижение Перуна и других языческих божеств на Священном Холме в Киеве.

По мнению советского историка Г. М. Филиста, речь идет о проведении языческой религиозной реформы, в ходе которой Владимир создает единый жреческий аппарат с централизованным управлением, свозит в Киев племенных богов и устанавливает их на холме у своего дворца [111, с. 20–21].

Подобно тому, как Владимир в дальнейшем будет выбирать «наилучшую» для себя веру, сходным образом в 980 г. из сонма языческих божеств Владимир выбрал именно тех, которые больше всего его устраивали.

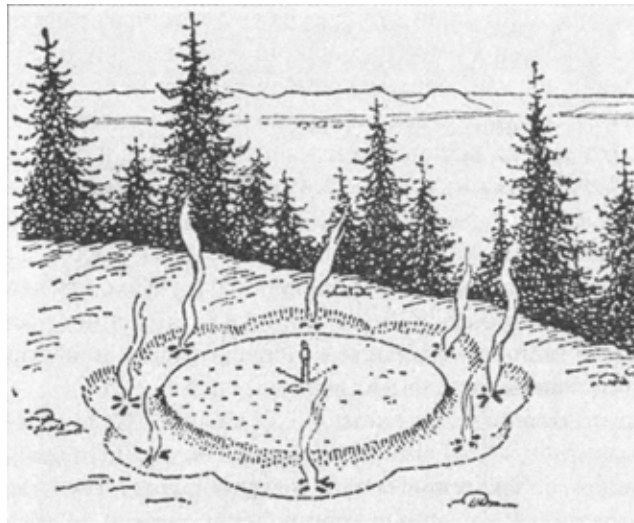
Перун — бог грозы и молнии, разящий и карающий, бог оружия и войны — стал для Владимира символом высшей княжеской власти, поэтому идола Перуна украсили серебром и золотом. Идол Перуна был человекоподобен, его золотые усы показывали собой принятое тогда на Руси княжеское отличие и достоинство. М. М. Щербатов приводит весьма красочное описание идола Перуна: «онЪ имѣлЪ видЪ человѣческой, тѣло его было здѣлано изЪ древа, глава серебреная, уши златыя, ноги желѣзныя, в рукахЪ же имѣлЪ увмень на подобіе палящей молніи, который весь яхонтами и другими приличными драгоцѣнными камнями былЪ украшенЪ, предЪ нимЪ всегда горѣлЪ огнь, которой жрецы подЪ смертной казнію долженствовали содержать безЪ угашенія» [122, с. 245–246].

Велес Владимиру был не нужен, он его не принял в свой узаконенный сонм языческих божеств, тем самым разрушив религиозное воинское дружинное братство времен Святослава. Это зримо показали киевские события распри Владимира с варягами, часть знати которой он возвеличил и оставил при себе в удельных «градках», а простых дружинников отправил «идоша» в Византию.

Бог Рода тоже был изгнан Владимиром как не угодный ему покровитель и защитник бывшего киевского князя Ярополка. Понятно и то, что Владимир органически не мог почитать бога Рода, как «робичич-полукровка», как человек с детства не знавший семьи, ни матери ни отца.

Голос родовой крови предков был чужд Владимиру. По воле князя Владимира, прямо на его глазах, варяги зарезали его брата Ярополка, а на своего родного сына Ярослава Владимир пошел войной. Семью, которую создал князь Владимир из множества жен и наложниц, иначе как «содомской» и назвать нельзя; не случайно, что Рогнеда решила зарезать свого «мужа» Владимира, он просто чудом уцелел.

Поддержка культа язычества князем Владимиром, да еще в столь зримой и великолепной форме, когда лицезреть Перуна в золоте и серебре собирались толпы славян со всех окрестностей, по летописцу:

Перынь. Свяьидице Перуна.
Реконструкция по материалам археологических раскопок.

«жряху имъ, наричюще я богы [и] привожаху сыны своя и дъщери» [64, с. 77], привела к тому, что Киев, помимо княжеского политического центра начал становиться и религиозным центром Руси. Владимир направил из Киева в Новгород Добрыню, с кумиром Перуна, которого поставили «надъ рѣкою Волховомъ, и жряху людье Ноугородьстіи аки Богу» [64, с. 78].

В окрестностях Новгорода *Перыни* в 1951–1953 гг. проведенными археологическими раскопками было открыто округлое святилище, диаметром в 21 м, посередине которого стоял деревянный идол Перуна. Сохранилось основание столба, диаметром 60 см, на котором стояла статуя. По периметру этого круга был вырыт кольцеобразный ров с дугообразными выступами, служивший также ритуальным целям. Выступы использовались для разжигания кострищ. В плане святилище имело форму огромного восьмилепесткового цветка. В каждом лепестке горел костер, а в лепестке, обращенном к Волхову, — «священный неугасимый огонь Зничь».

Летописец буквально в одном абзаце сразу после описания насаждения Владимиром язычества определяет всю его пагубность на примере князя Владимире, который будучи «побѣженъ похотью женскою», стал отличен неимоверным многоженством и доселе невиданным среди полянских славян развратом.

По летописцу, помимо знатных княжеских жен Рогънѣдь и не известных нам по имени Грекинѣ, Чехинѣ, Болгарынѣ и другоѣ, Владимир имел еще 300 наложниц в гареме крепости Вышгород, 300 в Бѣлѣгородѣ, 200 в селци Берестовѣ. Кроме того, по летописцу, Владимир «бѣ несытъ блуда приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растьляя» [64, с. 78].

Последние слова летописца косвенно подтверждают то обстоятельство, что князь Владимир, бежав *за море* из Новгорода от наместников Ярополка, укрылся при дворе норвежского короля *Хакона Могучего*.

Правление ярла Хакона, в частности его отношения с вассалами бондами-землевладельцами[39], вызвало сильное недовольство местной знати, что, в конечном счете, привело к восстанию и свержению блудливого Хакона, вместо которого королем Норвегии был выбран Олав Трюггвасон.

Вполне возможно, что князь Владимир, будучи при дворе Хакона Могучего, участвовал в его «забавах» с женами и девами местной знати, и впоследствии, уже находясь на киевском престоле, привык делать то же самое.

Но есть одно существенное отличие, если в Норвегии была сильная родовая знать, терпению которой от королевских издевательств пришел конец, и Хакону Могучему, как это было принято в то время, снесли топором голову, то в случае с князем Владимиром ситуация была иной. Вокруг него были лишь низменные верноподданные, поэтому княжеские прихоти приняли ничем не ограниченный характер беспредела наглого и бестыжего норманна над семьями «кротких», по летописцу, полян.

Другая сторона вопроса о чрезмерной блудливости князя Владимира отнюдь не связана с насаждаемым им язычеством. Есть известный письменный источник — описание путешествия по Волге арабского посла *Ибн-Фадлана* в 923 г., составленный им самим [51], в котором рисуются быт и нравы славян и норманнов-русов на землях Приволжья. Наблюдения Ибн-Фадлана о быте приволжских норманнов-русов с большой вероятностью можно отнести и к другим колониям поселениям варяго-россов на землях Руси, в частности и на киевских землях с времен Аскольда и Дира.

Ибн-Фадлана поразили нравы, картины откровенно скотского блуда среди русов, разительно отличных от законов славянского целомудрия. И дело здесь было отнюдь не в язычестве, ведь язычниками были и славяне.

39 Хакон заставлял бондов присылать ему своих жен и дочерей на временное пользование, а затем, отсылал их обратно. — Авт.

С точки зрения брачных отношений, русы находились в состоянии родовой полигамии, где муж как глава семьи был собственником своих жен и детей. Блудная брачная полигамия среди норманнов-русов была обусловлена реальными факторами расширенной этнической ассимиляции варяжских колонизаторов поселенцев на славянских землях.

В так называемой франкской «Хронике Фредегара» (VII в.), в частности, пишется, что франкский купец Само, выступивший с оружием со своими товарищами-франками против врагов славян гунно-аваров, был выбран славянами за доблесть своим королем. Он царствовал 35 лет: «Было у Само 12 жен из рода славян; от них он имел 22 сына и 15 дочерей» [97, с. 367].

На примере Само явным образом видна биологическая ассимиляционная плодовитость франка в среде подвластных ему славян. Равным образом это относится и к Владимиру с его гаремами в Вышгороде, Белгороде и Берестово, состоящих, естественно, из кровно лучших женских особей славян. Знатные жены Владимира, по законам родового права, имели определенный династический статус так же, как и их дети, наследники по мужской линии.

С времен Святослава и его сына Владимира начинается складываться иная политическая организация древнерусского государства. При Рюрике и Олеге-правителе государством руководил старший рода Руси, но не глава правящей семьи. Отчасти такая же практика существовала при Игоре, Ольге и молодом Святославе.

Когда Ольга одряхлела и стало ясно, что дни ее жизни сочтены, Святослав, уходя в поход на Болгарию, принял принципиально важное решение. Он разделил русскую землю между своими сыновьями по добровольному их согласию, тем самым перейдя от родовой государственности к государственности семейно-патриархальной. Это сделало управление более эффективным именно в обширных регионах Поднепровья, Причудья, Приволховья, где вместо наместников правили братья, члены одной семьи, при безусловном авторитете отца как полновластного главы всего государства. При таком порядке власть наследовалась не старшим в роде, но старшим сыном правителя.

По достоверным археологическим данным [43], именно князь Владимир, по сути, основал Киев как политический центр древней Руси. Летописные описания проживания в Киеве варягов с времен Аскольда и Дира, Олега-правителя, Игоря и Ольги основаны на преданиях и предположениях Нестора, с материальной стороны ничем не подтвержденных.

С начала киевского княжения Владимир, помятуя свой практически беспрепятственный захват города, прежде всего озаботился

возведением защитных сооружений. Линия укреплений «города Владимира» проходила к югу от древнейшего «городка Кия», вдоль склонов днепровских круч, и спускалась к низинам Подола — уже тогда, по удобству своего положения, самой оживленной торговой и ремесленной части Киева. Она охватывала территорию примерно в 10 гектаров. Укрепления являли собой мощные деревоземляные валы, высота которых достигала шести метров, а ширина — девяти метров, а также глубокого рва перед ними. Наверху, судя по всему, находился деревянный частокол. В самих валах были устроены несколько особым образом укрепленных ворот.

Укрепив Киев, князь Владимир начал завоевательные походы от центрального Поднепровья по широкой окружности — на запад, против поляков и литовцев, восток — против вятичей и радимичей, юг — против печенегов, болгар и хазар, тем самым, по сути, очертив европейские границы Киевской Руси.

Под 983 г. летописец приводит весьма знаменательный для него случай попытки человеческого жертвоприношения в Киеве, тем самым зримо показывая всю пагубность язычества. Нестор сообщает, что после удачного похода на литовцев (ятвягов), князь Владимир, возвратившись в Киев, в благодарность сотворил вместе со своими людьми языческую требу кумиру Перуна.

После этого, старцы и бояре решили еще более умилостивить языческого кумира, возможно имея в виду новые удачные воинские походы, принеся в жертву отрока или девицу. Жребий пал на сына «красного душей и лицом» варяга-христианина, который «пришелъ изъ Грекъ», жившего в Киеве «двором своим».

Отец решительно отказался отдать сына «бѣсомъ», назвав кумира Перуна не Богом, а куском дерева, сделанным людьми, объявив, что он, как христианин, служит единому Богу: «ему же служатъ Грьци и кланяются». Получив решительный отказ, те, кто пришел за жертвой, «шедше поведаше людемъ [64, с. 81] о случившемся и кощунственных словах варяга-христианина о «деревянном» кумире Перуна.

Киевляне, придя в ярость, явились толпой и начали «розъяша (крушить) дворъ» варяга-христианина, он же «стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ». Толпа вновь предложила ему: «вдай сына своего, да вдамы богомъ [его]» [64, с. 81] на что варяг-христианин ответил, что отдаст сына только единому богу. Услышав это, толпа обрушила сени, где были отец и сын, под обломками которых они и погибли[40].

40 Иллюстрации: Рис. 9. Убийство христиан в Киеве.

Нестор, как и последующая российская историография, этот случай рассматривал и толковал исключительно с религиозной точки зрения. Однако если это и было так, то по сути сообщения летописца, очевидно, можно говорить лишь о попытке жертвоприношения, но ни как о свершившимся факте пролития жертвенной христианской крови на капище языческого кумира, как об этом писал летописец: «и осквернися кровьми земля Руска и холмотъ [где стоял Перун]» [64, с. 77].

Данные археологии достоверно говорят, что, как на киевском святилище Перунова холма, так и на новгородской Перыни, никаких свидетельств человеческих жертвоприношений не обнаружено. Найденные в зольнике костра святилищ кости показывают, что в жертву приносили главным образом быков, свиней, птиц и рыб.

Летописец, помимо киевского уникального случая попытки человеческого жертвоприношения в 983 г., других подобных ему фактов, более чем за вековую историю правления русских князей с времен Рюрика, не приводит[41].

Следование лишь одной, сугубо религиозной, трактовке событий расправы киевлян над варяжскими христианами отцом и сыном вызывает немаловажные вопросы.

В частности, почему летописец в качестве инициаторов этих событий первыми лицами называет киевских старцев, т.е знать родовых старейшин и боляр[42], ближайшую княжескую знать, но ни самих славянских жрецов или волхвов, как это и должно быть? Летописец не говорит о них ни слова, но прямо упоминает гражданскую администрацию Киева и его жителей. Культовое жертвоприношение без участия в нем жрецов (волхвов) по сути языческой обрядности невероятно.

Может возникнуть предположение, что под старцами летописец разумел жрецов, но это не так. Жрецы, волхвы, кудесники выступали у летописца как отдельная категория людей, занимающаяся делами сугубо религиозного культа. Одновременно с ними в древнерусском обществе, выходящим из лона первобытного строя, существовала родовая и военная знать. Старцы, или старцы градские, были той частью родовой знати, которая занималась гражданскими делами, чем она отличалась от князей и их сподручников бояр, как знати военной. Старцы

41 Приложение. О человеческих жертвоприношениях на Древней Руси.

42 Явно искажая текст летописца, Н. М. Карамзин придумал иную версию этих событий. По его мнению, первым действующим лицом был князь Владимир, именно он, исполняя совет бояр и старцев, велел бросить роковой жребий «кому из отроков и девиц киевских надлежит погибнуть к удовольствию мнимых богов» [42, с. 73]. Н. М. Карамзин прав лишь в том, что события попытки человеческого жертвоприношения произошли не без ведома князя Владимира. — Авт.

«градские» жили и осуществляли свои полномочия в «градах» — племенных центрах, крупнейшим из которых был Киев.

Еще один вопрос относится, собственно, к очевидно зримой картине, когда не менее десятка человек от старцев градских и бояр явились во двор варяга-христианина, чтобы по жребию забрать у него сына для принесения жертвы кумиру Перуна. Ясно, что по своему большинству и по тому, что в числе бояр были и вооруженные люди, они могли просто силой забрать сына у отца, но они этого не сделали.

Наконец, сама финальная картина расправы, обрисованная летописцем, говорит, что жертвоприношения в Киеве в 983 г. как такового не было, кровь христиан не пролилась ни близ языческого кумира, ни явным образом во дворе варяга-христианина, ведь отец и сын погибли под обломками рухнувшего строения, в котором жили[43].

Скрытый символизм такого смертного погребения христиан киевлянами понятен. Мстя за открытое презрение к языческому кумиру, их в отместку, как было положено христианам, не погребли в земле, а насыпали над их телами «курган» обломков дома. По Н. И. Костомарову: «этот поступок не был жертвоприносительным, но (стал) выражением (народного) мщения» [55, с. 66].

Могильный «курган» из обломков решили не убирать, и он долго еще возвышался, в назидание об этих событиях, пока не ушел в небытие времени по тлению. Этот случай был столь памятен киевлянам, что в преданиях сохранился веками, став известен летописцу в столь существенных подробностях, достоверность которых не подлежит сомнению.

События расправы толпы простых киевлян язычников над христианами отцом и сыном в 983 г. явным образом подтверждают то обстоятельство, что, несмотря на крещение в православии княгини Ольги в 955 г., событие это не имело существенного значения для народа в целом, оставаясь уделом небольшой части просвещенной древнерусской знати.

Осмысленное понимание причины расправы киевлян над христианами, помимо религиозной стороны вопроса, также должно учитывать более широкие обстоятельства исторического и политического плана.

---

43 По данным археологии, дома древних киевлян представляли собой срубы из бревен. Подрубить венцы сруба топорами, чтобы дом упал, практически невозможно, значит дом стоял на сваях, как это показано в миниатюре Радзивиловской летописи (см. иллюстрации, рис. 9). Вполне вероятно, что дом варяжского христианина находился в киевском Подоле, низинном месте,заливаемом паводками Днепра. — Авт.

По летописцу, события в Киеве в 983 г. случились после удачного похода князя Владимира на литовцев (ятвягов). После этого, утвердив западные и восточные приграничные рубежи Руси, князь Владимир обратил пристальное внимание на южные границы, имеющие жизненно важное значение именно для Киева.

Киев был важнейшим стратегическим центром на Днепре. В 23–65 верст южнее начиналась полоса днепровских порогов. Местоположение Киева позволяло обеспечить безопасное их прохождение. Через киевский перевоз начинался сухопутный путь в обход днепровских порогов в сторону византийского Херсонеса.

Помимо утративших могущество, после своего разгрома Святославом, хазар, на юге Руси доминировали печенеги и греки, опорой которых в северо-восточном Причерноморье был хорошо укрепленный и процветающий Херсонес.

Вопрос с печенегами был связан с Варяжко, который после гибели Ярополка бежал к ним и затем непрерывно досаждал князю Владимиру. После длительных и непростых переговоров Владимир скрепя сердце все же уговорил Варяжко вернуться в Киев, простив друг другу обиды. После этого печенеги, лишившись столь ценной для них помощи Варяжко, решили пока не рисковать делать серьезные набеги на южные рубежи Руси.

Владимир, как показали события его появления на киевском княжении, был политиком весьма искушенным, умным, расчетливым и дальновидным, несомненно, обладающим стратегическим даром. Для него было ясно, что столкновение на юге с греками молодой и крепнущей Руси было неизбежно. Речь шла не о новом набеге русских войск на Византию, как это было ранее, а о новых порядках на южных границах Киевской Руси.

Опасаясь военной мощи Руси, в мирном договоре Игоря Рюриковича с Византией от 944 г., греки особо оговорили свои права на Корсунскую землю (Херсонес) в Крыму и земли по устью Днепра, которые Русь была обязана покидать зимой.

Судя по всему, в частности, усыпляя бдительность греков, Владимир в 980 г., решая свои внутренние проблемы, соблюдая обязательства Руси по военному союзу с Византией, отослал в Царьград часть непокорных ему своевольных варягов.

В то же самое время князь Владимир ясно понимал, что обустраивать южные границы киевской Руси, без нарушения союзного договора 971 г. Святослава с Византией, практически невозможно без новых военных столкновений с Греками.

Для успешных военных действий, в частности, нужно было обезопасить Киев от греческих соглядатаев, скрытно наблюдающих за обстановкой в городе и дающих знать об этом в Константинополь. Что дело было именно так, стало ясно еще со времен удачного набега Аскольда и Дира на Царьград. Судя по всему, легенда о крещении части норманнов при Аскольде и Дире имела определенные реальные основания: «Нет сомнений, что византийские миссионеры, которые были агентами византийского правительства, после похода 860 г. появились и на Руси» [57, с. 77].

В этом плане, в частности, успех похода Олега-правителя на Царьград в 907 г., стал возможен также и потому, что о нем киевские греческие соглядатаи не ведали. Олег-правитель, судя по всему, собирал свое огромное войско частями в районе Изборска и Гнездова, а флот скрытно строил на внутреннем обширном озере, закрытом лесом, близ Любеча.

Затем мимо Киева, не задерживаясь, по Днепру прошла армада из 2000 судов, имея целью выход в Черное море и грабеж предместий Царьграда. Греки заранее не имели сведений о начале похода Олега и громадной численности его войск и поэтому начали боевые действия лишь, когда русское войско ворвалось в окрестности Константинополя.

Иная ситуация сложилась при походах Игоря Рюриковича на Царьград. Обосновавшись в Киеве, Игорь в 941 г. решил явиться с дружиной к Царьграду, заявить свои права по договору между Олегом и Византией и взять дань с греков. Благодаря своим киевским христианским соглядатаям, греки были хорошо осведомлены о начале выступления дружины Игоря, знали они и число русских судов. Поэтому они встретили дружину Игоря мощной армией и флотом и после упорных боев на суше и на море вынудили его вернуться обратно в Киев.

По летописцу, Игорь не уныл, желая отомстить грекам за свою неудачу. Через два года Игорь собрал огромное союзное войско из Варягов, Руси, Полян, Словен, Кривичей, Тиверцев, Печенегов и двинулся на Византию «в лодьях и на конихъ». Греки через своих киевских осведомителей и херсонитах имели представление о мощи войск Игоря и были устрашены вестью, что Русь идет «бещисла корабль».

Греки отправили послов, встретивших войска Игоря на Дунае, на границе империи. Послами были *лучшие боляре,* высшие сановники Византии. Они предложили Игорю заключить новый мир, поднеся ему дань.

Серьезно усилились позиции киевских христиан после крещения Ольги в православии в 955 г. Причем усилились до того, что христиане, через Ольгу, стали пытаться влиять на внешнюю политику Руси.

По летописцу, Ольга неоднократно обращалась к Святославу с увещеваниями бросить военные дела и по-христиански мирно княжить с ней в Киеве, ни о чем, кроме веры, не помышляя [64, с. 61–63].

Весьма вольготно вели себя христиане в Киеве во времена Ярополка, естественно оказывая ему поддержку. Официальное введение князем Владимиром культа язычества поставила киевских христиан в сложное положение, вызвав их недовольство и сопротивление.

Обстоятельства религиозного конфликта князя Владимира с киевскими христианами прямо касались и сферы политики. Владимир прекрасно понимал, что в случае его столкновения с греками, им окажут помощь тайные христианские сторонники. Вероятно, что именно эта политическая подоплека легла в основу событий 983 г., описанных летописцем как пример случая попытки языческого человеческого жертвоприношения в Киеве.

Чтобы создать прецедент для пересмотра сложившихся южных границ с греками, князь Владимир решил нарушить союзный договор 971 г. Святослава с Византией, по которому Русь «до конце вѣка» отказывалась выступать против Греции и посылать на ее землю своих союзников, а также на земли «подъ властью Гречьскою», на власть Корсуньскую «и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарьску». Кроме того, если кто грекам угрожал, то он становился и врагом Руси, которая «буду противенъ ему и борюся с нимъ» [64, с. 71].

Под 985 годом летописец сообщает: «Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ, в лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на конихъ; и побѣди Болгары <…> И створи миръ Володимеръ съ Болгары <…> И приде Володимеръ Киеву» [64, с. 71][44].

По поводу этого сообщения летописца возникает немаловажный вопрос: о какой Болгарии идет речь? Мусульманской приволжской Булгарии или Болгарии граничащей с Византией?

Болгарская неопределенность вопроса возникла потому, что летописец по нему не дает конкретного ответа, лишь сообщая, что в следующем 986 г. к Владимиру «Придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ», т. е. приволжские мусульманские булгары[45].

Ситуационно поход Владимира в Приволжье мог быть оправдан лишь смыслом цели грабежа богатой Булгарии, но летописец по этому поводу ничего не пишет. Непонятно и то, каким образом флот

44 Иллюстрации: Рис. 11. Болгарский поход князя Владимира.

45 По мнению ряда историков, из-за неясности, какое болгарское государство разумел летописец, речь шла о Приволжско-Камской Булгарии [42, с. 73–74; 40, с. 64].

Владимира из Днепра прошел на Волгу и вскоре вернулся обратно в Киев.

По логике событий, смыслу и конкретным особенностям похода явно, что поход князя Владимира был совершен в приграничную с Грецией Болгарию, куда издавна славяне, а затем норманны-русы, совершали набеги. В. Н. Татищев пишет по этому поводу: «В 985 ВладимирЪ собравЪ воинство великое, и Добрыню Вуя своего призвавЪ, сЪ Новгородцы пошелЪ на болгары и Сербы вЪ лодкахЪ, а конные войска Рускія, ТорковЪ, ВолынянЪ и ЧервенскихЪ послалЪ прямо в землю болгарскую» [106, кн.2, с. 64] Весьма показательно совпадение описания болгарского похода Владимира в 985 г. с летописным походом Олега-правителя в 907 г.: «Иде Олегъ на Грекы, Игоря оставивъ Киевѣ <…> [И] съ сими со всѣми поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ» [64, с. 29].

Летописное «И створи миръ Володимеръ съ Болгары», судя по всему, было подкреплено обычным для того времени образом — династическим браком. Добрыня привез в Киев новую «жену-болгарыню» Владимиру, знатную княжну, возможно, будущую мать его сыновей — Бориса и Глеба.

В 985 г. князь Владимир удачным набегом на Болгарскую землю фактически дезавуировал союзный договор с Византией от 971 г., тем самым восстановив исконные права древнерусского государства на безопасное обустройство своих южных рубежей. Насколько важен был для князя Владимира поход в Болгарию, говорит тот факт, что для участия в походе прибыл из Новгорода его дядя верный Добрыня.

То, что болгарский поход князя Владимира разорвал союзные отношения Руси и Византии, подтверждает арабский хронист конца X — начала XI в. Яхья Антиохийский. Он сообщает, что непосредственно перед христианизацией Руси, в 986–987 гг. русы были врагами византийского императора Василия II [90, с. 23]. Немаловажно и то, что заключив мир с болгарами, которые в это время воевали с греками, Владимир тем самым серьезно укрепил свои позиции на Балканах.

Судя по всему, события в Киеве в 983 г. имели определенное отношение к болгарскому походу 985 г. Готовясь к нему, князь Владимир уделил особое внимание внутренней политической обстановке в Киеве, имеется в виду нейтрализация деятельности тайных греческих сторонников и наймитов и возбуждение массовых антигреческих настроений среди населения.

Не случайно, что киевский варяг христианин в летописном контексте два раза связывается именно с Грецией. Он «пришелъ изъ Грекъ» и был весьма зажиточен, живя в Киеве «двором своим». Вступив

в религиозную полемику с киевлянами, варяг христианин открыто признал главенство греческого единого Бога: «ему же служатъ Грьци и кланяются». Не случайно и то, что «жребий» пал именно на сына этого варяга христианина. Или это был донос, или киевские «старцы и боляре» знали наверняка, что перед ними несомненные греческие ставленники и тайные соглядатаи[46].

По летописцу, «старцы и боляре» молча выслушали гневный отказ отца и открытую брань в адрес кумира Перуна, после чего удалились. Складывается впечатление, что «старцы и боляре» были явно удовлетворены увиденным и услышанным, это их вполне устроило, что, собственно, именно за этим они и явились. Ведь варяг-христианин прямо изобличил себя как скрытого врага, ненавистника язычества, поклонника единого греческого Бога, выступив как агент греческого влияния на киевской земле.

Имея столь явные доказательства враждебности христиан отца и сына к язычеству, как лиц пришедших из Греции и считающих греческого бога выше всех, которому они призвали кланяться, в том числе и всех киевлян, старцы градские и бояре обратились с вестью об этом к народу, вызвав тем самым массовые волнения в городе язычников — поклонников кумира Перуна.

Когда волнения в городе начались и собралась толпа обозленных киевлян, старцы градские и бояре отошли на второй план событий, предоставив киевлянам вершить суд и расправу.

На самом деле, в приведенной летописцем картине расправы киевлян над христианами отцом и сыном, виден не случайный сценарий событий. Беснующаяся толпа язычников могла без труда забрать свою жертву, но этого не произошло. Пока отец христианин вновь стал яростно обличал язычество[47], стоя с сыном на высоких сенях при входе в дом[48], нашлись некие личности, которые топорами обрушили деревянные опоры дома, под обломками которых были заживо погребены первые жертвы языческих гонений христиан в Киеве. В дальнейшем они обрели статус первых русских мучеников Федора и Иоанна.

---

46 В этом плане мнение Н. М. Карамзина, что именно князь Владимир указал на кого кинуть роковой жребий, исторически вполне вероятно. — Авт.

47 Летописно перед нами возникает образ христианского фанатика, который не просит пощады, а наоборот, намеренно приносит себя в жертву, во имя Бога, видимо, надеясь на вечное посмертное райское воздаяние. — Авт.

48 Иллюстрации: Рис. 10. Первые русские мученики Федор и Иоанн перед гибелью.

Летописец сообщает, что никто не знает, кто их похоронил и где, значит, курган из обломков еще долго не разбирался, наводя своим зловещим видом страх на киевских христиан и греческих сторонников среди них.

Один из первых русских историков князь М. М. Щербатов отмечает, что в древнерусской истории, помимо киевского эпизода, нет никаких достоверно описанных случаев жестоких гонений на христиан[49]. Но тогда непонятно, почему в такой благоприятной обстановке христианство на Руси быстро не распространялось, не было востребовано славянами в течение многих веков? М. М. Щербатов объясняет это обстоятельство невежеством и дикостью российского народа и ненавистью его к «сластолюбивым» грекам [122, с. 249–250].

В 981–985 гг. при княжении Владимира завершился процесс формирования территории древнерусского государства. Границы Киевской Руси совпадали с этническими границами восточных славян. Летописец пишет, что Владимир стал жить с приграничными Руси западными славянами «окольним миром»: с Болеславом Лядским, Стефаном Угрским, с Андрихом Чешским — и был мир между ними и «любы» [64, с. 124].

Выбор новой веры (986–987 гг.)

Легенды об испытании вер существовали у многих народов, в частности у соседей Древней Руси, хазар и болгар.

Под 986 г. летописец, вне всякой связи с предшествующими ему событиями болгарского похода, неожиданно на два последующих года начинает пространное изложение сугубо религиозной темы, начав повествование о том, что вдруг к Владимиру явился проповедник ислама из Приволжской Булгарии, вступивший с князем в беседу об особенностях и преимуществах своей веры.

Складывается впечатление, что к тому времени Владимир явно охладел к язычеству и стал размышлять о других верах. Проповедник ислама или каким-то образом узнавший о перемене религиозных настроений Владимира, или, что более вероятно, как мудрец, специально вызванный князем, немедленно явился в Киев, обратившись к нему: «яко ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣсі закона; но вѣруй в закон нашь» [64, с. 82].

Вопрос о том, почему Владимир, до этого выступавший столь ревностным язычником, так внезапно к нему охладел? — летописец

49 Приложение. О человеческих жертвоприношениях на Древней Руси.

оставляет в стороне. По мнению С. М. Соловьева, язычество, в силу своей «бедности и бесцветности», было явно ниже других мировых религий, подавляющих примитивное язычество своим величием и пышностью, и это обстоятельство все более ясно стал понимать князь Владимир [102, с. 169].

Как показали беседы князя Владимира с представителями мировых религий, Владимира интересовали самые разнообразные аспекты и особенности других вер, их преимущества, в сравнении с известным ему язычеством.

Так, в беседе с магометанином из Булгарии сластолюбивому Владимиру пришлись по душе восточные гаремы, тем более, что он их уже имел, но не понравились обряд обрезания, запрет на еду свинины и употребление вина, до которого он был великий охотник. Владимир летописно обронил по этому поводу свою знаменитую сентенцию: «Руси есть веселье питие, не можемъ бес того быти» [64, с. 83].

Затем к князю Владимиру «придоша Нѣмьци», сообщившие, что они прибыли из Рима с посланием от «папежа». Папа написал Владимиру, что наши земли одинаковы, а веры разные. Вера римско-христианская свет истины суть, а языческая вера Владимира «древо суть». В ответ: «Володимеръ же рече: кака заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «пощенье по силе аще кто пьетъ или ясть, то все въ славу Божью, рече учитель нашь Павелъ». Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: «идѣте опять, яко отцi наши сего не прияли суть» [64, с. 83].

Если появление магометанина в Киеве можно хоть как-то истолковать, то летописное сообщение о явлении к Владимиру католической депутации с посланием от самого Римского папы выглядит неправдоподобным. В европейских католических источниках и хрониках по этому поводу нет никаких известий.

В то же самое время, например, событие, связанное с явлением на Русь в 961 г. католической миссии *Адальберта Магдебургского,* освещено в ряде независимых друг от друга западноевропейских источников, например, в «Грамоте германского императора Оттона I об учреждении Магдебургской архиепископии» от 968 г. [27, т. IV, с. 42–43].

Летописный текст об обсуждении Владимиром особенностей католической веры с посланниками Рима весьма короток. Специфика обрядности поста, как повод отказа от католицизма вообще, явно неубедителен, тем более, с такой туманной и спорной мотивировкой — «отцi наши сего не прияли суть».

Спрашивается, чего не прияли «отцi наши», католической обрядности поста по учению апостола Павла или христианской католической веры вообще? И кто такие «отцi наши»?

К «отцам» Владимира в прямом смысле относятся Святослав, дед Игорь и прадед Рюрик, которые были язычниками, и по этой причине к христианству относились отрицательно. С другой стороны, как бабка Владимира княгиня Ольга, так и старший брат Ярополк, к католицизму были настроены весьма благожелательно. Так, в 959 г. Ольга отправила посольство к германскому императору Оттону I († 973). Еще в 955 г. Оттон I получил официальное разрешение римского папы Агапита II устраивать епископии так, как ему заблагорассудится.

В продолжении «Хроники» *Регинона Прюмского*, в частности, сообщается, что в 959 г. послы Елены *(Helena),* королевы *(regina)* ругов *(Rugi),* крестившейся в Константинополе при императоре Романе, явившись к королю, притворно[50], как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников. О том же говорится и в анналах херсфельдской традиции [27, т. IV, с. 45–46].

Что касается старшего брата Владимира Ярополка, то он был настроен миролюбиво как к язычеству, так и к христианству, будь то православные или католики. При начале княжения Ярополка произошло известное событие — русское посольство прибыло на Пасху 23 марта 973 г. к германскому императору Оттону I в город Кведлинбург.

Да и сам князь Владимир, как это следует из длительного нахождения в Киеве в конце 1007 г. архиепископа *Бруно Кверфуртского,* был настроен к католикам дружественно и гостеприимно[51]. Таким образом, летописное утверждение о том, что католицизм «отцi наши сего не прияли суть» — вымысел.

Вслед за летописным вымыслом о депутации к Владимиру от «Нѣмьци» следует столь же невероятный сюжет о явлении посланников от Жидове Козарьстии, которые, прознав о конкурентах от магометан и христиан, бывших в Киеве, прибыли к князю Владимиру, чтобы изложить ему особенности и преимущества своей веры.

Возможно, Жидове Козарьстии надеялись с помощью князя Владимира как-то оправиться после разгрома Святославом Хазарского Каганата. Но дальновидный Владимир понял умысел иудеев, сказав им: «то каковы инѣхъ учите, а сами отвержении отъ Бога и расточении?

50 Речь идет о том, что миссия Адальберта Магдебургского полностью провалилась. Если княгиня Ольга и приближенная к ней знать внешне благоволили к католикам, то основная масса языческого населения Киевской Руси встретила новоявленных западных крестителей враждебной злобой. Адальберт со спутниками бежали, спасая свои жизни. Летописец пишет об отношении славян язычников к христианству в то время: «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродство есть» [64, с. 61–62].

51 Приложение. О встрече архиепископа Бруно с князем Владимиром в 1008 г.

Аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте расточении по чюжимъ землямъ; еда намъ то же мыслите прияти?» [64, с. 83–84] Как пишет об этом А. Ю. Карпов: «Обветшавшая» религия поверженного Каганата не могла стать религией победившей Руси» [44, с. 167].

В. О. Ключевский считал, что *Сказание* о приходе к князю Владимиру посланников от ислама, иудаизма и христианства отнюдь не сказание Нестора: «он лишен летописных приемов, отличается полемической окраской, желанием охулить все веры, кроме православной. И это сказание, очевидно, не принадлежит начальному летописцу, а вставлено в свод его составителем. В нем уцелел намек на время его составления. Когда к Владимиру пришли евреи с предложением своей веры, князь спросил их: «Где земля ваша?» Миссионеры отвечали: «В Иерусалиме — Полно, так ли?» — переспросил их князь. Тогда миссионеры сказали напрямки: «Разгневался бог на отцов наших и расточил нас по странам грехов ради наших, и предана была земля наша христианам». Если бы повествователь разумел первых, кто покорил землю евреев, он должен был бы назвать язычников римлян; если бы он разумел властителей Иерусалима, современных Владимиру, то он должен был бы назвать магометан; если же он говорит о христианах, ясно, что он писал после завоевания Иерусалима крестоносцами, т. е. в начале XII столетия» [49, с. 91–92].

В. О. Ключевский здесь не совсем прав, крестоносцы в 1099 г. изгнали из Иерусалима арабов-магометан, но отнюдь не евреев. Кроме того, иудаизм относится к внутренне национальной вере, миссионерство ему органический не свойственно. К тому же, хазарский Каганат, разгромленный Святославом, в то время уже не существовал, и официального посольства от него не могло быть.

С. М. Соловьев, рассуждая об исторической вероятности летописных посольств иных вер, пишет: «Митрополит Иларион, свидетельство которого, как почти современное, не подлежит никакому сомнению, Иларион ни слова не говорит о посольствах для изведования вер» [102, с. 172].

«В целом историческая информация, содержащаяся в прениях о вере, достаточно достоверно характеризует геополитическую позицию Древней Руси в конце X века, ее положение между Византийской и Германской империями, отношения с Волжской Болгарией и представляемым ею мусульманским Востоком, хазарское наследие и преобладающую ориентацию на Византию. Отношение к различным конфессиям, явленное в летописных речах Владимира, конечно, определялось взглядами летописца и предшествовавших ему русских книжников, основанными на византийских традициях» [80, с. 112].

Финалом описания легендарного «выбора веры» стало явление в Киев «философа», которого «прислаша Грьци». «Философ» объявил Владимиру, что слышал о приходе к нему послов других вер, после чего начал их конкурентно чернить. Ислам «философ» так физиологически гнусно преподнес, что даже изощренно блудливый Владимир от отвращенья «плюну на землю». Говоря о католиках, «философ» был вынужден признать: «ихъ же вѣра маломъ с нами разъвращена» [64, с. 84–85], пустившись в описание литургических отличий обряда причастия католиков и православных. Послов от Жидове греческий «философ» обвинил в отсутствии веры в распятого Спасителя и в том, что они «пророки избиваху, другие претираху», за что Бог «посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работаютъ въ странахъ» [64, с. 85]. После этого «философ» по просьбе Владимира изложил ему основы христианской веры в своей знаменитой «речи» на 18 (! — Авт.) страницах летописного текста.

Это весьма пространное изложение основ библейской истории, явно вставлено впоследствии в текст летописца, вступая в противоречие с сутью смысла «Повести временных лет» Нестора *«Откуду есть пошла Руская земя, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть».* То, что так подробно изложил греческий «философ» князю Владимиру, к истории Русской земли не имеет никакого отношения, по существу касаясь библейской истории древней Иудеи.

В настоящее время, кажется, можно считать доказанным, что «Речь Философа» написана не на Руси и искусственно внесена в летописный текст. Достаточно сказать, что в «Речи» использована иная система летоисчисления, чем та, что применяется в летописи: рождение Христа отнесено здесь к 5500 г. от Сотворения мира (так называемое антиохийское летоисчисление), в летописи, в соответствии с константинопольской эрой, — к 5508 г.

Сам Нестор широко пользуется библейскими сюжетами с нужным ему емким смыслом. «Повесть временных лет» начинается с времен Всемирного Потопа, затем летописец рисует библейскую картину географического расселения народов мира по земле, в том числе Славян, Руси, Чюди и «вси языци» рядом с ними. В системе летосчисления летописец использует библейскую хронологию, ведущую свое начало со времен Адама и Евы. Рассуждая о волхвах времен Олега, творящих «в градѣхъ и в селехъ бѣсовьскаа чюдеса», летописец ссылается на библейские подобные случаи волшебного прельщения «и вся ослабленьемъ Божьимъ». Когда Ольга решила креститься, то греческий

патриарх, словами летописца, благословил ее емкими ссылками на библейские сюжеты.

Историки Н. М. Карамзин, П. М. Строев и М. И. Сухомлинов указывали на зависимость содержания речи философа от так называемой «Толковой Палеи», памятника, по их мнению, возникшего в Византии в полемических целях против иудейства и содержащего библейскую историю с пророчествами, начало новозаветной истории и апокрифы. Н. К. Никольский обратил внимание на то, что речь философа встречается отдельно от летописного текста, как самостоятельный памятник, и притом в двух редакциях, более древних, чем летописная.

По мнению А. А. Шахматова, речь философа перед князем Владимиром стала версией древнерусского пересказа болгарского сказания об обращении Кириллом в христианство царя Михаила, а сама Палея, пришла на Русь из Болгарии.

Хотя князь Владимир внимательно слушал «философа» и задавал ему вопросы по ходу беседы, он явно не высказал своего предпочтения к отвлеченным для него догматам христианства.

Однако многоопытный «философ» приготовил весьма веские аргументы, чтобы склонить князя на свою сторону. По летописцу, «философ» закончил основательный экскурс по истории христианства весьма эффектно, сообщив Владимиру, что Бог: «въздата комуждо по дѣломъ его: праведнымъ царство небесное, и красоту неизреченьну, веселье бес конца, и не умирати въ вѣки; грѣшникамъ мука огнена, и червь неусыпающь, и муцѣ не будетъ конца. Сица же будутъ мученья иже не вѣруетъ къ Богу нашему Ісу Христу: мучиму будутъ в огни, иже ся не крестить» [64, с. 103].

Поставив князя Владимира перед выбором — креститься и обрести посмертное райское воздаяние с бесконечным весельем, или вечно гореть в мученьях адского пламени, — «философ» продемонстрировал князю, как это будет реально выглядеть, показав Владимиру «запону» — полотно с изображением Страшного Суда[52].

Этот эпизод, судя по всему, заимствован редакторами летописи из обстоятельств обращения в православие в 841 г. болгарского царя Бориса: «Богорис повеле Мефодию, монаху иконописцу, полату расписать, изобразя свирепых и страшных зверей. Он же изобрази страшный суд. И видя Богорис изображение, яко праведницы венцы приемлют, а грешницы во огнь вметаютца, устрашися и, отринув зловерие, прият веру христианскую» [70].

52 Иллюстрации: Рис. 12. Философ показывает князю Владимиру запону.

О живописи, или росписи тканей, как виде искусства в Древней Руси не имели понятия. В то же время греки, знакомые с таким искусством, использовали это в качестве решающих доводов при обращении в православие, пугая людей жуткими картинами изображений Страшного Суда. На князя Владимира «запона» произвела сильное впечатление, но он не дрогнул.

«Философ», будучи совершенно уверенным в успехе своего предприятия, обратился к Владимиру: «аще хощеши о десную съ праведными, то крестися», на что князь, неожиданно, — «положи на сердци своемъ, рекъ: «пожду и еще мало, хотя испытати о всѣхъ вѣрахъ» [64, с. 104]. После чего Владимир отправил греческого «философа» восвояси, щедро его одарив.

Беседы с представителями других вер оставили в душе Владимира чувство неудовлетворенности, почти год он размышлял об услышанном, но окончательного решения так и не принял. Возникает немаловажный вопрос, по какой же причине князь Владимир решил отказаться от язычества в пользу иной религии, что не устраивало князя в религиозных языческих обрядах?

Язычество как религия социально равного родового строя отличается от религий классовых обществ существенным обстоятельством — внешним обрядовым культовым равенством. Так, перед кумиром Перуна стояли равные друг другу — князь, дружинники, крестьяне общинники, бесприютные сироты. Языческие боги социально не разделяли людей, оказывая покровительство всем нуждающимся, без явного различия между ними.

Очевидной особенностью характера князя Владимира было ничем не обузданное властолюбие. Когда язычество было нужно Владимиру для упрочения его авторитета среди простых киевлян, он его поддержал, озолотив кумира Перуна. Но стоять у подножья Перуна вровень со своей знатью, дружинниками и толпой простолюдинов, фактически ничем не отличаясь от них, поклоняясь Идолу вместе со всеми, было Владимиру явно не по душе, вызывая в нем все большее чувство раздражения.

Походы князя Владимира на запад и юг дали ему представление об иных верах и обычаях христиан, магометан и иудеев, связанных, в том числе, с другими отношениями религии и власти. Именно это весьма заинтересовало Владимира, найти такую удобную для него веру, которая бы зримым образом выделила его среди толпы людей, поставив религиозный культ во главу интересов княжеской власти, обоготворив князя при жизни.

Вызванные Владимиром в Киев проповедники иных вер разъяснили ему особенности своих религиозных культов, черня конкурентов,

что явно не устроило князя. В этом плане весьма характерен эпизод, связанный с приходом депутации от «Нѣмьци». Речь идет о папском послании, в первых строках которого папа двусмысленно заявил Владимиру: «земля твоя яко и земля наша» [64, с. 83]. Князю это явно не понравилось, он, очевидно, не желал делиться с «папежом» Русской землей. Да и кто такой папа для Владимира (?) — вообще никто. С тем и отослали католиков прочь. Русская земля, по сути деяний ее отцов, никогда не была и не будет вотчиной «папежа от Нѣмьци»!

Князю Владимиру было понятно, что в решении вопроса о выборе новой веры, нужно опираться не только на свидетельства заинтересованных лиц, проповедников своих «наилучших вер», но и оценить эти веры с объективной внешней и непредвзятой стороны.

По летописи, в 987 г.: «Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: «се приходиша ко мнѣ Болгаре рькуще: прими законъ нашь; посемь же приходяша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣже придоша Грьци, хулящее вси законы, свой же хвалящее и много глаголаша сказающе отъ начала миру, о бытья всего мира; суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ». После чего Владимир обратился к присутствующим: «Что вы об этом думаете, что ответите»? «И рѣша бояре и старци: «вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай когождо ихъ службу, и [кто] како служить Богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ» [64, с. 104].

Показательным образом выглядит этот ближайший круг лиц, приближенных к Владимиру: «боляры своя и старци градьскиѣ», подобострастные, услужливые, не имеющие твердых убеждений, кроме желания всегда и во всем угождать своему князю. За несколько лет до этого они выступили в роли правоверных язычников, спровоцировав массовые волнения, приведших к убийству христиан в Киеве. Но вдруг княжеские предпочтения изменились, и они, обо всем забыв, с рвением стали угодливо обсуждать прямо противоположное дело, чем заменить язычество, ставшим для этих людей в одночасье ненужным.

Как в случае убийства христиан в Киеве, так и при обсуждении вопроса, кого послать «испытать» иные веры, «боляры своя и старци градьскиѣ» сами от этого дела конкретно отошли, в частности присоветовав Владимиру «избраша мужи добры и смыслены числомъ 10».

Князь Владимир лично определил «мужам»: «идѣте первое в Болгары и испытайте вѣру ихъ <…> идѣте паки в Нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ Греки» [64, с. 104–105].

Здесь весьма показательно то, что Владимир умолчал о посылке «мужей» в направлении к «Жидове Козарьстии». Судя по всему,

составители летописной легенды «о выборе иных вер», жившие в эпоху крестовых походов XII–XIII вв., не знали, куда именно послать «мужей». Хазарии уже не было, а «въ Ерусалимѣ» хозяйничали крестоносцы. Очевидно и то, что православные летосписатели, упирая на библейские различия иудаизма и христианства, об особенностях культа богослужения в синагоге не имели понятия. Да и кто пустил бы в синагогу группу чужеземных лиц с рыскающими на все вокруг глазами.

Посланные Владимиром «мужи» вначале действовали тайно, не открывая свои намерения. В стране Болгар они «видѣша сквернь-ная дѣла», молящиеся сидят как истуканы «и нѣсть веселья в нихъ, но печаль и смрадъ великъ». А «придохомъ в Нѣмци» мужи Владимира были разочарованы простотой католического богослужения «красоты не видѣхомъ никояже» [64, с. 106].

Совсем иначе вели себя «мужи» Владимира «придоша Царюгороду». Они официально как посланники Владимира обратились к греческому царю, «сповѣдаша» ему, зачем пришли. «Се слышавъ царь, радъ быв, и честь велику створи имъ въ той же день» [64, с. 105].

Затем следует весьма знаменательная часть летописного сообщения, ясно дающая понять, почему князь Владимир обратил внимание именно на православное христианство: «Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице: «придоша Русь, пытающее вѣры нашея, да пристрой церковь и крилосъ, и самъ причинися въ святительския ризы, да видять славу Бога нашего». Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша» [64, с. 105]. Таким образом, греческий царь прямо выдавал распоряжения «патреарху», предписывая, что ему делать, в том числе по обстоятельствам церковной литургической службы.

Центр власти в Царьгороде — именно царь, все остальное ему подчинено и безропотно служит его интересам. Это как раз то, к чему стремился князь Владимир, власть, которую поддерживают «красота церковная, пѣнья и службы архиерѣйски». Православие обоготворило княжескую власть, принеся на Русь византийскую церковную традицию, по которой царь считался «помазанником божьим».

Если точно следовать летописному тексту о встрече «мужей» Владимира в Царьграде, то в общем смысле в нем говорится о греческом царе как о повелителе Византии, и в частном, историческом, — как о двух царях, Василии и Константине[53], которые правили тогда после гибели в 976 г. императора Иоанна Цимисхия.

53 Василий II, впоследствии прозванный Болгаробойцей (958–1025), Константин VIII (959–1028) — византийские императоры-сопровители.

Говоря о «мужах» Владимира, посланных им для выбора «наилучшей веры», нужно отметить, что лукавые греки оказали киевским послам отменные почести, фактически использовав их подкуп «отпустиша я с дары велики и съ честью». Понятно, что после такого *приема*, «мужи» расхвалили князю Владимиру греческую веру до небес: «Мы убо не можемъ забыти красоты тоя; всяк бо человѣкъ аще вкусить сладка» [64, с. 106].

Когда «мужи» вернулись обратно в Киев, князь Владимир «созва боляры своя и старца» и повелел «мужам» рассказать все об увиденном пред дружиною. Это стало одним из ключевых обстоятельств для принятия решения о выборе «наилучшей веры». Слово было за дружиной[54].

Сходная ситуация возникла в 955 г., когда Ольга, крестившаяся в Царьграде, став правоверной христианкой, обратилась к Святославу: «азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь». Онъ же внимаша того, глаголя: «како азъ хочю ихъ законъ приятии единъ, а дружина моа сему смѣятися начнуть». Она же рече ему: аще ты крестишися, вси имуть тоже створити» [64, с. 62].

Княгиня Ольга искренне считала, что стоит Святославу принять христианство, он сможет приказать сделать то же самое своей дружине. Но Святослав прекрасно понимал, что это невозможно, он мог отдавать приказы дружине лишь в военном отношении, но не заставлять людей менять свои коренные религиозные убеждения.

Это же понимал и князь Владимир. Дружина была основой княжеской власти. Дружинники служили за деньги и «корм», и могли решиться изменить свои верования лишь при условии собственной выгоды. Именно это обстоятельство имел в виду князь Владимир, когда поручил «мужам» выступить перед дружиной и поделиться своими впечатлениями об увиденном «в Болгары, Нѣмци, Греки».

Судя по всему, к «добрым и смысленым мужам» Владимира относилась верная князю военная знать из числа тех, кого он в 980 г. посадил наместниками «раздая им грады». В летописи они характеризуются практически одинаково: «мужи добры, смыслены и храбры» [64, с. 77]. Понятно, что храброй характеризуется, прежде всего, военная знать.

Владимир хорошо понимал, что выступление перед дружиной «мужей», как людей военных, фактически, товарищей по оружию, придаст их словам еще большую убедительность. Так оно и произошло. По мере того, как мужи живописали увиденное ими великолепие

54 В решение вопроса о выборе «наилучшей веры» постепенно вовлекается все большее число лиц — князь Владимир, затем «боляры своя и старца»,потом, «мужи добры и смыслены» и наконец княжеская дружина. — Авт.

греческой христианской службы, интерес присутствующих все возрастал, достигнув апогея при упоминании о богатых подарках, вполне возможно, воочию всем и показанных. Алчность и зависть светились в глазах простых дружинников и на лицах «болярах своя и старца».

Неожиданно для Владимира некоторые из присутствующих «боляр» обратились к князю: «аще бы лихъ законъ Гречьский, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ». На что Владимир задал им прямой вопрос: «гдѣ крещенье пріимемъ?». Однако «боляре» ответили уклончиво: «гдѣ ти любо» [64, с. 106], т. е. поступай князь, как хочешь.

В чем здесь скрытая суть коллизии проблемы выбора места крещения для Владимира? В том, что всем присутствующим лицам, включая князя, было ясно, что упоминание о крещении Ольги имело значение чисто символическое. Владимир, подобно Ольге, принять крещение в Царьграде не мог. Обряд крещения в Царьграде, в частности, предполагал торжественный прием у греческого императора. Во время торжественного приема совершался церемониал *проскинеса* (ритуального простирания ниц перед императором).

Понятно, что князь Владимир на это не пошел бы ни при каких обстоятельствах. Тем более в условиях серьезного обострения отношений Руси и Византии после успешного похода русских войск в 985 г. на болгарские земли. М. М. Щербатов по этому поводу пишет, что Владимир: «У ГреческихЪ царей не хотѣлЪ просить проповѣдниковЪ, да не возгордятся тѣмЪ [остатокЪ языческаго тщеславія]; сего ради не яко проситель, но яко побѣдитель вознамѣрился проповѣдников приобрѣсти» [122, с. 258–259]. Князь Владимир берет летописную паузу на год, придя к совершенно неожиданному решению, где и каким образом принять крещение, одновременно, при этом, начав войну с православной Грецией.

Поход на Корсунь (988 г.)

Летописец, вне всякой прямой связи с предшествующей обширной темой выбора «наилучшей веры», сообщает, что в 988 г. «иде Володимеръ съ вои на Корсунь, градъ Гречьский».

Среди колоний, основанных на северном берегу Черного моря Ионическими выходцами, стояла самая большая колония Дорян — Херсонес, возникший около конца VI в. до н. э. из поселения выходцев из Гераклеи Понтийской.

Слово «херсонес» обычно переводят с греческого как «полуостров». Византийцы называли его Херсоном, славяне — Корсунем. Город располагался на скалистом черноморском мысу.

Серебряная монета (драхма) Херсонеса, III в. до Р.Х. На лиц, ст. голова Артемиды; на об. бодающий бык на палице.

В I–III вв. новой эры город неоднократно был занимаем римскими гарнизонами, а в гавани Херсонеса стояла римская эскадра.

В римский период город отличался перед всеми соседними блеском и приверженностью к греческим нравам. В III в. до н. э. в городе был построен театр вместимостью 3000 зрителей. Здание театра четырежды перестраивалось в течение семи столетий.

За помощь, оказанную херсонесцами в борьбе против Скифов, Константин Великий пожаловал Херсонесу много привилегий, свою золоченую статую и массу оружия, что военизировало жизнь херсонесцев вплоть до эпохи средних веков.

В V веке Херсонес вошел в состав Византии, а в IX веке стал одной из ее военно-административных областей.

Старинный херсонесский промысел — добыча соли, связанный с нахождением вблизи города соляных озер. Соль использовалась, прежде всего, для промышленной засолки черноморской рыбы.

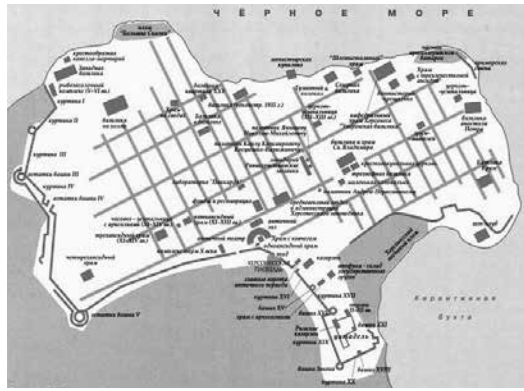
К северу от Херсонеса находилось до 400 полей-клеров по 27–30 га каждый. Эти тщательно обустроенные поля земледельческих усадеб использовались под виноградники.

Столетиями Херсонес процветал, находясь на оживленных торговых путях, которые связывали Грецию, Рим и Византию со Скифией, главным импортером хлеба.

Н. М. Карамзин пишет о политическом устройстве Херсонеса времен князя Владимира: «Он признавал над собою верховную власть императоров греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях черноморских, наслаждались изобилием» [42, с. 77].

Херсонес был типичным городом-государством (полисом) республиканского типа. В культурном плане Херсонес в эпоху античности и раннего средневековья был очагом греческой образованности, в частности в период миссионерской деятельности святых Кирилла и Мефодия.

Херсонес был многонационален, его недаром выбрал известный философ Константин для изучения тех языков, которые ему могли бы пригодится в миссионерской деятельности в Хазарии.

План Херсоенеса

Херсонес унаследовал от античности правильную планировку с прямоугольными кварталами и прямыми узкими улицами. Главная из улиц, пересекающая город, имела длину около километра. Она была немного шире остальных (6–7 м), имела канализацию в виде каменных желобов и водопровод из глиняных труб. Общая территория Херсонеса достигала 30 га.

Херсонес был важнейшим укрепленным городом Византии в северном Причерноморье. Это объясняется предпринятым Византией в VI веке строительством в Херсонесе мощных крепостных сооружений, в том числе приморской линии обороны.

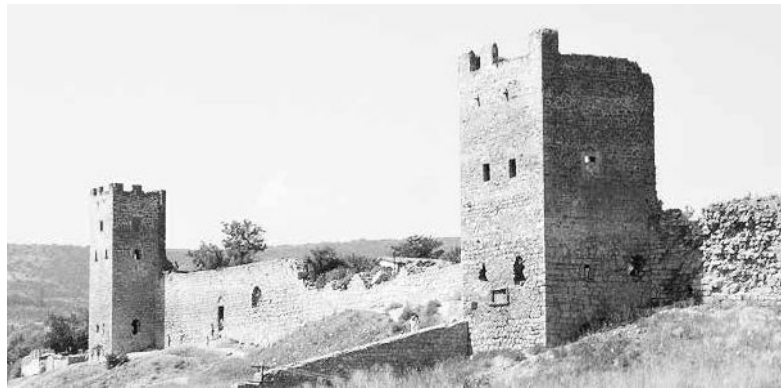
Херсонес в раннем средневековье был одним из крупнейших и богатейших городов в Европе, пока не возвысились другие древнерусские города.

Византия, господствующая в северном Причерноморье, весьма настороженно относилась к исторически неизбежному продвижению Руси к Черному морю, что вызвало вековые русско-византийские войны, перемежающимися временными мирными союзами.

Еще в 945 г. князь Игорь Рюрикович заключил с Византией соглашение, по которому Киев брал на себя обязательство защищать «Корсунскую землю» от нападения черных болгар, кочевавших в Приазовье.

Победа Святослава над хазарами и укрепление мощи Руси в Приазовье очевидным образом подрывали могущество Византии в ареале северного Причерноморья.

В 967 г. византийский император *Никифор Фока,* учитывая союзный договор между Русью и Византией, оберегая жизни благородных ромеев, решил использовать войска Святослава против болгарского

Крепостные башни Херсоенеса

царя Петра. К Святославу прибыл посол императора, знатный патриций, наместник Византии в Крыму, сын херсонесского стратига *Калокир* с дарами, в том числе лишь одного золота около 450 кг.

После встречи Святослава с Калокиром дело приняло неожиданный для Византии оборот. Святослав «соединился с Калокиром узами побратимства» [58, с. 44]. Это единственно известный случай побратимства Святослава с кем-либо.

«Побратимство» стало, по сути, формой тесного союза между Киевской Русью и Херсонесом. По византийскому историку *Скилице* (род. после 1040 г.), Калокир обещал Святославу сделать русов «на всю жизнь своими союзниками и друзьями» [27, т. I, с. 220], что коренным образом изменило политическую ситуацию не только в северном Причерноморье, но и на юге Европы вообще.

Калокир предложил Святославу помочь стать ему греческим императором, а за военную помощь взять себе Болгарскую землю. Союз с Херсоном при подготовке похода на Болгарию позволил Святославу использовать фактор внезапности. Херсониты не предупредили болгар о выходе в Черное море флота русов.

За 1500 лет своей истории Херсон (Корсунь) был взят лишь один раз в 988 г. русскими войсками[55] под водительством князя Владимира.

55 Если говорить точно, то, по свидетельству Жития св. Стефана Сурожского (в русской редакции XV века), на рубеже VIII–IX вв. рать великая русская из Новаграда, ведомая князем Бравлином, ворвалась в Крым, где пленила все: от Керчи до Корсуни и Сурожа (Судака). Легендарный характер русской редакции Жития св. Стефана Сурожского несомненен, в подлиннике греческой редакции Жития рассказ о набеге Бравлина отсутствует. — Авт.

Взятие Корсуни по праву сделало Владимира одним из выдающихся полководцев в истории Руси.

Стратегически по результатам боевых действий и их значению для русского государства Владимир превзошел Святослава. Это очевидно следует из итогов войн Святослава в Болгарии и взятии Корсуни Владимиром.

Святослав двинулся в болгарский поход, руководствуясь не интересами Киевской Руси, но сугубо личным желанием устроить средину *своей земли* на Дунае, куда в изобилии стекались отовсюду блага земные.

Поход этот носил весьма авантюрный характер, русские войска были далеко оторваны от баз снабжения, ведя тяжелые бои на приграничных землях могущественной Византии, ресурсы которой были несоизмеримо большими, в сравнении со Святославом.

Лишь благодаря выдающимся полководческим способностям и личному мужеству Святослава, а также героизму русских войск, окруженных в Доростоле, удалось сравнительно благополучно завершить войну с Византией, подписав с ней почетный союзный мир.

Поход на Корсунь зримо свидетельствовал о том, что князь Владимир был хорошо осведомлен о причинах неудачи болгарского похода Святослава. Ход осады русскими войсками Корсуни во многом зеркально отображает действия греков при осаде Доростола.

К походу на Корсунь Владимир основательно готовился более пяти лет. Прежде всего, ему нужны были достоверные данные о положении дел в Византии, ее военном потенциале, равным образом, как и в самой Корсуни.

Подобно греческому императору Цимисхию, который перед походом на русских заслал в Болгарию своих соглядатаев, Владимир также озаботился послать на земли греков верных ему, толковых в военном деле «мужей».

С этой точки зрения в ином свете видится отправление в 980 г. князем Владимиром из Киева в Грецию непокорного ему варяжского воинства, да еще с наказом греческому царю, рассредоточить варягов по всей греческой земле. Уже в то время Владимир предвидел будущие осложнения отношений с греками и, что вполне вероятно, мог послать с варягами преданных князю людей.

Судя по всему, князь Владимир внедрил своих соглядаев и в Корсунь, которая вела обширную торговлю, в том числе и с Киевом. Летописец сообщает, что среди осажденных людей в Корсуни были и такие, которые передавали князю Владимиру важные сведения о положении в городе, указывая на слабые места в его обороне.

Так «муж» корсунянин именем Настас (Анастас) отправил Владимиру, с помощью стрелы, пущенной из лука, сообщение: «кладязи (колодцы), яже суть за тобою отъ въстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавъ переими» [64, с. 107]. В «Житии Владимира особого состава» говорится о некоем корсуньском варяге именем Ждберн, посылавшего Владимиру тайные извещения.

Известно, что с точки зрения противодействия доносчикам, соглядатаям и изменникам, Святослав своевременно нейтрализовал греческую агентуру в Доростоле, кого казнив или посадив в застенки, тем самым обеспечив себе надежный тыл. В Корсуни у греков была противоположная, весьма непростая ситуация, во многом предопределившая падение крепости.

Большое значение перед походом на Корсунь имел разведовательный, а по сути отвлекающий, набег русских войск, во главе с Добрыней, на окраинные земли Болгарии в 985 г. Этим походом Владимир фактически разорвал неравноправный договор Святослава с Византией от 971 г.

Греки, после кратковременного явления отряда Добрыни на землях Болгарии, всерьез уверились в том, что Владимир решил взять реванш за неудачу Святослава и вновь готовится к вторжению на Дунай.

Немаловажным было и то, что отряд Добрыни возвращался из болгарского похода, проходя по тмутараканским землям причерноморских (приазовских) русов, охватывающих собой Восточный Крым, Таманский полуостров, нижнее Придонье и Прикубанье.

Современник событий, византийский историк Лев Диакон называет причерноморских русов «тавроскифами» — по месту их обитания, именно они составили костяк дружинного войска Святослава в его болгарских походах [72, с. 240–245].

Добрыня, судя по всему, договорился с причерноморскими русами Тмутаракани о военном союзе с князем Владимиром, что имело исключительно важное значение с точки зрения усиления военной мощи русских войск и открывало им прямую сухопутную дорогу в Крым для захвата Корсуни.

За год до похода на Корсунь, депутация «мужей» от князя Владимира, официально сообщившая грекам о его желании принять православную веру, окончательно затемнила царям Византии смысл намерений Владимира.

В числе «мужей» были опытные и толковые в военном деле люди, которые, воочию наблюдая византийский двор, сообщили князю весьма примечательную весть, что на самом деле в Византии царствуют два

брата — Василий и Константин, что делало отнюдь не простым эффективное руководство страной.

Владимиру важно было знать, смогут ли греки в случае осады Корсуни подойти на помощь. Речь идет о возможной посылке византийских войск и флота на поддержку осажденным. М. М. Щербатов пишет по этому поводу, что гарнизон херсонитов в случае военных действий имел надежду «кЪ полученію всегдашней помочи, чрезЪ открытое море и ихъ свободную еще пристань» [122, с. 259].

Внутренняя обстановка в Византии в это время была весьма тяжелой. В разгаре была война греков с болгарами. В 986 г. болгары во главе с *Самуилом* выиграли решительную *битву у Траяновых ворот*. В сражении была уничтожена почти вся византийская армия, был потерян весь обоз, император Василий II чудом избежал пленения.

Остро нуждаясь в кораблях для быстрой переброски войск в различные части империи, Василий вступил в переговоры с венецианским дожем Орсеоло.

В 987 г. в Византии поднял мятеж известный военачальник *Варда Склир*, провозгласивший себя императором. В начале 988 г. мятежные войска подошли к Константинополю, от которого их отделял только пролив Босфор. Одновременно, по словам сирийского историка XI века *Яхъя Антиохийского*, болгары опустошали владения Византии на западе.

Смута в Византии предопределила собой благоприятный момент для начала похода Владимира. В этих условиях князь идет на крайне важное решение, как для похода на Корсунь, так и для судьбы древнерусского государства вообще. Владимир заключает династический военно-политический союз с причерноморскими русами, ставя своего сына Мстислава князем Тмутаракани, в обмен приглашая своих новых союзников сообща разграбить богатую Корсунь дотла.

Лев Диакон подтверждает то обстоятельство, что в походе князя Владимира на Корсунь участвовали «тавроскифы»: «И на другие тягчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды[56] <…> они знаменовали взятие тавроскифами Херсона» [58, с. 90–91].

Корсунь был обречен — флот причерноморских русов блокировал город с моря, а союзное войско Владимира окружило крепость с суши, подобно тому, как греки в свое время обступили Святослава в Доростоле, оградив город мощным укрепленным земляным валом.

56 Это комета Галлея, наблюдаемая в июле-августе 989 г. Таким образом это астрономически точная дата взятия Херсонеса Владимиром. — Авт.

Если у Святослава в Доростоле был небольшой флот, хоть как как-то доставлявший продовольствие осажденным, а воды в Дунае было предостаточно, то в Корсуни со временем иссякли запасы воды и еды. Летописец пишет об этом: «Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лета». Они же не послушаша того» [64, с. 106].

Корсунцы, не сдаваясь, ночью, как кроты, руками подкапывали земляной вал укреплений русских войск, тем самым мешая им вплотную приблизиться к городским стенам[57]. Дело затягивалось, прошло уже шесть месяцев бесплодной осады, как вдруг, неожиданно, некий муж-горожанин Настас прислал Владимиру из осажденного города весть о местонахождении трубы тайного колодца для подачи воды в Корсунь.

По летописцу, вначале князь даже не поверил такой удаче: «Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «аще се ся сбудетъ, и самъ ся крещю» [64, с. 106]. Эта церковно-летописная легенда поражает своей нелепостью: Владимир, обращая взор на небо, т. е. на Бога, обещает ему принять крещение, если Бог поможет ему уморить жаждой ни в чем не повинных людей, среди которых были тысячи православных христиан!

Невежество летописца превзошел темный монах Иоаков Мних (†1072), по которому: «Замыслив поход на город греческий Корсунь, так молился князь Владимир Богу: «Господи Боже, Владыка всех, одного у тебя прошу: дай мне город, чтобы взял и привел людей христиан и попов на всю землю, и пусть учат людей закону христианскому. И услышал Бог молитву его, и взял он город Корсунь» [78, с. 287]. Получается, что кровь, слезы, страдания, грабеж одних, Бог может конвертировать в благо всеобщего крещения других. Не иначе как сущим бредом религиозного фанатика это и назвать-то нельзя.

Изумляет и то обстоятельство, что корсунянин Настас (Анастас), по Синодальному списку новгородской летописи, был «юреем» (иереем) [77, с. 71][58], греческим священником [70, с. 119]. Чтобы сохранить себе жизнь, он пошел на измену, переметнувшись на сторону язычника князя Владимира, предав и жителей Корсуни, и православную церковь[59]. По Софийской летописи, когда Анастас пошел на предательство,

57 Илюстрации: Рис. 17. Осада Корсуни князем Владимиром.

58 По Н. М. Карамзину: «Анастас был священного сана и, вероятно, знаменитого, когда главная церковь столицы (доныне именуемая Десятинною) находилась под его особенным ведением» [42, с. 80].

59 М. М. Щербатов, явно юля, пишет, что Анастаса, которого некоторые считали протопопом Корсуньской церкви, неизвестно какими причинами был побужден к предательству [122, с. 259].

он был неким «мужем корсуняниным», и лишь позднее, в Киеве, выяснилось, что он корсуньский «ерей» [104, ст. 95, 106].

Получив весть от греческого изменника Настаса, Владимир «повелѣ копати прекі трубамъ[60], и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ градъ и дружина его» [64, с. 107]. Началась дикая вакханалия грабежа и убийств подобная полоцким бесчинствам. Отличие было лишь в одном: деревянный Полоцк сожгли до тла, а Корсунь, сложенная из известняка, внешне хоть как-то уцелела.

Страшную картину событий рисует так называемое «Житие Владимира особого состава» из Плигинского сборника XVII в., корсуньская история из него частично содержится в Проложном житие XV века. Согласно ему, вначале Владимир посылает в Корсунь с Олегом с требованием руки дочери за себя «князя Корсунского града». Встретив насмешливый отказ[61], оскорбленный Владимир собрал войско из «варяг, словен, кривичей, болгар с черными людьми» и двинулся покарать обидчика. Историк С. П. Шестаков пишет по этому поводу: «Обидный ответ князю Владимиру отвечает общим взглядам благородных ромеев византийцев на брачные связи с язычниками [118, с. 131].

Во время осады некий варяг из Корсуни по имени Ждберн *(Skibiörn, Sigƀjorn)* послал стрелу в лагерь к своим соплеменникам варягам и крикнул: «Донесите стрелу сию князю Владимиру!». К стреле была привязана записка с сообщением: «Если будешь с силою стоять под городом год, или два, или три, не возьмешь Корсуня. Корабельники же приходят путём земляным с питием и с кормом в град». Владимир велел перекопать земляной путь и через 3 месяца взял город.

Затем последовала изуверски беспощадная расправа: «А князя корсунского и с княгиней поймал, а дщерь их к себе взял в шатер, а князя и княгиню привязал у шатерной сохи и с дщерию их пред ними беззаконство сотворил[62]. И по трех днях повелел князя и княгиню убить, а дщерь их за боярина Ижберна дал со многими имениями, а в Корсуни наместником его поставил» [8, с. 156]. Под князем

60 Иллюстрации: Рис. 18. Осада Корсуни, обнаружение тайного источника воды.

61 Налицо сходство этого эпизода с неудачным сватовством князя Владимира к полоцкой Рогнеде. — Авт.

62 В трех случаях, при взятии Полоцка, Киева и Корсуни, имеется сходная картина — князь Владимир, изощренно гнусно, на глазах умирающих, истекающих кровью родственников (родителей, мужей, братьев) прилюдно насилует свои жертвы. Или это повтор с вариациями одного бывшего события,или Владимир — садистское исчадие, изверг рода человеческого. — Авт.

и княгиней в Корсуни скорей всего можно разуметь византийского стратига и его жену [118, с. 45].

Здесь князь Владимир выступает как дикий, совершенно невежественный варвар. По его разумению, если он изнасиловал дочь правителя и убил всех родственников и наследников, значит, отныне именно ему будет принадлежать право собственности на все их достояние. Но Херсонес был республикой, где административная власть назначалась или выбиралась, но отнюдь не присваивалась по наследству, тем более силой наглой, вооруженной своры насильников и грабителей.

Бесчинства князя Владимира при взятии Корсуни были столь беспримерны, что стали известны даже в Германии. Титмар Мерзенбургский, в частности, характеризуя Владимира, пишет: «был [он] безудержным и жестоким распутником и чинил великие насилия над слабыми данайцами [греками]» [27, т. IV, с. 73].

Летописец пишет о грабеже Корсуни Владимиром, в числе вывезенных в Киев ценностей были: две медные античные статуи, четыре медных коня, жертвенники, церковные сосуды, иконы в драгоценных окладах, корсунские святыни — мощи святого Климента[63] и его ученика Фифа [64, с. 113–114]. По Тверской летописи: «Корсунь разоренъ бысть отъ Руси» [65, с. 108]. Былина о князе Глебе Володьевиче сохранила воспоминания о взятии Корсуни, пожаре и поголовной резне княжеской дружиной всех живых старых и малых в городе[64].

Данные археологии подтверждают погром Корсуни во время осады города князем Владимиром, следы пожарищ, опустошение и мусор, покрывающий целые городские кварталы: «Во всех отчетах

63 Около 100 г. большую роль в христианизации Крыма сыграл Римский папа Климент (четвертый по счету от апостола Петра). Тертуллиан сообщает, что Климент Римский был рукоположен святым Петром. Ириней Лионский упоминает Климента как современника апостолов. По преданию, около 98 года был сослан из Рима в Инкерманские каменоломни, где проповедовал. Ему приписывают создание 75 церквей в крымских пещерах. Встретил мученическую смерть в Херсонесе. Около 861 г. мощи святого Климента были обретены святыми Кириллом и Мефодием при участии херсонесского епископа Георгия. Около 868 г. равноапостольный Кирилл лично перевез мощи в Рим и передал папе Адриану II. Часть мощей святого Климента была оставлена в Херсонесе, где покоилась в резной шеститонной гробнице, сделанной византийскими мастерами из проконесского мрамора. Князь Владимир повелел доставить гробницу в Киев, где ее освободили от мощей святого Климента, поместив их в раку. Видимо, Владимир готовил роскошную усыпальницу для себя, но в действительности в 1054 г. в ней был похоронен сын Владимира Ярослав Мудрый. Часть мощей Климента была передана французскому епископу Шалону, приехавшему в составе посольства сватать дочь князя Ярослава Анну Ярославну за французского короля.

64 См. приложения. Былинные сказания о походе на Корсунь.

постоянным рефреном звучит вывод: «существование домов обрывается вследствие катастрофы, постигшей город в конце X в.» [91, с. 182] В городе найдены клады монет, зарытые жителями в конце X века. Откапывать эти клады было некому, их хозяева погибли[65].

В западной части города раскрыто и исследовано целое кладбище, в том числе около десяти могил с массовыми захоронениями по 30–40 человек в каждой. По мнению С. А. Беляева, в могилах, вероятно, погребены жертвы осады Корсуни князем Владимиром. Одна из раскопанных могил наполнена в основном черепами. Судя по всему, это следы жестокой расправы, учиненной норманнами над жителями города: язычники-русы сбрасывали в могилу отрубленные[66] головы херсонитов [7].

Выделяется еще одна группа могил в этом же комплексе погребений. В них погребенные лежат на спине с руками, сложенными на плечах. Такой тип погребений сближается с так называемыми «варяжскими» погребениями в Киеве, в некрополе под Десятинной церковью. Возможно, здесь захоронены варяги войск князя Владимира, погибшие при штурме Корсуни [8].

По *Житию Владимира особого состава*, захватив Корсунь, Владимир отправил в Царьград посольство во главе с военачальником Олегом и варягом Ждберном. Эти лица не известны по другим источникам. Судя по всему, обе версии захвата Корсуни имеют под собой реальную основу, и наряду с летописным Настасом (Анастасом), вошедшим в доверие к Владимиру после падения города, одновременно действовал варяг Ждберн, которому удобнее было выпустить стрелу в сторону осаждавших и переговариваться с ними на одном языке.

Версия участия варягов во взаимоотношениях Владимира и Греции в какой-то мере отражена в «Саге об Олаве Трюггвасоне», где показано участие Олава в склонении Владимира к принятию христианства [24, с. 46–47].

Летописец сообщает, что после взятия Корсуни «посла Володимеръ ко царема Василью и Констянтину, глаголя сице: «се градъ ваю славный взяхъ» — после чего ультимативно потребовал от них: «сестру дѣвою вдаста за мя», угрожая в случае отказа: «створю граду вашему, якоже и сему створихъ» [64, с. 107]. Летописные угрозы и бахвальство

65 Авторы Никоновской летописи 500 лет спустя сочинили иную картину событий, по которой князь Владимир, ворвавшись в Корсунь «укрѣпи иуласка всѣхъ» [62, с. 53]. Об этом же пишет М. М. Щербатов: Владимир«не делал никаких суровостей, но ласкою всех к себе привлекал, когда вград Херсон с войском своим вступил» [122, с. 260].

66 По древнескандинавским сагам, викинги норманнов особо гордились «искусством» одним ударом топора (секиры) отрубить человеку голову. — Авт.

князя Владимира в адрес Царьграда очевидны: «Владимир в Корсуни был на верху своего могущества» [118, с. 87]. В чем же состоял реальный смысл посольств князя Владимира к царям Византии после падения Корсуни?

По существу, разграбленная до тла Корсунь Владимиру была уже не нужна. Князь понимал, что оборонять Херсонес от греков, которые неминуемо бы явились с флотом и войском, будет совсем не просто. Владимиру нужна была богатая Корсунь, но не разоренные руины с нищими жителями.

Серебряная монета царей Василия и Константина.

Поэтому, здраво размыслив, Владимир решил послать депутацию в Царьград с сообщением о падении Корсуни и, как это тогда было принято, предложил греческим царям за выкуп вернуть им Херсонес. Летописец пишет по этому поводу: «И слышаста царя, быста печальна» [64, с. 107] — печаль царей понятна, денег не было, императорская казна была пуста.

В возникшей непростой ситуации царствующим братьям Византии пришла весьма примечательная идея, заключить с князем Владимиром династический союз[67], отдав сестру Анну в жены Владимиру в качестве выкупа за Херсонес. По летописцу, формула сделки была такова: «Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунъ опять царицѣ дѣля» [64, с. 114].

По версии летописца, цари Византии выдвинули условие выдачи Анны в жены Владимиру: вначале князь должен «крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». Это явно церковный вымысел, в сложившейся ситуации цари Византии не могли ставить условия князю Владимиру, наоборот, именно Владимир, как победитель, диктовал свою волю побежденным грекам. Но все же коллизия с крещением имела место, ведь полноправный династический брачный союз Анны с некрещеным варваром князем Владимиром был невозможен.

По мнению М. М. Щербатова, сватовство Владимира к греческой царевне Анне выглядело следующим образом. Вначале Владимир послал послов к Цесарям Греческим Василию и Константину и потребовал у них себе в супружество сестру их Царевну Анну, тогда пребывающую девою, угрожая при этом, что если они сестру свою не отдадут, то он Константинополю учинит то, что учинил Херсону. Цесари Греческие угроз князя Владимира отнюдь не испугались,

67 Со времен Святослава Игоревича Византия была в союзных отношениях с Киевской Русью. — Авт.

сообщив ему, что за идолослужителя сестры своей не отдадут, пусть сперва он примет крещение.

Тогда Владимир послал второе посольство Цесарям Греческим с сообщением, что он уже имеет понятие о христианстве от бывшего присланного ими Философа и согласен принять крещение от греческих священнослужителей, которые прибудут вместе с Царевной. Цесари Греческие не согласились на этот вариант, вновь поставив условие: вначале крещение, потом Анна. На что князь Владимир категорически ответил уже с третьим посольством, что до пришествия Царевны он креститься не будет, что вынудило Греческих Императоров согласиться с желанием князя Владимира [122, с. 260–261].

Таким образом, в мотивах крещения князя Владимира, как и при крещении княгини Ольги, присутствовали сугубо брачные и политические мотивы. В. Н. Татищев считал историю с греческой принцессой Анной летописным вымыслом. По его мнению, это была не принцесса Анна, а болгарская принцесса [106, 1768, пр. 42, с. 49].

В действительности болгарская принцесса стала дополнительной знатной женой Владимира, не вместо царевны Анны, а наряду с ней и прочими другими «женами», начиная с полоцкой Рогнеды, а точнее с легендарной ладожанки Аллогии.

«Длительная осада Корсуни окончилась победой Русского государства. Город был взят. Византия была вынуждена заключить с Владимиром равноправный договор, признать политические права Руси в Таврике и Приазовье и заключить с Владимиром политический союз (в форме его брака с царевной Анной). Тем самым позициям Византии в Таврике был нанесен тяжелый удар. Влияние империи здесь после этого ощущается все слабее, а в XII веке сходит почти на нет» [124, с. 65].

Поход Владимира на Корсунь имел поистине судьбоносный характер для становления древнерусского государства. До корсунского похода Киевская Русь была окраиной восточной Европы, а после, буквально через несколько лет, стала вровень с мощной империей средневековья — Византией.

Крещение князя Владимира (988 г.)

Когда Анна узнала о том, что ее собираются отдать в жены киевскому князю «тавроскифов», она пришла в смертный ужас. Летописец образно пишет по этому поводу: «она же не хотяше ити: «яко в полонъ, рече, «иду, луче бы ми сде умрети».

Дело в том, что по принятым в Византии канонам имперского правопорядка брак знатных ромеев с варварами, за исключением франков-христиан, был практически запрещен. Если это случалось, то лишь в силу чрезвычайных обстоятельств.

Именно такая ситуация для правящих в Византии братьев сложилась в то время. Они приложили все свое красноречие, склоняя Анну к подвигу во имя Греческой земли: «И рѣста ей брата: «еда како обратитъ Богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати; видиши ли, колько зла створиша Русь Грекомъ? И нынѣ аще не идеши, тоже имутъ створите намъ»; и одва ю принудиша» [64, с. 108].

«Умолиста сестру свою» к отвратительному для нее замужеству, цари Византии уведомили «мужей» посольства Владимира о предложении выкупа за Херсонес в виде «крещеного брачного варианта».

Князь Владимир понимал всю важность и выгоду, как для себя, так и для киевской Руси в целом, династического брака с царевной Анной, ведь он становился близким родственником императоров Византии со всеми вытекающими отсюда правами. Как пишет Н. М. Карамзин: «Родственный союз с греческими знаменитыми царями казался лестным для его честолюбия» [42, с. 77].

Не колеблясь, Владимир согласился с предложением греческих царей, ответив им: «да пришедъше съ сестрою вашею крестятъ мя» [64, с. 108]. Здесь весьма примечательно то, что Владимир дал согласие принять крещение по греческому обряду от тех лиц, которые прибудут вместе с царевной Анной, летописец именует их «сановники нѣкия и прозвутеры». Это косвенное подтверждение того, что реально, поскольку Корсунь и ее окрестности были разграблены языческим полчищем, неосквернённых ими православных базилик и монастырей не осталось, и креститься в Херсонесе князю Владимиру было негде.

Летописец сочувственно пишет об отъезде Анны из Греции: «Она же сѣдъши в кубару[68], цѣловавши ужики[69], своя съ плачемъ, поиде чресъ море» [64, с. 108][70]. По М. М. Щербатову в Корсунь из Греции Анна прибыла с целой эскадрой кораблей с множеством духовных служителей, бояр и других сановников, которые были с великой радостью приняты горожанами [122, с. 261].

---

68 Тип греческого судна с большой каютой на корме. — Авт.

69 Ужики (др. русск.) — близкие родственники, в данном случае, судя по всему, братья Анны Василий и Константин. — Авт.

70 Иллюстрации: Рис. 19. Царевна Анна отплывает из Греции в Корсунь.

По историку Яну Длугошу, вместе с Анной в Корсунь прибыли ее царствующие братья Василий и Константин [119, с. 232], что, конечно, является выдумкой. Покинуть мятежную Византию ее императоры тогда не могли, ведь они рисковали при этом обратно уже не вернуться в сане императоров.

По версии летописца, когда корабль Анны «приде къ Корсуню и изидоша Корсуняне с поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ» [64, с. 108], что весьма сомнительно, откуда в разграбленной до тла Корсуни могли сохраниться палаты, пригодные для приема греческой царевны? Судя по миниатюре из Радзивиловской летописи, многие жители градские, спасаясь от вооруженных насильников, убийц и грабителей, ворвавшихся в город, в панике бежали из города[71].

Наиболее вероятно, что Анна осталась на корабле с «сановники нѣкия и прозвутеры», дожидаясь, пока князь Владимир прибудет к ней на «кубару», и в присутствии своей знати, как свидетелей, по греческому обряду примет крещение от «прозвутеров», т.е от прибывшего византийского священства.

Однако в последний момент, совершенно неожиданно для греков, князь Владимир опять не стал креститься. Как пишет В. Н. Татищев по этому поводу: «ВладимирЪ о крещеніи началЪ мыслями колебаться, не хотя свое обѣщаніе исполнить» [106, 1773, с. 72]. Тут, по летописцу, случилось знамение: «По Божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видящее ничтоже, и тужаще велми» [64, с. 108].

Судя по всему, Владимир решил прикинуться больным, чтобы не являться на «кубару» к грекам. Возможно, по причинам личной безопасности[72] или по нежеланию публично принять от прозвутеров (пресвитеров) внешне унизительный для достоинства киевского князя Руси обряд крещения[73].

По версии летописца, Анна, узнав о мнимой слепоте[74] князя Владимира, поняв в чем дело, послала сообщить ему: «аще хочеши

71 Иллюстрации: Рис. 17. Осада Корсуни князем Владимиром.

72 Владимир вполне резонно ожидал от греков любого коварства. В этом плане, например, Святослав, исходя из своей безопасности, встретил греческого императора Цимисхия, находясь в лодке. — Авт.

73 На фреске худ. В. Васнецова «Крещение князя Владимира» он, в обнаженном виде, ниже всех присутствующих, сидит в небольшом бассейне с водой. На миниатюре из Радзивиловской летописи князь Владимир, ниже всех присутствующих, в обнаженном виде, сидит в подобии чана-купели. — Авт. Иллюстрации: Рис. 21, 22. Крещение князя Владимира.

74 Напасть слепоты и чудо исцеления после крещения — традиционный агиографический сюжет, сходный с рассказами о крещении апостола Павла

избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли [ни], то не имаши избыти [недуга] сего» [64, с. 108][75].

В ответ князь Владимир решается на совершенно неожиданный для всех поступок, соответствующий характеру его личности, гордой, властной, стоящей выше всех. Владимир призывает к себе «корсуньских попов», в их числе услужливого Настаса, и повелевает им объявить себя крещеным: «повелѣ хрестите ся» [64, с. 108]. В «Повести о Николе Заразском» Настас именуется епископом, который лично крестит князя Владимира в Корсуни [80, с. 162].

А. Ю. Карпов по этому поводу отмечает [44, с. 243] двойственную суть понятия «крещения». В прямом смысле слова оно значит наложение (принятие) нательного креста как внешнего отличительного признака христианина. В полном, церковно-религиозном смысле, под крещением разумеется обрядность христианского таинства погружения в воду, обновления человека для новой праведной жизни, подобно тому, как Иоанн Креститель в реке Иордан крестил Иисуса.

Безусловно, ясно, что «корсунские попы» имели право принять крещение Владимира, другой разговор, где и как это происходило в действительности. Судя по всему, обряд крещения состоял в том, что угодливый Владимиру Настас украсил княжескую грудь драгоценным золотым крестом, найденным в одной из разграбленных православных базилик Корсуни.

Летописец Переславля Суздальского красочно живописует, как князь Владимир, крестившись, исцелился, прозрев: «И увидъ ясно в лице царицю, и лобзаю, и вѣнца свѣршение бысть, и възлюби а паче мѣры, бѣ бо любима богу» [61, с. 37].

Чтобы сохранить внешне принятую в то время традицию принятия крещения от византийского православия и воочию стать родственником греческих царей, князь Владимир при крещении принял имя Василий в честь византийского императора Василия II[76].

При этом, вновь подтверждается традиция весьма специфического отношения к крещению русских князей, начатая еще княгиней Ольгой. Дело в том, что по церковным греческим правилам, принятым

и императора Константина Великого в «Хронике» Георгия Амортола. Такая же тема исцеления от недуга и последующего крещения князя Бравлина изложена в Житии святого Стефана, епископа Сурожского из Крыма — Авт.

75 Иллюстрации: Рис. 20. Передача царевной Анной послания Владимиру с советом скорее креститься, чтобы избавиться от болезни.

76 По сходным обстоятельствам княгиня Ольга в 955 г. при крещении приняла новое имя Елена, как и мать императора Константина. — Авт.

в Византии, нельзя было сохранять прежние языческие имена после крещения. Тем не менее, все русские княжеские святые после крещения сохранили свои прежние языческие имена — святые Ольга, Владимир, Борис и Глеб. А по католическим канонам крещения в это время по отношению к варварам, в том числе и к славянам, было допустимо сохранение языческого имени наряду с христианским, что и привело к возникновению традиции наличия у католиков двух имен [22, с. 286].

Тогда получается, что первые русские святые приняли крещение, включая католическую обрядность. А летописец нас пытается убедить в обратном, ведь по его сообщению, князь Владимир отослал из Киева послов Нѣмцемъ: «идѣте опять, яко отці наши сего не прияли суть» [64, с. 83]. Значит, все же приняли, в том числе сам Владимир при крещении в Корсуни.

По летописцу, Владимиру после крещения «корсунские попы или попы царицины» вновь сжато изложили Символ Веры, догматический смысл Троицы, историю непорочного зачатия «на ложе пречистом» девы Марии, миссию Христа, краткую историю Вселенских Соборов и проклятых ими ересей и затем вновь обрушились на Латынъ: «ихъ же ученье разъвращено» [64, с. 112], что явно говорит об их вставке переписчиками в более поздние времена раскола восточного и западного христианства.

Имя епископа Корсунского, якобы крестившего Владимира, нам не известно. По Лаврентьевской летописи, крещение князя Владимира выглядело следующим образом: «Епископъ же Корсуньскій с попы царицины, огласивъ, крести Володимера; яко възложирку на нь, абье прозрѣ <…> Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святого Василья и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтарем» [64, с. 109].

По летописцу, в обряде крещения приняли участие «попы царицыны», т. е. византийское священство, прибывшее вместе с Анной на «кубаре». Но в действительности византийские «прозвутеры» в обряде крещения князя Владимира участия не принимали, греки по этому поводу ничего не сообщают. В месяцеслове Русской Церкви не было и нет праздника (воспоминания) в честь событий крещения Владимира в 988–989 гг.

Рассуждая о месте крещения князя Владимира, историк С. П. Шестаков высказывает мнение, что по топографии, приводимой летописцем, речь идет о храме-базилике, стоящем в центре Корсуни вблизи торгового двора (рынка). В «Сказаниях об обретении мощей

св. Климента» упоминается Соборный храм Святых Апостолов. Вполне вероятно, что именно в этом храме, или его приделе, принял крещение от Корсунского епископа «с попы царицины» князь Владимир [118, с. 133–134].

Как правдивый историк, летописец оговаривается, что приводимая им версия места крещения Владимира известна не всем, что есть и другие мнения по этому поводу: «Се же не свѣдуще право, глаголютъ, яко крестилъся естъ в Киевѣ инии же рѣша: [в] Василеве; друзии же инако скажютъ» [64, с. 109]. «Значит, прошло не более ста лет со времени крещения, а русские люди уже имели довольно смутное представление об этом событии. О чем это свидетельствует? Конечно же, о том, что «крещение Руси» не запечатлелось в памяти народной, будучи в сознании современников событием почти рядовым» [114, с. 77].

В Западной Европе вообще весьма смутно представляли, когда и кем была крещена Русь Так, уже в XII веке Хельмгольд в своей «Славянской хронике» не может с точностью ответить на этот вопрос: «Давно уже и Русь веровала <…> Но я не мог нигде узнать с точностью, какими проповедниками она была обращена в христианскую веру; знаю одно, что в своих обрядах она, кажется, более подражает грекам, чем латинам, так как Русское море (Черное море — Авт.) служит близким путем сообщения ее с Грецией» [27, т. IV, с. 269].

Версии крещения князя Владимира, помимо «корсунской», на киевской земле весьма сомнительны, ведь повсеместно в Поднепровье язычество тем же Владимиром было объявлено официальной религией, а христиане подвергались гонениям, вплоть до известных убийств в Киеве. Несмотря на это историческое обстоятельство Н. М. Карамзин высказал фантастическое предположение: «Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже *давно* (? — Авт.) находились *церкви и священники христианские* (? — Авт.)» [42, с. 77].

В наименовании корсунской церкви, где принял крещение князь Владимир, в летописях царит совершенный разнобой. По Лаврентьевской летописи, Владимир крестился в церкви святого Василия; по Радзивиловской и Академической летописям — в церкви Святой Богородицы; по Ипатьевской — в церкви Святой Софии; по Новгородской Первой младшего извода — в церкви святого Василиска; по обычному Житию Владимира — в церкви Святого Иакова; по Устюжскому летописному своду — в церкви Святого Спаса; по Рогожскому летописцу — в церкви Святого Климента. Житие Владимира особого состава вообще сообщает, что Владимир крестился не в церкви, а «в речке».

Когда в 1735 г. Академия наук решилась на издание летописей, это вызвало беспокойство в Синоде: «в Академии затевают историю печатать <…> отчего в народе может произойти не без соблазна». В летописях «не малое число лжей, басней», а поэтому «таковых историй печатать не должно» [116, с. 24].

А. Ю. Карпов справедливо отмечает неправомерность попыток объяснения названия церкви святого Василия поверхностным отождествлением с более общим греческим понятием слова «базилика», что при многократном переписывании превратилось вначале в летописную церковь святого Василиска, а затем и Василия [44, с. 241]. «Во время обработки летописного сказания (70–80-е годы XI века) в Корсуни и на Руси не было известно ни точного места крещения князя Владимира, ни точного названия той церкви, в которой — согласно утверждавшейся «корсунской» версии — крещение произошло. И это при том, что летописец-редактор (как и составитель первоначального «Корсунского сказания») обнаруживает отличное знание города и его святынь» [44, с. 243].

Вполне возможно, что события, связанные с крещением Владимира, разворачивались следующим образом. На «кубару» к царевне Анне с греческими сановниками и священством прибыла из Корсуни депутация с сообщением, что Владимир крестился, выполнив пожелание Анны, после чего благополучно исцелился. Факт крещения Владимира подтвердил один из «корсунских попов», возможно, корсунский епископ или верный князю священник Настас.

Греческие «прозвутеры», заподозрив неладное, вполне резонно отказались признать крещение Владимира, поскольку таинства крещения не видели и в нем не участвовали. Однако формально считать неправомерными действия «корсунских попов» по крещению князя было нельзя. Условия для замужества царевны Анны были соблюдены, ей пришлось покинуть «кубару», где в Корсуни, словами летописца, Владимир «приведе царицю на браченье».

В. Н. Татищев живописует по этому поводу: «вскорѣ по крещенiи исполненъ бракъ. Вѣнчалъ ихъ епископъ Корсунскiй со множеством собора» [106, 1773, с.73].

С царевной Анной в Корсунь прибыли греческие сановники, которым была передана административная власть в городе, Херсонес вновь стал греческим. «Корсунские попы», крестившие Владимира и княжескую дружину, были изгнаны, они ушли в Киев. Их места в базиликах Херсонеса заняли прибывшие с Анной «прозвутеры».

Херсониты с радостью встретили Анну как избавительницу от бесчинств, убийств и насилий воинства князя Владимира. Летописец

пишет, что когда Анна «приде къ Корсуню, и изидоша Корсуняне с поклономъ, и въведоша ю въ градъ, и посадиша ю въ полатѣ» [64, с. 108].

По версии Никоновской летописи, херсониты обрадовались совсем другому — княжескому свадебному пиру: «Володимеръ сотвори бракъ, и поя за себе царевну Анну <…> и сотвори чрежение веліе убогимъ, и нищимъ, и странным, и сиротамъ, и вдовицамъ, и по улицамъ сосуды ставяше вина и меду, и перевары, и мяса, и рыбы, и овощи всякіа; да кто что хотяше, невозбранно съ радостію насыщашеся» [62, с. 56–57].

Все условия для заключения нового мирного договора между Русью и Византией были соблюдены, за исключением отсутствия факта православной законности для греков крещения князя Владимира. Это обстоятельство было выгодно царям Византии. Брак князя Владимира с царевной Анной потерял династический статус, обретя сугубо политический временный вид, а именно до кончины Анны.

Это означало, что наследники князя Владимира и царевны Анны не имели прав наследования в Византии и Киев не мог считаться «третьим Римом». Но и князь Владимир имел от возникшей ситуации весьма важное для него обстоятельство. Царевна Анна стала для него не единственной женой, но лишь женой христианкой в дополнение к другим знатным женам Владимира и прочим женским особям из обширного княжеского гарема в Вышгороде и Берестове. Так, уже после крещеного брака с царевной Анной, Владимир обзавелся еще одной женой из болгарской христианской знати.

Князь Владимир прекрасно понимал, что его личное крещение само по себе мало что значило. Главное состояло в том, как отнесется к этому его знать и дружина, без услуг которой он был никем и ничем. В свое время, еще Святослав, отвечая на пожелание княгини Ольги креститься, отвечал ей, что это невозможно, поскольку княжеская языческая дружина чужда христианству.

Владимир любил и холил свою дружину, по летописцу, услышав ропот подвыпивших дружинников, что они едят простыми деревянными ложками, князь: «повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ <…> Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ» [64, с. 123–124].

По летописцу, некоторые дружинники, предусмотрительно стремясь угодить князю, узрев крещение Владимира, также крестились в Корсуни[77]. Другие приняли крещение, полагая, что столь удачный штурм Корсуни был связан с крещением князя Владимира, попавшего

77 Иллюстрации: Рис. 23. Крещение дружины князя Владимира.

тем самым в милость и покровительство Единого греческого Бога. Эти дружинники вполне благоразумно решили к столь богатому Богу держаться поближе. По Никоновской летописи, помимо дружинников, среди крестившихся были и «велможи» Владимира «князи и бояре» [62, с. 54].

Само крещение для знати и дружинников было отнюдь не обременительным. Они, подобно князю Владимиру, украсили свои доспехи и одежды крестами, не как одухотворенные христиане, а судя по всему, используя кресты, как некое украшение на память о грабеже богатых корсунских базилик.

Но многие дружинники остались верными язычеству. Владимиру нужно было какими-то вескими доводами убедить всю дружину принять христианство, ведь, по существу, князь-христианин не мог руководить языческой дружиной.

Воины князя Владимира в своих поступках и действиях исходили главным образом из мотивов личной выгоды. В этом плане дружинникам, как и самому Владимиру, христианство было выгодней, в сравнении с язычеством. Норманны, начав грабежи в Европе, достаточно быстро уразумели, что богатство прежде всего нужно было искать в христианских храмах и монастырях. Грабеж Корсуни был тому полным подтверждением.

Есть еще одно обстоятельство, по которому язычество явно проигрывало христианству. Имеется в виду обряд жертвоприношения языческим кумирам скандинавскому Одину и славянскому Перуну золота, серебра, оружия и других ценностей в благодарность за воинскую удачу. Так, по летописцу, в 945 г., князь Игорь с дружинниками дали клятву соблюдать вечный мир с греками «приде на холмъ, кде стояше Перунъ, [и] покладоша оружье свое, и щиты и золото» [64, с. 53].

Христианин не нуждался в жертвоприношении Богу, искупительную жертву за всех людей, грешников и праведных даровал Христос, распятый на Голгофе, принявший мученическую смерть. Когда дружинники князя Владимира поняли, что, будучи христианами, они могут сполна распоряжаться всем награбленным в Корсуни добром, ни с кем не делясь и никому ничего не жертвуя, они, естественно, в своем большинстве решили стать новоявленными христианами. Сходным путем в те времена норманны, грабившие европейские монастыри и аббатства, приобщались к религии христианства.

Для тех, кто еще колебался, князь Владимир категорически объявил свою волю — не принявший христианство «противенъ мнѣ да будеть» [64, с. 115]. Для дружинников язычников это означало изгнание из дружины и конфискацию имущества.

Однако угрозы князя Владимира впрямую касались лишь зависимых от него дружинников, но отнюдь не многотысячной толпы причерноморских русов, явившихся в помощь княжеской дружине в походе на Корсунь.

Толпы вооруженных варягов вокруг Владимира внушали князю определенную тревогу, желание, использовав норманнов в своих интересах, затем избавиться от них, послать подальше от себя настырное и жадное варяжское воинство, так было в свое время в Новгороде, затем в Киеве, сходная ситуация возникла и после взятия Корсуни.

Но было одно важное и существенное отличие. В обмен на поверженный Херсонес, Владимир как уже близкий родственник греческих царей мог по праву принимать решения, касающиеся в том числе и самой Византии.

И такое решение было принято, князь Владимир посылает на помощь греческим царям многочисленное воинство причерноморских русов. Последние, в виду блестящих перспектив новых, невиданных доселе грабежей противников византийских царей, тысячными толпами двинулись крушить мятежные греческие провинции.

О размере русской военной помощи Византии сообщает армянский историк *Стефан Таронский*, современник князя Владимира. Он назвал цифру в 6 тысяч воинов.

Прибытие русского воинского контингента внесло коренной перелом в ход боевых действий. По *Яхъю Антиохийскому,* соединенные силы русов и греков разгромили войска мятежников Варды Фоки под Хрисополем (на азиатском берегу Босфора) в конце 988 г., а 13 апреля 989 г. союзники в сражении под Абидосом покончили с самим Вардой Фокой. Яхъя Антиохийский упоминает о боевых действиях русов в составе византийского войска и после, в северной Сирии в 999 г.

По крайней мере до 1000 г. русский контингент, посланный Владимиром на помощь царям Византии, сражался в разных краях обширной империи. Известно о русах в составе греческого войска и позже, однако это уже были отряды чисто варяжских наемников.

По сведениям *Жития святого Стефана Сурожского,* князь Владимир возвращался после удачного похода на Корсунь тем же путем, через тмутараканские земли, нагруженный огромным обозом награбленной добычи, в придачу с греческой царицей Анной и «корсунскими попами». О безмерной массе трофеев можно судить по тому обстоятельству, что разграбленный воинством князя Владимира до тла Херсонес в то время был одним из крупнейших и богатейших городов Европы.

* * *

Есть достаточно серьезные обстоятельства, порождающие сомнение в достоверности летописной повести крещения Владимира в Херсонесе: «Въ томъ видѣ, каъ оно вошло въ нашу лѣтопись, это преданіе остается внѣ связи съ тѣми переговорами съ Владимиромъ византіскаго императора, которые открылись въ 987-омъ году, когда послѣднему понадобилась военная помощь со стороны Руси» [118, с. 84].

Дата взятия Херсонеса, по Льву Диакону, как знамение кометы Галлея [58, с. 90–91], известна астрономически точно: конец июля 989 г. В «Памяти и похвале Иоакова Мниха князю Владимиру Святославичу», ценном нелетописном источнике, сообщается, что князь Владимир: «После святого крещения <…> на третий год Корсунь город взял» [78, с. 278], что соответствует показаниям арабских и греческих источников о взятии князем Владимиром Корсуни на третий год после крещения [118, с. 83].

Вероятно, что для заключения военного союза между Русью и Византией в конце 987 г. в Киев прибыло греческое посольство. В этом случае естественным поводом для принятия христианства Владимиром могло служить прибытие посольства для обсуждения условий союза Руси и Византии [118, с. 85].

Крещение киевлян (988 г.)

Приход в Киев князя Владимира с огромной, до сих пор невиданной добычей из богатейшей разграбленной Корсуни, произвел поистине ошеломляющее впечатление на современников этого события.

Киевляне, в массе своей жившие в убогих норах полуземлянках, единственным добром которых было несколько глиняных горшков, вылепленных руками, сбегаясь толпами, с восторгом и жадной завистью созерцали невиданное ими роскошное великолепие — золото, серебро, драгоценности, дорогое оружие и доспехи, богатые яркие ткани и одежды, красивую домашнюю утварь, изящные амфоры с вином, статуи, диковинные медные изваяния, гробницу из мрамора, иконы в драгоценных окладах, церковные украшения из корсунских базилик.

Владимир любил массовые пышные зрелища, славящие его могущество и власть. В Киеве, рядом с княжеским двором, на память о Корсуни Владимир велел поставить херсонесские изваяния — медные статуи трех львов, четырех коней, другие античные скульптуры.

Киевляне, не имевшие вообще никакого понятия об искусстве живописи и ваяния, были поражены увиденным, в изумлении созерцая дивные предметы, привезенные Владимиром из Корсуни, жители

Сфинкс и Афродита (древняя Фанагория)

которой, поклоняясь единому греческому Богу, так хорошо и богато жили. Существующий языческий пантеон Перуна для многих киевлян стал видеться в ином свете, как собрание убогих, примитивных, грубо раскрашенных истуканов из дерева.

Новые настроения жителей города князь Владимир чутко уловил. Он повелел за ненадобностью свергнуть Перуна и уничтожить языческое капище, а его идолов изрубить или сжечь. Чтобы зримо показать киевлянам падение власти Перуна и его беспомощность, в сравнении с греческим Единым Богом, Владимир подверг публичному глумлению идола.

Князь приказал привязать Перуна к хвосту коня и волочить его с горы к Днепру, по пути избивая жезлами и плетьми. Тверской летописец добавляет, что идола Перуна «влечаху по калу» [65, стб.114]. Затем Перуна стали топить, но он не тонул, а поплыл вниз по Днепру. Нестор, комментируя низвержение Перуна, философски заметил: «Вчера еще был, чтим людьми, а сегодня поругаем» [64, с. 114], имея в виду князя Владимира, угодливую ему киевскую знать и наемных дружинников.

Чтобы оценить суть событий свержения в Киеве Перуна, важно дословное описание летописцем этого события: «Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его» [64, с. 114].

Летописец признает, что не все жители Киева отвергли Перуна, в массе своей беднота, жившая в низинах Подола и на берегах Днепра, оплакивала языческого кумира.

Совершенно неожиданное для новоявленных крестителей: огромная толпа славян язычников двинулась по берегу, с плачем провожая

Князь Владимир и поверженные идолы.
Рисунок В. П. Верещагина. 1891 г.

Перуна. Чтобы они его не выловили и не спасли, Владимир приказал 12 дружинникам сопровождать плывущего по реке кумира до порогов, до границы Киевской Руси тех лет. Собственно говоря, это значит, что и сам князь в глубине души своей еще остался язычником, не желая, на всякий случай, окончательно уничтожить идола Перуна.

Толпа язычников сопровождала Перуна несколько дней, пока кумир не достиг порогов и острова Хортицы. Там Перуна подняли из воды и поставили на берегу острова, где он стоял некоторое время, а затем, по преданию, Перуна похоронили в землю. Еще долгие годы Хортица была местом поклонения язычников Перуну. 600 лет спустя запорожские казаки, устроившие на острове крепость, объявили Перуна своим покровителем и защитником.

Свергнув Перуна и уничтожив языческое капище, князь Владимир «посла по всему граду, глаголя: «аще не обрящеться кто [заутра на] рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть» [64, с. 114–115]. В Никоновской летописи о тех, кто откажется выполнить приказ Владимира об обязательном крещении, написано жестко и сурово: «не имать сей пощадѣнѣ бытии отъ насъ» [62, с. 57], т. е. их убьют[78].

78 «Крещенье — или смерть!» — известная формула средневековой насильственной христианизации людей и народов.

Комментируя явно бесцеремонный приказ Владимира, вступающий в полное противоречие с основами христианского гуманизма, С. М. Соловьев, выдавая желание за возможную действительность, сообщает, что перед крещением «митрополит (? — Авт.) и священники ходили по городу с проповедью» [102, с. 175][79]. «Всякий согласится, что так должно было быть, что прежде надобно было предложить народу крещение, объяснить ему сколько-нибудь, в чем состоит перемена, во что он должен отныне верить, и потом уже, когда явились упрямые, употребить приказ с угрозою, а не прямо заставлять идти всех к реке и делать неизвестно что» [102, прим.249, с. 307].

По летописцу, киевляне, услышав княжеские угрозы в свой адрес, *с радостью* (? — Авт.) ринулись креститься в Днепре[80]: «Се слышавшее людье с радостью идяху, радующееся и глаголющее: аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли» [64, с. 115]. Спрашивается, о каком «добре» в данном случае идет речь?

С религиозной точки зрения, «добром» является обряд принятия таинства крещения. При этом абсолютно ясно, что религиозное «добро», по определению, не может насильственно навязываться людям. Иисус пришел добровольно, а не по принуждению креститься в реке Иоардан у Иоанна Крестителя.

Если под понятием «добра» понимать не его моральную суть, но лишь экономическую суть, то, по летописцу, киевляне совершенно здраво рассудили, что когда князь с «болярами» крестился в Корсуни и после этого обрел столько «добра», то и им, простым людям, после крещения также перепадет хоть немножко подобного «блага».

Радостно предвкушая такую возможность, толпы киевлян с утра сами «влѣзоша в воду», чтобы креститься, и после чего, обрести вожделенное «добро». Совершенно ясно, что сама суть крещения, как и веры христианской в это утро были неведомы простым киевлянам, их ведь, как князя Владимира, никто до этого не вразумлял об истинах православной веры[81].

---

79 Здесь С. М. Соловьев, меняя последовательность событий, списывает голословное утверждение В. Н. Татищева: «По опроверженіи идоловЪ и крещеніи множества знатныхЪ людей МитрополитЪ и Попы ходяше по граду, учаху люде вѣрѣ Христовѣ» [106, 1773, с. 74].

80 В Проложном житии князя Владимира уточняется место крещения киевлян, на притоке Днепра речке Почайне, протекавшей по городу. Места более удобного для обряда крещения как для жителей, так и для духовенства.

81 До начала крещения производится ряд действий, составляющих подготовительную часть обряда. Они описываются Катехизисом следующим образом:«Приступающему к крещению предварительно дается имя в честь

В соответствии с церковными канонами обряд крещения — это сознательный акт принятия человеком новой веры, который должен совершаться строго индивидуально, поэтому массовое крещение населения как способ обращения в христианство одновременно сотен и тысяч людей исключалось. К тому же, в X веке еще не было принято крестить неразумных младенцев.

Ясно и то, что в силу исключительности обстоятельств, связанных с массовым крещением тысяч людей, точно соблюсти православные каноны было невозможно, в частности священство не могло, как это полагалось, класть руку на голову каждого крещеного, читать при этом соответствующую молитву, затем крестить его рукой, погружая его в воду и заставляя его выныривать трижды, после чего следовало миропомазание.

Грубейшим нарушением таинства святого крещения стало то, что, по летописцу, крещение состоялось «заутрия» на следующий день после повеления Владимира, т. е. без подобающего духовного приготовления и полагающегося при этом поста.

Центральный вопрос проблемы крещении киевлян — кто их тогда крестил? По летописцу, это были «попы царицины и с Корсуньскими», что по реальным обстоятельствам весьма сомнительно. «Корсуньские попы», будучи изгнанными из Херсонеса, или бежавшие из него, по существу обрели статус «христопродавцев». Какое же после этого они имели право крестить киевлян?

Прибывшие с Анной из Греции «попы царицины» в Херсонесе заняли места изгнанных из города «Корсунских попов», и если кто из них и прибыл вместе с Анной в Киев, то, возможно, это ее личный духовник, подобно тому, как в свое время, после крещения в Царьграде, в Киев вернулась княгиня Ольга вместе со своим духовником, болгарским священником Григорием.

В принципе, духовник Анны, если бы он был тогда в Киеве, имея полноправный статус священника, мог законным образом крестить горожан в то знаменательное для них утро принятия святого таинства. Но история по этому столь исключительной важности событию не сохранила никаких прямых и достоверных свидетельств. Да и сама

какого-либо святого. Затем читаются молитвы оглашения, в которых призывают страшных для демонов Иисуса Христа, молят об изгнании их от приступающего к крещению. После этого оглашенный обращается на запад и троекратно отрекается от сатаны и всех его дел, дует и плюет на сатану, выражая тем презрение к нему и решение не иметь с ним ничего общего. Отрекшись от дъявола, оглашенный обращается к востоку, к Христу, и дает обет веровать в Него и служить Ему. На этом подготовка к крещению закончена.

царица Анна после своего явления в Киев напрочь исчезла из политической и религиозной жизни Древней Руси.

Когда происходило крещение киевлян, вразумительных летописных сообщений по этому поводу нет. Церковные историки лишь предполагают, что это случилось 1 августа.

Несмотря на все явно сомнительные обстоятельства крещения, Н. М. Карамзин рисует в своем воображением величественную картину, как на берег Днепра явился Владимир, сопровождаемый *собором греческих священников* (? — Авт.), и по данному [им] знаку бесчисленное множество людей вступило в реку <…> иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителя <…> [вскоре] *священный собор*[82] (? — Авт.) нарек всех граждан киевских христианами [43, с. 79].

Н. М. Карамзин переписывает картину крещения киевлян, приводимую М. В. Ломоносовым, которую он оканчивает весьма странными и примечательными словами: «И самЪ Великій СамодержецЪ [Владимир — Авт.] со всѣмЪ СинклитомЪ и освященнымЪ соборомЪ украсилЪ присудствіемЪ великое сіе дѣйствие и чудное позорище» [70, с. 120].

М. М. Щербатов рисует это «чудное позорище» крещения киевлян, когда «священный собор», стоящий на плотах, крестил киевлян кучами и «по кучамЪ наименуя ихЪ именами во имя святыхЪ угодниковЪ» [122, с. 265].

Понимая весьма шаткую религиозную законность сообщения летописца о крещении киевлян, «попы царицины и с Корсуньскими», составители Никоновской летописи XVI века ввели более значимую, по их мнению, фигуру, своеобразный церковный имплантат — митрополита Михаила, которого князь Владимир, будучи в Корсуни, вызвал из Греции как посланника патриарха Фотия[83], с целью поставить его митрополитом в Киеве и по всей Русской земле. С ним князь вернулся в Киев из похода на Корсунь и именно Михаил, по Никоновской летописи, крестил в водах Днепра киевлян [62, с. 57].

В дальнейшем легенда-вымысел Никоновской летописи о митрополите Михаиле обосновалась в канонической церковной литературе, в частности в *Кормчей* книге.

Опираясь на такого рода «сведения», в середине XIX века известный церковный историк митрополит Макарий сочинил еще одну

82 Измышление о «священном соборе» Н. М. Карамзин заимствовал у князя М. М. Щербатова [109, с. 265]. — Авт.

83 В действительности Фотий был патриархом во времена Аскольда и Дирав 858–867 и 877–886 гг.

Прибытие в Киев епископа (худ. Ф. А. Бруни, 1839)

церковно-историческую легенду. Макарий решил реально обосновать сообщения греческих источников о крещении некоторых норманнов, якобы устрашившихся Божьего гнева, и, возможно, крещения самих Аскольда и Дира. Макарий придумал фантастическую картину мифического крещения руссов при Аскольде и Дире и называет имя посланного из Греции епископа — *Михаил*. «Как только прибыл к руссам епископ для проповедования им Евангелия, царь руссов созвал совет (вече), на котором присутствовали его бояре и бесчисленное множество народа, и долго рассуждали между собой о перемене веры <…> Аскольд и Дир сами приказали созвать вече, сами присутствовали на нем и, подобно другим, видели чудо несгоревшего Евангелия <…> И если бы они не крестились, то, можно сказать, и никто бы в Киеве не крестился» [73, с. 210–214].

По этому поводу М. М. Щербатов отметил, что эта легенда «не весьма же подлинно есть» [122, с. 269].

Если буквально следовать вымыслам составителей Никоновской летописи и измышлениям Макария, то легендарный митрополит Михаил выступает перед нами в роли библейского долгожителя, он вначале крестил киевлян в середине IX века, а затем, вновь поголовно крестил их в водах Днепра более чем через 100 лет в 989 г.

Легенде о киевском митрополите Михаиле придерживались М. В. Ломоносов [70, с. 118], М. М. Щербатов [122, с. 262],

В. Н. Татищев [106, 1773, с. 73]. С. М. Соловьев считал сказание о Михаиле «известием очень вероятным, потому что константинопольская церковь не могла медлить с присылкою этого лица, столь необходимого для утверждения нового порядка вещей на севере» [102, с. 175].

Однако летописец ничего не сообщает о митрополите при князе Владимире, говоря лишь о епископах. В действительности первый митрополит Феопемпт (ок. 1037–1049)[84] прибыл из Греции в Киев спустя лишь 50 лет.

Наконец, есть еще одна версия о греческом церковном иерархе, явившимся при Владимире крестить Русь. В «Саге об Олаве Трюггвасоне» сообщается, что Олав для этой цели призвал из Греции некоего епископа Павла (Палла) [24, с. 46–47].

Есть еще одно весьма важное отличие дополнения Никоновской летописи, в котором утверждается, что до крещения киевлян митрополит Михаил первым делом крестил 12 сыновей князя Владимира [62, с. 57]. Летописец же сообщает несколько иное, что сыновья Владимира, как и сам князь, вначале были христиански «просвѣщенъ» [64, с. 118], а затем, как положено по канонам таинства, крещены[85]. С. М. Соловьев по этому поводу замечает: «Разумеется, что Владимир, как отец, которому дорого было спасение детей своих, прежде всего, должен был озаботиться тем, чтобы семейство его было просвещено христианством; да и, во всяком случае, естественно было Владимиру начать обращение со своего семейства и потом перейти к остальным» [102, прим. 247, с. 306].

Однако летописи сообщают о просвещении и крещении первым делом не семейства князя Владимира, как пишет С. М. Соловьев, а именно сыновей Владимира, оставляя на втором плане его жен и множество дочерей.

---

84 Митропо́лит Феопе́мпт впервые упоминается в русских летописях в 1039 г., когда он принимал участие в повторном освящении Десятинной церкви в Киеве. Раз он немедленно взялся за переосвящение церкви, значит в Царьграде считали освятивших в 995 г. Десятинную церковь Анастаса и «Корсуньских попов» еретиками и самозванцами. Начиная со времени появления в Киеве митрополита Феопемпта, Русскую Церковь в течение всего домонгольского периода возглавляют почти исключительно греки, поставляемые на Киевскую кафедру Константинопольскими патриархами. В середине 1039 г. Феопемпт пребывал в Константинополе, где участвовал в патриаршем синоде. — Авт.

85 По «Киевскому синопсису» XVII века, сыновья князя Владимира были крещены в «единой кринице», источнике, получившим название Крещатик. Крещатинский источник протекал в овраге при впадения Почайны в Днепр. Сыновья Владимира были еще детьми, самому старшему около 11 лет.

Причина этого обстоятельства весьма серьезная. Владимир дальновидно предвидел будущие политические осложнения при разделе своего наследства между 12 сыновьями. Князь решил всех их повязать едиными узами христианства, прекрасно понимая, что если бы кто из них остался в язычестве, то при борьбе за власть, на его сторону встало бы большинство населения Киевской Руси, что ввергло бы страну в хаос братоубийственной гражданской войны[86].

Народ, вошедший в воды Днепра, до этого христиански не был просвещен. Киевляне крестились формально, надеясь, что омовением водой все окончится. В. Н. Татищев по этому поводу пишет: «Кресты на шею класть нигде у христиан, кроме Руси, не употреблялось, но кто узаконил, нигде не нахожу, думаю, что Владимир во все государство определил, чтоб от крещения никто не отолгался» [106, 1768, прим. 46, с. 50]. «Не все принявшие тогда у нас св. Веру, приняли ее по любви, некоторые только по страху к повелевавшему (к кн. Владимиру), как свидетельствует Илларион не все крестились охотно, некоторые — неохотно» [73, 1857, т. I, с. 16]. Было много людей, которые хотели остаться в стороне от крещения, по разным поводам избегая его: «окаменелые же сердцем, яко аспиды глухие, затыкающие уши свои, уходили в пустыни и леса» [106, 1773, с. 75].

Явно неправедные коллизии крещения киевлян нашли свое выражение в знаменательной христианской летописной легенде о стенаниях дьявола по поводу крещения: «Увы, мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой местным[87], а не апостолами и не мучениками; не смогу уже царствовать более в этих странах» [64, с. 115].

В стенаниях «нечистого», вынужденного бежать из Киева, как в капле воды, обнаружилась масса летописно-исторических христианских несуразностей. Если до крещения на землях киевлян «не было учения апостольского», значит легенда об апостоле Андрее — летописная выдумка и православная фантазия[88]. Если до крещения на землях киевлян «не знали Бога», значит не было никакого крещения при Аскольде и Дире, а крещение княгини Ольги было явлением сугубо

86 Несмотря на крещение именно это и произошло в дальнейшем. — Авт.

87 По летописному тексту: «невѣгласа [сего]».

88 Апостол Андрей, если исходить из легенды, не мог воздвигнуть в I веке святой крест на Горах киевских, ведь исторически крест стал применять сякак символ христианства лишь с IV века. — Авт.

незначительным, никак не повлиявшим на массовое поклонение народа языческим богам, что однозначно подтверждается данными археологии.

Не менее интересна и характеристика «нечистым» главного источника своих несчастий: «И вот уже побежден я *невеждой местным*, а не апостолами и не мучениками». Так летописец лично характеризует тех, кто крестил киевлян, очевидно, что это или «попы Корсунские и царицины», или сам Владимир.

С точки зрения христианского провиденциализма, налицо прямо противоположная картина между знамениями праведно-истинного крещения Иисуса и событием крещения киевлян. Во время крещения, согласно всем трем синоптическим Евангелиям, на Иисуса сошел Святой Дух в виде голубя; одновременно глас с небес провозгласил: *«Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Моё благоволение»* (Мф. 3:17). Киевляне же, после крещения, сопровождаемые стенаниями «дьяволя», молча «идоша кождо в домы своя» [64, с. 115].

По летописцу, процедура крещения киевлян проходила в присутствии лично Владимира[89]. По летописцу, князь дал знак начать крещение, после которого обратился с молитвой к Богу, в частности прося Его: «мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеюсь на тебя и на твою силу. И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить в них людей на крещение по всем городам и селам» [64, с. 116].

По сути событий князь Владимир действует в византийском императорском стиле как первичный источник власти, в том числе и церковной[90] — он велит ставить новые церкви там, где стояли прежние языческие кумиры, в местах знакомых самому Владимиру, где он сам поклонялся идолам, других мест князь, судя по всему, попросту не знал. Сходным образом, по аналогии с церковью святого Василия в Корсуни, где Владимир по Лаврентьевской летописи принял крещение, князь повелел поставить церковь также во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна.

Комментируя действия Владимира, митрополит Макарий пишет: «Великий князь повелел рубить в Киеве церкви и ставить их по местам,

89 Иллюстрации: Рис. 24. Крещение киевлян.

90 По М. М. Щербатову, князь Владимир объявил киевлянам: «кто не придет почтется врагом Господу Иисусу Христу и ему Владимиру [122, с. 265], то есть здесь Владимир считал себя равным Христу. — Авт.

где прежде стояли кумиры — мера истинно благоразумная! Язычники, без сомнения, привыкли считать эти места для себя священными, привыкли собираться на них для поклонения своим истуканам; теперь, приходя на те же места по прежней привычке, киевляне должны были встречать уже христианские храмы и естественно научались, забывая прежних богов, поклоняться Богу истинному» [73, 1857, т.I, с. 31].

Диву даешься этому мнению церковного иерарха. По сути митрополит Макарий лицемерно одобряет произвол княжеской власти по захвату исконно вековых языческих мольбищ, с целью намеренного религиозного обмана славян, которым без их ведома и согласия насильно подменили известных им языческих богов культом единого греческого Бога, совершенно для них непонятным. Но это лишь часть явного обмана.

Что такое христианская церковь по определению? В самом полном смысле понятия Церковь Христова подразумевает собрание под единой Главой — Господом Иисусом Христом всех православных христиан, живущих и умерших (Лк. 20:38), соединенных между собой *верою и любовью* Христовой, священноначалием и святыми Таинствами. В самом узком и буквальном смысле церковью называется храм Божий.

Оставляя в стороне рассуждения на тему, могут ли новоявленные церкви на землях славян, построенные с целью умышленного их обмана, относится к храмам, где проповедуется *вера и любовь Христова*, остановимся на коренном моменте, а где эти церкви были поставлены? С точки зрения здравого право-верного христианства, на осквернённых местах поганых языческих мольбищ, о которых летописный дьявол сообщает как о вековых местах служению себе: «яко сде ми есть жилище» [64, с. 81]. Владимир повелел поставить церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна, на месте, где по летописцу: «жряху бѣсомъ, [и] оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмотъ» [64, с. 77].

Да на таких поганых местах не то что жить, ходить по ним или быть поблизости, для правоверного христианина было кощунственно и совершенно невозможно. А по митрополиту Макарию, это подлинно благоразумная мера, поставить на местах обитания «дъяволя» церкви Божьи, считая, что после этого, они будут осенены благодатью и Духом Святым. Да это просто издевательство над христианством вообще! Земли и людей, где стоят такие «храмы», благодать Божья никогда не осенит. Древнерусская история тому полное и очевидно зримое свидетельство, ведь Древняя Русь погибла в удельном хаосе раздоров и последующего нашествия монголо-татар.

Тех, кто стал служить в новоявленных «храмах» на землях славян, митрополит Макарий квалифицирует как *священноначалие*, хотя в действительности, в лучшем случае, это были люди, с позором изгнанные или бежавшие из Корсуни, а в худшем — явные «христопродавцы», подобно Анастасу. В Киеве религиозно законный и полноправный священноначальник греческий митрополит *Феопемпт* официально появился спустя 50 лет во времена Ярослава Владимировича.

Для существования новоявленных храмов нужны были люди их обслуживающие, в частности имеющие элементарные понятия о церковном богослужении. Поэтому Владимир[91] послал «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же этих детей плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых» [64, с. 116].

Ясно, почему брали детей на церковное обучение у знати, по летописцу, у «нарочитой чади», ведь служба в храмах, поставленных волей князя Владимира, носила почетный, привилегированный характер. Понятно и то, почему брали именно детей, ведь они более восприимчивы к существенно новым понятиям, их легче убедить принять на веру догматы веры, чем их родителей, живших по понятиям закоренелого язычества. По В. Н. Татищеву, матери, отдаваемых в учение детей «искали безумные дарами откупаться» [106, 1773, с. 76].

Весьма интересен вопрос, почему матери плакали о своих детях, отправленных на просвещение и на служение единому греческому Богу, *как о мертвых*?

Речь идет о конфликте психологии религиозного миропонимания языческой и христианской культуры. Язычество трактует мир полярным образом: как живой мир природы, резко отделенный от потустороннего царства мертвых.

В Киеве язычников стали массово обращать в христианство через обряд крещения, отличительным признаком которого был крест. Крест для язычников стал прежде всего символом страданий и смерти Иисуса, знаком царства мертвых. Христианскую догматику Воскрешения, а тем более Троицы, ум язычника осознать и понять практически не мог[92]. Когда у матерей местной знати стали забирать детей на учение, а затем и на служение в новоявленных «храмах», осененных внутри и снаружи

91 По В. Н. Татищеву, митрополит Михаил посоветовал князю Владимиру устроить училища «на утверждение веры» [106, 1773, с. 75].

92 Догма — это то, что признается, прежде всего, чувством, но не разумом. Аксиома разума — *Cogito, ergo sum,* аксиома догмы — *Credo ergo ibi.* — Авт.

крестами, они восприняли это как жертвенное заклание своих детей на служение единому греческому Богу из царства мертвых.

Мало убедительную трактовку этих обстоятельств дает Н. М. Карамзин. По его мнению, религиозные древнеславянские книги *без сомнения* (? — Авт.) давно уже были известны киевским христианам [42, с. 79]. В действительности никаких достоверных свидетельств этого нет, наоборот, по летописцу, при начале княжения Владимира именно христиане подвергались жестоким гонениям, а по данных археологии, киевляне в эти времена были отличны доминирующей языческой культурой.

Н. М. Карамзин выдвигает надуманное предположение, что своим благодеянием «великий князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием *народного просвещения* (? — Авт.) в России» [42, с. 80]. Но ведь летописец пишет не о детях из народа, но о детях из знати: «нарочитые чади дѣти» [64, с. 116]. Тут же Н. М. Карамзин, по сути, опровергает слова о «детях народа», сообщая, что их матери относились к «женам знаменитым» [42, с. 80]. Кто именно под этим разумеется, непонятно, вероятно, что это были жены знати.

Венцом измышлений Н. М. Карамзина стало его предположение, что матери оплакивали своих детей, которых *взяли в науку* (? — Авт.), как мертвых, «ибо считали грамоту опасным чародейством» [42, с. 80].

Чтобы понять нелепость такого «довода», представим себе языческого дикаря, увидевшего человека читающего лист пергамента. Он будет, несомненно, удивлен таким совершенно непонятным для него занятием. Это, возможно, вызовет у него некое почитание, но отнюдь не страх. Перед странным поведением человека, склонившимся над внешне безобидным листом бумаги или книги, страх не возникнет. Страх перед чтением возникнет лишь в случае оглашения окончательного приговора.

На самом деле летописец под «обучением книжным» понимал не «народное просвещение», как считал Н. М. Карамзин[93], но более уз-

93 Измышления Н. М. Карамзина об «училищах народного просвещения» времен князя Владимира проистекали от духа его современности. Еще в 1782 г. первым учреждением для управления образованием в Российской империи стала Комиссия об учреждении народных училищ, ставшая частью Министерства народного просвещения, образованного в 1802 г. манифестом императора Александра I. Н. М. Карамзин был первым официальным историографом Российской империи, а Александр I был первым чтецом и цензором «Истории государства российского». В угоду императору Н. М. Карамзин сочинил версию, будто основания первых училищ народного просвещения относятся к деяниям Владимира Святого, т. е. славным продолжателем этого дела стал Александр I, что явно льстило самолюбию либерального императора. Отсюда многочисленные императорские милости Н. М. Карамзину — чины, звания, ордена, оклад, пенсия. — Авт.

кое понятие *религиозного просвещения*[94] не знающих основ христианства людей. Летописец об этом пишет однозначно: «Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ <…> просвѣти ю крещеньем святымь». [64, с. 116]

Вводя религиозное просвещение, Владимир вполне резонно и дальновидно поступал, он понимал, что со временем, по мере христианизации Руси, будет все больше нарастать потребность в священноначалии и начал готовить смену для небольшого числа «корсунских попов» из числа рукоположенных ими просвещенных, молодых, знатных и толковых славян.

Крещение Руси при Владимире (989–992 гг.)

Ход крещения Руси при князе Владимире обусловлен очевидными факторами, прежде всего малым числом «корсунских попов» во главе с Анастасом, прибывшими вместе с князем Владимиром в Киев[95]. В то же самое время их численность была достаточна, чтобы, выполняя волю князя, провести массовое крещение киевлян и начать богослужение в новых церквях, срубленных по повелению Владимира.

«Самовольное» крещение Руси при князе Владимире греки не признали. Ни в Константинополе, ни в Риме акт крещения Руси при Владимире не отмечен. О крещении Руси не упоминает ни один византийский историк X–XI вв.

По существу можно говорить о рождении русской митрополии с центром в Киеве автокефального (само назначаемого) типа, не подчиненной Константинопольскому патриарху. В Царьграде возникшую русскую митрополию не сочли нужным признать, резонно считая ее «карманной» сектой самозванцев при князе Владимире.

Такое положение дел вполне устраивало как самого князя Владимира, так и верного ему Анастаса, который, по сути, стал первым киевским митрополитом. Возникшая самостоятельная русская митрополия, к негодованию патриарха Царьграда, не отдавала никакой части своих доходов на содержание вселенской Константинопольской церкви.

---

94 В корневом смысле слова значит «прознание света истинной веры». — Авт.

95 Помимо «корсунских попов» летописец упоминает «царициных попов» из свиты греческой царевны Анны. Исторически Анна ограничилась тем, что наставляла и поучала князя Владимира, как ему правильней по канонам христианства взять ее в официальное замужество. По прибытии в Киев царевна Анна исчезла из общественной жизни. Летописец сообщает лишь об ее кончине в 1011 г. — Авт.

Летописец выдвигает религиозное обоснование неподчинения русской митрополии патриарху Царьграда. Так, новоявленные русские епископы обратились к Владимиру со словами: «ты поставленъ еси отъ Бога» [64, с. 124]. В «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского (1051–1054) князь Владимир восторженно награждается эпитетами: «О, подобный великому Константину, равноумный <…> во владыках апостол <…> учитель наш и наставник» [39, с. 91, 97, 99]. С точки зрения вновь возникшей киевской митрополии, патриарх Царьграда являл собой некое лишнее звено связи русской земли с Богом.

Князь Владимир поставил перед собой грандиозную цель — сделать Киев вторым Константинополем. Маркс по этому поводу пишет: «В 11 веке Киев подражал <…> Константинополю и нарекался «второй Константинополь» [126].

Христианство на Руси укоренялось не по греческим канонам и предписаниям, а по естественным обстоятельствам. Так, неудача насаждения христианства при княгине Ольге миссией католиков епископов Адальберта и Бруно была предопределена не сколько самим католицизмом, сколько невозможностью миссионерского насаждения христианства на Руси прямо в глубину языческих славянских масс.

На русских землях христианство при Владимире начало укореняться «сверху», в среде княжеской, дружинной и родовой знати, затем купечества и товарного ремесла и лишь спустя ряд поколений стало все в большей степени касаться крестьян, народа в целом.

Единственным, но существенным исключением из этого обстоятельства стало массовое крещение киевлян. Но этому факту есть естественное историческое объяснение, имея в виду результаты похода князя Владимира на Корсунь. Надежды киевлян на лучшую жизнь после крещения вполне оправдались. Буквально через десятилетие после принятия Владимиром христианства Киев стал процветающим, одним из богатейших городов не только Руси, но и Европы в целом.

Иная ситуация сложилась в глубинных землях славянской Руси, где язычество в силу своей древности быстро искоренить было практически невозможно, на это потребовалось время жизни поколений славян и самоотверженный, временами опасный труд служения местного священства.

Первые епархии русской митрополии вначале обслуживали нужды князей сыновей Владимира. После того как Владимир их крестил, он велел срубить поместные церкви в центрах сыновних уделов, определив в них на служение «корсунских попов».

По летописцу, у Владимира было 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. Вышеслав княжил в Новгороде, Изяслав в Полоцке, Святополк в Турове, Ярослав в Ростове. Когда умер старший сын Вышеслав, в Новгороде его сменил Ярослав, Борис стал князем ростовским, Глеб князем муромским, Святослав князем древлянским, Всеволод и Мстислав князьями тмутараканскими [64, с. 118]. По Патриаршей летописи, Всеволод стал князем владимирским, Станислав — князем смоленским, Судислав — князем псковским [62, с. 57].

Поместные церкви в княжеских уделах были небольшими, срубленными, т. е. деревянными. Они располагались в детинце рядом с княжеским двором. Первым делом поместных церквей стало крещение дружин князей, слуг и местной славянской «нарочитой», т. е. родовой, знати.

Собственно обстоятельства крещения русской земли при князе Владимире летописец особо не описывает, ведь с его точки зрения, это дело было вполне естественным, христианство на Руси постепенно распространялось в ширь и в глубь.

Летописца в это время больше интересовали вопросы внутреннего и внешнего обустройства Владимиром древне-русского государства — строительство новых городов и церквей, обычаи до селе невиданных на Руси общественных праздников и пиров, отношения князя с епископами и дружиной, войны с печенегами и хорватами, миры с Венгрией, Чехией и Польшей.

13 апреля 1204 г. крестоносцы штурмом взяли Константинополь, после чего Византия стала клониться к упадку. 29 мая 1453 г. столица Византийской империи была захвачена турками-османами. Это знаменовало собой окончательное уничтожение Восточной Римской империи, последний император Константин XI Драгаш пал в битве.

В последующее время на востоке Европы зримым образом набирало могущество московское царство, одной из идеологических основ которого стала концепция «Москвы как Третьего Рима», ставшей сердцевиной теории «русского византизма».

В угоду московским царям началась идеологическая фальсификация древнерусских летописных источников, в частности родилась «идея» происхождения первых российских князей от Рюрика, якобы ведущих свою родословную от кесарей римских.

Это угодливое измышление подверг беспощадной критике известный историк А. Л. Шлёцер. По его мнению, в Смутное время XV–XVI вв. является какой-то монах-летописец, которому попались в руки Польские времянники (ибо в то время большая часть России

была под властью Польши): «ЕтотЪ монахЪ прельстясь примѣромЪ ПоляковЪ началЪ сЪ простоты выдумывать свою исторію и следующимЪ безуміемЪ обезобралилЪ умнаго старика Нестора: *Прьвый КнязЪ вЪ Руси РюрикЪ, от рода суща Августа Кесаря Римьскаго* <…> Какъ обезчесчено названіе лътописей! Пустыя бредни монаха жившаго вЪ 1570 г. выдаются за слова Нестора, жившаго вЪ 1100 г.!»[96]

Генеалогическая фальсификация сопровождалась фальсификацией религиозной по поводу законности рукоположения первых русских (киевских) митрополитов самим патриархом Константинопольским. Московскими церковными иерархами была сфабрикована легенда о первом русском митрополите Михаиле, якобы с ведома князя Владимира поставленном на священноначалие патриархом Царьграда Фотием. Легенда эта была канонизирована как истина в Патриаршем (Никоновском) летописном своде, в котором, по сути, митрополит Михаил и патриарх Фотий выступают не как реальные исторические лица, но являют собой лишь символ законности церковного иерархического рукоположения.

Мифическая легенда Патриаршей летописи о митрополите Михаиле († 992) была реально овеществлена церковниками. Спустя 800 лет, в XVIII веке Михаил был причислен к лику святых. В 1730 г. состоялось перенесение его мощей из Антониевых пещер Киево-Печерского монастыря в главный храм Лавры во имя Успения Пресвятой Богородицы. Тогда же над ракой святителя была сделана надпись, что после кончины Михаил был погребен в киевской Десятинной церкви (тогда еще не построенной); затем, около 1103 г., при печорском игумене Феоктисте мощи его, обретенные нетленными, перенесены в Антониевы пещеры, где и пребывали до 1730 г. [30, с. 115].

По Патриаршей летописи Михаил митрополит киевский и «всея Руси», присланный Фотием по просьбе Владимира, стал князю духовным отцом, пребывая с ним в полном «согласии и любви». Михаил был родом из Сирии, а по характеру: «тихъ убо бѣ, и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ премного; иногда же страшенъ и сверѣпъ, егда время требоваша» [62, с. 57].

В отличие от древнерусского летописания, составители Патриаршей летописи изобразили ход крещения русской земли при Владимире, руководствуясь ситуационной логикой событий и, судя по всему, более широким кругом первоисточников.

96 Шлёцер А. Л. Несторъ. Рускія лътописи на Древле-Славенскомъ языкъ. Часть I. Въ Санкт-Петербургъ: Печатано въ Императорской типографіи, 1809 года, с. 277, 284.

Под 990 годом летопись сообщает о крещении новгородцев: «Того же лѣта иде Михаилъ митрополитъ Кіевский и всея Руси въ Новгородъ Великій съ епископы Фотѣя патріарха, даде бо ему Фотѣй патріархъ шесть епископовъ на помощь, и з Добрынею дядею Володимеровымъ, и съ Анастасомъ; и идолы сокруши, и многія люди крести, и церкви въздвиже, и презвитеры постави по градомъ и по селомъ» [62, с. 63–64].

Таким образом, в сравнении с киевлянами, крещение новгородцев было делом трудным. Им занимался лично константинпольский патриарх Фотий, который в помощь митрополиту Михаилу прислал шесть (!) епископов и ближайших к князю Владимиру Добрыню и Анастаса. При этом нужно учесть, что бывший в то время новгородский князь Вышеслав, в возрасте около 13 лет, уже был Владимиром крещен.

Спрашивается, почему столь серьезными усилиями пришлось крестить новгородцев? Ответ дает сама история. Древние новгородские словене, времен легендарного Гостомысла, отошедшие под напором с запада католических крестителей в Приильменье из своей родины прибалтийского Поморья, вновь подверглись нашествию, но уже православных «святителей».

В отличие от киевлян, которым исторически христианство несло некие надежды на «добро», для древних новгородцев христианство ассоциировалось лишь со злом. Так, веками западные полабские славяне подвергались насильственному католическому онемечеванию. Польский средневековый хронист Галл Аноним пишет по этому поводу: «ни меч проповеди не может отвратить их от вероломства, ни меч уничтожения не может до конца истребить [их варваров-язычников] змеиный род». По его мнению, всех непокорных, пребывающих в язычестве, следует искоренять, т. е. поголовно убивать [120, с. 49–50].

Совершенно неожиданно для новгородцев среди крестителей-епископов очутился небезызвестный Добрыня, до той поры известный горожанам как рьяный язычник, в свое время по повелению князя Владимира доставивший в Новгород величественного идола Перуна.

Пока древние новгородцы пребывали в растерянности, епископы, действуя по киевскому сценарию, сокрушили идолов, крестили, кого могли, срубили, где сочли нужным церкви, посадили в них священство (пресвитеров), а затем двинулись крестить ростовские и суздальские славянские земли.

Придя в себя после набега православных крестителей, язычники, как в Новгороде, так и в Ростове, поставили на место свергнутых идолов, срубленные церкви разрушили, а христианских пресвитеров

выгнали. Познав о полной неудаче крещения новгородцев, митрополит Михаил в 991 г. скончался.

В 992 г. «взя Владимеръ у блаженіаго патрiарха Фотѣа Констянтиноградцкаго митрополита Кіеву и всей Руси Леонта». Если исходить из летописных, церковных и исторических предположений, то весьма сложно определить, кто на самом деле был первым киевским митрополитом — Михаил или Леонтий, их имена в источниках представлены примерно поровну.

Собственно, сама характеристика митрополита Михаила по Патриаршей летописи противоречива, как будто речь идет о двух людях. Вероятно, что Михаил по характеру был «тихъ убо бѣ, и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ премного», а Леонтий, наоборот: «страшенъ и сверѣпъ, егда время требоваша».

Исторически так и произошло, когда кроткими увещеваниями митрополита Михаила христиански смирить новгородцев и ростовчан не удалось, в дело крещения «поганых аспидов» вступил «свирепый» митрополит Леонтий.

По Патриаршей летописи, в 992 г. «въ Кіевѣ Леонтомъ, митрополитомъ всея Руси, Новугороду Великому и Пскову поставленъ бысть епископъ Іакимъ Корсунянинъ; и приде къ Новугороду, и достолная требища разори, и идолы сокруши, и Перуна разсѣче, и въ Волховъ вверже» [62, с. 64–65].

Таким образом, уже в совершенно жестокой форме состоялось повторное «крещение» новгородцев, в котором принял участие один из «корсунских попов» с доподлинно известным нам именем *Иоаким*. С именем Иоакима связана так называемая *Иоакимовская летопись*, в которой приводятся уникальные сведения о ходе крещения новгородцев в 992 г.

Для повторного крещения Новгорода был послан из Киева князем Владимиром военный отряд с воеводами *Добрыней* и *Путятой* и епископом *Иоакимом Корсунянином*.

Среди новгородцев, где издревле княжеской власти противостоял авторитет волхвов, особо выделялся волхв *Богомил*, прозванный за свое красноречие *Соловьем*. «Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, то собрали вече и поклялись все не пускать его в город, не давать идолов на ниспровержение; и точно, когда Добрыня пришел, то новгородцы разметали большой мост и вышли против него с оружием. Новгородский тысяцкий Угоняй, ездя всюду, кричал: «Лучше нам помереть, чем отдать богов наших на поругание» [102, с. 177].

5000 новгородцев взялись за оружие. Сражение длилось двое суток. Первый натиск *крестителей* новгородцы отбили. Тогда Иоаким

призвал на помощь ростовский полк [102, прим.257, с. 308], который, неожиданно напав на новгородцев, зажег ряд домов, грозя сжечь весь город. Не желающих креститься детей, женщин, стариков — дружинники стали избивать: «Добрыня же, собрав войско <…> немедленно идолы сокрушил, деревянные сжег, а каменные, изломав, в реку бросил; и была нечестивым печаль велика. Мужи и жены, видевшие то, с воплем великим и слезами просили за них, как за настоящих их богов. Добрыня же, насмехаясь, им вещал: «Что, безумные, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут, какую пользу вы от них можете надеяться получить?» [106, 1768, с. 38–39].

Увидев, поверженных, не могущих защитить[97] себя идолов, новгородцы смирились — дружинники плетьми погнали их в Волхов креститься, мужчин выше моста, женщин ниже. «Тогда многие язычники, чтобы отбыть от крещения, объявили, что крещены <…> Иоаким велел всем крещеным надеть на шею кресты, а кто не будет иметь на себе креста, тому не верить, что крещен, и крестить <…> Вот почему есть с тех пор бранная у новгородцев поговорка, как их "Путята крестил мечом, а Добрыня огнем"» [102, с. 177].

Археологические раскопки под руководством академика В. Л. Янина показали, что действительно именно в тех районах Новгорода, которые указаны в Иоакимовской летописи (Софийская сторона и Людин конец) во время крещения бушевал страшный пожар, датируемый дендрохронологическим методом около 989 г., к этому же времени относятся несколько кладов, хозяевам которых так и не пришлось вернуться к своим родным очагам [125, с. 40–56].

В последующее время новгородцы продолжали ожесточенно сопротивляться христианизации. За весь XI век в Новгороде было построено всего лишь 2 церкви, в то время как на Руси — 700 деревянных и 19 каменных церквей [32, с. 18]. Новгородцы продолжали нарекать своих детей языческими именами и возвращались к «поганству». Для собственной безопасности новгородский епископ поселился на Софийской стороне внутри детинца-крепости, но это особо не помогало. С 1055 по 1068 гг. новгородцы убили трех епископов.

97 Н. И. Костомаров отмечает существенную разницу в летописных картинах свержения Перуна в Киеве и Новгороде. Если киевский Перун безропотно уплыл, стеная под плетками дружинников, то новгородский Перун, уплывая прочь по Волхову, кинул на прощание на новгородский мост свою палку:«завещая грядущим поколениям междоусобия и драки, которые должны были происходить на этом самом мосту. То было, как-будто проклятие, от древней веры народу, который ее оставил и променял на другую» [53, с. 262].

Именно с времен насильственной христианизации началась первая волна новгородской колонизации, спасаясь от «крестителей», новгородцы уходили в низовья Волхова, а затем через Приладожье бежали все дальше к северу, к Студеному морю.

* * *

К летописным свидетельствам о христианизации Руси при князе Владимире нужно относится весьма осторожно, как к весьма условным, мало приближенным к реальной действительности. Так, летописи сообщают о массовом крещении киевлян, однако по данным археологии: «Никаких признаков христианского обряда в погребениях киевского некрополя IX–X вв. обнаружить не удалось. Все основные черты погребального обряда, как в рядовых захоронениях, так и в захоронениях знати, характеризуют киевский некрополь этого времени как языческий» [43, с. 203].

Христианское княжение Владимира

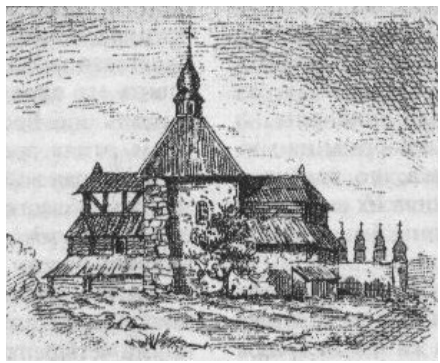
Важнейшим событием в деле становления христианства стало решение князя Владимира о начале строительства в Киеве в 989 г. первой каменной церкви на Руси: «Посемь же Володимеръ живяше въ законѣ хрестъянствѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородица, [и] послав приведе мастеры отъ Грекъ. И наченшю же здати, и яко сконча зижа, украси ю иконами, и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы Корсуньскыя пристави служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ взялъ в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты» [64, с. 119].

По летописцу, князь Владимир решил поставить новую каменную церковь на том месте, где в свое время жил варяг-христианин, принявший мученическую смерть вместе с сыном: «и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ» [64, с. 80]. Однако, по данным археологии, это не так. Обнаруженная деревянная постройка в основании Десятинной церкви являла собой погребальный сруб, до этого стоявший за рвом и валом древнего городища [43, с. 173].

Почему первый каменный храм на Руси был назван князем Владимиром именем пресвятой Богородицы? Известно, что Византия восприняла всецело почитание Богоматери, установившееся на греческом Востоке, в Сирии, Египте и Малой Азии, еще в древнейший период своей истории, в V–VIII столетиях. Понятна символика названия первого киевского храма как матери всех остальных церквей на Русской земле, подобно самой Богородице как матери Иисуса Христа.

Десятинная церковь в XI–XIII вв. (по Н. А. Холостенко)

Десятинная церковь в XVII в.

Десятинная церковь (1826)

Десятинная церковь в конце XIX века

христианизации, а значит, и феодализации Руси. Христианство выступило как идеология феодализма европейского средневековья. Сама церковь постепенно стала крупнейшим феодальным институтом, в том числе посредством всеобщего налога — десятины.

Если для самого Владимира, в силу его богатства, десятина была не столь обременительной, то иная ситуация была за пределами Киева. Князья-наместники, прежде всего крещеные сыновья Владимира, отнюдь не собирались делиться с церковью своим добром, они попросту увеличили дань с подневольных им людей. Так мнимое «добро» христианского крещения обернулось для славян новым феодальным грабежом.

К тому же церковь ввела еще и свои поборы, с характерным названием *требы* — за крещение, венчание, отпевание и проч.

Летописец сообщает, что в 996 г. к Владимиру обратились поместные епископы по поводу начавшихся разбоев с требованием: «почто не казниши разбойници» [64, с. 124].

Спрашивается, о каких разбоях толковали епископы? Славяне с незапамятно давних времен, живя общинным миром «выходя из дому, оставляли дверь, отворенную и пищу готовую для странника» [42, с. 31]. Нестор особо отмечает, что поляне, будучи предками киевлян, имели «нрав кроток и тих» [64, с. 12].

Заклание в долговое рабство

Если епископы заговорили о разбоях, то, судя по всему, речь шла об отношении народа к срубленным церквям с «попами», на содержание которых княжеские дружинники силой отбирали у людей деньги, имущество, а если их не было, то обрекали несчастных в долговое рабство, забирая в залог их детей.

Не все же люди плакали и рыдали при этом, были и такие, кто испытывая злобную ненависть, мстил епископам и грабил церкви.

Услышав требования епископов предать разбойников казни, Владимир смутился. Он был человеком не только властным, но и весьма тщеславным, любившим славословие в свой адрес.

Исторически вполне обоснованно предположение, что к обстоятельствам появления киевской каменной церкви пресвятой Богородицы имеет отношение православная царевна Анна, молившаяся в Греции в подобных храмах, ведь Анну назвали именем матери Богородицы.

О жизни Анны в Киеве ничего не известно, но очевидно, что появление храма пресвятой Богородицы было для нее подлинной отрадой и утешением жизни в чужой и непонятной для нее стране. Анна могла быть именно тем человеком, который искренне советовал князю Владимиру, каких мастеров нужно звать из Греции, какой должна быть сама церковь и как ее нужно украшать. Анна была погребена в ней в 1011 г.

Строительство церкви пресвятой Богородицы было непростым и весьма дорогим делом. В украшении интерьера обильно использовался вывезенный из Корсуни мрамор, за что современники также называли храм «мраморным». В храме был великолепный мозаичный мраморный пол. Церковь стала княжеской усыпальницей, здесь была перезахоронена княгиня Ольга, похоронены царевна Анна и князь Владимир.

При штурме Киева татаро-монголами 6 декабря 1240 г. Десятинная церковь была разрушена, на последующие века являя собой величественные руины.

В середине XVII века при киевском митрополите Петре Могиле была поставлена небольшая церковь на месте прежней. Старые стены Десятинной церкви домонгольской поры простояли до начала XIX века. В 1828–1842 гг. на этом месте был возведен храм Рождества Богородицы в так называемом «русско-византийском» стиле.

По летописцу, в 996 г., когда каменная церковь пресвятой Богородицы была построена, то князь «створи праздникъ великъ въ тъ день боляромъ и старцемъ градскимъ, и убогимъ раздая имѣнье много» [64, с. 122].

Затем произошло весьма неожиданное для всех событие: «Володимеръ видѣвъ церковь свершену» помолившись Богу изрек: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». И уставил так, написав заклятие в церкви этой, сказав: «Если кто отменит это, — да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину» [64, с. 121–122]. После этого церковь стала также зваться и Десятинной.

По сути, речь идет о введении князем Владимиром единого обязательного налога-десятины на содержание русской православной церкви, в том же приказном, карательном порядке, как до этого Владимир крестил Русь. Перед нами зримо возникает смысловая суть

Владимир, видимо, понимал причину разбоев, но не хотел вмешиваться в историю, которая могла бы поколебать его авторитет в народе как щедрого и справедливого князя. Совершенно неожиданно для епископов, Владимир вдруг явил себя как подлинно верующий человек, исповедующий христианскую мораль *не убий ближнего своего*. Князь сказал епископам: «боюся грѣха».

Изворотливость князя Владимира очевидна, незадолго до этого, Владимир шел войной на хорватов, сражался с печенегами, ничуть не смущаясь при этом греха смертоубийства.

Настырные епископы, видя что Владимир юлит и не хочет брать ответственность за казни на себя, заявили князю: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но с испытомъ» [64, с. 124].

Парадоксальность возникшей ситуации очевидна — князь явно не хочет убивать людей, в то время как православные епископы кровожадно требуют от Владимира казней, разрешая при этом князю их предварительно пытать.

Особенность возникшей ситуации заключалась и в том, что «корсунские попы» настаивали на применении смертной казни к разбойникам по византийскому праву, в то время как князь Владимир был склонен уйти в сторону, отдав дело на рассмотрение местным общинам, откуда были родом преступники.

По славянским родовым обычаям, вместо казни на преступников могла взиматься вира-штраф, которую выплачивали осужденные или их семьи и родственники, или в целом община-вервь. Взвесив обстоятельства, Владимир благоразумно решил не вступать в конфликт с новоявленными епископами, незадолго до этого им же и посаженными на русскую землю.

Летописец сообщает, что «Володимеръ отвергъ виры, нача казнити разбойникы», как вдруг «епископи и старци» изменили свою позицию по отношению к вирам. Поняв, что сбор виры весьма выгодное дело, они предложили князю иной «вариант» — бедных разбойников казнить, а с иных, кто способен платить, брать виру, «то на оружьи и на конихъ буди», с чем Владимир охотно согласился.

Этот летописный эпизод весьма знаменателен, характеризуя собой начало вхождения русской православной церкви в экономическую жизнь Киевской Руси.

Крупнейшие мировые торговые пути в то время были неразрывно связаны с мировыми религиями. Процесс перераспределения богатств и ресурсов между Европой, Византией и Востоком в основном шел по линии трансконтинентальной торговли мехами и рабами,

вывозимыми из северо-восточной Европы в обмен на арабское серебро, китайский шелк и византийские паволоки.

Подавляющий объем торгового оборота контролировался купцами иудеев, Халифата и европейцев, идя в русле, соответственно, религий иудаизма, ислама и христианства. Языческое купечество в этом плане находилось в невыгодных условиях в силу своей этнической разобщенности, а иногда и по своей безграмотной отсталости.

Собственно, в этом плане одной из главных статей содержания договоров между Русью и Византией Великих киевских Князей было обозначение преференций и льгот для русского (норманнского) языческого купечества в конкурентной среде с христианским купечеством Царьграда.

Эта проблема была естественным образом снята после династического брака Владимира с византийской царевной Анной и последовавшим за этим крещением Руси. Князь, завоевав крымский Херсонес, взял под свой контроль более короткий сухопутный путь, в обход днепровских порогов, к Дунаю.

Последствия этих событий не замедлили сказаться, в том числе и на экономической жизни Киевской Руси. По данным археологии в христианский период княжения Владимира в конце X века наблюдается резкое оживление торговли. Речь идет не только о Киеве, но и об ареале всего Поднепровья в целом.

Киев стал крупным центром оптовой торговли, куда из поместных княжений, ставших епископствами, стекались собираемые дани, в том числе, по словам Святослава, главное экспортное богатство Руси: «скора и воск, медъ и челядь» [64, с. 66].

Православное купечество, прибывая по торговым делам в поместные епископства, вступало под защиту княжеских дружин. Судя по всему, по этой причине местные епископы для большей численности дружин, как для своей защиты, так и купцов от разбоя, решили брать виру деньгами на оружие и коней.

До княжения князя Владимира в верхнем Поднепровье доминировали торговцы Гнездова, связанные в основном с католическим торговым рынком. Европа торговала с Византией по дунайскому торговому пути, который, проходя по многим государствам и мелким княжениям, имел большие издержки из-за ряда границ, местных пошлин и феодальных поборов.

Экономическая ситуация в Поднепровье начала коренным образом меняться именно при князе Владимире. Отныне Днепр перешел под контроль русского православного купечества, которое рядом с Гнездовым обустроило свой новый центр торговли и ремесла — Смоленск.

Восточный «варяжский» путь по Днепру из Европы в Византию встал вровень с дунайским. Европейским форпостом варяжского пути стал Новгород, а Киев — основным торговым центром. Купечество иудеев, Халифата, греков и католиков, почувствовав новую выгодную экономическую ситуацию, обживалось в Киеве целыми кварталами. Город богател и расширялся, благодаря растущей торговой ренте.

Богатство Киева прирастало и данью наложенной киевскими князьями на подвластные им древнерусские города. Помимо дани в натуре — житом, мехами, воском, рыбой — каждая земля была обязана выплачивать ежегодно дань деньгами в гривнах: Новгород — 2000, Червень и Волынь — 1500, Тмутаракань, тиверцы и уличи — 1000 и т. д. Денежными податями облагались каждый дом, место на торгах, переправы и переезды через мосты.

Бурное экономическое развитие резко увеличило спрос на наличные деньги. Князь Владимир учреждает собственную валюту, чеканя деньги из серебра и золота. Наряду с монетами Владимира, широкое хождение имели монеты греческие, арабские персидские. Иудейские менялы и ростовщики процветали.

При князе Владимире Киев становится самым многолюдным, богатым и красивым городом Руси, центром ее экономической, политической и культурной жизни. Растущее богатство Киевской Руси Владимир использовал весьма толково, в частности обустраивая сам Киев.

К эпохе князя Владимира относят исторический центр, так называемый «Владимиров город», т. е. город в тех границах, которые при Владимире Святославовиче были ограждены земляными валами с башнями. Доминантой «Владимирова города» стала Десятинная церковь, рядом стояли дворец князя и хоромы знати. В древности на месте «Владимирова города» располагался обширный языческий курганный могильник [43, с. 103].

Вокруг Десятинной церкви и княжеского дворца киевское боярство строило свои хоромы в виде многоярусных и многостенных строений. Их шиферные крыши покрывались позолотой, эффектно горевшей на солнце. Дороги и улицы Верхнего города были устланы плинфой и содержались в чистоте, а Борив взвоз уже тогда был вымощен брусчаткой.

Рядом с Десятинным храмом и княжеским дворцом возникла большая площадь с примыкающей к ней торгом. Площадь, украшенная привезенными из Корсуни античными статуями и бронзовой квадригой, стала местом смотров дружин, центром политической, религиозной и торговой деятельности.

Ниже к Днепру на Подоле селились многочисленные киевские ремесленники. Зажиточные из них ставили дома срубного типа на сваях, стенами друг к другу, в виде сплошных рядов улиц, могущих быть и оборонительными заграждениями.

Помимо обустройства Киева и ряда других городов, князь Владимир обратил особое внимание на внутреннюю социальную устойчивость древнерусского общества, на сглаживание резких контрастов богатства и нищеты, что явным образом соответствовало христианским идеалам.

Летописец особо отметил деятельность князя в русле евангельского милосердия. Владимир любил книжное чтение, знал Евангельские наставления: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут <…> Продайте именья ваши и раздайте нищим <…> Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет, ни воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и взаймы дает»; знал он и слова Соломона: «Дающий нищему дает взаймы Богу».

Приняв близко к сердцу библейско-евангельские наставления, князь Владимир повелел «всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что «немощные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое» [64, с. 123][98].

Церковная, усердно культивируемая легенда о том, что князь Владимир как язычник, приняв крещение, буквально переродился, став иным, добрым, щедрым и милосердным «красным солнышком», живя по закону христианскому «прилѣжа собою образЪ благочестія» [106, 1773, с. 77] — это так, напевы для детей церковно-приходских школ.

Обратимся к историческим фактам по этому поводу. По Иоакову Мниху, будучи уже как три года крещенным, князь Владимир в 989 г. берет штурмом православный греческий Херсонес, устраивает там дикий погром, публично насилует дочь правителей города на их глазах, а затем их убивает. В 990 г. Владимир начал войну с польским князем Мечиславом «и побѣдилЪ так, что едва не все войско и сЪ

98 Иллюстрации: Рис. 30. Раздача милостыни и пиры в Киеве времен князя Владимира.

Воеводами побилъ, или въ плѣнъ взялъ, и самъ МечиславъЪ едва в КраковъЪ ушелъЪ». В 993 г. ходил Владимир в Хорватскую землю «и многи побѣды одержавъЪ, и покоривъЪ, возвратился с множествомъЪ плѣна и богатства, и вошел в КіевъЪ со славою великою». В том же году, в противостоянии с печенегами при Трубеже, в итоге «со всѣмъЪ войскомъЪ напалъЪ на нихъЪ и побѣдилъЪ, и гнавъЪ день весь до вечера, много ихъЪ побилъЪ и плѣнилъЪ». В 994 г. ходил Владимир «на болгары, и много побѣдивъЪ ихъЪ, и многи земли раззоря, возвратился въЪ КіевъЪ с побѣдою и славою великою» [78, с. 79, 81, 288].

Итак, картина одна: что до крещения, Владимир как язычник, что после, Владимир как христианин, вокруг себя творит одно и то же — кровавые войны, сея муки и страдания, гибель и плен, рабское порабощение ни в чем не повинных перед киевским крещеным насильником и грабителем мирных людей.

Следует отметить, что Владимир предпринял конкретные практические действия, направленные на рождение национального культа святых, с целью потеснения поклонения сугубо греческим *божьим угодникам*.

В древнейших летописях — Лаврентьевской, Ипатьевской, а также в своде Никоновской летописи под 1007 г. сообщается: «Перенесени святии въ святую Богородицю» [64, с. 127], но конкретно о каких святынях идет речь, ничего не говорится.

Иаков Мних (†1072) в своем сочинении «Похвала княгине Ольге» пишет, что речь идет мощах блаженной княгини Ольги, которые князь Владимир перенес в киевскую Десятинную церковь пресвятой Богородицы: «Бог прослави тело рабы Своей Олены, и есть в гробе тело ее честное, и неразрушимое пребывает и до сих дней» [78, с. 289].

Если это так, то речь идет о явно глумливом и неправомерном деле князя Владимира по отношению к завещанию и праху свой бабки княгини Ольги. По летописцу, Ольга завещала похоронить себя сугубо по христианскому обряду: «не творите трызны над собою». Ольга обратилась с предсмертной просьбой к Святославу прося похоронить ее: «равно со землею. Могилы же надо мною да не дерзнет никто же сыпати[99] <…> исполни завѣть мой» [64, с. 66]. Язычник Святослав выполнил предсмертную волю матери.

Внук княгини Ольги князь Владимир повелел вытащить ее гроб из могилы и выставить прах Ольги на всеобщее обозрение в Десятинной церкви: «И ино чудо слышите о ней: гроб камен мал

99 Могилы надо мной не сыпать — не насыпать над могилой языческий курган.

в церкви Святыя Богородицы, ту церковь создал блаженный князь Владимир, и есть гроб блаженныя Ольги. И на верху гроба оконце сотворено — да видети тело блаженныя Ольги лежаще цело». Но не всем было явлено чудо нетления мощей: «Иже с верою придет, отворится оконце, и видит честное тело лежаще цело и дивится чуду таковому — толико лет в гробе лежаще телу неразрушившемуся. Достойно похвалы всякой тело то честное: в гробе цело, яко спя, почивает. А другим, иже не с верою приходят, не отворится оконце гробное, и не видет тела того честного, но только гроб» [73, с. 419].

Понятно, что мало кто из людей в толпе паломников, прильнувших к оконцу в гробе Ольги, признавался, что ничего не видит в темноте гроба. Ослепленные религиозным экстазом люди зрели «светящееся яко солнце» тело блаженной Ольги, а недужные «исцелялись». На радость церковной братии росли толпы страждущих к гробу Ольги, зримо множились вклады и пожертвования в Десятинной церкви.

* * *

Историк А. М. Рранчин выдвинул тезис, что после князя Владимира во времена княжения Святополка в Киеве христианская культура была еще лишь тонкой пленкой, под которой жила толща многобожия, в силу чего реставрация язычества могла получить одобрение большей части древнерусского общества, приводя в пример события в Болгарии в IX веке и в Польше в XI веке [88, с. 35].

Что до Болгарии и Польши, то это другие страны с иными местными условиями. Возможность реставрации язычества в Киеве была практически невероятна. Летописец особо подчеркивает, что крещение киевлян имело массовый характер, т. е. было одобрено как верхушкой киевского общества, так и низами народа. В основе этого одобрения лежали не только субъективные и политические факторы, но и более глубинные экономические причины, прежде всего, интересы выгоды. Христианство было выгодно всем: князю Владимиру, его дружине, «старцам градским», купцам и ремесленникам, убогой голи, нашедшей милость и пропитание на паперти Десятинной церкви.

Другое дело окрестности Киева и глубинные русские земли, там экономическая ситуация была иной, выгода от крещения для большей части древнерусского общества долгое время была совсем не очевидна, а авторитет волхвов незыблем. И действительно, там христианская культура была еще тонкой пленкой, под которой толща многобожия долгое время, через двоеверие, постепенно перерождалась в культуру православия.

Война с печенегами

Проблема отношений с печенегами по своей значимости для становления молодого древнерусского государства не уступала «греческой» проблеме отношений Руси с Византией. При киевском князе Ярополке Русь находилась в дружественных связях с Византией, печенегами и Римом.

Захват власти князем Владимиром в Киеве в 980 г. привел к разрыву отношений Руси с печенегами, и только благодаря упорству Владимира, склонившего «перебежчика» Варяжко на свою сторону, и, вероятно, откупом данью на время удалось утихомирить печенегов.

Император Византии Константин Багрянородный так характеризовал печенегов: «Ведь будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы <…> Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными и крайне жадными до редких у них вещей, бесстыдно требуют больших подарков: заложники домогаются одного для себя, а другого для своих жен, охранники — одного за свои труды, а другого за утомление своих лошадей» [27, т. II, с. 155–156]. Константин наиболее разумным видом отношений греков с печенегами считал заключение с ними дружеских соглашений и договоров, посылая им каждый год подобающие и подходящие дары.

Готовясь к походу на Корсунь, имея в виду и печальную судьбу Святослава, погибшего близ днепровских порогов в битве с печенегами, Владимир, безусловно, должен был решить вопрос, каким образом обезопасить поход русских войск от возможного нападения печенегов.

Император Константин, говоря о Константинополе, утверждал, что росы не могут выступить против царственного града ромеев, ни ради войны, ни ради торговли, если не находятся в мире с печенегами [27, т. II, с. 153]. Это также очевидным образом относится и к византийской Корсуни.

Судя по всему, при походе на Корсунь Владимир заключил мирный договор с печенегами, обещая отдать им часть награбленного имущества. Это соглашение было тем более важно, что поход на Корсунь и возвращение основной массы русских войск шли сухопутным путем по печенежским землям, только так можно было доставить в Киев массивные статуи, груды дорогого мрамора и целиком тяжеловесную мраморную гробницу святого Климента.

Косвенным подтверждением мирного соглашения князя Владимира с печенегами при корсунском походе может служить сообщение Никоновской летописи, что в 988 г.: «Тогда же пріиде

Печенѣжскій князь Метигай къ Володимеру, и вѣровавъ крестися <…> Отдаде же Володимеръ яже взялъ, Корсунь градъ Грекомъ, царици для» [62, с. 57]. Под 991 годом Никоновская летопись сообщает о приходе на службу к Владимиру еще одного печенежского князя Кучюга, принявшего крещение: «и любляше его Володимеръ и почиташе зѣло» [62, с. 64].

Мирное соглашение князя Владимира имело определенные временные границы, т. е. через некоторое время печенеги должны были вновь объявиться на Руси за новыми дарами, если будет мир, или за добычей, в случае войны.

Как только Владимир вернулся в Киев, он в том же 988 г. повелел строить на границе с печенегами ряд городов-крепостей: «нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшиѣ отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чюди, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо ратъ отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяси с ними и одоляя имъ» [64, с. 119].

Местоположение новых городов-крепостей не случайно. Современник этих событий император Константин отметил, что печенеги кочуют на расстоянии одного дня пути от Киева [27, т. II, с. 171]. Это именно то расстояние, в частности по реке Стугне, на котором стали строиться по велению Владимира города и крепостные сооружения. Перечисленные летописцем реки, будучи притоками Днепра, полукольцом окружали Киев с юга, востока и запада. Пять рек — четыре линии укреплений.

Исторически, создание укреплений Киева против кочевников с юга началось еще со времен легендарного князя Кия. Эти укрепления представляли собой систему земляных насыпных валов, так называемых «змиевых валов», названных, вероятно, по их характерной змеевидной конфигурации. Позже на некоторых местах этих валов сооружались деревянные частоколы и сторожевые вышки. Таким образом, «змиевы валы» служили первой линией обороны Киева от набегов кочевников.

Новые крепости князь Владимир по возможности ставил ближе друг к другу, так, чтобы сигнальные костры, на случай приближения врага, были заметны с высот сторожевых башен. На отдельных, наиболее опасных участках, крепости соединялись мощными земляными валами и оградами-частоколами.

По реке Суле крепости стояли в 15–20 км. друг от друга. Затем следовал новый рубеж обороны по реке Трубеж, на котором находился главный город-крепость Переславль. Далее располагалась новая линия обороны по рекам Сейма и Десна для защиты как Чернигова,

так и Киева. И наконец, на пути врага вставал мощный рубеж по реке Стугна с центром в городе Витичиве, обнесенным земляным валом, на котором стоял крепкий детинец с сигнальной башней на самом высоком месте. Зажженный на ней огонь оповещал о приближении врага и был виден в Киеве.

Несомненно, что насаждение Владимиром военизированного населения городов-крепостей из числа «лучших мужей» от славян, чуди и вятичей, по сути стало первым прообразом рождения русского служивого казачества.

В «чисто поле» выдвигались богатырские сторожевые заставы, о которых веками слагались эпические былины как о защитниках русской земли.

Одну из таких былин времен князя Владимира приводит летописец в сказании о богатыре юноше-кожемяке. По летописцу, в 992 г. «пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж, и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказал он разъярить быка; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил

быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь облечься в доспехи, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. И кликнули наши, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали[100]. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою» [64, с. 119–121].

Совершенно очевидно, что эпическое назначение князем Владимиром простых славян отца и сына «великими мужьями» знаменует собой дружинную славянизацию Киевской Руси.

Под 991 г. летописец особо отмечает: «Володимеръ заложи градъ Бѣльгородъ, и наруби въ нь отъ инѣхъ городовъ, и много людий сведе в онь; бѣ бо любя градъ сь» [64, с. 119].

Белгород находился в 23 км к западу от Киева в глубине стугнинской линии обороны, являя собой, по плану Владимира, мощную крепость. Летописная «любовь» князя Владимира к Белгороду заключалась в том, что стратегически печенеги, выступая к Киеву, неминуемо оставляли мощную белгородскую крепость у себя в тылу, что делало весьма рискованным их военные действия непосредственно возле Киева.

Белгородский оборонительный узел возник путем объединения земляным валом оборонительного пояса городов Треполя, Тумаша и Василева внутри которого был поставлен город-крепость Белгород. Площадь белгородского детинца составляла 12,5 га; сам детинец был окружен земляными валами с каменным и деревянным заполнением, высотой до 11 м. В наиболее опасных местах стояли мощные дубовые башни.

Белгород был густо заселен. К детинцу примыкал посад, также окруженный в конце X века мощным валом и рвом. Площадь укрепленного посада составляла 40 га. Белгородская крепость могла реально

100 Иллюстрации: Рис. 26. Славянский юноша-кожемяка побеждает печенежского богатыря.

Крепостная стена Белгорода в конце X века
(реконструкция Б. А. Рыбакова)

вместить в себя не только жителей посада, но и многочисленное войско, конницу и корабли.

Печенеги объявились на Руси через четыре года в 992 г., видимо, когда истек мирный «корсунский договор». Владимиру нужно было решать, что делать: или воевать, или покупать мир. Новые города-крепости были еще не достаточно обустроены и заселены, а непосредственно самого дружинного воинства у князя было недостаточно, чтобы отбить набег печенегов.

По летописцу, противостояние на Трубеже русских и печенежских войск приняло форму предварительных переговоров, облеченных в эпическую форму ожидаемого богатырского противоборства.

Судя по всему, печенеги за мир запросили такую цену, что Владимир был вынужден взять срок, чтобы собрать средства. Печенеги согласились подождать, а когда получили откуп, удались обратно. Срок нового мирного договора с печенегами был примерно такой же, как и при корсунском походе, около 3–4 лет.

По истечении этого срока, печенеги вновь объявились близ Василева[101] в 996 г. Князь Владимир, только что построивший каменную киевскую церковь пресвятой Богородицы, на что ушли огромные средства, денег на мирный откуп от печенегов решил не давать.

101 Понимая, что взять Киев, хорошо укрепленный рвами и мощными валами,будет не просто, печенеги избрали тактику набегов на небольшие слабоукрепленные города, с целью обращения в полон их жителей и последующей продажей в рабство на ближайшем рынке Херсонеса. — Авт.

Вступив в сражение с печенегами, Владимир не смог со своей дружиной «стерпѣти противу, подъбѣгъ ста подъ мостомъ, одва укрыся противыхъ» [64, с. 122]. По летописцу, благодаря помощи Божьей, князь уцелел, печенеги же, ограбив, все что могли, взяв полон, ушли обратно.

Радуясь, что уцелел, князь Владимир «поставити церковъ Василевѣ святого Преображенья <…> и створи праздникъ великъ <…> и съзываше боляры своя, и посадникы, старѣшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздая убогимъ 300 гривенъ[102]. Праздновавъ князъ дний 8, и възвращашеться Кыеву <…> сзывая бещисленое множество народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше» [64, с. 122].

Варяжская княжеская дружина, перепившись, стала требовать у Владимира ложек для еды, вместо деревянных, из серебра, напрочь забыв свой позор при Василеве, когда Владимир чудом уцелел, спрятавшись под мостом, моля Богородицу спасти его от неминуемой смерти.

В 997 г., по летописцу, познав, что князь Владимир ушел в Новгород за воинским подкреплением, печенеги вновь напали на Русь, встав возле Белгорода, полностью окружив его. Враги не давали людям «вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, Печенѣгъ же множьство много» [64, с. 122].

Куда делся Владимир при нашествии печенегов и его дружинники с серебряными ложками, неизвестно. Белгородцы открыто осуждали Владимира за бездеятельность и нежелание помочь им, когда его жители были обречены на гибель от голода, «а отъ князя помочи нѣту» [64, с. 125].

В. Н. Татищев, оправдывая исчезновение Владимира с Киевской Руси при нашествии печенегов, сочинил легенду о мнимом походе князя в это время на новгородский северо-запад, который: «умыслилЪ итти на Чудь и оныхЪ покорить, и верьховныхЪ взявЪ, пошелЪ кЪ Новуграду» [196, 1769, с. 85]. Непостижимо, зачем князь отправился за 1500 км из Киева в Новгород, бросив на много месяцев русскую землю на растерзание печенежской орде.

Еще «дальше» отправил Владимира историк А. Ю. Карпов, по мнению которого, вероятно, князь ушел отбивать натиск норвежского ярла Эйрика на Ладогу в конце весны 997 г. Нашествие ярла Эйрика на Ладогу и разрушение «морских ворот» Новгорода и всей Руси,

102 На эти деньги можно было вполне откупиться от печенегов, не отдавая беззащитных славян в рабство. — Авт.

разорение других подвластных Владимиру земель должно было и в самом деле заставить князя покинуть Киев и поспешить к Новгороду» [44, с. 322–323].

Однако географически Ладога не могла быть «морскими воротами», поскольку находилась в низовьях Волхова, впадающего в Ладожское озеро. Исторически Ладога стала новгородской землей лишь в начале XII века, до этого, со времен Рюрика, ладожские земли являли собой некое ярлство норманнов, которые основали Ладогу как город-крепость еще в середине VIII века [72, с. 108–109].

Православный историк Д. М. Володихин в массовой популярной серии «Правители России» пустился в диковинные измышления о причинах похода князя Владимира: «Русь то и дело отражала удары с севера, северо-запада, нанося удары в ответ (? — Авт.)[103] <…> В далекой Норвегии киевский правитель помог утвердиться на троне своему воспитаннику Олаву Трюгвасону (? — Авт.)[104] <…> Помогая Олаву, Владимир Святославович, прежде всего, желал избавить Русь от буйных толп викингов, являвшихся оттуда на разбой (? — Авт.)[105] <…> Во всяком случае, значительная часть варяжских земель перестала бы угрожать Новгородчине разорительными набегами <…> Владимир выступил с войском на защиту Новгородчины» [15, с. 71–73].

Историческая нелепость такого рода вымыслов совершенно очевидна. Если ярл Эйрик напал на Ладогу в конце весны, то по расстоянию до Киева Владимир мог прийти на помощь ладожанам лишь в конце лета — реально лишь за тем, чтобы лицезреть руины и пожарища. А вернуться обратно в этом случае князь мог лишь к зиме, что означало бросить Киевскую Русь на произвол судьбы почти на год, на радость печенегам.

Аллогия, по рождению знатная ладожанка, была первой женой князя Владимира. В Новгороде правил ее сын Вышеслав, целью княжения которого была, прежде всего, защита новгородско-ладожской земли от нашествия врага. По норвежским сагам ярл Эйрик ворвался в приладожские земли в 997 г., судя по всему, вследствие своей ненависти к Олаву Трюгвасону, который был дружен с князем Владимиром. Спрашивается, где в это время был Вышеслав, почему он не защитил Ладогу?

---

103 Когда это было, и о чем идет речь — совершенно непонятно. — Авт.

104 Явный вымысел Д. М. Володихина. — Авт.

105 По летописям и сагам, варяги шли на Русь не на разбой, а на службу за деньги в дружинах варяжских князей рода Руси от Рюрика до Святослава. Варяги же служили князю Владимиру и его сыну Ярославу. — Авт.

Ответ дает сага «Об Олаве Трюггвасоне» по «Кругу земному». В ней около 995 г. описывается случай, когда вдова Сигрид конунга Швеции Эрика (†993) отвергла сватовство конунга из Гардарики-Руси по имени Виссавальд и сожгла его самого со свитой и других претендентов в бане после пиршества в честь встречи: «Сигрид сказала, что так она отучит мелких конунгов приезжать из других стран для того, чтобы свататься к ней. С тех пор ее стали звать Сигрид Гордая» [27, т. V, с. 100].

Если под «под мелким конунгом» Виссвальдом понимать князя Вышеслава «с востока из Гардарики», то это означает, что к моменту захвата ярлом Эйриком Ладоги новгородского Вышеслава не было в живых[106], и, в принципе, если бы не столь большое расстояние от Киева, князь Владимир, возможно, решился бы двинуться на помощь новгородцам или даже поставить свою администрацию в разоренной Эйриком Ладоге.

По мнению летописца, отсутствие Владимира в Белгороде объяснялось не удаленностью князя от места событий, но малочисленностью его войска. Однако воинское подкрепление можно было найти не в Новгороде, а гораздо ближе, в верховьях Днепра, где в Гнездово близ Смоленска обитали норманны, и со времен Олега-правителя до Святослава находилась резиденция древнерусских князей. Можно вполне резонно говорить о бегстве Владимира из Киева при грозной вести о приближении печенегов, и вероятно, что князь укрылся именно в одной из крепостей Гнездово.

Что касается осады печенегами Белгорода, то летописец приводит уникальные факты о том, что брошенные Владимиром на произвол судьбы белгородцы «створиша вѣче в городѣ» и в присутствии старцев и «старѣйшины градьскыя» решили не умирать от голода, а вступить в переговоры с печенегами, пустив в город их послов. Решение народного родового вече, авторитет старейшин и старцев градских для белгородцев принесли гораздо большую пользу, чем наемная дружина с боязливым князем Владимиром.

Летописец сообщает знаменательную легенду о «белгородском киселе» и чудесном спасении белгородцев, печенеги «въсташа отъ града, въсвояси идоша» [64, с. 126].

По В.Н. Татищеву, как раз в это время князь Владимир возвратился из новгородского похода на Чюдь: «увѣдавЪ еже, Печенѣги много

106 По мнению В.Н. Татищева, в 1010 г. Вышеслав умер в Новгороде, после чего Владимир поставил на новгородское княжение ростовского князя Ярослава [106, 1773, с. 89].

зла учинили, посылалЪ за ними войско, но не смогли ихЪ догнать, возвратились» [106, 1773, с. 87].

Существуют археологические данные, которые позволяют более осмысленно толковать причины ряда событий на Киевской Руси во времена Владимира и его борьбу с печенегами. Речь идет о том, что на рубеже X–XI вв. Владимир ввел в оборот собственную монету — «златники» и «сребряники». Златники были подобны византийским солидам того времени. Сребряники, а их было абсолютное большинство, были схожи с арабскими дирхемами[107].

Златники, судя по всему, делались в Греции, возможно, в Херсонесе, который чеканил собственную монету, а сребряники чеканились в Киеве.

Только на монетах сохранились прижизненные изображения князя Владимира, человека с небольшой бородой, крупным носом и длинными усами: «что можно, по-видимому, воспринять как передачу определенных портретных черт этого князя. Головной убор изображен в двух вариантах. Кроме высокой русской шапки — т. н. складни — обнизанной сплошь жемчугом скуфьи <…> наблюдается и другой вид головного убора — низкая, почти плоская шапочка с крестом на вершине, повторяющая стемму императоров с византийских монет Василия II и Константина VIII» [103, с. 189]. По монетам известен и княжеский знак Владимира — «трезубец», принятый в XX веке Украиной в качестве государственного герба.

Очевидно, что начало чеканки на Руси собственной монеты не столько отвечало требованиям экономики (денежное обращение Древнерусского государства было обеспечено привозной византийской, арабской и западноевропейской монетой; своих источников монетного металла на Руси не было), сколько намеренными действиями князя Владимира.

В этом плане весьма показательны сребряники Владимира. Их вес и качество не были фиксированы, меняясь в широких пределах. Лишь малое число монет имели высокое содержание серебра, все остальные монеты являли собой слабо покрытый серебром медный фальсификат. Таких «сребряников» примерно 70–80 % от общего числа, а высокопробных — менее 5 % [103, с. 176, 184, 187, 191].

В массовой чеканке медного фальсификата арабских дирхемов князь Владимир не был первооткрывателем. Ранее таким подложным промыслом занимались хазары-иудеи.

107 Иллюстрации: Рис. 31–33.

Серебряные монеты с именем Владимира, его портретом
и гербовым знаком на другой стороне.
Надпись: «Владимир на столе, а это его серебро»

Паразитический характер Каганата базировался на хазарской валюте, в качестве которой применялись иудейские псевдо дирхемы. В труде нумизматолога А. А. Быкова «Из истории денежного обращения в Хазарии VIII–IX вв.» показано, что в Каганате изготовлялись арабские монеты — дирхемы, которые чеканились весьма небрежно «лишь бы на первый взгляд северо-восточных волжских народов монета хазар походила на привычные им арабские дирхемы <…> на монетах был знак, который напоминал понимающим об (истинном) происхождении монет»[108]. Иудейский денежный фальсификат чеканился в Итиле, в административном центре Каганата.

Источником обогащения Востока было неравенство меновой торговли, при использовании основным средством денежного обращения арабских серебряных дирхемов. Арабское серебро наводняло славянские и скандинавские земли до XI в., когда истощились восточные серебряные рудники.

Возможно, что явно не случайно по сходству подложных монетных махинаций первый русский митрополит Иларион (1051–1054) титуловал князя Владимира «великим каганом нашей земли», что православные переводчики весьма фальшиво перекроили в «великого государя нашей земли» [39, с. 72, 73].

Спрашивается, где брал князь Владимир золото и серебро в слитках для чеканки собственной монеты? Ответ очевиден — в Греции. Русь и Византия после брака Владимира с царевной Анной находились в военном союзе. Тысячи русских воинов служили императорам Византии, которые платили им золотом и серебром. Ясно, что и Великий киевский князь Владимир имел от этого свою долю, которую предпочитал брать в слитках драгоценных металлов, которые затем переплавлялись

108 Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. С. 67–68.

в монетное золото и серебро, тем самым увеличивая свою стоимость как средство денежного обращения.

Бюджетные расходы молодого древнерусского государства были немалыми, непрерывно возрастая. Помимо содержания собственного княжеского двора, Владимиру нужно было платить наемной дружине, печенегам за мир и поставки скота, обустраивать Киев и новые города-крепости. Огромных расходов потребовало строительство в Киеве Десятинной церкви.

Собственно, уже к 992 г. в известном противостоянии с печенегами на реке Суле средства казны Владимира так истощились, что Владимир не смог сразу заплатить печенегам за новый мирный договор. Возможно, что именно нарастающий денежный дефицит заставил Владимира начать чеканку медного фальсификата под видом арабских серебряных дирхемов.

Считать неправомерными действия князя Владимира в этом отношении не стоит, ведь это был один из обычных способов самостоятельной финансовой политики государства. А там где деньги, нельзя ждать какой-либо справедливости. Те же купцы норманнов, даже не за деньги, а за бусины из крашеного стекляруса скупали у славян и народов Севера бесценные меха, равным образом как и арабские купцы делали то же самое с помощью крашенных глиняных бусин.

Возникает немаловажный вопрос, с кем Владимир рассчитывался настоящими деньгами, а с кем фальшивыми? Понятно, что подлинные монеты использовались как средство денежного обращения с теми лицами, которых обмануть в этом плане было невозможно — с греками, арабами, европейцами.

Слегка посеребренный медный фальсификат применялся для оплаты услуг печенегов и славян. Они использовали монеты не как деньги, поскольку были не грамотны и торговать практически не умели, но весьма ценили их как украшение, пробивая отверстия в монетах гвоздями, а также, как статусные внешние символы, выделяя тем самым себя из нищей массы простонародья. Ясно и то, что монеты такого рода могли использоваться как деньги в примитивной меновой торговле.

Вопрос о типе денежной оплаты явно озвучен летописцем в известном рассказе о ложках для дружинников Владимира. По летописцу, дружинники, выпив и осмелев, стали требовать от князя вместо деревянных, ложки из серебра. В чем здесь смысл ситуации? Под деревянными ложками можно разуметь натуральный способ оплаты «кормлением» княжеской дружины. Не удовлетворенная таким положением дела, дружина стала требовать от князя оплаты своих услуг и серебром.

Сам же Владимир по поводу возникшей коллизии изрек свою знаменитую сентенцию: «яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра» [64, с. 123–124].

Обычно договор с отрядом наемников норманнов заключался на один год. Сумма оплаты исчислялась по числу воинов в дружине и от успешности службы наемников. Годовая плата дружинника была примерно равна эйриру, 27 г серебра [27, т. V, с. 124].

Судя по всему, проблема заключалась в том, что после окончания строительства Десятинной церкви, один мозаичный мраморный пол которой стоил огромных денег, как и услуги греческих мастеров, у князя Владимира не было наличного монетного серебра, чтобы удовлетворить требования его дружины. Оставалось одно — заплатить дружине посеребренным медным фальсификатом, что, видимо, и произошло.

Варяжские наемники отправляли часть своих денег домой, пользуясь услугами торговцев. В саге, повествующей о богатстве и славе варяжского наемника *Харальда Сурового,* в частности, сообщается, что часть своего богатства, золота и всяких драгоценностей, полученных им в Грикланде (Византии), он посылал с верными людьми на север в Хольмгард (Новгород) [27, т. V, с. 152–153].

Когда знающие толк в деньгах торговцы Новгорода обнаружили присланные из Киева фальшивые медные дирхемы, разразился скандал. Варяжская дружина ушла от Владимира, рядом с ним остались лишь телохранители.

Печенеги, бродившие неподалеку, прознав, что Владимир остался без дружины, ворвались на Русь. Не рискуя брать мощные крепостные сооружения Белгорода и Киева, печенеги оцепили Белгород, взяв как бы в заложники весь город, потребовав у Владимира выкуп, угрожая в противном случае, уморить горожан голодом.

Возникшую ситуацию можно трактовать с точки зрения «южной» версии событий, в сравнении с «северной», предложенной летописцем и его современными, неудачными толкователями. «Южная» версия позволяет непротиворечиво по времени и географически свести воедино ряд событий, выясняя при этом их конкретную финансово-экономическую суть.

По «южной» версии, естественным выходом для князя Владимира было немедленно добыть деньги, чтобы нанять новую дружину, заплатить выкуп печенегам и снять осаду Белгорода. Это было не столь сложным делом. Возможно, князю помогла жена царевна Анна, обратившись за помощью в Грецию. Ее братья, императоры Византии,

дали ссуду князю Владимиру, как монетным золотом и серебром, так и слитками.

Эти события происходили в непосредственной близости от Киева, возможно с участием дельцов из Херсонеса, на все требовалось не так много времени, около месяца. Этот срок жители Белгорода могли вполне продержаться в осаде.

Получив деньги, князь Владимир нанял новую дружину, судя по всему, из Приазовских русов, начеканил медный посеребреный фальсификат и отдал его в виде выкупа печенегам — тот самый летописно символический «белгородский кисель».

Денежная операция с платой фальшивыми дирхемами печенегам оказалась такой удачной махинацией, что почти до конца жизни князя Владимира печенеги оставили в покое русскую землю, вдобавок, практически даром поставляя в Киев мясной скот. Еще император Константин Багрянородный отметил: «росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в Росии не водилось» [27, т. II, с. 152–153].

Эти сложившиеся материальные обстоятельства стали основой общественных обильных пиров в Киеве при Владимире, о которых с восторгом сообщает летописец: «И еще нечто большее сделал он для людей своих: каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — и при князе и без князя. Бывало там множество мяса — говядины и дичины, — было все в изобилии» [64, с. 123].

Судя по всему, и летописное милосердие и нищелюбие Владимира основывалось на массовой раздаче им фальшивых медных дирхемов нищей братии, облепившей к тому времени паперти первых киевских церквей[109].

Со временем, по мере укрепления южных границ новыми городами-крепостям, перед печенегами вырос мощный заградительный заслон. В 1008 г. католический архиепископ миссионер *Бруно Кверфуртский* сообщает, что из-за вражды с кочевниками государь Руси [Владимир] крайние пределы своей державы со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградою [27, т. IV, с. 58–59].

Серьезно усилилось и дружинное войско князя Владимира. Речь идет о региональной дружинной славянизации, образно описанной

109 Иллюстрации: Рис. 30. Раздача милостыни и пиры в Киеве времен князя Владимира.

в летописной легенде о юноше-кожемяке. Русский былинный эпос также свидетельствует, как к Владимиру пошли служить древнерусские славянские богатыри[110].

Суть оплаты славянским богатырям была уже явно иной, не лишь за «корм» и деньги, но и за почет и уважение. Богатыри шли служить не только князю Владимиру, но и всей Русской земле: «за вдов, за сирот, за бедных людей, за Русь-матушку».

Война в семье Владимира

В конце жизни князя Владимира все крупные феодальные владения Руси и все высшие ступени феодальной иерархии оказались в руках одного княжеского рода Владимировичей. Родовое право наследования по старшинству между братьями вступило в противоречие с феодальным правом наследованием по линии сыновей: «Русь объединял политически только княжеский род, помимо которого между ними не было другой политической связи. Но и единство княжеского рода было не государственным установлением, а бытовым обычаем, в основе княжеского совместного владения лежал факт происхождения, момент генеалогический, из которого выходили постоянно изменявшиеся личные соглашения. Этот факт навязывал князьям солидарность действий, не давая им постоянных норм, не указывая определенного порядка отношений. Русская земля представляла собою не союз князей или областей, а союз областей через князей. Это была федерация не политическая, а генеалогическая, федерация, построенная на факте родства правителей, союз невольный, по происхождению, и ни к чему не обязывавший по своему действию» [49, с. 243].

Княжеский род Владимира как следствие его «блудливой» репродуктивности был явлением совершенно разнородным. Советский историк Г. М. Филист пишет по этому поводу: «На основе данных всех источников была создана громоздкая таблица противоречивых сведений как о количестве жен князя Владимира (от четырех до восьми, причем большинство источников не знает их имен, а называют чешкой, болгаркой, гречанкой), так и о количестве сыновей (от трех до четырнадцати)…

Титмар Мерзебургский пишет о трех сыновьях Владимира, но имен их не знает. В скандинавских сагах разных времен указываются Виссавальд, Харальд, Ярислейф, Бурислейф. Составители саги «Пряди об Эймунде Хрингссоне» ошибочно считают сыном

110 Приложение. Былинный эпос о временах князя Владимира.

Владимира его внука Брячислава (Вартилафа). Никифоровская летопись, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин называют 10; С. М. Соловьев, Новгородский и Киевский своды — 12; родословие Екатерины II включает 13 сыновей: Вышеслава, Изяслава, Всеволода, Вячеслава, Мстислава, Станислава, Бориса, Глеба, Судислава, Позвизда, Святополка, Ярослава и Святослава; а в Ипатьевской летописи упоминается еще и Олег. Есть предположения, что некоторые имена повторены дважды, так как сыновья могли иметь по два имени, полученные при рождении и при крещении» [111, с. 19–20].

Крещение сыновей Владимира, как и его самого, мало что изменило. Возникшая ситуация религиозного двоеверия, язычества в сочетании с христианством устраивала княжеский род, сообщество членов которого поступало так, как им было удобнее и выгоднее при складывающихся обстоятельствах.

По летописцу, Владимир «поял» своих, «официальных (в династическом и политическом смысле) жен», имея от них 12 сыновей и 10 дочерей. К «официальным женам» Владимира относят: ладожанку Аллогию, полоцкую Рогнеду, «чехиню», «болгарыню», «грекиню» Ярополка, греческую царевну Анну и неизвестную «мачеху Ярослава»[111].

Существенный политический статус жен Владимира вполне очевиден, и, как ни хотелось бы христиански настроенным летописцам и историкам, православная греческая царевна Анна не стала единственной супругой в сонме жен, окружающих князя.

Но, несмотря на историческую реальность, Д. М. Володихин «сообщает»: «Владимир получил Анну в жены. Остальным женам Владимира придется его покинуть. Некоторые из них выйдут замуж вновь за представителей киевской знати, другие примут монашеский постриг» [15, с. 43]. По мнению историка А. Ю. Карпова: «Теперь Владимир отказывается от своих прежних жен, оставляя единственную законную — Анну. И его «водимые» жены, и его наложницы должны были покинуть князя. Владимир дозволил им сочетаться браком со своими «передними мужами» — боярами и дружинниками» [46, с. 26].

Спрашивается, о каких женах Владимира идет речь? По источникам только о Рогнеде. Так, Тверской летописец XVI в. сообщает красочную легенду о Рогнеде, которая не пожелала идти в жены к «передним мужам» Владимира и решила идти в монастырь [65, стб. 112]. Согласно

111 О мачехе Ярослава известно только со слов Титмара Мерзебургского [27, т. IV, с. 81].

белорусскому преданию, записанному уже в XIX веке, Рогнеда приняла пострижение в Изяславле, в основанном ею монастыре [99, с. 516–518].

Небылица о монашеском постриге женщин в начале XI века нелепа, монастырей на Руси в то время не было. Первый русский мужской монастырь был основан монахом Антонием в пещере киевского холма на Днепре в середине XI века. Антоний своими руками обустроил скит в пещере и жил там отшельником. Первое летописное известие об основании женского монастыря относится к 1089 г. В этом году для своей дочери Анны (Янки) и внучки Ярослава Мудрого Всеволод Ярославич основал Андреевский монастырь, в котором была создана первая известная в истории школа для девочек

Явно несуразно утверждение и о том, что бывшие жены князя Владимира были отданы его «передним мужам». Владимир брал жен лишь знатного династического статуса, по их именам можно судить о росте могущества князя и приращении его владений — княжна ладожанка Аллогия, полоцкая княжна Рогнеда, неизвестные нам по именам «чехиня» и «болгарыня», наконец, византийская царевна Анна.

За женами Владимира стояла определенная система международного права, в котором жило и развивалось древнерусское государство. Отдать знатных жен Владимира непонятно каким худородным плебеям, по сути, означало обрушить систему внешнеполитических связей Древней Руси.

Как можно представить себе ситуацию, когда сыновья князя Владимира — Ярослав новгородский, Борис ростовский, Глеб муромский, Святослав древлянский и другие вдруг, по причине введенного христианского закона моногамного брака, обзавелись отчимами от малородных «боляр» и дружинников из числа варяжского сброда, типа княжеского любимца Блуда?

Известно, что, не смотря на крещение, сын Владимира Ярослав имел двух жен. 500 лет спустя Иван Грозный отличный православным фанатизмом, имел столько жен[112], сколько считал нужным, и ему в этом никто не мог перечить и указывать, даже патриарх, с недовольными лично разбирался Малюта Скуратов.

После брака с Владимиром летописец о последующей жизни Анны практически ничего не сообщает, кроме того, что она умерла в 1011 г.

Для наведения должного порядка в государстве Владимир в ряде княжеств, где был силен местной сепаратизм коренной родовой знати,

112 Жен у Грозного юридически было пять — Анастасия, Мария Темрюковна, Марфа, Анна Колтовская, Мария Нагая.

превращает их в посадничества во главе с сыновьями, которые ставятся в наиболее значимые земли. Русь делится между сыновьями и отцом. Эту традицию заложил еще Святослав, когда уходил в поход на Болгарию в 970 г.

Список сыновей князя Владимира, составленный по русским источникам в порядке старшинства, выглядит так: Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Мстислав, Всеволод, Святослав, Борис, Глеб. По летописям, по мере взросления сыновей, Владимир делил Русь дважды, вначале между старшими сыновьями, а после гибели новгородского Вышеслава около 1010 г., и между остальными.

Не всем сыновьям Владимира достались княжения, крупных удельных княжений на Руси было меньше. Так, Станиславу, Позвизду и Вячеславу ничего не досталось, кроме их имен. Это князья-изгои, не имеющие своих уделов-кормлений, милостники, живущие при дворах своих более удачливых братьев. По мнению Г. М. Филиста, они были не сыновьями Владимира, но его племянниками, сыновьями Ярополка и Олега [111, с. 23].

Политический центр событий в семье князя Владимира разворачивался, главным образом, вокруг полоцкой Рогнеды и киевской «гречанки» Ярополка. Обе они были намеренно публично нагло обесчещены Владимиром, вдобавок, гречанка была беременной не от Владимира.

Об обстановке в полоцкой ветви «семьи» Владимира можно судить по легендарному эпизоду Суздальской Лаврентьевской летописи. Летописец, говоря о Рогнеде, сообщает о событии около 997 г.: «поя женѣ, и нарекоша ей имя Гориславa; и роди Изяслава. Поя же паки ины жены многы, и нача ей негодовати. Нѣколи же ему пришедшю к ней и уснувшю, хотѣ и зарѣзати ножемъ; и ключися ему убудитися, и я ю за руку. Она же рече: «сжалися бяхъ, заве отца моего уби и землю его полони, мене дѣля; и се нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симь». И повеле ей устроитися во всю тварь цесарскую, якоже в день посяга, и сѣсти на постели свѣтлѣ в храминѣ, да пришедъ потнеть ю: она же тако створи, и давши мечь сынови своему Изяславу в руку нагъ, и рече: «яко внидеть ти отець, рци выступя: отче! Еда единъ мнишися ходя?». Володимеръ же рече: «а хто тя мнѣль сде?» и повергъ мечь свой, и созва боляры, и повѣда имъ. Они же рекоша: «уже не убий ея, дѣтяти дѣля сего, но въздвіги отчину ея и дай ей с сыномъ своимъ». Володимеръ же устрои городъ, и да има, и нарече имя городу тому Изяславль» [64, с. 285].

По информационной насыщенности эпизод с покушением Рогнеды один из самых ярких в древнерусском летописании.

По мнению Н. М. Карамзина, свое новое имя Горислава Рогнеда получила по «горестям» своей судьбы: убийству отца и братьев, публичному бесчестию и прозябанию в предместье Киева в селе Предславино на берегу речки Лыбеди.

По мелодраматической версии летописца и Н. М. Карамзина, основной причиной покушения Рогнеды на Владимира стала ее ревность, она не могла простить «измены и любви, ибо великий князь уже предпочитал ей других жен и выслал несчастную из дворца своего» [42, с. 75]. Однако дальнейшие события показали, что причина была совсем не в этом.

По летописцу, Рогнеда после неудачи покушения в «негодовати» заявила Владимиру: «се нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симь», но тут же выяснилось, что Изяслав отнюдь не младенец, а вполне разумный отрок, способный носить меч. Однако летописец здесь не оговорился, под понятием младенца он имел в виду не возраст ребенка, а его социальный статус при рождении. Рогнеда, говоря Владимиру, что он не любит ее и Изяслава, обращалась к князю не как к мужу и отцу, а как к главе феодальной княжеской семьи, который после рождения сына должен был выделить ему удел, но он этого не сделал, выслав Рогнеду с Изяславом в предместье киевского захолустья. Тем самым Изяслав стал князем-изгоем, не имевшим своего удела для кормления. Именно это обстоятельство все больше тревожило Рогнеду и подвигло ее на чрезвычайные меры.

Не вызывает сомнения, что неудавшееся покушение Рогнеды, по сути было тщательно продуманной инсценировкой женской изворотливой хитрости. Главная ее цель — ввести князя Владимира в аффект неожиданно прямой угрозы его жизни и заставить его принять решение о должном феодальном статусе Изяслава и Рогнеды.

Возможность реального покушения невероятна, поскольку это означало немедленную гибель Рогнеды и Изяслава. Ясно, что Владимир явился к Рогнеде в Предславино, чтобы выполнить свои приятные супружеские обязанности, не один, а с вооруженной охраной. Если бы Рогнеда зарезала спящего Владимира, ей некуда было бежать. Никаких верных людей вокруг нее не было. Гибель Владимира означала скорую зверскую расправу над Рогнедой и Изяславом озлобленной княжеской охраны.

Весьма показательна экипировка покушения Рогнеды, при себе она имела внушительный нож, который обнажила над спящим князем Владимиром, а юного Изяслава снабдила мечом.

Спрашивается, откуда Рогнеда получила оружие? Ответ ясен — купила. Единственно, в чем она тогда не нуждалась, так это деньги.

Они у нее были как у знатной княжны жены Владимира и тратить деньги Рогнеде в Предславино, где она жила, было не на что. Летописец приводит легенду, что еще в древнейшие времена поляне платили дань хазарам качественными мечами: «и вдаша от дыма мечь, и несоша Козари» [64, с. 16].

По существу, Рогнеда выступает перед нами не как слабая и беззащитная женщина, но как знатная варяжская княжна, знающая толк в оружии и умеющая, при случае, применять его на деле. Хотя использовать оружие Рогнеда не собиралась, ее хитроумный замысел заключался совершенно в ином.

Когда князь Владимир увидел занесенный над собой нож, он, как бывалый воинский человек, легко его отвел. Придя в ярость, Владимир решил, по Н. М. Карамзину, «собственной рукой покарать преступницу» и велел готовиться ей к смерти.

Летописец приводит весьма интересное обстоятельство, которое имела в виду и Рогнеда. Речь идет об определенном ритуале казни знати в подобающей одежде. Рогнеду, как знатную варяжскую княжну, Владимир не мог убить сразу в ночной сорочке, как простолюдинку. Поэтому князь «повеле ей устроитися во всю тварь цесарскую, якоже в день посяга, и сѣсти на постели свѣтлѣ в храминѣ», т. е. казнь была отсрочена на сутки.

За отсроченное время до казни Рогнеда, вооружив сына Изяслава мечом, обговорила с ним эффектное окончание семейной мелодрамы. Н. М. Карамзин пишет: «Уже гневный супруг и судия вступил в сию храмину <…> Тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему меч обнаженный и сказал: «Ты не один, о родитель мой! Сын будет свидетелем. Владимир, бросив меч на землю, ответствовал: «Кто знал, что ты здесь!» [42, с. 76]

В чем скрытый смысл этой сцены? Вернемся к событиям взятия Полоцка князем Владимиром. Юридически полоцкое княжение Владимир присвоил не потому, что сжег Полоцк до тла и убил его властителей, а потому, что взял в жены полоцкую княжну Рогнеду, публично «появ»-насиловав ее при свидетелях.

Точно так же Владимир узаконил свои полномочия на киевский стол, организовав убийство брата Ярополка, публично изнасиловав его беременную жену. И, наконец, Владимир узаконивает свою власть в поверженном Херсонесе, убивая при свидетелях корсунских «князя и княгиню и с дщерию их пред ними беззаконство сотворив». И дело здесь не в том, что князь Владимир летописно выступает как маньяк-насильник, а в том, что в те времена это был, судя по всему, некий сакральный способ фактического оформления прав на захваченные земли.

Князь Владимир, Рогнеда и Изяслав (худ. Н. Медведев)

Владимир в понятиях и действиях своих княжеских конкурентов имел неоспоримые феодальные права на полоцкие земли, прежде всего в династическом плане, а именно как муж Рогнеды Рогволодовны, эти права переходили к наследнику их брака по мужской линии Изяславу.

Князь Владимир не мог убить Рогнеду и Изяслава, поскольку в этом случае лишался прав на полоцкое княжение. Тот же польский князь Болеслав I (ок. 967–1025) уже хищно рыскал вокруг, ожидая повод присвоить полоцкое княжение себе.

Эти обстоятельства знали как Рогнеда, так и Владимир. Князь решил обратиться к своим «болярам» за советом, что делать в сложившейся ситуации. «Боляре» вполне разумно, в рамках феодального права, посоветовали Владимиру не рубить «полоцкую ветвь на корню», а наоборот, ее укрепить, дав феодальный удел с «градом»[113] Изяславу

113 «Град» был специально срублен на полоцкой земле и назван Изяславлем.

и Рогнеде. Полоцк князь Владимир дать им не мог, поскольку сжег его при штурме.

То, что Изяслав обнажил меч против отца, было преступлением против его княжеской власти. Владимир не простил это сыну, «выделив» ему удел в бывших землях Рогволодов. Потомки Изяслава, по летописцу — «Рогволожьи внуки» — не будут признаваться наследниками Владимира, потеряют права на Киев и «Русскую землю». Но, с другой стороны, потеряют права на Полоцкие земли и Киевские князья.

Таким образом, истребленная князем Владимиром полоцкая мужская ветвь рода Рогволодов вновь воскресла через Рогнеду и Изяслава, что имело далеко идущие последствия, как политические, так и этнически-территориальные. Единая древнерусская народность обрела внутренний вектор будущего распада, от Киевской Руси постепенно отошла полоцкая Белая Русь.

Если отвлечься от юридически принятых в то время обстоятельств феодального права и оценить существо отношений внутри семьи Владимира и Рогнеды, то о какой «семье» можно толковать, когда жена нападает на мужа с ножом, а сын обнажает меч в защиту своей матери от расправы отца?

Православные толкователи объясняют эту сцену в смысле обличения языческого нрава Владимира, который после принятия крещения стал иным, облагороженным христианством человеком. Но дело именно в том, что крещение Владимира, как и его сыновей наследников, по сути ничего не изменило. Злоба и ненависть демонически разгорались в многочисленной семье князя Владимира все более неистово и беспощадно.

Самое крупное семейство Владимира было у Рогнеды, но разве можно это разнородное образование назвать семьей? Рогнеда передала своим детям лишь одно, органическую ненависть к их отцу насильнику князю Владимиру. Рогнеда была лишь при Изяславе, остальные, Вышеслав, Ярослав и Мстислав воспитывались при Владимире в дружинной среде. Живущие в разных уделах, в отдалении друг от друга, они, по сути, не считали себя братьями, боялись отца. Рогнеда фактически бросила своих детей, по легенде, уйдя в монастырь.

Крещение Руси при Владимире не изменило существующего древнего родового права наследования по старшинству сыновей главного феодального удела. Таким неоспоримым наследником был Святополк Владимирович, рожденный гречанкой, вдовой великого князя киевского Ярополка Святославича.

По летописцу, после взятия Киева, утверждая свои кровные права на киевское княжение, Владимир изнасиловал беременную жену Ярополка: «Володимеръ же залеже жену братьню Грекиню, и бѣ непраздна, отъ неяже родился Святополкъ. Отъ грѣховьнаго бо корени зоъ плодъ бываеть: понеже бѣ была мати черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо; тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо отъ двою отцю, отъ Ярополка и отъ Володимера» [64, с. 76].

Исследователи антропонимики обращают внимание на то, что имена большинства сыновей Владимира, кроме Позвизда[114], построены по принципу варьирования родового имени на корне «слав», судя по всему, в честь их деда Святослава (Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Судислав, Мстислав). А имя «Святополк», построенное по тому же принципу, хотя и показывает, что дедом ребенка действительно был Святослав, но во 2-й части является варьированием имени своего «первого» отца Ярополка, то есть явное различие между этими детьми наметилось еще при выборе имени для младенца [67, с. 49].

Владимир, став князем киевским, называл Святополка своим законным сыном, дав ему в 988 г. один из лучших и значительных феодальных уделов — Туровское княжение.

Исторически Туров был политическим, экономическим и культурным центром славян дреговичей. Город был основан на месте слияния рек Язды и Струмени, притоков Припяти, которая, в свою очередь, впадает в Днепр. Географическое положение способствовало развитию города, так как через него проходил один из прибалтийских торговых путей «из варяг в греки», торговые пути в Польшу, Германию, Чехию[115].

Изначально туровская земля, имея своих князей, не была подчинена Киеву. Договоры киевских князей с греками не упоминают дреговичей среди племен, участвовавших в походах на Грецию.

Туровым владели представители старейших наследственных линий Древней Руси и неоднократно с туровского княжения переходили на киевский великокняжеский (Святополк Владимирович в 1015 г., Изяслав Ярославич в 1054 г., Святополк Изяславич в 1093 г., Вячеслав Владимирович в 1139 г.).

Важное значение Турова подчеркивается и тем, что Изяслав Ярославич ради Туровского княжения оставил в 1088 г. Новгородское княжение, Вячеслав Владимирович в 1125 г. оставил Смоленское

114 Позвизд, судя по языческому имени, родился до крещения Владимира.

115 Этот путь «из варяг в греки», один из кратчайших от Балтики до Черного моря, шел по рекам Неман-Щара, затем, через волок, на Припять-Днепр.

княжество и впоследствии ради него неоднократно оставлял Переяславское княжество. На протяжении своей истории Туровское княжество неоднократно являлось ареной борьбы династических княжеских притязаний.

Туровская земля вместе с другими наиболее развитыми землями Древнерусского государства — Новгородской и Полоцкой — проявляла стремление к полной самостоятельности и независимости от Киева.

Городище древнего Турова включало детинец и окольный город. Детинец с юго-восточной стороны был обособлен от окольного города оборонительным рвом, который был постоянно заполнен водой.

Древний Туров (реконструкция П. Ф. Лысенко) [116]

Туровское Городище в наши дни

116 Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. Минск., 1982. С. 84.

Впервые город упомянут летописцем в 980 г. «бе бо Рогволод перешел из заморья имяше волость свою Полотьске, а Тур Турове, от него же Туровици прозвашаяся» [64, с. 74].

В отличие от Полоцка, князь Владимир, взяв Туров и убив его властителей-норманнов, городище Турова не уничтожил, оставив в нем своих наместников. Туровское княжение стало западным европейским форпостом Киевской Руси.

Туров в конце X века, судя по всему, наряду с Киевом, был одним из крупных центров древнерусского государства. В списке XVII века туровских памятников XIV века известна грамота об основании епископии в Турове в 1005–06 гг. и имя первого епископа Фомы [121, с. 42].

Повзрослев, со временем, туровский князь Святополк стал все более тяготиться зависимостью от отца князя Владимира. Годы шли, Святополк уже начал седеть, а князь Владимир возвышался на киевском княжении, как вросшая в землю скала. Когда Святополку пошел четвертый десяток лет, он решился изменить свое приниженное по отношению к Киеву положение.

Политическая ситуация для Святополка складывалась весьма благоприятно. Вражду между Русью и Польшей, переросшую в 1013 г. в войну, князь Владимир решил окончить миром, закрепив его браком Святополка на неизвестной нам по имени дочери польского князя Болеслава I[117]. Здесь князь Владимир допустил серьезную ошибку, ведь Святополк и Болеслав явно дополняли друг друга в своих устремлениях к противостоянию Владимиру, эпоха княжения которого подходила к концу.

В Туров к Святополку вместе с дочерью Болеслава прибыл ее духовник Колобжегский епископ Рейнберн известный в Европе как миссионер-фанатик. Именно он произвел «крещение» Балтийского моря, вылив в море миро и святую воду, а также разрушил склепы померанских языческих богов.

Оценивая причины брака Святополка с дочерью Болеслава, историк Н. И. Щавелева пишет: «Свидетельства польской ранне-средневековой хронографии дают возможность судить о стремлениях папства использовать Польшу в качестве посредника для подчинения соседних русских территорий своему влиянию. Наиболее простым путем для распространения католической пропаганды являлись брачные договоры, на основании которых польские княжны могли сохранять свою веру и подчас иметь своего латинского духовника» [120, с. 20].

117 Болеслав I Храбрый (Великий) (966/967–1025), сын Мешко I, князь польский с 992 г., коронован в 1025 г.

По сообщению Титмара Мерзебургского, князь Владимир, узнав, что Святополк «по наущению Болеславому намерен тайно против него выступить», схватил Рейнберна, Святополка и его жену-польку «и заключил в темницу[118] каждого по отдельности» [27, т. IV, с. 74]. Слабый здоровьем, Рейнберн около 1013 г. скончался в заключении.

По мнению А. Б. Головко, возможно, речь шла не о попытке Святополка захватить власть в Киеве, а о его стремлении отделиться от Киевской Руси, используя при этом помощь Польши [17, с. 22]. В 1014 г. аналогичную попытку предпринял в Новгороде Ярослав Владимирович, опираясь на помощь варягов.

Убить Святополка и его жену-польку князь Владимир не решался, ведь Святополк был зятем польского князя Болеслава I, который к тому времени был в союзных отношениях, как с печенегами, так и с германским императором Генрихом II.

Оставалось одно, выигрывая время, сгноить их в одиночном заключении, как Рейнберна. По летописцу, Святополк с женой находились в темнице Вышгорода вплоть до кончины князя Владимира 15 июля 1015 г.

По Титмару, Святополку удалось бежать из крепости Вышгорода в Польшу к Болеславу [27, т. IV, с. 74], что весьма сомнительно. Титмар, хотя и был современником этих событий, однако не был их прямым очевидцем, приводя сведения от вторых-третьих лиц, что приводило его к серьезным ошибкам. Так, Титмар называл жену Владимира Еленой[119], на самом деле, ее имя Анна. По Титмару, у князя Владимира было 3 сына, в действительности их было 12[120]. Судя по всему, Титмар спутал бегство Святополка из Киева, когда он воевал с Ярославом, со временем, когда Владимир был еще жив.

В 1014 г., неожиданно для князя Владимира, в Новгороде поднял мятеж его сын Ярослав, отказавшийся платить дань в Киев своему отцу. Речь шла об огромной сумме в 2000 гривен в год. Эти деньги Ярослав решил оставить у себя, нанять на них варягов-наемников и укрепить свою власть сотнями новых воинов. Летописец пишет: «Ярославъ же, пославъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего» [64, с. 127].

Ярослав был сыном Рогнеды, той самой, которая пыталась убить князя Владимира. Очевидно, что застарелая ненависть к князю

118 Темница заточения находилась в крепости Вышгорода. По данным археологии, Киев тех лет, кроме Десятинной церкви, не имел каменных строений.

119 Это крещеное имя княгини Ольги. — Авт.

120 Сообщения Титмара следует принимать к сведению, за отсутствием иных. Впрочем, это же относится и к древнерусским источникам. — Авт.

Владимиру прямых потомков убитого полоцкого Рогволода, к которым относился и Ярослав, вырвалась наружу в его новгородском мятеже. Фактически Ярослав отказался признать власть Киева над Новгородом. Как образно пишет по этому поводу М. М. Щербатов: «но старость Владимира приумножала его [Ярослава] смелость» [122, с. 287].

Геополитическая суть конфликта очевидна. Владимир свое могущество связывал с югом, с Византией. Он породнился с греческими императорами, взяв в жены царевну Анну; имел доходы золотом и серебром, отправляя в Грецию варяжских наемников; крестил Русь в греческом православии, тем самым серьезно укрепив свою княжескую власть. Со смертью Анны в 1011 г. у Владимира остался только один ресурс — христианство, да и то еще весьма слабое.

Ярослав свое властолюбие связывал с варяжским севером, с существенным военным ресурсом, наемниками-норманнами. Но иметь их можно было лишь посредством денег или, подобно князю Владимиру, с помощью династического брака.

Ярослав пошел обоими путями, отказался платить дань Киеву и одновременно вступил в переговоры с высшей варяжской знатью по поводу брака с Ингигердой, дочерью первого христианского короля Швеции Олафа Шётконунга и королевы Эстрид. По исландским сагам, переговоры об этом браке шли долго и непросто, шведской стороной выдвигались различные условия. Как пишет по этому поводу Д. И. Иловайский: «Не безъ связи съ варяжскими отношеніями, какъ надобно полагать, возникло неповиновеніе одного изъ сыновей Владиміра, отравившее отцу последніе дни его жизни» [40, с. 85].

Находясь в Киеве, сестра Ярослава Предслава, сообщала ему о событиях в окружении Владимира. Видимо, от нее Ярослав узнал, что князь Владимир заболел и его поход на Новгород в 1014 г. не состоится[121]. Однако, по сообщению польского историка Яна Длугоша (1415–1480), дело дошло до прямого столкновения между Владимиром и Ярославом возле Киева [119, с. 235–236].

М. М. Щербатов выдвигает свою версию событий: «ВладимерЪ уже сЪ войскомЪ исполчается, и сынЪ его БорисЪ уже полки кЪ нему привелЪ, уже походом доходятЪ до Берестово, когда пришедшая весть о нашествіи ПеченѣгЪ, принудила Владимира противу сего неспокойнаго народа послать вѣрнаго сына своего Бориса; сам же по отшествіи его вскорѣ занемогЪ и скончался вЪ Берестовѣ» [122, с. 287–288].

121 Вероятно, что и князь Владимир мог иметь своих людей в Новгороде. К ним можно отнести верного Добрыню и первого новгородского епископа Иоакима Корсунянина. — Авт.

Почему поднял мятеж Ярослав? Вероятно, до него дошли сведения о заточении старшего наследника Святополка и появлении в ближайшем окружении князя Владимира сына Бориса. В «Сказанія о благов. князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ» сообщается, что князь Владимир незадолго до смерти призвал к себе в Киев Бориса, который «был ему милее всех детей» [100, с. 30]. По летописцу, князь Борис был «любимъ бо бѣ отцемь своимь паче всѣхь» [64, с. 129] его других сыновей. Тревожной вестью для Ярослава было сообщение о том, что, в связи с набегом печенегов летом 1015 г. на Русь, Владимир, по причине своей тяжелой болезни, послал против них Бориса, дав ему «вой многы», т. е. свою княжескую дружину. Это фактически означало, что князь Владимир определил своим преемником именно Бориса.

Почему Владимир отдал предпочтение князю Борису? Ведь Борис был младше и Святополка и Ярослава. Это вступало в явное противоречие с существующим исконным родовым и княжеским правом наследования по старшинству сыновей. Хотя, в принципе, было возможно и практиковалось наследование по линии минората в пользу младших сыновей[122]. В этом случае таким наследником являлся бы Глеб Владимирович.

Наконец, можно было определить порядок раздела наследства при жизни, подобно тому, как Святослав, уходя в Болгарию, поделил Русскую землю между сыновьями Ярополком, Олегом и Владимиром. Однако князь Владимир порядок наследования между своими сыновьями от разных жен не определил[123], тем самым поставив под удар грядущего развала Русскую землю.

По версии Н. И. Милютенко: «Судя по вассальной эмиссии монет Святополка, незадолго до смерти Владимир предполагал соправительство Святополка с Борисом, а возможно, и Глебом по византийскому образцу. Едва ли с таким решением мог согласиться его усыновленный племянник» [71, с. 379].

Вполне обоснованной причиной желания князя Владимира сделать своим преемником именно Бориса, возможно, было то обстоятельство,

122 Старшие, взрослея, становясь самостоятельными, отделялись от родителей. Младшие дети, как правило более любимы, требовали большей заботы. Находясь дольше при отце, они постигали мудрость жизни, ведение хозяйства. Однако при ранней смерти отца, возникала опасность регентского опекунства, подобно Свенельду при Ярополке. — Авт.

123 По мнению В. Н. Татищева, еще при жизни князя Владимира киевляне «ведали, что Бориса отец по себе наследником престола определил, Киев со всею принадлежащей ему областью и дом свой со всеми бывшими Вельможами ему завещал» [106, 1773, с. 91].

что его мать была не «худородной болгарыней» от волжских болгар, но знатной княжной от болгар дунайских, очевидно крещеной в православии. Летописцы, в частности Нестор, подчеркивают православно-христианскую набожность и начитанность князя Бориса, что вполне возможно объяснить материнским влиянием.

Владимир, вероятно, считал, что Борис сохранит Русь именно в православии, а Святополк, завязший в омуте католицизма, неминуемо ввергнет русскую землю в польско-римское ярмо.

О католической угрозе с запада православной Руси зримо свидетельствует один из самых ранних памятников польского средневековья *Dagome iudex,* в котором сообщается, что в начале 90-х гг. X века при папе Иоанне XV польская знать князя Мешко передала под управление святому Петру целиком один град [государство] с обширными окрестностями «вплоть до места, которое называется Русь и границей Руси» [120, с. 29]. Известно и то, что основой идеологии польской государственности с самого ее начала являлось утверждение великопольского доминирования над Русью[124].

С другой стороны, возможное назначение Бориса князем Владимиром своим преемником не так и очевидно. По летописям, Борис не отличался ни властностью, ни воинственностью, т. е. теми качествами, которые прежде всего были необходимы для управления обширным древнерусским государством. Пытаясь поднять статус князя Бориса, Нестор, как автор «Чтения о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», приписал ему доблесть «умирения грады вся» [88, с. 138], не уточняя при этом, о каких «градах» идет речь, поскольку он сам этого не знал.

Предслава сообщила из Киева в Новгород Ярославу весть о смерти отца Владимира [64, с. 132], который «со смертію своею вЪ новые раздоры РоссіюоставилЪ» [122, с. 288]. В возникшей ситуации решения вопроса о праве на отцовское наследование Ярослава со Святополком объединяла общая ненависть к возвышенному Владимиром «худородному» князю Борису, рожденному от какой-то «болгарыни».

Многим было ясно, что именно Святополку по родовому старшинству переходило право на киевское княжение[125]. Это хорошо понимала и знать крепости Вышгорода, где в заточении томился Святополк с женой-полькой.

---

124 Приложение. О некоторых характерных особенностях «Польской истории» Яна Длугоша.

125 Святополк, находясь неподалеку, имел реальную возможность захватить власть в Киеве первым, поставив других претендентов перед фактом. — Авт.

15 июля 1015 года

1015 год в истории Руси был одним из уникальных. По летописям, с 998 по 1013 год при княжении Владимира, помимо похорон его жен и сыновей вообще ничего не происходило[126]. В 1014 г. вспыхнул мятеж Ярослава в Новгороде. Событиям же лишь одного 1015 г. посвящено 11 страниц (! — Авт.) летописного текста.

Летописец приводит точную дату кончины князя Владимира — 15 июля 1015 г. Это случилось в селе Берестово близ Киева. Князь Борис с великокняжеской дружиной в это время еще не вернулся из похода против печенегов.

Болезнь Владимира и обстоятельства его смерти летописно таинственны, что принято объяснять, в частности, тем, что князь Владимир не оставил завещания или распоряжения о порядке наследования [44, с. 356]. Однако в действительности, по совокупности ряда факторов, обстоятельства смерти Владимира были не столь династически однозначны.

Идеологическим стержнем европейского средневековья было христианство. Эпоха князя Владимира совпала с тектоническим процессом окончательного распада христианства на католицизм и православие. Исторически Русь по своему местоположению была неизбежно вовлечена в политический водоворот противоречий Рима и Константинополя.

Брак Владимира с византийской царевной Анной и тем самым родство князя с императорами Византии очевидно ставили Русь в число крупнейших православных стран мира. В то же самое время, как показала миссия архиепископа Бруно на Русь в 1008 г., князь Владимир по отношению к католикам придерживался миролюбивой политики. Но факт прихода в Киев архиепископа Бруно, как и до этого миссия епископа Адальберта на Русь в 961 г., зримо говорил о неослабевающем интересе Рима по вовлечению Киевской Руси в глобальную сферу своего религиозного и политического гегемонизма.

Смерть Анны в 1011 г. в династическом плане лишала князя Владимира надежной опоры союзной Руси Византии. Именно после этого началось все более возрастающее давление на Русь католического Рима.

Ударной силой католицизма на западных границах Руси в это время был польский князь Болеслав I, который рассчитывал сделать будущего

126 В отличие от летописца, В. Н. Татищев приводит свою, придуманную им или взятую из былин, версию событий, случившихся на киевской Руси в период 1000–1011 гг. — Авт.

киевского наследника Святополка управляемой фигурой в своих далеко идущих политических планах. Туровское княжение Святополка с запада мощным выступом довлело над Новгородом и Киевом.

Владимир, узнав о браке Святополка с дочерью Болеслава, в ближайшем окружении которой подвизался Рейнберн, сразу понял суть затеваемой католической политической интриги. Именно поэтому Владимир пришел в ярость, ведь еще при его жизни враги страны, которую он неустанно обустраивал, уже умыслили развалить ее во имя хищнических интересов, в том числе и интересов Рима, который, к тому времени, подавил своей тяжкой религиозной пятой практически всю Европу. «Имя, данное Святополку при крещении, было Петр. Это должно было казаться символичным для Рейнберна. «Князь апостолов» Петр считался покровителем Рима и Римской церкви. Сам папский престол именовали в то время «седалищем святого Петра». Вместе с тем, под особым покровительством апостола Петра находилась Польша и лично польский князь Болеслав, чьи волосы еще в детстве были отосланы в Рим под защиту святого престола. Болеслав ежегодно выплачивал «дань» «святому Петру», то есть взносы в папскую казну. Рейнберн, чье посвящение в сан епископа было совершено властью римского первосвященника и чье появление на Руси было санкционировано «данником святого Петра» князем Болеславом, уже одним этим мог снискать особое расположение со стороны Святополка» [44, с. 347].

Когда Болеслав узнал о заточении его родной дочери с епископом Рейнберном и зятем Святополком, то, по свидетельству Титмара Мерзебургского, он «не переставал мстить, чем только мог» князю Владимиру [27, т. IV, с. 75].

Военным образом князю Владимиру Болеслав противостоять не мог, его союз с печенегами быстро развалился. Да это и понятно, денег для оплаты услуг печенегов у Болеслава не было, а грабить печенегам, кроме Турова, было нечего. Туров же был резиденцией Святополка, а фактически, и Болеслава.

Болезнь Владимира решающим образом изменила ситуацию. В 1008 г. при личной встрече архиепископ Бруно рисовал Владимира весьма бодрым человеком, который, сопровождая его до границы Руси, легко спрыгивал с боевого коня[127]. Спустя несколько лет, Титмар Мерзебургский пишет о князе Владимире как умирающим «в немощной, дряхлой старости».

127 Приложение. О встрече архиепископа Бруно с князем Владимиром в 1008 г.

Титмар сообщает о характере болезни Владимира, которого, как «распутника, терзало пламя возмездия <…> так как, по свидетельству учителя нашего Павла, Господь наказует прелюбодеев». [27, т. IV, с. 75] Возможно, что речь идет о заразном венерическом заболевании, о сифилисе — «любовной чуме» средневековья.

Сифилис известен еще в глубокой древности. Египетские папирусы Эберса описывают заболевание «ухеду», напоминающее по симптомам сифилис. Это хроническое системное венерическое инфекционное заболевание с поражением кожи, слизистых оболочек, внутренних органов, костей, нервной системы с последовательной сменой стадий болезни.

Патологическая блудливость князя Владимира многократно усиливали вероятность его венерологического заражения. По летописцу, Владимир «бѣ несытъ блуда приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растьляя» [64, с. 78].

Заболевание сифилисом считалось постыдным, тщательно скрывалось[128], что способствовало успешному его распространению. В этой связи весьма показательно сообщение Титмара, что князь Владимир носил «венерин набедренник» *(lumdare venereum),* усугублявший врожденную склонность к блуду». [27, т. IV, с. 76]. По мнению Титмара, это было княжеское орудие для блуда. Но, возможно и обратное, что «венерин набедренник» был последствием блуда, т. е. неким подобием трусов, скрывающих под собой сифилитические поражения — сыпь, язвы паха и половых органов. От первичного заражения до летального исхода обычно проходит около 10–20 лет.

Из российских историков лишь Д. И. Иловайский коснулся вопроса, хотя весьма осторожно, о причине болезни Владимира, как о чрезмерных «физических наслаждениях, которым он предавался особенно в молодости <…> (о чем свидетельствует латино-немецкий летописец Дитмар [Титмар])» [40, с. 86].

Постепенное нарастание осложнений при заболевании все более явным образом влияло на деятельность Владимира. Когда князь узнал о новгородском мятеже Ярослава, то стал готовиться выступить против него, но прогрессирующая болезнь сделала это невыполнимым. Наконец, симптомы стали настолько явным и тяжелыми, что это сделало невозможным нахождение князя Владимира в Киеве, он был вынужден переместиться в поселение Берестово. По версии Нестора, в «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе», в Киеве остался князь Глеб.

128 Так, париками прикрывались бугры от сифилиса на коже головы. — Авт.

По мнению А. Ю. Карпова, Берестово было «любимым князем сельцом» [44, с. 355]. Вполне возможно, что было именно так. Однако назвать «сельцом» место обитания 200 летописных наложниц Владимира с сотнями обслуживающих, кормящих и охраняющих их людей, неправомерно. Судя по всему, Берестово в то время было крупным поселением киевского предместья.

Берестово, в отличие от крепостей Вышгорода и Белгорода, являло собой открытый гарем князя Владимира. Судя по всему, в крепостях Вышгорода и Белгорода находились отборные гаремные женские особи Владимира, которые из-за крепких стен не могли бежать из постыдной неволи.

Уйдя из Киева, и поселиться в Белгороде или Вышгороде больной Владимир не хотел. В Белгороде не любили князя с тех пор, когда он бежал от печенегов на северо-запад, бросив город на произвол судьбы и муки голода. В застенках Вышгорода томился Святополк с женой-полькой. А мрачный дух здесь же сгноенного Рейнберна отнюдь не способствовал переселению Владимира в Вышгород. К тому же, вероятно, не без оснований или неких предчувствий, князь Владимир не доверял местной вышгородской знати.

По версии из Энциклопедического словаря, незадолго до смерти Владимира Святополк был освобожден и, по-видимому, получил в удел Вышгород, около Киева [123]. По мнению Д. И. Иловайского «Святополкъ вѣроятно успѣлъ оправдаться; такъ какъ во время Владиміровой кончины мы видимъ его на свободѣ» [40, с. 82]. Хотя возможно и то, что вышгородцы, понимая, что Владимир доживает последние дни, освободили Святополка сами, надеясь угодить будущему киевскому князю. Как показали дальнейшие события, Святополк вполне оценил их преданность.

15 июля 1015 г. князь Владимир «боляше вельми, в нейже болести» скончался в Берестове. Весть об этом достигла прежде всего Вышгорода. Святополк немедленно отправляется в Берестово для похорон отца[129].

Организация и ход похорон князя Владимира, несомненно, имеет отношение к языческой обрядности. По летописцу, слуги ночью разобрали помост между двумя помещениями [клетями] княжеского особняка, завернули мертвое тело Владимира в ковер и спустили веревками на землю [64, с. 127].

По поверьям, чтобы облегчить умирающему переход в иной мир, в доме открывали окна, заслонки в печной трубе. В особо тяжелых

129 По летописцу, когда Владимир умер, Святополк был в Киеве [64, с. 127].

случаях — при агонии колдуна или ведьмы — выламывали доски в крыше или делали подкоп под порогом. Считалось, что грешная душа может выйти только через такое отверстие, которое никогда не перекрещивали (окна, и двери на ночь всегда крестили).

Первоначально, по мнению ученых, через специальный пролом в стене или через окно выносили всех покойников. В крепостных стенах многих средневековых городов прорубали даже особые ворота, предназначенные исключительно для этой цели. Это делалось для того, чтобы покойник не мог найти дорогу назад и больше не возвращался к живым. Путь на «тот» свет не должен совпадать с путями живых. По летописцу, тело князя Владимира положили на сани [64, с. 128] и повезли в киевскую церковь *святѣй Богородици.*

В лицевом Житии Святых Благоверных князей Русских Бориса и Глеба, по рукописи конца XV века, изданном Н. П. Лихачевым, приводится миниатюра «Святополк спускает тело Святого Владимира в нижнюю клеть и кладет его в сани» [75, с. 197].

Спрашивается, зачем для этого понадобились сани в июльский разгар лета? Здесь летописец приводит древний похоронный обряд. У восточных славян долгое время сохранялся обычай везти покойника на кладбище или в церковь для отпевания, независимо от времени года, на санях. В древнерусском языке существовало даже выражение «сидеть в санях», означавшее то же самое, что и «быть одной ногой в могиле», «ожидать смерти».

По летописям, вначале смерть князя Владимира пытались скрыть: «и потаиша и». По версии летописца, В. Н. Татищева [106, 1773, с. 90] и Н. М. Карамзина [42, с. 82] придворные, боясь властолюбия Святополка, «хотели утаить кончину великого князя, вероятно для того, чтобы дать время [любимому] сыну его, Борису, возвратиться в Киев». По мнению автора «Сказания о Борисе и Глебе»: «Святополк потаи смерть его» [100, с. 33] — от конкурентов наследников Бориса и Ярослава.

Однако, вероятно, прежде всего, речь идет о князе Глебе, который в это время был в Киеве. Святополку было жизненно важно самому участвовать в похоронах отца, тем самым зримым образом закрепить свое право на его наследство.

Не менее значимо для Святополка было и то, что именно он доставил тело князя Владимира в Киев[130], к полной неожиданности киевлян и князя Глеба, ничего не знавших о его смерти. Святополк занял княжеский «терем хоромный», а Глеб, также как и затем Борис, признал его за «отца».

По летописцу, обряд прощания с Владимиром в Киеве был относительно скромен. Когда жители узнали о смерти князя, то «сошлись люди без числа и плакали по нем». Однако «плач» был не столько о самом князе, сколько о другом: «плакашася по немь, боляре аки заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя» [64, с. 128]. Таким образом, «боляре», чувствуя наступление новых порядков, «плакашася об их» земле, о своих уделах-кормлениях, страшась их потерять при новом киевском князе Святополке. «Убозии» же «плакашася» о том, что отныне их кормить даром не будут, и впереди их ждет голод и холод.

Кто мог быть из семьи князя Владимира на его похоронах? Реально лишь находящиеся в городе Святополк, Глеб и Предслава. Предслава похороны отца Владимира игнорировала.

Летописец не сообщает об участии в похоронах киевского священства, в частности настоятеля Десятинной церкви Анастаса, т. е., соответственно, отсутствие молитв за упокой его души. Летописец пишет об этом с горечью. Как же так? Владимир, равный новому Константину великого Рима. Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, христиане, не воздаем ему почестей, равных его деянию. Если бы имели мы усердие и молились за него Богу в день его смерти, то Бог, видя, как мы чтим его, прославил бы его [64, с. 128].

Совершенно иная летописная картина возникает перед нами при похоронах в 969 г. княгини Ольги: «Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте, Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу» [64, с. 66].

Безвестный художник Радзивиловской летописи ярко отобразил существенную разницу в процедуре похорон княгини Ольги и Владимира. В прощании с Ольгой приняла участие масса людей, в центре их киевское священство. Вид у многих людей был весьма

130 По мнению В. Н. Татищева, когда князь Владимир умер, Святополк «был в Киеве для своих нужд», и именно он велел перевести тело Владимира из Берестово в Киев для похорон [106, 1773, с. 90].

Похороны Ольги.
Миниатюра Радзивиловской летописи

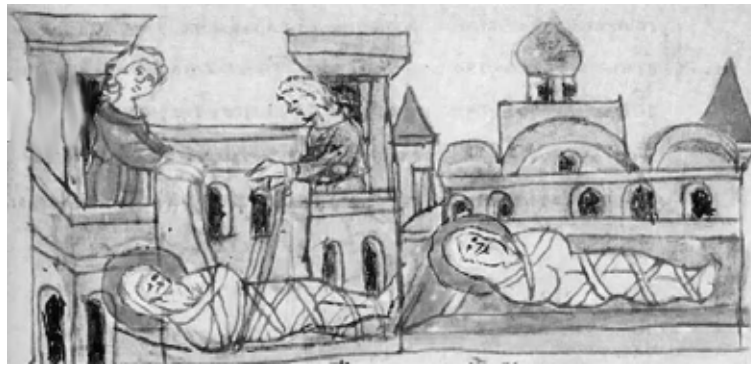
скорбный. Ольга лежит в открытом гробу, один из священников бережно склонился над покойной, отдавая ей последнюю дань.

Совсем иная картина прощания с князем Владимиром. В ней участвуют лишь два могильщика, вокруг ни души. Летописного плача над телом «блаженаго» князя мы не видим. Могильщики деловито опускают замотанное, возможно в ковер, тело князя Владимира в могилу подпола Десятинной церкви, в «корсту мороморяну» (гроб, сложенный из мраморных плит).

Страшась заразы, по Ипатьевской летописи: «спрятавше тѣло его» [63, с. 90], возможно, неудовольствия Святополка, открыто положить тело Владимира в мраморную усыпальницу, вывезенную князем из Корсуни для себя, никто не решился[131].

Налицо отсутствие предстоятеля Десятинной церкви, фактически главы древнерусской епархии, Анастаса и других «корсуньских и царицыных попов», на похоронах Владимира, т. е. отпевания не было. Священство вдруг напрочь забыло своего благодетеля, давшего им «десятину» от добра своего, и то, что, по Якову Мниху, Владимир ставил три трапезы, первую из них «митрополиту съ епископы и съ черноризьцѣ и съ попы» [18, с. 243]. Что вполне объяснимо, наступали новые времена, нужно было служить новой власти, а непростые

131 Современный православно настроенный историк А. Ю. Карпов, несмотря на очевидные летописные свидетельства и факты, пустился по поводу похорон князя Владимира в фантазии: «В Киеве же был совершен другой христианский обряд прощания с умершим. С плачем и пением подобающих песнопений и при скоплении множества людей киевские священники вложили тело Владимира в мраморный саркофаг, вывезенный самим князем из воеванной им Корсуни» [46, с. 89].

Похороны в Десятинной церкви князя Владимира.
Миниатюра Радзивиловской летописи

отношения Владимира со Святополком были всем известны. В дальнейшем греческое духовенство отрицательно относилось к попыткам прославления полуязычника-полухристианина Владимира.

В 1070 г. в «Похвале и памяти князю Владимиру» Иаков Мних возмущался тем, что этого великого князя не признают святым, так как он «чюдес не творит по смерти». Мних аппелирует к словам Иоанна Златоуста, что святые познаются делами, а не чудесами [18, с. 243].

Историк А. Ю. Карпов, констатируя факт, что мощам князя Владимира не был дан дар чудотворения в некотором недоумении сообщает, что «по каким-то причинам официальная канонизация князя Владимира задержалась на два столетия» [44, с. 360].

До 1240 г. князя Владимира не именовали святым, имя его не было внесено в церковный месяцеслов или святцы. В Житии святого князя Александра Ярославовича Невского (составленного в 80-е годы XIII века), входящем в состав Лаврентьевской летописи пишется: «И приде <…> в день воскресенья [15 июля] на память святых 630-и отец собора, бывшего в Халкидоне, и святых мучеников Кирика и Улиты, и святого князя Владимира, крестившего Русь». В других списках Жития указание на день памяти святого Владимира отсутствует.

Только в XIII веке в Новгороде его объявили святым, а общерусское прославление князя Владимира началось спустя несколько веков. Гробница с останками князя Владимира, после погрома Киева ордой Батыя в 1240 г., исчезла навсегда.

До начала XVII века, времен киевского митрополита с характерным именем Петр Могила, собственно о могиле святого Владимира никто и не вспоминал. В 1631 г. Петр Могила распорядился провести

раскопки руин Десятинной церкви, при которых были обнаружены кости человеческие, обильно усеявшие киевские земли со времен монголо-татарского нашествия.

Найденным костям повезло, их митрополит Петр объявил чудесно обретенными мощами князя Владимира. Откопанные кости поделили — череп поместили в Великую церковь Киево-Печерской лавры, челюсть в Московский Успенский собор, а ручную кисть — в собор Святой Софии в Киеве [75, с. 197].

СВЯТОПОЛК

Святополк Владимирович (ок. 979–1019?), князь туровский (с 988), князь киевский (1015–1016 и 1018–1019).

По летописцу, рожден гречанкой-монашкой, вдовой киевского князя Ярополка Святославича, погибшего в междоусобной войне с братом, князем новгородским Владимиром и взятой последним в наложницы: «Володимеръ же залеже жену братьню Грекиню, и бѣ непраздна, отъ неяже родился Святополкъ. Отъ грѣховьнаго бо корени зоъ плодъ бываеть: понеже бѣ была мати черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо; тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо отъ двою отцю, отъ Ярополка и отъ Володимера» [64, с. 76]. В.Н. Татищев [106, 1773, с. 91] и М.М. Щербатов [122, с. 244] однозначно считали Святополка сыном Ярополка.

Н.М. Карамзин генеалогически совершенно верно называет Святополка «усыновленным племянником Владимира» [42, с. 82]. По языческим понятиям усыновление было равно отцовству. «Ожесточение Святополка против братьев и его предыдущие отношения к отцу придают некоторую вероятность нашей летописи, что он не был родной сын Владимира» [40, с. 784, прим.12]. Равным образом М.В. Ломоносов также отмечает, что «Святополкова свирѣпства причиною почесть можно требованіе первенства во владеніи, потому, что онЪ рожденЪ отЪ старшаго Владимирова брата» [70, с. 107].

С.М. Соловьев, идя в русле прямолинейной родословной семьи князя Владимира, считал «странным» сообщение летописца, что Ярополк был рожден от двух отцов [102, с. 197]. Но исторически в наступившем противостоянии Святополка и князя Владимира стержневым моментом были именно династические обстоятельства. Если Святополк действительно был сыном Ярополка, то он имел большие права, чем Владимир, на главное киевское княжение, поскольку был старшим сыном среди Святославичей, т.е. представлял собой старшую диастическую ветвь. Факт усыновления Святополка

очевиден, он не остался изгоем-милостником живущим при дворе Владимира, ему названный отец выделил в кормление один из лучших уделов — туровское княжение. По «Сказанию об убиении Бориса и Глеба», к Святополку отошел еще один город на полесском западе — Пинск.

Психология взаимоотношений Владимира и Святополка не проста. Нельзя сказать, что Владимир любил Святополка, как Бориса и Глеба, или жалел, как хромого от рождения Ярослава. Судя по всему, Владимира тяготила вина участия в убийстве Ярополка. Владимир сочувствовал Святополку, их жизненные судьбы были схожи прирожденным пятном низменности, Владимира как сына низкородной славянки Малуши, а Святополка как сына неизвестно какого отца.

Святополк, органически чувствуя свое кровное старшинство, вел себя все более независимо и высокомерно. В конце жизни князя Владимира Святополк, в знак своего могущества, начал чеканить монеты с личным гербом и изображением, тем самым, в частности юридически, подчеркивая свой приоритет в наследовании права на киевское княжение, как старший среди прямых потомков Святослава.

Родовым знаком русских князей Рюриковичей, символом их княжьего властвования, начиная от Рюрика до Ярополка Святославича, был «двузубец». Князь Владимир, как побочный сын Малуши, не имел чистокровных родовых прав Рюриковичей, поэтому он изменил свой княжий знак на отличный «трезубец», в котором центральный «клык» символизировал собой возникновение нового рода Владимировичей.

Когда Святополк, после кончины князя Владимира, пришел к власти, то он вновь, по исконно кровному праву старшинства, восстановил двузубец» — знак Рюриковичей, что прямо говорит, что по отцу Святополк считал себя не Владимировичем, а Ярополчичем.

Обращает на себя внимание оригинальный вид на монетах княжего знака Святополка — двузубец с крестом на левом зубце. Для историков пока остается неясен смысл этой символики [103, с. 193]. Понятно, что эта символика не случайна. Что можно предполагать в столь необычной геральдике Святополка?

На печати Святополка он изображен с крестом вместо скипетра с надписью своего имени, принятом при крещении — Петр. Известно, что Петр был Первоапостолом христианства.

Поражает нимб святости вокруг головы князя, тем самым он как бы оправдывает свое имя Святополк. Крест на двузубце, судя по всему, отражает и то обстоятельство, что матерью Святополка была безвестная нам по имени православная грекиня-монашка, привезенная Святославом из Болгарии «красоты ради лица ее».

Княжьи знаки, печати и монеты Святополка

Монета Ярослава

В принципе, крест похож и на цветок, являя собой некий символ возрождения рода Ярополка. В первой русской редакции Хронографа Святополк именуется *Цвѣтополкъ* [82, с. 10].

Когда Святополк был изгнан с киевского княжения Ярославом, последний, в знак того, что он является законным старшим сыном Владимира, восстановил его родовой «трезубец», сделав его отныне и навсегда княжеским символом Киевской Руси.

По летописцу, в политических событиях, наступивших после кончины князя Владимира, помимо Святополка, упоминаются, прежде всего, его двоюродные братья Владимировичи — ростовский князь Борис, муромский князь Глеб, древлянский князь Святослав и новгородский князь Ярослав. К ним Святополк, занявший Киев, был настроен наиболее враждебно, особенно к Борису, который летописно выступает как фактический преемник князя Владимира.

Убийство ростовского князя Бориса

Князь Борис Владимирович (ок. 986 г. — 24 июля 1015 г.), князь Ростовский (ок. 1010–1015 гг.), сын князя Владимира Святославича от «болгарыни» (возможно, от болгарской или булгарской княжны).

После кончины князя Владимира, Святополк, прибыв в Киев, созвал киевлян, и стал раздавать им во множестве именья-дары: «Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом» [64, с. 129]. Под братьями летописец разумеет тех киевлян, кто был в великокняжеской дружине, ушедшей с Борисом по распоряжению Владимира в поход против печенегов.

Версия летописца о том, что сердце киевлян не лежало к Святополку сомнительна. Дары Святополка[132] киевлянам решили все, всеобщий летописный плач, связанный с кончиной князя Владимира, быстро прекратился. Отныне киевляне перешли на сторону Святополка и стали верной его опорой. По мнению С. М. Соловьева, то, что Святополк раздавал киевлянам подарки «уже служило знаком, что он боялся соперничества [с Борисом] и желал приобрести расположение граждан» [102, с. 196].

Что касается Бориса, то можно предположить, почему он по приказу Владимира вышел против печенегов. По сообщению Титмара Мерзебургского [27, т. IV, с. 68], в 1013 г. печенежская орда выступила на стороне польского князя Болеслава воевавшего с киевским князем Владимиром, тем самым нарушив мирный договор между Русью и печенегами, заключенный в 1008 г.

Бруно Кверфуртский сообщает, что, для обеспечения гарантии соблюдения этого мирного договора, Владимир отдал печенегам в заложники сына [27, т. IV, с. 61]. Как правило, в заложники отдавали младших сыновей, вполне вероятно, что таким заложником мог быть 14-летний Борис. В этом случае Борис был, вероятно, знаком с печенегами, знал их нравы и обычаи, и понятно, почему именно его князь Владимир послал против печенегов. При этом, совсем не обязательно, что именно для войны, возможно, как это предполагает С. А. Евтушенко, речь могла идти и о новом мирном соглашении с печенегами [31, с. 41].

Борис, находящийся с войском неподалеку от Киева, для Святополка представлял большую угрозу, в сравнении с новгородским князем Ярославом, который, если бы даже решился оспаривать

132 Понятно, что дары Святополка были не из его имущества-именья, но взяты им из захваченной сокровищницы князя Владимира. — Авт.

наследство Владимира, мог появиться с дружиной близ Киева лишь через несколько месяцев[133].

Что касается дружины князя Владимира, ушедшей с Борисом, то дело приняло неожиданный поворот. Печенегов они не нашли и, возвращаясь обратно, остановились в 60 км от Киева возле реки Альта. Здесь они узнали весть о кончине Владимира.

По летописям, с Борисом в поход против печенегов вышло до 8000[134] «ратныя, вси ж во оружии» [110, с. 64], т. е. речь идет не о княжеской дружине, а о княжеском войске[135]. Оно состояло из дружин князей Владимира и Бориса[136] и «ратныя» из киевлян.

По летописцу, состоялся военный совет с Борисом о том, что делать дальше. Совет с дружиной, как и дружинные пиры, был обычным делом, как некий феодальный реликт родовой военной демократии. С дружиной советовались в сложных обстоятельствах Игорь Рюрикович, Святослав, князь Владимир. Обычно было принято выполнять общее дружинное решение.

В чем суть драматизма возникшей ситуации? Киевская дружина подчинялась князю Борису временно, лишь на время похода на печенегов. Дружину содержал князь, платя ей, в частности, захваченной воинской добычей. Поход на печенегов не удался, добычи не было. Борис мог заплатить воинам лишь будучи киевским князем, используя великокняжескую казну.

---

133 Князь Владимир умер в середине лета. Для сбора войска и похода на Киев из Новгорода нужно было около 3–4 месяцев. Разобравшись с варягами и новгородцами, боевые действия Ярослав начал лишь в конце 1016 г.

134 Это обычное летописное преувеличение на порядок числа своих воинов,или потерь врага. К тому же, в поход на печенегов шли не пешком, а на конях. Откуда могли быть в торгово-ремесленном Киеве тысячи лошадей для военных походов? Такое было возможно лишь в Орде. Реально можно говорить о числе воинов князя Бориса до 1000 человек. — Авт.

135 М. М. Щербатов приводит совершенно фантастическую численность войска Бориса — 50 000 [122, с. 289].

136 По мнению С. А. Евтушенко [31, с. 139], дружина Бориса состояла из киевлян. Это не верно. Дружинник по определению — это вооруженный наемный убийца. Откуда в Киеве тех лет могли взяться тысячи таких людей? Летописец пишет о предках киевлян полянах, называя их кроткими. Киевляне тех времен, по данным археологии, в массе своей жили в полуземлянках в такой нищете, где глиняный горшок был признаком зажиточности. Княжеские дружины тех лет в Новгороде, Киеве, Полоцке, по сагам, набирались, прежде всего, из норманнов и частично из местной боярской знати. Эпоха дружинной славянизации относится к началу XII века, ко времени заката эпохи викингов. — Авт.

Все знали любовь Владимира к Борису и естественным образом считали его преемником князя Владимира: «желали его имѣть на престолѣ» [106, 1769, с. 91]. Для дружинников Святополк был чужеродным туровским князем, самовольно забравшим киевский стол, тем самым, фактически лишивший их статуса великокняжеских дружинников. По этому поводу В. Н. Татищев пишет, что многие считали, что «СвятополкЪ преступя завѣтЪ отцовской[137] КіевомЪ хочетЪ владѣть» [106, 1769, с. 91]. По М. В. Ломоносову, Святополк неправедно похитил Престол киевского великого княжения [70, с. 128].

Будучи в походе против печенегов, дружинники не получали от Святополка подарков, пожалований и каких-либо гарантий о своем будущем положении. В этих условиях, естественно, они предложили князю Борису стать их предводителем: «Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе»[138]. По мнению В. Н. Татищева, не только дружина: «тогда паки Кіевляне прислали его просить, чтобЪ шелЪ не медля кЪ Киеву, и войско не распущалЪ, и колико можно разпущенных собралЪ» [106, 1769, с. 91].

По версии Софийской летописи, Святополк, обосновавшись в Киеве и раздав подарки киевлянам, сразу после этого послал к Борису обращение: «Брате! Хощу с тобою любовь имѣти и къ отню[139] ти придамъ» [104, ст. 115].

Судя по всему, именно по этой причине, не желая вражды со Святополком, Борис на дружинном совете совершенно неожиданно для всех ответил: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца» [64, с. 129]. Таким образом, Борис, чтя родовые традиции «братнего рода», при всем дружинном войске признал себя вассалом Святополка.

Князь Борис выступил против общего мнения дружины, прекрасно осознавая, что тем самым его единству с дружиной придет конец. И дело здесь совсем не в летописной заповеди братолюбия и послушания старшим. Борис ясно понимал, что подняв мятеж против власти Святополка, шансов у него занять и удержать за собой киевский «отцовский стол» практически не было. Киевляне, получив подарки от Святополка, не готовы были принять Бориса на княжение, ведь им Борис уже мало что мог подарить или посулить. На стороне Святополка к тому же было исконное феодальное право кровного старшинства,

137 Речь идет о решении Владимира сделать своим преемником Бориса. — Авт.

138 Схожим образом римские легионы ставили своих императоров. — Авт.

139 «К отцовскому наследству придам еще больше». — Авт.

а его зять польский князь Болеслав с сильным войском был не так уж далеко от Киева.

Существовало и еще одно весьма важное обстоятельство — отказа Бориса от военных действий против Святополка. Борис, как и его брат Глеб, были первыми истинно христианскими князьями, для которых убийства и войны были глубоко отвратительным делом. Поход на печенегов был бесплоден для дружины, но Борис по этому поводу совершенно не переживал. По древней редакции (XIII–XIV вв.) «Сказанія о благов. князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ», Борис при вести о смерти князя Владимира весьма плакал и распустил войско сам [100, с. 28]. М. М. Щербатов считал, что кроткий Борис прозорливо страшился неустройства и междоусобной войны на Руси, в случае если он рискнет принять решение дружины и двинуться походом на Киев [122, с. 289].

Когда киевская дружина услышала от князя Бориса отказ от похода на Святополка, то он для них фактически утратил статус князя, представ в облике какого-то юродивого, дружинного князя-изгоя. Это касается и личной дружины Бориса: «Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками» [64, с. 129]. Отроки — это несколько слуг.

Спрашивается, куда разошлось от князя Бориса его войско? Летописец не случайно отметил, что киевская дружина именно «разошлась», но не «ушла». Ясно, что «ратныя» ушли к своим «братьям» в Киев. Бывшая дружина князя Владимира также, судя по всему, в массе своей двинулась в Киев в надежде перейти на службу к Святополку.

По М. В. Ломоносову: «Видя Борисово мягкосердіе, и зная коварство и свирѣпство Святополково (?! — откуда это они могли знать — Авт.), военачальники со всѣм воинством отступили «поспѣшая прилѣпиться кЪ Святополку» [70, с. 128–129]. По М. М. Щербатову, войско Бориса, услышав его отказ, пришло в уныние и оставило Бориса, опасаясь «чтобы дальнейшее пребываніе сЪ нимЪ отЪ Святополка имЪ не вмѣнилося вЪ преступление» [122, с. 289–290].

Больший интерес вызывает вопрос, куда ушла от князя Бориса его личная дружина? Уйти в Киев она не могла, там она была никому не нужна, а Святополк встретил бы ее, в лучшем случае, подозрительно и недружелюбно.

Весьма вероятно, что часть дружины князя Бориса могла двинуться в Муром на службу к его брату Глебу, принеся весть о том, что князь Владимир умер, а Борис, распустив свое войско, остался один со слугами на берегу Альты, дожидаясь решения Святополка о своей дальнейшей судьбе.

Почему князь Борис остался стоять на месте, почему никуда не ушел, например в свою ростовскую вотчину? Ответ очевиден — князю Борису некуда было уходить да и незачем. Он уже не был князем ростовским, Борис на это княжение не имел полномочий от нового киевского князя Святополка.

А. Ю. Карпов, в частности, отмечает, что Борис на реке Альта стоял неподалеку от укрепленного Переславля. В принципе, Борис мог обратиться к жителям за помощью или хотя бы укрыться в городской крепости, но князь этого не сделал. Однако переяславцы не готовы были оказать поддержку князю Борису, проявив полное безразличие к его судьбе [46, с. 93]. Спрашивается, а в чем состояла вина Бориса, зачем ему нужно было просить помощи или прятаться за стенами Переславля?

Положившись на волю провидения, Борис ждал посланников от Святополка, по летописцу, молясь и распевая религиозные псалмы в княжеском шатре на берегу Альты.

Приход в Киев большей части дружины Владимира и войска из киевлян явно встревожил Святополка, он не знал их планов и намерений. Дружина Святополка была значительно меньше.

Не исключено и то, что некоторые пришедшие дружинники, стремясь выслужиться и угодить Святополку, донесли ему лживую легенду, будто князь Борис на дружинном совете подбивал их выступить в поход на Киев, чтобы свергнуть Святополка. Они же сообщили Святополку и то, где находился князь Борис и сколько с ним осталось слуг.

Весьма насторожило Святополка то, что часть дружины, возможно, ушла к муромскому князю Глебу, что выглядело как подготовка к совместному выступлению князей-братьев Владимировичей против Святополка.

Встревоженный, Святополк ночью покидает Киев и уходит в верный ему Вышгород. Здесь Святополк принимает решение, что ему делать дальше: «исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ» [64, с. 129], т. е. решается на убийство Бориса.

Прав ли летописец, считая замыслы Святополка беззаконием и Каиновым братоубийством? По возникшей ситуации Святополк действовал в рамках обычного феодального права абсолютизма. Сходные события происходили в то время в Богемии и Польше, где обнаружилось стремление старших князей отделываться от родичей насильственными средствами. Первым делом польского Болеслава Храброго по восшествию на престол было изгнание младших братьев, ослепление других родичей. Болеслав Рыжый в Богемии оскопил брата Яромира и пытался удушить в бане младшего Ульриха.

Генеалогически, в кровном смысле, князья-Владимировичи не были братьями Святополка, что, естественно, ничем не ограничивало его в зловещих замыслах, судя по всему, с ведома и наущения его зятя, польского короля Болеслава.

По летописцу, Святополк, в ответ на просьбу Бориса признать его своим «отцом-вассалом», решил послать к нему верных людей с сообщением: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Затем тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечали же Путша с вышгородцами: «Согласны головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса». Те же обещали ему немедленно исполнить это. Посланные же пришли на Альту ночью, и когда подступили ближе, то услыхали, что Борис поет заутреню, так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его: «И, помолившись, глядя на икону Бога, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, обступив шатер, и проткнули его копьями, и пронзили Бориса и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили. Был же он любим Борисом, Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил, и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи и отсекли голову его, и только тогда сняли гривну, а голову отбросили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, возложив на повозку[140], повезли, еще дышавшего. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис <…> И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород. Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу заслужившие, беззаконники, Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко» [64, с. 129–132].

Кто были эти люди, их имена явно западнославянские[141]. Д. И. Иловайский отмечает характерное имя одного из вышгородских убийц — Ляшко как производное от «ляха», поляка [40, с. 90]. Как считали М. М. Щербатов [122, с. 291] и Н. М. Карамзин, имена убийц

140 По тексту летописи — «на кола (др. рус.)», т. е. на то, что имеет колеса.

141 Приложение. О некоторых характерных особенностях «Польской истории» Яна Длугоша.

Бориса сохранились в памяти народной, поскольку стали «предметом общего омерзения» [42, с. 92].

Однако по тексту летописи явно не следует, что именно они убили Бориса. Летописец пишет, что «посланные» пришли на Альту ночью, не уточняя их имен. По В. Н. Татищеву, заговорщики Путшы были лишь организаторами убийства Бориса, но не прямыми исполнителями. Они «вскоре выбрав, послали людей на то способных» [106, 1773, с. 92].

Несомненно и то, что, когда князь Борис стоял на реке Альта со своим войском, между ним и Святополком была налажена некая связь, шли какие-то предварительные переговоры о разделе наследства Владимира. Святополк страшился военной мощи Бориса. Летописец пишет, что Святополк обещал Борису «придам еще к полученному от отца владению». По мнению С. М. Соловьева, Святополк на первых порах не хотел вражды с Борисом, обещая ему увеличить отцовское наследство и свою любовь, «узнав же, что войско разошлось от Бориса, он решился на убийство последнего» [102, с. 196].

По описанию обстоятельств убийства князя Бориса можно предположить следующее. Святополк знал сколько отроков-слуг осталось рядом с Борисом, их было немного. Поэтому и посланных вышгородских убийц было лишь четверо[142].

По тексту летописи, вышгородцы двигались на повозке и лошадях. Вероятно, что на повозке, чтобы не вызывать подозрений, везли какие-то дары от Святополка Борису, среди них было укрыто оружие — короткие копья-сулицы, топоры, мечи[143]. Именно топорами ловко орудовали варяги. Топором было проще всего одним ударом отрубить голову Георгию.

Нападение было совершено ночью, спящих отроков убили мгновенно, так же, как и Георгия[144]. А вот с убийством Бориса картина выглядит весьма странной. По летописцу, «Бориса же убившее оканьния», завернули его в шатер и, положив в повозку, повезли, еще дышавшего. Т. е. Борис был убит, но еще дышал?! Спрашивается, как такое могло быть[145] и почему Бориса не убили сразу, как его отроков и Георгия?

142 Иллюстрации: Рис. 42. Святополк посылает убийц на святаго Бориса.

143 В «Сказанія о благов. Князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ» написано, что злые вышгородские убийцы «обнажили мечи имеюще» [100, с. 37].

144 Из слуг князя Бориса удалось спастись лишь брату Георгия — будущему иноку Киевского Печерского монастыря Моисею Угрину [34, с. 250].

145 М. В. Ломоносов считал Бориса «полумертвым» [70, с. 129].

Убиение Бориса (худ. Ф. А. Бруни, 1839)

Судя по всему, это было не случайно, это было предопределено заранее, именно поэтому вышгородские убийцы прибыли на Альту на повозке, на которой им нужно было отвезти Бориса в Киев к Святополку.

Еще одно странное обстоятельство. Если рана князя Бориса была настолько тяжелая, ведь его вначале даже посчитали мертвым, то из-за потери крови он никак не мог быть доставленным в Киев еще дышащим. Ведь от кровотечения при тяжелой ране умирают быстро и неизбежно. А Бориса везли от Альты до Киева, по расстоянию в 60 км, весь день. Здесь возможны два варианта. Или рана Бориса была не столь тяжелой, или его перевязали перед дальней дорогой.

По поводу не столь тяжелой раны говорят сравнительно поздние (от XV в.) житийные «Сказанія о благов. Князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ». Речь идет о весьма эффектной сцене, когда вроде убитый князь Борис вдруг ожил, «искочи раненъ из шатра» и, к полному изумлению вышгородских убийц, обратился к ним с просьбой пока его окончательно не убивать, а дать еще помолиться Богу. Затем, после молитвы, обливаясь слезами, он произнес: «Братия, приступавшее, заканчивайте, порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братия!» [100, с. 37–38].

Второй вариант событий изображен на миниатюре Радзивиловской летописи. Тело князя Бориса, в повозке привезенное в Киев, было тщательно перевязано и, возможно, для надежности связано. Когда князя Бориса двое варягов стали окончательно добивать мечами, хлынули

потоки крови[146]. В миниатюре Сильвестровского сборника XIV века также показано перед убийством тщательно перевязанное тело Бориса.[147]

Еще одну версию убийства Бориса из анонимного «Сказания о святых» приводит А. Ю. Карпов: «Борис был убит вовсе не на Альтинском поле, но позже, уже на пути к Киеву, и не Путшей со своими сообщниками, а некими двумя варягами, специально посланными Святополком. Таким образом Путша и его сподручные вообще не получали приказ убить Бориса, но должны были доставить его в Киев. [46, с. 97–98]

Есть также версия убийства Бориса связанная со Святополком. Возможно, что речь идет о кровной мести, когда за преступление держал ответ весь род, прежде всего, ближайшие родственники. Отец Святополка Ярополк был убит Владимиром при схожих обстоятельствах. Ярополк и Борис были вызваны в Киев примерно из одного места, крепость Родня и река Альта находились неподалеку друг от друга. И тот и другой были ложно обнадежены киевским князем перспективой мирных переговоров. И наконец, как Ярополк, так и Борис были схоже убиты мечами двумя варягами по приказу и в присутствии киевского князя.

Возможно, что Святополк, по обычаю родовой мести, велел убить сына князя Владимира Бориса, лично присутствуя при этом, таким же образом, как в свое время Владимир приказал зарезать варягам Ярополка, отца Святополка.

Весьма вероятно и то, что Святополк имел действительно существенные причины лично судить князя Бориса и казнить его, в силу очевидных доказательств его виновности в покушении на свою великокняжескую власть.

Известная сцена, приводимая летописцем о военном совете при Альте, когда дружинники подбивали Бориса идти на Киев и брать власть в свои руки, приводится со слов летописца, предвзято настроенным против «окаянного» Святополка[148].

В принципе, вполне вероятна и противоположная ситуация, это когда именно Борис призвал дружинное войско двинуться на Киев против Святополка. Дружинники заколебались, не зная, что им делать, оставшись стоять на месте. По мнению А. Ю. Карпова [46, с. 93],

146 Иллюстрации: Рис. 44. Убийство Бориса варягами по приказу Святополка.

147 Иллюстрации: Рис. 45 Два варяга прободоша мечем в сердце святаго Бориса.

148 Тверской летописец пишет о Святополке как о «поистине втором Каине, проклятом советнике всего зла и начальнике всей неправды» [65, с. 124].

узнав об этом, Святополк мог посулами убедить дружинников покинуть Бориса и вернуться в Киев за подарками и деньгами.

Вполне реальным подтверждением вины Бориса перед Святополком является судьба лишь одного уцелевшего отрока в Алтинской резне — Моисея Угрина, брата Георгия, верного до конца сподвижника или слуги князя Бориса. Моисей бежал от Альты в Киев, где укрылся у Предславы, сестры новгородского князя Ярослава, врага Святополка, с которым Ярослав вскоре начал кровавую долголетнюю войну. Моисей тайно укрывался у Предславы больше года, пока князь Ярослав не захватил Киев.

По летописцу, Георгий и Моисей были венграми, так же, как и третий их брат, Ефрем, которого не было при Альте. Моисей мог уйти от Альты домой в Венгрию, но он этого не сделал, бежав в Киев. Таким образом, в ближнем окружении князя Бориса были люди, Моисей, а возможно, и Георгий, которые были тайно связаны с киевской Предславой.

То, что у Георгия была, как знак особого отличия, золотая гривна на шее, по летописцу, подаренная ему князем Борисом, может свидетельствовать о его знатности, знатности светской, но не военной, ведь он не оказал никакого вооруженного сопротивления вышгородским убийцам. Знатен был и его брат Моисей. В одном из эпизодов Киево-печерского патерика сообщается о желании выйти замуж за Моисея одной знатной польской особы «обладавшей богатством, значением и большой областью в Ляшской земле, имевшей под властью своей города и села». В этом браке был заинтересован польский король Болеслав, предлагавший Моисею «быть в чести» у поляков [34, с. 251–256].

Таким образом, около князя Бориса подвизались знатные венгры-братья Георгий, Моисей и Ефрем. Спрашивается, зачем они были рядом с Борисом, с какой целью?

Здесь вполне реальны внешнеполитические версии убийства Бориса. По одной из них, это стало следствием определенной политики, которую вел князь Борис, ориентируясь на союз с Венгрией в борьбе за киевское княжение. В это время Венгрия находилась в прочном династическом союзе с Германской империей, в свою очередь воевавшей с Польшей. Король Венгрии Стефан (Иштван) был женат на Гизеле, сестре императора Генриха II, главного врага польского короля Болеслава, зятя киевского Святополка.

Возможна и другая внешне политическая версия. Польский князь Болеслав, в 1015 г. начав войну с Германией, опасаясь удара с востока, поручил Святополку обеспечить ему крепкий «древнерусский тыл». Киев с времен княгини Ольги и до Ярополка вел дружественную

политику в отношении Германии и несомненно, что в Киеве, среди высшей знати, в том числе и княжеской, были сторонники «немецкой» партии. Как показали события, судя по всему, «немецкую» партию поддерживали — новгородский князь Ярослав, ведь Новгород процветал благодаря торговле с немцами и Готландом, ростовский князь Борис, муромский князь Глеб и древлянский князь Святослав. Особенно опасен был Борис, и как негласный преемник Владимира, и как руководитель киевского войска.

Несомненно, что в Киеве в то время доминировали сторонники «польской» партии во главе со Святополком, но были и приверженцы «немецкой», они группировались вокруг сестры Ярослава Предславы.

Известно, что среди вышгородских убийц был некий муж с характерным польским именем Ляшко, возможно, именно ему Святополк поручил руководить акцией по убийству Бориса. Но среди вышгородцев были и сторонники «немецкой» партии. Это прямо следует из летописного текста по обстоятельствам убийства князя Бориса.

Летописец пишет, что Борис, еще до прихода вышгородских убийц, знал, что ему угрожает смертельная опасность, так как «пришла ему уже весть, что собираются погубить его» [64, с. 130]. Таинственный вестник мог прибыть из Вышгорода[149], ведь Святополк, замыслив убийство Бориса, чтобы сохранить в тайне зловещие замыслы, уехал из Киева в Вышгород, где «оттай призва Путшю и Вышегородьскыѣ болярьцѣ» [64, с. 129]. Судя по всему, кого-то из тех, кто был посвящен в планы Святополка, экстренно послал гонца Борису. Понятно, что гонец на коне преодолел путь на Альту быстрей группы убийц Путши, двигавшихся на повозке.

В этом плане в несколько ином свете выглядит эпизод, когда посланные убийцы, по мнению летописца, покусившись на золотую гривну Георгия, отрубили ему голову. Однако возможно и иное. Нужно было оставить обезглавленное тело, которое трудно было опознать именно как Георгия, как знатного венгра из окружении князя Бориса.

По церковному преданию, голову Георгия впоследствии нашел его брат Ефрем, явившись на место побоища при Альте. Он унес ее подальше в глухое место близ Торжка. Умер Ефрем Новоторжский, согласно Житию, глубоким старцем 28 января 1053 г. Не случайным выглядит и то,

149 Утверждение А. Ю. Карпова, что к Борису прибыл некий гонец из Киева«с тайной и устрашающей вестью», неверно, он здесь противоречит себе,до этого сообщая, что решившись на убийство Бориса, Святополк, не доверяя киевлянам, предпочел сделать все тайно, без их ведома и согласия[46, с. 94–95]. Также, маловероятным является предположение, что гонца из Киева могла послать Предслава [31, с. 46]. — Авт.

что третий брат Георгия Моисей смог чудом спастись при Альте и бежать в Киев. Как он уцелел, когда остальные погибли, кто ему помог бежать?

Наконец, по версии из анонимного «Сказания о святых», Бориса так и не доставили в Киев, он был убит по дороге некими двумя варягами. Возникает впечатление, что сторонники «немецкой» партии, тщательно заметая следы, убирали свидетельства своего разоблачения.

По исторической справедливости дела нужно признать, что в силу темноты и запутанности обстоятельств убийства князя Бориса, как все было на самом деле, окончательно судить весьма сложно. Налицо лишь отрывочные и путаные сведения европейских средневековых источников и предания, изложенные в летописях и житиях, причем весьма тенденциозным образом, в частности, определение ими князя Святополка как «окаянного», равно как и «окаянных» вышгородских убийц. В отечественной истории именование «окаянный» с красочными вариациями [150] веками неотвязчиво сопровождает имя Святополка.

В корневом смысле понятие «окаянный» восходит к библейскому Каину, первому в истории человечества братоубийце. Спрашивается, а что князь Владимир в этом смысле не был «окаянным»? По летописцу, нет, поскольку был святым, а святость и «окаянство» несовместимы. Однако реально «окаянство» князя Владимира безусловно, ведь он был прямым организатором и участником убийства родного брата Ярополка, а «окаянство» князя Святополка относительно, поскольку Борис был его не родным, а названным по отцу братом[151]. К тому же, Ярополка убили прямо перед Владимиром в его хоромах, а где, как и кем был убит князь Борис, до сих пор не ясно.

Но летописное «окаянство» Святополка можно понять, ведь он, в отличие от братоубийцы Владимира, был братоубийцей троекратным, последовательно и беспощадно устраняя на своем властном пути князей-братьев Бориса, Глеба и Святослава.

---

150 В агиографической традиции Святополк представлен как матерый злодей, снедаемый чудовищным властолюбием. Сам факт его рождения от двух отцов противоречит законам человеческим и божеским. Он обречен роком своего греховного и противоестественного зачатия [41, с. 42]. М.В. Ломоносов именует Сятополка «зверонравным» [70, с. 129]. Н.М. Карамзин в русле летописной «окаянности» называет Святополка «извергом», «дерзким злодеем», подославшим убийц к несчастному юноше Борису [42, с. 91–92].О юности Бориса пишет и Тверской летописец, сообщая, что князь имел малую бороду и усы, поскольку «младъ бо бѣ еще <…> акы цвѣть въ юности своей» [65, с. 128]. Хотя в действительности «юному» князю Борису было в то время около 30 лет, Борис был женат.

151 Летописец Переславля Суздальского именует Святополка еще и «растриженичем» [61, с. 36], имеется в виду то, что его мать «грекиня» прежде была черницей-монашкой, захваченной в полон и насильно расстриженной Святославом.

Следует признать и то, что тройной грех братоубийства не выглядел в глазах киевлян тех лет «окаянством», они приняли власть Святополка, выражаясь словами летописца, «по сердцу», отказавшись от князя Бориса. Более того, когда Борис, живой или мертвый, был доставлен вышгородцами в Киев, то, по Тверскому летописцу, киевляне отказались хоронить Бориса в городе: «не приняли его, но отпихнули прочь» [65, с. 128].

Пришлось князя Бориса хоронить в Вышгороде. Он был отпет в церкви святого Василия и похоронен рядом с ней, а по Ипатьевской летописи «въ церкви святаго Василия» [63, с. 94].

Историк А. Ю. Карпов отмечает, что, судя по всему, Бориса похоронили не в самой церкви, как всегда хоронили князей, а вне ее стен, «как какого-то отступника или злодея» [46, с. 106].

Думается, что это не совсем так. Как можно похоронить князя в небольшой рубленой деревянной церкви, не разрушая при этом ее полов и внутреннего устройства? Князей хоронили лишь в сравнительно больших по площади каменных храмах с мощными фундаментами, в особо отведенных для этого приделах, когда верующие, находящиеся в церкви, не могли попирать своими ногами княжеские могилы. Такая церковь в то время была лишь одна — киевский храм Пресвятой Богородицы. В начале княжения Ярослава Мудрого (1019–1020) вышгородская церковь св. Василия уже называется ветхою: «загорелась церковь <…> была деревянная и обветшала» [21, с. 163].

То, что Борис стал дружинным князем-изгоем, было известно многим киевлянам, поэтому его и похоронили сравнительно скромно: «Внешне убийство Бориса выглядело серьезным политическим успехом Святополка. Непосредственная угроза Киеву миновала. Отцовская дружина перешла на его сторону. Как и прежде, он мог всецело рассчитывать на поддержку киевлян» [46, с. 107].

Убийство муромского князя Глеба

Глеб Владимирович (ок. 987–9 сентября 1015), князь Муромский (1013–1015), сын князя Владимира Святославича от «болгарыни» (вероятно, от болгарской или булгарской княжны). Единоутробный брат ростовского князя Бориса.

Следующей жертвой ничем не обузданного властолюбия Святополка стал муромский князь Глеб. Возможно, Святополк опасался кровной мести от Глеба за убийство его брата Бориса.

Не исключено и то, что Святополка тревожил союз Глеба с новгородским князем Ярославом. Действительно, по летописцу, Глеб

и Ярослав общались между собой о том, что им делать по отношению к новоявленному киевскому князю Святополку, имея в виду расправу Святополка над Борисом. Наконец, вероятно и то, что Святополк решил устранить Глеба по наущению польского Болеслава как сторонника «немецкой» партии.

По версии летописца, Святополк «помысли в собѣ» решил заманить Глеба в Киев и там его убить, направив ему лживое послание: «Приди скорее. Отец зовет тебя, тяжко болен он» [64, с. 132].

Для оценки сути дальнейших событий важна их географическая локализация и даты складывающихся обстоятельств. От Мурома до Киева порядка 1200 км, это около месяца конного пути. По летописцу, известна дата убийства князя Бориса — 24 июля 1015 г. Значит, Глеб мог получить лживое сообщение от Святополка из Киева в конце августа.

Известен короткий традиционный былинный путь Ильи Муромца в Киев. Он шел на запад через земли вятичей и глухие окские леса, где обитал Соловей разбойник: «Что дорогу залегъ на Кіевъ градъ» [2, с. 87], затем, по Десне выходил к Чернигову, и по Днепру в сторону Киева.

Но по летописцу, Глеб окончательно двинулся в путь из Мурома в Киев более длинным путем с выходом не к Чернигову в среднее Поднепровье, а в верховья Днепра, к Смоленску. Вероятно, что Глеб стремился быть ближе к Новгороду, ожидая вестей от Ярослава, и он действительно их получил.

Летописец приводит дату убийства Глеба на Днепре близ Смоленска — 9 сентября. Расстояние от Мурома до Смоленска около 750 км. можно пройти конным путем за 10 дней, при одном условии — невероятно быстрой езде на сменных конях.

По летописцу, Глеб, получив известие от Святополка о тяжкой болезни отца быстро «всѣдъ на конѣ с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю» [64, с. 132]. Однако здесь произошло сложное необъяснимое для историков событие — князь Глеб скоро «поиде» с дружиною не на запад к Смоленску, или к Чернигову, но к верховьям Волги. Спрашивается почему?

Вероятно, Глеб хотел добраться до волока на реке Ваузе, соединявшего верховья Волги и Днепра, но волок судов по суше требовал времени, а его у Глеба практически не было.

Но возможна иная причина. Глеб уже знал, что его отец князь Владимир умер, а киевская дружина покинула Бориса на берегу Альты. Вероятно, что эту весть прислал Глебу посланник от Бориса или некоторые из его дружинников, которые решили идти в Муром к Глебу.

Ведь среди них были и варяги, им было сподручней искать себе новую службу не в Киеве, а севернее в Муроме, в местах ближе к родине, к Скандинавии.

Когда князь Глеб получил от Святополка лживое послание, он, заподозрив неладное, принял вполне разумное решение, обратится в сторону своей родни по болгарской (булгарской) линии жены или, как стороннику «немецкой» партии, идти еще дальше, прорваться в Болгарию, Венгрию, или Германию. Для этого Глебу нужно было выйти именно к Волге. От Мурома вниз по Оке к Волге был прямой путь в Булгарию.

Но когда Борис с дружиной вышел к Волге, по Тверской летописи, в районе Твери (устья речки Тмы) вдруг, по летописцу, произошло роковое знамение: «на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало» [64, с. 132]. Символизм этого события вполне очевиден. В Скандинавии, как и на Руси, в древности конь и конский череп играли большую роль в самых различных магических обрядах и верованиях. Конь был окружен почетом, был наделен даром предвещания, использовался в различных гаданиях о будущем. Пример тому, история с Вещим Олегом, принявшим смерть от змеи, вылезшей из черепа его коня.

Падение коня в походе выглядело зловещей приметой. В чем скрытый символизмом и реальный смысл события с конем князя Глеба? Только в одном, княжеская дружина, выйдя к Волге, поняв цель похода, отказалась идти дальше в сторону Булгарии (или Болгарии).

Дружинники-варяги нанимались служить на условиях годового найма за деньги, прежде всего в ареале Муромского княжении и его окрестностях. Наступал сентябрь, годовой договор истекал, идти окружным путем далеко на юго-запад варягам явно не хотелось. Судя по всему, они решили возвращаться обратно и идти к Смоленску, в район Гнездова, где их наняли на службу. Пришлось Глебу поворачивать вспять.

Когда князь Глеб с дружиной вышел к Смоленску, он сразу перешел на судно-насад[152]. Глеб встал близ Смоленска в месте впадения речки Смядынь в Днепр. По летописцу: «В се же время пришла бѣ вѣстъ къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярослав къ Глѣбу, глаголя: «не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка». Се слышавъ Глѣбъ възпи велми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися съ слезами» [64, с. 132–133].

152 Речное плоскодонное, беспалубное судно с высокими набитыми бортами, с небольшой осадкой и крытым грузовым трюмом. Имел одну мачту и парус.

Помимо проникновенного описания летописцем семейной драмы Глеба, весьма важны даты событий. Борис был убит 24 июля, а Глеб 9 сентября. Значит, около 40–45 дней потребовалось гонцам на путь от Киева до Новгорода и от Новгорода до Смоленска, чтобы Глеб узнал трагическую весть.

В сложившихся обстоятельствах князь Глеб отправиться вниз по Днепру в Киев не решился, оставшись для безопасности на судне-насаде. В древнерусской истории известны случаи, когда, опасаясь за свою жизнь, люди предпочитали оставаться в судне на воде, но не на суше. Так, когда послы древлян прибыли в Киев к княгине Ольге на лодке, они решили из нее не выходить. Их так в лодке по улицам Киева и понесли на расправу. Святослав, из соображений безопасности, явился на Дунае под Доростолом на переговоры с императором Византии Цимисхием на лодке и также из нее не выходил на берег.

Вскоре, по летописцу, наступили роковые события: «внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка» [64, с. 133].

Лаконичное сообщение летописца об обстоятельствах убийства князя Глеба нуждается в дополнительных пояснениях. Здесь важно выяснение вопроса: когда «окаянный Горясер», посланный Святополком, объявился близ Смоленска?

Расстояние от Смоленска до Киева около 750 км. Чтобы пройти его на конях нужно не менее 10 суток. Это означает, что Горясер, специально посланный Святополком, прибыл в Смоленск раньше прихода туда князя Глеба с дружиной. Судя по всему, у Горясера было время, чтобы осмотреться, выяснить, где стоит судно-насад с Глебом и принять решение, каким образом его убить.

В это время, по летописцу, отроки (дружинники) Глеба, видя князя в слезах и молитвах, явно приуныли, не зная, что им и делать. Тут среди них объявился Горясер, наверняка щедро снабженный Святополком деньгами. Ему без труда удалось сманить отроков Глеба на свою сторону деньгами и посулами будущих милостей от киевского князя Святополка.

Реальная картина обстоятельств убийства князя Глеба приводится на миниатюре неизвестного нам составителя Радзивиловской летописи[153]. Горясер, посадив часть своих сторонников на корабль, взял

153 Иллюстрации: Рис. 48. Убийство на судне князя Глеба на Днепре.

на абордаж судно-насад князя Глеба. Схватив за руки и ноги Глеба, трое человек повалили его. Торчин, стоя сзади, одним ударом зарезал Глеба, как «безвинного ягненка».

Другая версия событий убийства князя Глеба приводится Нестором в «Чтения о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». Глеб был в Киеве, когда умер Владимир. После захвата Святополком власти Глеб, боясь расправы, бежал «в полунощные страны», т. е. на европейский северо-запад. Побег был совершен на корабле.

Сразу после убийства Бориса Святополк посылает в погоню за Глебом своих верных слуг на «борзых кораблецах», приказав им убить Глеба [1, с. 7–8, 11–13]. По Никоновской летописи «посланиіи отъ Святопока злыя слуги <…> оступиша въ кораблецѣхъ, и яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружіа» [62, с. 72]. Затем последовала известная кровавая сцена расправа над Глебом на Днепре близ устья Смядыни.

По маловразумительному мнению А. Ю. Карпова, версия Нестора вызывает меньше доверия, чем традиционно летописная [46, с. 110]. Солидарный с ним С. А. Евтушенко пишет: «Нестор вообще мало что знает о реальной политической биографии князей [Бориса и Глеба]» [31, с. 159], поскольку не упоминает об их летописном посажении на княжения в Ростове и Муроме.

Спрашивается, почему родоначальнику древнерусского летописания Нестору, жившему непосредственно в Киеве, нужно доверять меньше, чем его многочисленным переписчикам, которые 200–500 лет спустя, рассеявшись по всей Руси, на основе летописи Нестора сочиняли и прибавляли к ней то, что считали нужным по своему разумению и реалиям своего времени.

Близкая к Нестору версия приводится в рукописном сказании двух черноризцев, из Степенной книги, [35] где пишется, что Владимир отпустил своих сыновей в данные им уделы, кроме Бориса и Глеба. Их, как более любимых, князь Владимир при себе удержал, ибо Глеб был еще в детском возрасте, Борис же хотя и возмужал, но не хотел расставаться с ним родитель.

Свою разновидность версии Нестора приводит русский историк Д. И. Иловайский. По его мнению, князь Владимир держал при себе Глеба в Киеве по молодости его лет. Опасаясь Святополка, юный князь с несколькими отроками сел в ладью и поспешил из Киева в свой Муромский удел. Но Святополк послал за ним погоню по Днепру, которая настигла Глеба близ Смоленска. [40, с. 91]

Нестор в «Чтении о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» приводит уникальные сведения. Борис и Глеб рисуются связанными духовной дружбой. Юный Глеб («детеск телом») не разлучается с Борисом, слушая его во всем. Борис, наученный грамоте, читая книги о святых, молит Бога о том, чтобы ходить по их стопам. Милосердие и кротость Борис проявляет и на княжении в своей волости, куда уже женатого (по воле отца) посылает его князь Владимир.

Если Нестор пишет, что Борис был поставлен «на волость», не уточняя, куда именно, значит, это было, не столь важно[154], как то, что Борис и Глеб были именно при князе Владимире, являясь его верной опорой, в сравнении с прямым неповиновением власти Владимира Святополка и Ярослава. Владимир любил Бориса и Глеба, именно в них он видел зримые княжеские плоды христианского крещения Руси.

В этом плане есть византийская версия родства Бориса и Глеба. Речь идет о том, что их матерью, вероятно, была византийская царевна Анна. Первым такое предположение высказал польский средневековый историк Ян Длугош [119, с. 235]. В «Тверском сборнике» (первая треть XVI века) Борис и Глеб прямо объявляются сыновьями Анны [65, ст. 73]. Известно и то, что при крещении Борис получил имя Романа, возможно, в честь византийского деда Анны.

Представление о «порфирородном» происхождении князей Бориса и Глеба развивалось в русле теории минората (изменения порядка наследования в пользу младших сыновей). Как считал А. В. Поппэ, с точки зрения наследования, Анна способствовала решению князя Владимира о введении соправительства по византийскому образцу[155] в пользу Бориса и Глеба, в нарушение традиционного права наследования старшими сыновьями [12, с. 24]. Вокруг Владимира, Анны, Бориса и Глеба зримо сплотилась киевская «византийская партия».

Еще одну «византийскую версию» о матери Бориса и Глеба приводит Н. И. Костомаров, имея в виду, что это была не родная сестра греческих императоров царевна Анна, отданная в замужество за князя Владимира, но двоюродная сестра, дочь болгарского царя Петра. «Владимир как христианин оказывал им [Борису и Глебу] предпочтение перед другими сыновьями, считая их более законными по рождению, так как с их матерью он был соединен христианским браком и они, кроме того, предпочтительно перед другими имели право на знатность происхождения по матери от царской крови» [54, с. 10].

154 В то время ростовское и муромское княжения были окраинными, не играшими заметной роли в политической истории Киевской Руси. — Авт.

155 Речь идет о византийских соправителях братьях Василии и Константине.

После смерти Анны в 1011 г., постепенно нарастало недовольство старших обойденных сыновей, прежде всего Святополка и Ярослава. Они вместе примерно в одно время открыто выступили против воли отца Владимира.

Особое негодование Владимира вызвал Святополк с его новоявленными польскими родственниками Болеславом с дщерью, за спинами которых объявился на русской земле католик-фанатик Рейнберн. Владимир потому приблизил к себе Бориса и Глеба, что знал — дело крещения Руси в православии будет при них в верных руках, в противном случае, все может рухнуть в пользу католиков.

Князь Владимир в этом плане был провидцем, вскоре после его смерти и убийств Бориса и Глеба, католики поляки и немцы, помогая Святополку, ворвались в Киев, подвергнув его жителей небывалому грабежу и насилиям.

Версия Нестора о судьбе Глеба более достоверна, поскольку события в ней разворачиваются в строго определенном месте, а именно на Днепре, но не в географии огромных расстояний от Мурома до Волги, и от Волги до Смоленска, вследствие чего князь Глеб с дружиной был вынужден перемещаться с невероятно фантастической скоростью, будучи жестко ограничен рамками временных событий в 30–40 дней.

Нестор в числе своих источников использовал древнюю *Новгородскую летопись*, вошедшую фрагментами в *Повесть временных лет* под названием *Остромирова летопись.* В ней давалась недружественная оценка князя Ярослава Мудрого, которому новгородцы помогли захватить киевское княжение. Ярослав изображается с позиций жесткого политического памфлета и даже личного очернения. Упоминается, что мать Ярослава Рогнеда и его родная сестра Предслава были публично обесчещены. Сам Ярослав рисуется как неумелый полководец, жадный и трусливый человек, которого только глупые киевляне назвали *Мудрым* [93, с. 67–81].

Летописная версия Нестора не устраивала киевские власти в лице внука Ярослава *Владимира Мономаха.* Он распорядился написать новую редакцию летописи, поручив это монаху Выдубицкого Михайловского монастыря *Сильвестру* (†1123).

Сильвестр сделал упор на осуждение феодального сепаратизма, на необходимость подчинения киевскому князю. Он проводит идею пагубности безвластия для народа, приводящего к хаосу в обществе и государстве. Восстановление власти как *призвание* на княжение является благом для всех. Сильвестр рассуждения Нестора о призвание на княжение Рюрика уподобил призванию на княжение в Киев Владимира

Мономаха. Известно, что после смерти Святополка несколько раз был зван на киевское княжение Мономах. «Спаси нас от бед», — обращались к нему послы от жителей Киева. Когда Мономах согласился, «народ изъявил необычайную радость <…> видя князя великодушного на главном престоле российском» [42, с. 131]. Именно с Сильвестра началось переиначивание труда Нестора угодливых князьям древнерусских летописцев.

Версия Нестора о судьбе князя Глеба весьма содержательна. Если действительно Глеб был в Киеве, когда скончался князь Владимир в Берестово, то какой смысл был Святополку писать Глебу лживое письмо о болезни Владимира, когда Глеб уже наверняка знал, что Владимир умер и, судя по всему, участвовал в его похоронах.

Для Святополка после смерти Владимира и убийства Бориса нужно было выманить Глеба из Киева. Здесь налицо аналогия с событиями стояния Владимира возле Киева в его войне с Ярополком в 980 г. Взять Киев Владимир не мог, ему пришлось обманом, с помощью предателя Блуда, выманивать Ярополка из города.

Если Святополк и Глеб вместе были в Киеве при похоронах Владимира, то единственным поводом для немедленного ухода Глеба из Киева была весть о гибели Бориса при Альте, которую мог сообщить ему именно Святополк: «Твой брат Борис убит при Альте, он меня почитал за отца. Поспеши похоронить его».

Ясно, что после такой трагической вести Глеб немедленно садится на ладью с дружиной и покидает Киев. Затем события развиваются в русле летописной канвы. Глеб за день доплывает по Днепру до Альты, видит и слышит стаю воронья близ берега, где лежало несколько тел. Зловоние тлена, мухи, облепившие здесь же обезглавленный труп Георгия, были до ужаса отвратительны. Глеб сразу опознал тело Бориса. Что здесь случилось, никто не знал, живых свидетелей не осталось. Был разгар лета, Бориса нужно было немедленно хоронить.

Быстро погрузившись на ладью, Глеб в глубокой скорби отплывает обратно в Киев. Горожане, узрев мертвого Бориса, возможно, уже страшась Святополка, или улещенные его подарками, отпихивают от киевского берега прочь ладью Глеба с телом Бориса. Пришлось Глебу плыть дальше в Вышгород.

Именно в Вышгороде, построенном при княгине Ольге, первой русской святой, можно было похоронить по-христиански ее правнука князя Бориса. Вышгородцы не могли этому препятствовать, хотя многие, будучи сторонниками Святополка, отнеслись к его похоронам прохладно. Были и просто злорадные, торжествующе глумливые, еще бы,

совсем недавно Борис был чуть ли не наследником князя Владимира, а теперь лежит, закопанный без княжеских отличий, близ церкви.

После похорон Бориса Глебу нужно было решать, что делать дальше. Как в Вышгороде, так и в Киеве, он был чужим, никому не нужным. Пришлось плыть вверх по Днепру, вплоть до Смоленска, где его 24 июля, через десять дней после гибели Бориса, настигла погоня Святополка.

Нестор пишет, что слуги Святополка ринулись в погоню «на борзых кораблецах». Когда Глеб приплыл к Смоленску, он встал на месте возле Смядыни, подобно тому, как князь Борис стоял и ждал убийц от Святополка на Алтинском берегу. И дело тут совсем не в молитвах и набожности князей-братьев, просто ни Глеб, ни Борис не знали, что им делать дальше, куда идти, бежать или плыть.

Район Смоленска интересен тем, что издревле являлся одним из восточно-европейских центров перемещения товаров и людей. Находясь здесь, князь Глеб мог равновероятно уйти в Полоцк, к братьям Судиславу в Псков или к Ярославу в Новгород. Но это не произошло, Глеб остался стоять возле Смядыни, спрашивается, почему? Ответ очевиден — Глебу, как и Борису, некуда было идти, они были никому не нужны, их никто не ждал. К тому же, дружины Бориса и Глеба от богомольных князей-братьев отшатнулись, и не только они.

Родичи в Полоцке и Пскове тихо сидели в своих норах-уделах, а Ярослав, хотя и посылал Глебу предупреждения о грозной опасности от Святополка, лишь этим и ограничился[156]. Никто из братьев-Владимировичей не протянул Борису и Глебу руку братской помощи, не помог им ни в чем, затаившись, все выжидали, что будет дальше, к их собственной выгоде.

И этот паучий «братский» клубок называется «семейством» князя Владимира, ведь он их всех крестил, как оказывается, за исключением Бориса и Глеба, совершенно напрасно. Вместо христианской добродетели «возлюби ближнего своего», мы видим череду гнусно-коварных убийств, организованных Святополком, пронырливую хитрость Ярослава и ледяное безучастие остальных «братьев».

Единственно, на чью братскую помощь или участие мог рассчитывать Глеб, так это на древлянского князя Святослава. Глеб был на судне, нужно было лишь сутки-двое, чтобы проплыть вниз по Днепру в княжение Святослава. Почему же Глеб остался стоять на месте около

156 Справедливости ради нужно отметить, что Ярослав в это время мало чем мог помочь Глебу. В Новгороде было неспокойно, шли распри и раздоры среди варягов и новгородцев. Княжеская власть Ярослава была отнюдь некрепкой. — Авт.

Смоленска? Вероятно, потому что путь в низовья Днепра был для Глеба уже закрыт «борзыми кораблецами» погони Святополка.

По житиям и летописям рефреном в устах Бориса и Глеба звучит братская тема. Со словами «братья» они обращались к своим дружинникам, слугам и даже к посланным убийцам. И это не только дань традиционного христианства относящегося к людям вообще как к братьям и сестрам. Тут еще и другое, Борис и Глеб, понимая, что они обречены, не желая умирать, они все же надеялись на братское соучастие и помощь. Все было тщетно, никакие молитвы им не помогли.

Расправившись с Глебом убийцы, потопили его судно. По летописцу, Глеба похоронили рядом на берегу меж двух колод, т. е. в долбленом гробу, состоящем из двух частей. По мнению художника рукописного Жития святых Бориса и Глеба XIV века (Сильвестровский сборник), гроб был накрыт саркофагом перевернутой ладьи Глеба, вытащенной на берег[157].

Лишь через четыре года в 1019 г. киевский князь Ярослав распорядился найти тело Глеба и похоронить его в Вышгороде с княжескими почестями «у брата своего Бориса у церкве святого Василья» [64, с. 134]. Вскоре, по Нестору, деревянный Васильевский храм сгорел от непотушенной свечи ушедшего домой и заснувшего пономаря [21, с. 164].

На месте сгоревшей церкви, по повелению Ярослава, в 1020–1026 гг. был воздвигнут Борисоглебский храм, простоявший полвека. В нем поместили вынутые из могилы мощи Бориса и Глеба, ставшие объектом поклонения, подобно извлеченным из могилы мощам княгини Ольги.

В 1072 г. сын Ярослава Изяслав пятиглавый Борисоглебский храм, по ветхости, перестроил на деревянный одноглавый. Освящение нового храма-усыпальницы святых князей Бориса и Глеба происходило при участии «триумвирата» братьев Ярославичей и представителей высшей церковной иерархии.

В 1075–76 гг. братья Ярославичи Святослав и Всеволод пытались, вместо деревянного Борисоглебского храма Изяслава, поставить каменный, но он рухнул и был заброшен.

В 1112 г. князь Олег Святославович выстроил каменный храм, в который по воле Владимира Мономаха весной 1115 г., почти через сто лет после кончины Бориса и Глеба, торжественно перевезли по древнему обычаю на специально сделанных и украшенных

157 Иллюстрации: Рис. 47. Сретают убиицы святаго Глеба. Заклан бысть святый Глеб. Похороны святаго Глеба меж двух колод.

санях[158] святые мощи в тяжелых каменных раках. В сани впряглись сами князья с ближними воеводами и знатью.

Чтобы огромная толпа раздалась перед торжественным шествием, людям кидали одежду, меха, деньги. Праздник перенесения мощей, начавшийся 1 мая, длился три дня. Первый день окончился «великим обедом», как во времена князя Владимира.

Для массового доступа людей возле Вышгорода был построен мост через Днепр. В новом храме каменные раки с мощами украсили серебром, над ними горели серебряные лампады, вокруг сияли позолоченные подсвечники из хрусталя.

Почитание святых Бориса и Глеба быстро распространялось по всей Руси. Почти каждый город имел церковь, посвященную благоверным братьям. Киев и Чернигов, Смоленск и Новгород, Рязань и Ростов строили борисоглебские храмы.

В 1240 г. Вышгород с его богатейшим княжеским храмом разделил судьбу Киева. Каменная Борисоглебская церковь была разграблена, но не разрушена монголо-татарскими варварами до основания. Мощи святых мучеников Бориса и Глеба были сокрыты: «Можно предположить, что мощи святых во время нашествия Батыя были спрятаны священниками церкви под храмом в недоступном месте, где они могут находиться и сейчас» [21, с. 177].

Борисоглебская церковь была разорена в последующее время монголо-татарского, литовского и польского ига. Указом 1455 г. короля Казимира IV было запрещено строить и ремонтировать древнерусские православные церкви.

До начала XVII в. вышгородский храм Святых Бориса и Глеба стоял в развалинах. Примерно в 1640 г. он был разобран поляками, использовавшими строительный материал для сооружения доминиканского костела Св. Николая в Киеве.

В 1651 г. князь Януш Радзивилл, гетман литовский, переправился через Днепр возле Вышгорода. Но так как там не нашлось готового леса, то литовцы разобрали существующую в то время деревянную вышгородскую церковь, употребив даже иконы для строительства моста.

Первым кирпичным сооружением поселения Вышгород стала новая церковь братьев-страстотерпцев, построенная в 1862 г. на месте разобранной старой деревянной. По сей день храм сохраняет роль главной исторической и архитектурной доминанты Вышгорода.

158 По летописцу, подобным образом на специальных санях в июле 1015 г. тело умершего князя Владимира из Берестово привезли в Киев для похорон.

Борис и Глеб как святые

По летописцу, окаянные убийцы Глеба вернулись обратно в Киев, как грешники в ад: «Онѣмъ же пришедшимъ, и повѣдаша Святополку: «яко створихомъ повѣная тобою». Онъ же се слышавъ, възнеся сердце его болма» [64, с. 133–134].

Святополк зря радовался удаче по устранению своих конкурентов, пройдет немного времени, и он сгинет неизвестно где, Борис же и Глеб останутся в памяти народной навсегда.

По существу, именно Борис и Глеб стали первыми истинно христианскими русскими[159] святыми. Их предшественники княгиня Ольга и князь Владимир обрели святость сугубо функциональную, по своим делам, но не по христианской сути.

Лично Ольга и Владимир, отличные изуверской жестокостью и коварством, пролили море крови ни в чем не повинных мирных людей. Оправдывая их, если вообще убийц можно оправдать, православная церковь выдвинула тезис святости Ольги и Владимира как следствие принятия ими крещения, а их злые и коварные дела отнесла ко времени поганого язычества, в котором они существовали.

Возможно, к престарелой Ольге это и относится, после крещения она стала менее воинственной и вскоре по дряхлости умерла. Отдавая дать христианским заслугам блаженной Ольги, летописец отмечает: «Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сию бо хвалятъ Рустие сынове аки началницю» [64, с. 67].

Если говорить о святом Владимире, то после принятия крещения он продолжал воевать, дело дошло до войны с сыном Ярославом. Что здесь удивляться, даже летописец был поражен отношением современников к смерти Владимира: «Мы же, хрестьяне суще, не въздаемъ почестья протву оного възданью» [64, с. 128].

Что касается святости Бориса и Глеба, то восторженное отношение летописца к ним очевидно, оно несоизмеримо превосходит по своему эмоциональному содержанию слова в адрес Ольги и Владимира: «Заступники они за Русскую землю, светильники, сияющие и вечно молящиеся Владыке о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтеся, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти,

159 Первые христианские мученики Федор и Иоанн, ставшие святыми, погибшие в 983 г. в Киеве от рук толпы язычников, были варягами, не русскими, в национальном отношении. — Авт.

единомысленными служителями Богу, единообразной четой, святым единодушной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи из колодца живоносной воды исцеления, истекают они верным людям на выздоровление. Радуйтесь, поправшие коварного змея, явившиеся подобно лучам светозарным, как светила, озаряющие всю Русскую землю, всегда тьму отгоняющие верою непреклонною. Радуйтесь, заслужившие недреманное око, души свои к исполнению святых Божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, обладания которой удостоились. Радуйтесь, явно для всех осиянные божественным светом, весь мир обошедшие, бесов отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые, с Богом пребывающие, божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, потому что напояете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями крови своей святой обагрили вы багряницу, прославленные, ибо, ее нося прекрасно, с Христом царствуете всегда, молясь за новых христианских людей и сродников своих. Благословилась земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы церковь эту духом божественным, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие! Христолюбивые же страстотерпцы и заступники наши! Покорите поганых под ноги князьям нашим, молясь владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостойте и нас того же, поющих вам и почитающих ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира» [64, с. 134–136].

В сборнике, посвященном Борису и Глебу, Г. Федотов пишет: «их почитание сразу устанавливается как всенародное, упреждая церковную канонизацию. Более того, канонизация эта была произведена, несомненно, не по почину высшей иерархии, то есть греков-митрополитов, питавших какие-то сомнения в святости новых чудотворцев <…> Нужна была твердая вера русских людей в своих новых святых, чтобы преодолеть все канонические сомнения и сопротивление греков, вообще не склонных поощрять религиозный национализм новокрещеного народа <…> Нужно сознаться, что сомнения греков были вполне естественны. Борис и Глеб не были мучениками за Христа, но пали

жертвой политического преступления, в княжеской усобице, как многие до и после них <…> С другой стороны, Греческая Церковь знает чрезвычайно мало святых мирян. Почти все святые греческого календаря относятся к числу мучеников за веру» [21, с. 49–50].

Спрашивается, почему так неудержимо и быстро возникло массовое поклонение князьям Борису и Глебу на Древней Руси?

Историческая обусловленность этого явления совершенно очевидна. Стремление к обладанию феодальной собственностью ввергло сообщество русских князей в состояние озверелой дикости, когда брат шел на брата, отец на сына. Чем более нарастал феодальный распад Русской земли, тем отвратительней и подлей становились склоки и войны князей между собой. Даже христолюбивый летописец не выдержал, обращаясь в адрес князей: «усобная же ратъ бываетъ отъ соблаженья дъяволя <…> (вы) акы свинья в кале греховномь присно валяетесь и тамъ пребываете <…> Доколь не насытистеся злобъ вашихъ?.. Не погански ли живете, а еще называетесь въеруще?» [64, с. 163–165]

Н. М. Карамзин пишет об этом времени: «Театр алчного властолюбия, злодейств, грабительств, междоусобного кровопролития, Россия южная, в течение двух веков опустошаемая огнем и мечом, иноплеменниками и своими казалась обителью скорби и гнева небесного» [42, с. 173]. «Города опустели, в селах пылают церкви, домы, житницы и гумны. Жители издыхают под острием меча или трепещут, ожидая смерти. Пленники, заключенные в узы, идут, наги и босы в отдаленную страну варваров, сказывая, друг другу со слезами: *Я из такого-то города русского, я из такой-то веси!* <…> дикие звери обитают там, где прежде жили христиане!» [42, с. 120]

Как могли существовать простые русские люди в такие времена, что им помогало выжить?.. Только надежда и вера на лучшее, на добро, справедливость, братолюбие. Такую надежду давал им нравственный подвиг Бориса и Глеба, князей, которые, несмотря на свое высокое положение, остались до своего последнего смертного часа просто людьми, братски любящими других людей, в лучших традициях раннего христианства, словами летописца, как «светлые звезды, утром восходящие!»

Характеризуя Бориса и Глеба, образно сказал протоиерей Дм. Денисенко, они «с мечом в руках, без злобы в сердце». «Память святых Бориса и Глеба была голосом совести в междукняжеских удельных счетах» [21, с. 8, с. 55].

Несомненно, Борис и Глеб впервые в истории Руси воплотили в жизнь религиозно-философский принцип «непротивления злу насилием» в его подлинно христианском виде. Это было столь уникально, что положило начало исторической легенде, будто матерью Бориса

и Глеба была не безвестная «болгарыня», но греческая царевна Анна. Вначале такое предположение высказал польский средневековый историк Ян Длугош [119, с. 235], затем эта красивая легенда укоренилась в отечественной историографии [75, с. 195].

Память Бориса и Глеба на Руси праздновалась с необычною торжественностью шесть раз в году. День 24 июля — главный из этих празднеств — причислялся к великим годовым праздникам.

Почитание Бориса и Глеба перешагнуло пределы Руси. Оно было принято в самой Византии. Да это и понятно, греческое православие, тяжко придавленное императорской властью, зримо нуждалось в ярком примере княжеского смирения, возврате к исконным ценностям христианского человеколюбия. В константинопольской Софии была поставлена икона Бориса и Глеба, в Испогасе была построена им церковь. Известен армянский Пролог о Борисе и Глебе, в Чехии в Созавском монастыре был устроен в их честь придел.

Убийство древлянского князя Святослава

Расправившись с Борисом и Глебом, Святополк решил смести с лица земли еще одного конкурента из «братской» семьи Владимира, древлянского князя Святослава Владимировича (ок. 982–1015).

В то время древлянское княжение было одним из крупных и лучших уделов на Киевской Руси. Не случайно, что Святослав Игоревич, уходя в болгарский поход, поделил Русскую землю на три княжения — киевское, древлянское и новгородское, отдав их своим наследникам сыновьям Ярополку, Олегу и Владимиру.

Большинство исследователей в списке сыновей Владимира помещают по старшинству Святослава вслед за новгородским Ярославом. Владение древлянским княжением показывает значительный вес Святослава Владимировича среди тогдашних Рюриковичей.

Еще одну особенность древлянского княжения отметил византийский историк Лев Диакон, а именно его западный характер, не только по расположению, но и по политической ориентации. По Диакону, император Византии Цимисхий считал древлян «германцами» [58, с. 57]. Чувствуя прозападный характер древлян, явно недружелюбно к ним был настроен и православный летописец Нестор [64, с. 12].

По летописцу, Святослав Владимирович был рожден, возможно, от знатной «чехини». По сравнительно поздним источникам XVII века и В. Н. Татищеву, ее звали Мальфреда, она умерла в 1000 г. [106, 1773, с. 87].

Что касается семьи Святослава, то в Никоновской летописи под 1002 г. сообщается: «Того же лѣта родися Святославу сын Ян» [62, с. 68]. В. Н. Татищев пишет, что в одном из списков Степенной книги о Святославе читалось: «Бежа во Угры ко отцу своему» (то есть, к тестю)[160]. По легендам, у Святослава была большая семья, одних только сыновей — семеро.

Представляется весьма вероятным заключения брака Святослава Владимировича с венгерской княжной, свидетельства Никоновской летописи не противоречат хронологии образования Венгерского королевства. После прихода к власти в 997 г. Иштван I выдержал борьбу со своими братьями, в 1000 г. был коронован папским легатом Астриком в качестве первого короля в Юго-Восточной Европе, что вызвало недовольство императора Священной Римской империи Оттона III и соседних правителей Чехии и Польши. В этих условиях Иштван стремился к союзу с Русью. Не случайно, в Никоновской летописи в специальном абзаце «О угрѣхъ» отмечается: «единъ отъ князей ихъ, Стефанъ именемъ» [62, с. 70].

Дата рождения Яна Святославича (1002 г.), предполагающая свадьбу его родителей в 1001 г., вполне соответствует исторической логике событий. Для князя Владимира Святославича установление матримониальных связей с венгерским королевством служило делу повышения его международного престижа и статуса.

По версии М. М. Щербатова, у Святослава Владимировича была сестра именем Премислава, которая была супругой венгерского короля Андрея (Эндре I) [122, с. 293]. Н. М. Карамзин показал несостоятельность версии М. М. Щербатова, опираясь на тот факт, что женой Эндре I была не Премислава Владимировна, а Анастасия Ярославна. В Венгерских средневековых источниках нет упоминаний о Святославе.

В летописных источниках нет сведений о том, что Святополк заранее замыслил убить Святослава, подобно Борису и Глебу. Значит вначале Святослав был Святополку не опасен, действия Святослава никак не препятствовали захвату Святополком киевского княжения.

Поскольку Борис был убит тайно, то Святослав об этом мог узнать лишь после его похорон, вероятней всего от Глеба, ведь он уходил по Днепру от Киева к Смоленску прямо через древлянское княжение Святослава, причем, если исходить из версии Нестора, Глеб не знал, кто убил Бориса.

Не вызвала особых беспокойств Святослава и проход по Днепру мимо на «борзых кораблецах» киевской погони за князем Глебом, ведь Святославу их намерения были неизвестны.

160 Татищев В. Н. Собрание сочинений. М., 1994, т. 2, с. 239.

Но когда весть об убийстве Глеба разнеслась вокруг, Святослав Владимирович понял, что скоро наступит его черед пополнить «братский мартиролог», и решил, не дожидаясь своего смертного часа, по летописцу, бежать с семьей и дружиной «в горы Угорские», т. е. в Карпаты, и далее в Венгрию. Это обстоятельство служит косвенным доказательством того, что действительно Святослав был династически связан с венгерским двором. Очевидно, что Святослав надеялся укрыться в Венгрии, правители которой враждовали с Польшей, союзной киевскому Святополку.

Показательно и то, что, в сравнении с Борисом и Глебом, фактически оставшихся без своих дружин, дружина Святослава оказалась ему верной до конца. Здесь, вероятно, сказалось то обстоятельство, что среди дружинников Святослава были западные славяне по чешской линии его жены, возможно и венгры, т. е. не только наемники из норманнов.

Святополк, узнав о бегстве древлянского Святослава, немедленно выслал погоню, стремясь не допустить его прорыва в Венгрию. Погоня достигла Святослава близ Карпат около нынешнего города Сколе. На берегу реки Стрый в сражении погибли семеро сыновей Святослава, и поселок на том месте до сих пор называют Семигинив (в память семерых погибших). Легенда рассказывает о жестокой битве между Сколе и Гребеновым. Вся долина вдоль Опоры была покрыта телами погибших. Силы Святополка были большими, и он отдал приказ: «*Сколоть их всех*». С этим эпизодом легенда связывает название города Сколе.

Святослав погиб в битве, а его уцелевшие дружинники отказались перейти на службу к Святополку и осели в Бескидах, положив начало Славскому[161]. Дочь (по другой версии — жена) Святослава Парасковия (Парашка) укрылась на вершине горы и, настигнутая дружинниками Святополка, погибла (по легенде — бросилась с вершины горы). Сейчас гора названа в ее честь Парашкой.

Многочисленные топонимы: Сколе, Славськ, Святослав (предместья Сколе), Славки (приток Опоры), Семигинов, урочище Святославле, речка Святославчик, Святославова могила — свидетельствуют в пользу легенды о гибели Святослава.

Раскопки кургана, названного Святославовою могилой, даже при критичном подходе к их результатам, удостоверили, что это погребение

161 Это говорит о том, что среди дружинников Святослава было много западных славян. — Авт.

знатного дружинника XI века. Возможно, что это был князь Святослав Владимирович[162].

В отличие от Бориса и Глеба, Святослав не был причислен к лику святых, ведь он оказал вооруженное сопротивление, защищая свою жизнь и жизнь своей семьи, не был безропотно зарезан, как кроткий агнец.

Святослав стал последним древлянским князем, он не оставил после себя уцелевших потомков, его семья была вся истреблена. После гибели Святослава древлянская земля навсегда вошла в состав киевского княжения.

По М. М. Щербатову, Святополк, уничтожив Святослава, напоив землю [русскую] невинной кровью своих братьев, мучаясь совестью, стал пьянствовать, живя в атмосфере недоверия и страха среди всех своих подданных, которых стремился подкупить подарками, как и всех граждан Киевских [122, с. 293].

Новгород времен Ярослава. Битва при Любече (1016 г.)

Началу войны Ярослава со Святополком предшествовала так и не начавшаяся война Ярослава с отцом князем Владимиром. Летописец пишет, что в начале 1015 г.: «Ярославъ послалъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего» [64, с. 127]. Уникальные сведения о том, как Ярослав нанимал варягов дает скандинавская сага «Пряди об Эймунде Хрингссоне» [23, с. 106–108].

Эймунд был знатным конунгом, побратимом норвежского короля Олова Святого. Не желая с ним вражды в Норвегии, Эймунд вместе с ярлом Рангаром и подчиненными им людьми решает добыть «богатства и почести» на землях Руси.

По тексту саги, большой отряд Эймунда, около 600 человек, на своих кораблях прибыл к конунгу Хольмгарда Ярицлейву (новгородскому князю Ярославу) уже после смерти Вальдимара (Владимира). Эймунд вполне резонно полагал, что, возможно, потребуются воинские услуги трем его сыновьям, ведь им князь Владимир наследство поделил не поровну. Варягам было все равно, к каким братьям наследникам наниматься на воинскую службу, лишь бы им хорошо платили.

Новгородские земли были ближайшие для варягов, поэтому Эймунд со своими людьми решил, прежде всего, прибыть к Ярославу

162 Википедия. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Святослав_Владимирович_ (князь_древлянский).

в Хольмгард (Новгород). Это был традиционный путь норманнов на Русь. Из Финского залива по реке Вуоксе или Неве на кораблях они прошли в Ладожское озеро до Волхова к крепости Ладога.

Выше Ладоги Волхов перегораживали пороги, здесь, или возле крепости Ладога, норманны обычно оставляли свои суда и двигались по волховскому правобережью сухопутным путем[163] до Новгорода. О сухопутном пути между Ладогой и Новгородом сообщает «Сага об Оркнейцах», где говорится, что, когда знатные норманны прибыли в Альдейгьюборг (Ладогу), они наняли лошадей и отправились вверх по реке в Хольмгард к конунгу Ярицлейву [27, т. V, с. 175].

По сухопутному пути стояли новгородские сторожевые заставы-остроги. Чтобы пройти мимо них, чужим воинским отрядам необходимо было разрешение новгородского князя.

Текст саги рисует именно такую картину. По прибытии к Ладоге Эймунд и его воины вытащили корабли на сушу и хорошо устроили их, т. е. разбили временный военный лагерь. Часть их, возможно, могла обосноваться в поселении норманнов *Плакун* напротив Ладоги на правом берегу Волхова.

Затем Эймунд с ярлом Рангаром со спутниками отправляется сухопутным путем в Новгород к Ярославу. Когда Ярослав узнал об этом, он поручил своим мужам на сторожевых заставах «дать им мир в стране», т. е. пропустить их Новгород и, по законам гостеприимства, пригласил их к себе на пир, имея в виду разузнать, зачем столь знатные гости к нему прибыли.

На пиру Эймунд без обиняков изложил суть дела Ярославу, сообщив, что он со своими друзьями прибыл на службу к наследникам князя Владимира, и тем, кто из них окажет большего уважения и почета, они будут верно служить. Эймунд спросил Ярослава: «может быть, захотите иметь у себя храбрых мужей, если чести вашей угрожают ваши родичи, те самые, что стали теперь вашими врагами. Мы теперь предлагаем стать защитниками этого княжества, и пойдем к вам на службу, и получать от вас золото и серебро и хорошую одежду — после чего Эймунд ультимативно объявил Ярославу — Если вам это не понравится, и вы не решите это дело скоро, то мы пойдем на то же с другими конунгами, если вы отошлете нас от себя» [23, с. 107].

Ярослав прекрасно понимал, что если столь большой отряд Эймунда наймется на службу к его братьям конкурентам, туровскому Святополку или киевскому Борису, то шансы новгородского Ярослава в борьбе за киевское княжение станут ничтожными. Поэтому он сразу

163 Зимой можно было двигаться по замерзшему Волхову.

ответил Эймунду: «Нам очень нужна от вас помощь <…> Но я не знаю, сколько вы просите наших денег за вашу службу». Эймунд поставил условия — дом для постоя отряда, его снабжение лучшими припасами, и оплата каждому рядовому воину в 1 эйр серебра и 1,5 эйра рулевому судна[164].

Если оценить денежный требования Эймунда в новгородских масштабах цен того времени, то они были весьма умеренны, примерно 1000 гривен в год на содержание отряда Эймунда.

Деньги у Ярослава были. Новгородская рента, которую он отказался платить в Киев князю Владимиру, составляла 2000 гривен в год. Ярославу на эти деньги нужно было содержать себя, свой двор и дружину, а также, в случае военных действий, возможно, нести определенные расходы, связанные с новгородским ополчением.

Ярослав, подтверждая свою характеристику по саге, как правителя хорошего и властного, но не щедрого [23, с. 107], начал торг относительно суммы оплаты Эймунду серебром, считая ее чрезмерной. Тогда Эймунд предложил Ярославу платить частью серебром, а частью мехами бобров и соболей, и другими ценными вещами, а также долей от военной добычи. Ярослав согласился, заключив договор с Эймундом сроком на один год.

Затем Ярослав распорядился выстроить каменный дом для проживания отряда Эймунда в Новгороде. По данным археологии, в Новгороде тех времен каменных строений не было. Поскольку Ярослав стал нанимать варягов на службу еще при жизни князя Владимира, то, судя по всему, уже бывшее построенное для них деревянное строение казарма было расширено до целого варяжского двора для принятия на военную службу отряда Эймунда в 600 воинов.

164 Отряд Эймунда в 600 человек прибыл в Ладогу примерно на 10–12 судах.

По летописцу, место, где поселились варяги в Новгороде звалось «дворѣ Поромони» [64, с. 137]. По мнению Д. С. Лихачева, именование «Поромонь» может быть заимствовано из греческого παραμογαι, что означает «вахта», «лейб-вахта»[165]. Если это так, то возникает вполне закономерный вопрос, откуда на далеком новгородском северо-западе приживались специфические греческие понятия? В этом плане есть одна знаменательная находка клада серебряных арабских монет в Старом Петергофе в 1940 г. Клад попал в землю в IX веке, на одной из монет нацарапано имя на греческом языке жителя славянина тех мест — его звали *Захарий* [20, с. 73].

Известно, что первым новгородским епископом, поставленным князем Владимиром в 992 г., был грек Иоаким Корсунянин. Отношения грека-епископа Иоакима с новгородцами были весьма накаленными [72, с. 293], поэтому он, судя по всему, был вынужден обитать вблизи княжеской варяжской охраны. Именно епископ Иоаким мог назвать место жительства варягов в Новгороде на греческий манер «Поромоновым двором». В дальнейшем это наименование могло попасть в старейшую Новгородскую летопись, с которой, судя по всему, имел дело Нестор.

К началу лета 1015 г. Ярослав нанял достаточно варягов, чтобы чувствовать себя уверенней в конфликте с отцом князем Владимиром. Однако вскоре пришло сообщение из Киева, что Владимир, тяжело заболев, оставил Киев и уехал в Берестово, тем самым семейный конфликт Ярослава с Владимиром практически заглох. Варяги были наняты на год, и в возникшей неопределенной ситуации князь Ярослав решил их пока не распускать и держать при себе.

В середине лета неожиданно для Ярослава вспыхнули массовые беспорядки в Новгороде. Начало им положили варяги, которые летом, томясь от безделия, начали бесчинства, по летописцу: «насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ» [64, с. 137]. Варяги привыкли так действовать у себя в Скандинавии, измываться и глумиться над подневольными им людьми, слугам и рабами.

Сходная ситуация возникла при Владимире в 980 г., когда варяги стали требовать от князя окуп по 2 гривне, начав «створять зло» в Киеве. Варягов князь Владимир унял лишь тем, что отослал их подальше на службу в Византию.

В Новгороде Ярослав буйных варягов далеко послать не мог, да и ситуация в городе была иной, чем в Киеве. В отличие от кротких

165 Лихачёв Д. С. Текстология. Л., 1983. С. 80–81, со ссылкой на: Stender-Petersen Ad. Varangica. Aarhus, 1953. S. 118–119.

Бесчинства варягов среди новгородцев

киевлян, привыкших веками терпеть хазарское иго и господство поработителей от варяжских князей, новгородцы повели себя иначе: «Вставше Новгородци, избиша Варягы во дворе Поромони» [64, с. 137]. При этом, новгородцы воспользовались тем обстоятельством, что Ярослава в Новгороде не было, он в это время был в своей загородной резиденции в Ракоме[166].

Это сообщение летописца весьма знаменательно. Из него явно следует, что степень организации новгородцев, в том числе военной, достигла такого уровня, что они сами стали творить суд и расправу над варяжскими насильниками. Новгородцы действовали по исконному родовому праву славянской справедливости и целомудрия, когда пойманных на месте преступления насильников убивали тут же и сразу, без всякого суда и следствия, и без ведома князей.

По мнению А. Нечволодова, расправу над варягами учинили не новгородцы, а новгородская дружина [75, с. 205], что не верно, ведь исторически новгородской дружины никогда не было. Можно говорить о княжеской новгородской дружине, о новгородском ополчении или о ватагах новгородских ушкуйников.

А. Ю. Карпов, ссылаясь на обстоятельства последующей расправы Ярослава над новгородцами, считал, что речь идет о резне варягов, когда на «Поромоновом дворе» была перебита не одна сотня человек [46, с. 77]. Конечно, это не так. Ярослав казнил лишь несколько новгородских мужей, лично учинивших расправу над варягами. Считать, что жители Новгорода, вооруженные кто чем мог, ножами, палицами

166 Ракоме село на берегу озера Ильмень, впоследствии неподалеку был постстроен Юрьев монастырь. — Авт.

и плотницкими топорами, могли перебить сотни варягов, перед бесчинствами которых в страхе трепетала большая часть Европы, это относится к области детских вымыслов.

Разгневанный бунтом, Ярослав решил расправиться с новгородской знатью, с «нарочитыми мужами», которые были повинны в убийстве варяжских насильников, буйствовавших в их дворах. Ярослав вызвал мужей в Ракоме, успокоив их своей лживой сентенцией, мол, мертвых варягов уже не воскресить. «Уже мнѣ сихъ не крѣсити» [64, с. 137] — это своеобразная форма отказа, формула примирения, отказа от мести[167].

Спрашивается, о какой мести идет речь? По мнению А. Нечволодова, среди убитых новгородцами варягов могли оказаться гости, люди не причастные к варяжским бесчинствам [75, с. 205]. В этом случае Ярослав нарушил исконные законы родового гостеприимства, согласно которым за обиду гостю полагалась месть. А то, что гости среди варягов были, свидетельствует сага «Об Эймунде», по которой в Новгород прибыл не только вооруженный отряд Эймунда, но и знатный ярл Рангар по личному к Ярославу делу.

По мнению В. Н. Татищева, Ярослав обещал новгородцам не мстить и призвал их к себе в Ракоме, сообщив им: «нынѣ же есть мнѣ нужда нѣчто о полезномъ съ вами помыслить; того ради требую васЬ ко мнѣ совѣтъ» [106, 1773, с. 95]. По мнениию Н. И. Костомарова, Ярослав зазвал к себе в Раком знатных новгородцев «под видом угощения» [54, с. 10].

Когда ничего не подозревавшие новгородские мужи прибыли в Ракоме, по приказу Ярослава княжеские дружинники иссекли их мечами и топорами[168]. Новгородская летопись, в частности, по этому поводу сообщает фантастический вымысел, будто Ярослав заманил в Ракоме «вои славны тысящу» новгородцев, которых обозленные Варягы всех «ти исѣклѣ» [77, с. 82], что можно назвать не иначе как «вероломным побоищем» [75, с. 205], резней в Ракоме»[169]. По С. М. Соловьеву: «число жертв мести Ярославовой явно преувеличено, трудно было обманом зазвать такое количество людей, еще трудней перерезать их без сопротивления в ограде княжеского двора» [102, с. 200].

---

167 «Уже мнѣ мужа своего не крѣсити» — коварно сказала княгиня Ольга посламдревлян, отказываясь словами мстить за мужа князя Игоря [64, с. 55].

168 Иллюстрации: Рис. 51. Убийство новгородских мужей по приказу Ярослава.

169 Вообще, в смысле коварной подлости по организации убийства, Ярослав был подобен отцу князю Владимиру и брату Святополку. Таким было на самом деле это «крещеное» семейство. — Авт.

А. Ю. Карпов отмечает особенность убийства знатных новгородцев Ярославом: «Он мстил за смерть чужаков, иноземцев, убивая при этом своих соплеменников, новгородцев, чьим князем он был» [46, с. 80].

Возмездие Ярославу наступило сразу и неотвратимо: «В ту же нощь приде ему вѣсть ис Кыева отъ сестры его Передъславы: си отець умерлъ, а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдися его повелику» [64, с. 137].

По летописцу, Ярослав, получив столь ошеломляющие вести, был удручен и опечален, скорбя о смерти отца и злосчастной судьбе братьев Бориса и Глеба. Для Ярослава стало ясно, что отныне Святополк является его самым беспощадным врагом. На его стороне были серьезные силы — киевляне, велико-княжеская дружина и зять, могущественный польский князь Болеслав.

Положение Ярослава было незавидное, помимо личной дружины, у него было сравнительно небольшое число варягов, которых восставшие новгородцы загнали, как кроликов, в нору «Поромонова двора».

В возникшей ситуации Ярослав, не потеряв самообладания, на деле проявил свою мудрость и дальновидность. Ему было ясно, что без помощи новгородцев, которых он, по словам В. Н. Татищева, «жестоко оскорбил» [106, 1773, с. 95], не обойтись, нужно было идти на мир с ними, публично помириться, просить прощения за казнь новгородских мужей в Ракоме.

Ярослав едет в Новгород, созывает вече, где, обливаясь слезами, сообщает весть о смерти отца и о захвате власти в Киеве Святополком, который убил при этом братьев Бориса и Глеба.

Весьма образно описывает эпизод речи Ярослава на вече М. В. Ломоносов: «Любезные мои други, забудьте вчерашнюю мою глупость; общая наша нужда требуетЪ согласного отпору противЪ беззаконного насильства. Отец мой умерЪ [утирая слезы, рѣчь перерывал стенаніемЪ]» [70, с. 131].

Новгородская летопись сообщает, что Ярослав каялся на вече, что избил в Ракоме свою любимую дружину, которая ему теперь так надобна. Ярослав обращается к новгородцам как к «дружине своей», называя ее «любимой» и «честной», объясняет причину случившегося преступления: «избил вас вчера в безумии своем» [77, с. 82].

Здесь летописец путает дружину с новгородским ополчением[170]. Хотя летописная неточность исчезает, если в числе «нарочитых мужей»,

170 Ополчение в Новгороде набиралось из его жителей по территориальному принципу от «концов», крупных районов города. Исторически они сложились

казненных Ярославом, были новгородский тысяцкий или сотские. Тогда, действительно, ополчение временно стало не боеспособным.

Признав свою вину на вече, Ярослав, по Новгородской летописи, был даже готов «златом» ее искупить, то есть заплатить виру-откуп семьям казненных [77, с. 82]. Повинившись, Ярослав попросил новгородцев встать на его сторону, поддержать в борьбе с киевским Святополком.

По А. Нечволодову, новгородцы понимали справедливую причину кровной мести Ярослава за убитых гостей варягов [75, с. 206]. Они решили простить свою обиду князю по поводу гибели своих мужей и братьев в Ракоме и помочь Ярославу «бороти» Святополка.

О причине такого решения летописец не говорит, кроме упоминания о жалости на вече горожан к семейным невзгодам и слезам Ярослава. Здесь, судя по всему, сыграло свою роль то обстоятельство, что новгородцы считали Ярослава своим князем, ведь он был женат на местной боярыне, возможно, именем Анна, по новгородским источникам у них был сын Илья.

В возникшей ситуации важно понять, почему Ярослав решил вступить в тяжелую войну со Святополком за киевское наследство князя Владимира. Ярослав в то время был старшим сыном Владимира, а Святополк его старшим племянником. Каждый из них имел свои династические притязания, один как Ярополчич, другой как Владимирович.

Еще одно немаловажное обстоятельство по вопросу столь дружного решения новгородцев выступить против киевлян. Многие новгородцы в то время еще не забыли, какой погром устроил при крещении Новгорода в 992 г. киевский воевода Путята с Добрыней и епископом Иоакимом. Теперь наступил повод отомстить киевлянам сполна. Н. И. Костомаров по этому поводу отмечает: «Новгородцам был расчет помогать Ярославу, их тяготила зависимость от Киева[171], которая должна была сделаться еще тягостнее при Святополке, судя по его жестокому нраву; новгородцев оскорбляло и высокомерное поведение киевлян, считавших себя их господами» [54, с. 11].

на месте совместного проживания древних этнических поселений словен, чуди, меря и веси на берегах Волхова. Новгородским ополчением руководил тысяцкий, который выбирался на вече. Ополчение делилось на сотни, по улицам города, и десятки по родовым дворам. — Авт.

171 Еще в 882 г. Олег-правитель наложил дань на новгородцев в 300 гривен в год в пользу Киева. В 947 г. киевская правительница Ольга специально отправилась на новгородские земли, обкладывая их данями и оброками, а лучшие из них повелела перевести в свои охотничьи угодья «ловища».

На положении киевского данника Новгород состоял еще с 882 г., со времен Олега. В 947 г. на новгородские земли явилась из Киева княгиня Ольга, вводя новые порядки (уставы) и дани. Однако не только это, но и более важные обстоятельства подвигли новгородцев выступить в поддержку Ярослава.

Что же сказал Ярослав на вече[172] такого важного для новгородцев, что публично обещал дать им в обмен за их помощь и поддержку? Только одно, Ярослав обещал на вече дать «вольности» всем уже как *господам Великого Новгорода*.

В чем же состояла суть вольностей Ярослава новгородцам?

Им было обещано, что если Ярослав станет киевским князем, то после только новгородское вече будет давать согласие на княжение того или иного князя. Варягов Ярослав забирает в Киев, отныне им будет дозволено лишь торговать в Новгороде в особо отведенном месте. Дань киевскому князю отменяется, она будет оставляться в распоряжении *господина Великого Новгорода*[173].

Понятно, что после такого предложения, новгородцы, руководствуясь, прежде всего, интересами выгоды, дружно перешли на сторону своего князя Ярослава.

В это время в Киеве произошли следующие события. По летописцу, «окаянный и злой» Святополк, убив Бориса, Глеба и Святослава, «нача княжити Кыевѣ», возгордился («възнесеся сердце его болма»), решив в честь этого снова одарить киевлян подарками: «Созвавъ люди нача даяти овѣмъ корзна, другымъ кунами, и раздавая множьство» [64, с. 134,137].

---

172 «Вечевая организация Новгорода Великого имела глубокие корни во всем строе местного быта, завершая собою целую систему крупных и мелких самоуправляющихся общественных союзов, которые имели свои веча и свои выборные исполнительные органы» [123, с. 452].

173 Окончательно «вольности» Ярослава были оформлены в 1018 г. в так называемой «льготной грамоте», дарованной новгородцам Ярославом в благодарность за их услуги и помощь в захвате им киевского княжения. Характеризуя суть «льготной грамоты», Н. И. Костомаров пишет об освобождении новгородцев от непосредственной власти Киева, возвративших Новгороду его древнюю самобытность [54, с. 11]. Грамота вольностей Ярослава хранилась в Новгороде как святыня. В 1230 г., целуя ее, на ней присягал на верность новгородцам Александр Невский. Текст «ярославовой грамоты» до нас не дошел, ее уничтожили московские князья. В. Н. Татищев пишет по этому поводу: «О грамоте же уставной, в которой новгородцы сказуют, о вольности их написано, видим, что великие споры были, и князь великий Иоанн Васильевич оную, яко подложную, облича истребил, но удивительно, что с нее списка нигде не находится» [106, 1773, с. 424].

Эта раздача Святополком подарков имела существенно иной характер, относительно первой, когда Святополк, похоронив князя Владимира, решил привлечь киевлян на свою сторону, «нача даяти имъ имѣнье» [64, с. 129], т. е. подарки вообще.

Второй раз Святополк уже дарил конкретно: «корзна» (военный плащ с застежкой») и «куны» (деньги мехами), т. е. одаривал дружинную знать, точнее, нанимал киевских дружинников к себе на службу. Речь идет о бывшей княжеской дружине Владимира и части дружин Бориса и Глеба, пришедших в Киев. Таким образом, Святополк, фактически начал готовить свое дружинное войско к войне с Ярославом.

Вдобавок к дружинному войску, в массе своей состоящей из норманнов, Святополк за деньги нанял орду печенегов.

Собственно, военные приготовления в Киеве и Новгороде начались осенью 1015 г., обе враждующие стороны предполагали начать активные боевые действия следующим летом.

Положение Ярослава было непростым, у него под рукой была своя относительно небольшая дружина и верное ему новгородское ополчение из нескольких тысяч человек. Варяги с новгородского «Поромонова двора» были явно деморализованы и серьезно рассчитывать на них не приходилось. Их нужно было срочно усилить свежим пополнением.

Судя по всему, осенью Ярослав обратился за помощью в Норвегию, не исключено, что к давнему другу Владимира Олаву Трюггвасону, который к тому времени, сломив сопротивление местных феодалов, стал норвежским королем. В некоторой степени эти события отражены в саге «Прядь об Эймунде».

Из текста саги следует, что высшая знать Норвегии была осведомлена о династических события на Руси в связи со смертью князя Владимира и распрях среди его наследников.

Варяжский отряд Эймунда в количестве 600 человек, пришедший весной 1016 г. в Новгород на службу к Ярославу, стал основной ударной силой его войска.

По летописцу, «събра Ярославъ Варягъ тысячю, а прочих вой 40 000» [64, с. 138], что, конечно, является фантастическим вымыслом. По данным археологии в Новгороде в начале XI века проживало порядка 5–8 тысяч человек, и если бы все, кто мог носить оружие, выступили из города, то их могло быть не более 3000 тысяч человек.

Странно, но русские историки В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров летописный вымысел о 40 тысячном войске Ярослава приняли за должный без

комментариев[174]. М. В. Ломоносов приводит не менее фантастический вымысел о 30-тысячном войске варягов [70, с. 131].

Вполне реальные данные о численности войск Ярослава приводится в Новгородской Первой летописи: «И собра вой 4000: Варягъ бяшеть тысяща, а Новгородцовъ 3000» [77, с. 83]. По Н. И. Костомарову, эти 1000 варягов были под начальством Эймунда [54, с. 11].

Что касается Святополка, то, по саге «Пряди об Эймунде», разница по силам между ним и Ярославом была невелика [23, с. 109]. Основной ударной силой Святополка было киевское дружинное войско, поддержанное ордой печенегов.

По мнению Н. И. Костомарова, Святополк выступил против Ярослава с киевлянами [54, с. 11], имеется в виду то, что его войско вышло из Киева, но не то, что в его состав входили «братья-киевляне», если они и были, то их было явно меньше, чем норманнов дружинного войска Святополка. В этом плане В. Н. Татищев и С. М. Соловьев правильно отмечают, что Святополк собрал «великое войско русское» [106, 1773, с. 96], «множество войска из Руси» [102, с. 201], т. е. из норманнов. Собственно, само киевское ополчение в основном осталось в городе, воевать с Ярославом им не было особого резона.

Святополк и Ярослав не уступали друг другу и в личном плане, будучи отличны прозорливостью, жестокостью и расчетливым коварством.

К концу лета 1016 г. Святополк и Ярослав выступили походным порядком навстречу друг другу и сошлись близ Любеча как на нейтральном месте, равноудаленном от Киева и Новгорода. Никто не рисковал идти дальше, углубляясь на землю врага. Войско Святополка встало на левом берегу Днепра, а Ярослава на правом. По летописцу, ни одна из враждующих сторон не решалась первой начать сражение: «и стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ» [64, с. 138], из-за чего, по М. В. Ломоносову, обе враждующие стороны «пришли вЪ немалую скуку и унылость» [70, с. 131].

Спрашивается, почему так долго[175] затянулось противостояние? Дело в том, что с военной стратегической точки зрения Святополк имел определенное психологическое преимущество. Даже в случае

---

174 Истоки летописного вымысла о 40-тысячном полчище новгородцев понятны. Киевлянам нужно было оправдание тяжкого поражения Святополка в битве при Любече. — Авт.

175 По мнению В. Н. Татищева, причина была в погодных условиях. Обильные дожди летом сделали Днепр полноводным, пригодных бродов для форсирования реки не было. Обе враждующие стороны ждали, вплоть до морозов,«доколѣ вода стала убывать» [106, 1773, с. 97].

поражения Святополк мог отойти или бежать в Киев под защиту его укреплений и местного ополчения. Был вполне возможен и «польский вариант» ухода на землю могущественного Болеслава.

Святополк, стоя при Любече на границе своих владений, спокойно ждал или роковой ошибки Ярослава, или того, что новгородское ополчение дрогнет и разойдется само собой. Ведь наступала поздняя осень, новгородцы, выступившие летом и одетые кое-как, буквально замерзали, в то время как дружинное войско Святополка сидело в шатрах, по летописцу, подогревая свой боевой дух спиртными напитками.

Для Ярослава поражение при Любече означало полную катастрофу, ему некуда было бежать, негде укрыться, в Новгороде остались лишь дети, женщины и старики и те, кто его ненавидел. Месяц за месяцем, стоя на правом берегу Днепра, Ярослав мучительно ждал удобного и счастливого шанса, чтобы наверняка выиграть сражение.

В чем историческая уникальность обстоятельств битвы при Любече? Прежде всего в том, что мы имеем сведения об этом событии из трех самостоятельных, дополняющих друг друга, источников киевского летописца, саги «Об Эймунде» и Первой Новгородской летописи.

Выясняется, что Ярослав не случайно ждал своего шанса, у него был не просто шанс, а определенное преимущество над Святополком, а именно, свой боевой флот. Это обстоятельство отметил С. М. Соловьев: «Ярослав, без сомнения, приплыл в лодках» [102, с. 201].

Исторически Любечь известен как место, где строились суда для всего Поднепровья. Именно здесь норманны, со времен Аскольда и Дира, Олега и Игоря, снаряжали сотни и тысячи своих кораблей для набегов на Византию. В середине X века император *Константин Багрянородный* отметил, что «приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются [в том числе] из Телиуцы (Любеча)» [27, т. II, с. 158–159].

Возле Любеча на одном из озер, вокруг которого стоял вековой лес, находились судоверфи, где строились разные суда и отдельные к ним части. На месте этого озера в настоящее время сохранилось болото с характерным названием *Кораблище*.

Это место географически локализуется как по саге «Об Эймунде», где говориться, что Ярослав и Святополк сошлись там, где был большой лес у реки (Днепра) [23, с. 109], так и по летописцу, где сообщается, что в начале сражения Святополк стоял между двумя озерами [64, с. 139].

В начале боевого похода как Святополк, так и Ярослав кораблей при себе не имели. Святополку они были ни к чему, его хорошо

экипированное дружинное войско, сопровождаемое ордой печенегов, грозно и неудержимо прошло по днепровскому левобережью вплоть до Любеча. Что касается Ярослава, то он двигался обычным сухопутным путем[176] из Новгорода к Пскову-Изборску и далее к верховьям Днепра.

Судя по всему, лишь находясь близ Любеча, Ярослав решил обзавестись флотом, купив десяток готовых судов на местной судоверфи. Цена одной новой ладьи была порядка 10 гривен.

Возможно, что Эймунд подал Ярославу столь удачную идею приобрести суда. Среди его отряда были корабельщики, которые получали содержание в 1,5 раза больше простых воинов. По сути, корабельщики были своеобразным офицерским составом варягов, они руководили подразделениями экипажей судов. Норманны-викинги на судах были практически непобедимы.

Курсируя по Днепру и ведя непрерывные наблюдения за противником, Эймунд доносил важные сведения Ярославу, предлагая ему варианты действий против Святополка.

К поздней осени обе враждующие стороны сместились вглубь леса и озер вблизи Днепра, там было несколько теплее. Тем самым войска Святополка оказались в некотором отдалении от союзной орды печенегов, стоявшей на берегу Днепра.

По тексту саги, главным участниками и победителями битвы при Любече были норманны Эймунда; по летописцу, новгородцы и дружинники Ярослава, а по новгородской летописи, прежде всего, мудрый Ярослав.

По саге, Эймунд, тяготясь длительным и бездеятельным противостоянием, видя, что время уходит, а сражение не начинается, обратился к Ярославу, что его войско ненадежно, что новгородцы стали расходиться по домам, что нужно немедленно начинать сражение, используя для этого боевые корабли [23, с. 109].

Летописец приводит иную картину начала решительных боевых действии: «И стал воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом[177] этим? Вы ведь плотни-

176 А. Ю. Карпов по этому поводу высказывает достаточно распространенное заблуждение о том, что «Ярослав двигался обычным путем — тем самым, по которому издавна плыли к Киеву новгородские князья <…> Большая часть дружины следовала по реке на ладьях» [46, с. 121]. Спрашивается, по какой именно реке, или рекам, плыли ладьи из Новгорода в Киев? Такого водного пути реально никогда не было, это сугубо летописный вымысел. — Авт.

177 Имеется в виду хромой от рождения Ярослав.

ки[178]. Поставим вас хоромы наши рубить!» [64, с. 138] По Ермолинской летописи, киевский воевода глумился над новгородцами, крича им: «Смерды, плотники и гончары <…> Заставим вас хоромы рубити и глины топтати» [33, с. 18].

Услышав столь нагло-издевательские слова воеводы Святополка, новгородские ополченцы пришли в ярость, сказав Ярославу: «завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами нападем на него» [64, с. 138–139]. Таким образом, для всех: княжеской дружины, отряда варягов Эймунда и новгородского ополчения — стало ясно, что наступил решительный момент начала сражения.

По летописцу: «Наступили уже заморозки, Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей[179]. Ярослав же с утра, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега[180] и пошли друг против друга, и сошлись в схватке. Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь[181]; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед[182], и стал одолевать Ярослав, видев же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу[183], а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. И было тогда Ярославу 28 лет» [64, с. 139].

Несколько иную картину битвы при Любече рисует новгородский летописец. Оказывается, что у Ярослава в лагере Святополка был тайный знатный сторонник, с которым Ярослав поддерживал

178 Плотники — это ядро новгородского ополчения от Плотницкого конца. Хорошо одетые, вооруженные топорами, заткнутыми за кушаки, эти новгородские ополченцы без проблем обжились в лесу на берегу Днепра, отнюдь не собираясь возвращаться домой. — Авт.

179 Имеется в виду не то, что это было киевское войско запойных пьянчуг, а то,что, воины спиртным согревались ночью от холода в походных шатрах.

180 По М. В. Ломоносову, Ярослав «велѣлъ суда отъ берегу отпихивать, для отнятія всякія надежды кЪ бѣгству» [70, с. 132]. Конечно, это не так. Речь идет о том, что войска Ярослава переправлялись и входили в бой не сразу, а по частям, по мере переправы. У варягов отряда Эймунда было около 10–12 судов. В. Н. Татищев по этому поводу правильно отмечает, что к Ярославу в ходе битвы «из за Днепра войска приспевали» [106, 1773,с. 97]. По мнению М. М. Щербатова, лодки не просто перевозили войска Ярослава, но подходили туда, где неприятель их не ждал [122, с. 296].

181 Одним из решающих обстоятельств стратегического плана Ярослава было разъединение печенегов с войском Святополка. — Авт.

182 Перед нами возникает первая историческая версия «Ледового побоища».

183 По В. Н. Татищеву, Святополк «бежал в Польшу с малыми людьми», т. е. с личной, охраной [106, 1773, с. 98].

связь условным языком. Они согласовали план действий, нанести удар по Святополку к концу ночи. Ярослав приказал своей дружине и новгородцам повязать головы платками[184], чтобы в потемках битвы можно было узнавать своих [77, с. 83].

По поводу финала сражения русские историки XVIII века высказывали разные суждения. По мнению М. В. Ломоносова: «Побѣдитель ЯрославЪ преслѣдуя бѣгущихЪ, потопилЪ вЪ кровавой водѣ великое множество сопостатовЪ, и вЪѣхалЪ безЪ отпору вЪ КиевЪ» [70, с. 132]. По М. М. Щербатову, новгородцы в сражении не только побили множество воинов Святополка, но и спасающихся на тонком еще льду не меньше потопили [122, с. 296]. В. Н. Татищев рисует иную картину: «многое войско [Святополка] потонуло <…> а Печенѣги ушли вЪ степи, и тѣхЪ догоняя Ярославли воины многихЪ побили; РускихЪ же не велѣлЪ болѣе побивать, ниже плѣнить, но велѣлЪ всемЪ имЪ идти кЪ Кіеву вЪ домы своя» [106, 1773, с. 98].

Спрашивается, откуда у Ярослава была столь обученная и многочисленная конница, чтобы догнать орду печенегов и многих их воинов побить. У Ярослава были под рукой малочисленная конная дружина, пешее новгородское ополчение и отряд Эймунда на судах. Неужели В. Н. Татищев забыл, как печенеги разгромили сильное войско Владимира близ Василева, когда сам Владимир чудом уцелел, спрятавшись под мостом, а при осаде печенегами Белгорода панически бежал неизвестно куда.

А вот предположение В. Н. Татищева о том, что Ярослав решил не добивать разбежавшихся по лесу киевлян и с миром отпустить их домой, весьма здраво. Действительно, Ярославу, имея в виду свое будущее киевское княжение, не было никакого смысла убивать своих будущих подданных.

В целом, киевские, новгородские и скандинавские источники сходятся в оценке битвы при Любече, как сражении весьма упорном и ожесточенном. Победителям достались богатые трофеи, походное снаряжение, шатры, оружие, одежда. Новгородское ополчение, вполне довольное, вернулось домой.

Ярослав с дружиной и варяжским отрядом Эймунда на кораблях быстро доплыл по Днепру до Киева, где его ждали сторонники во главе с Предславой. Киевляне приняли власть Ярослава, все знали его как старшего после Святополка сына князя Владимира и безропотно подчинились ему.

184 По М. М. Щербатову, воины Ярослава повязали свои головы полотенцами [122. с. 296].

Очевидно и то, что поскольку, по летописцу, не было в Киеве всеобщего плача по убиенным братьям в битве при Любече, значит, киевляне, в массе своей в этом сражении не участвовали. На поле боя в основном полегли наемники-норманны, сам же Святополк с личной дружиной бежал в Польшу к Болеславу.

Киевское княжение Ярослава (1017–1018 гг.)

По сообщению новгородского летописца, когда Ярослав пришел в Киев, то он щедро одарил свое войско за победу при Любече раздав: «старостам по 10 гривен, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчем по 10 всѣмъ; и отпусти я домовь вся» [77, с. 84]. Что, конечно, является явным преувеличением, своего рода похвальбой новгородского летописца. Если бы действительно так было, то речь шла о единовременной раздаче Ярославом порядка 40 тыс. гривен, сумме примерно равной всем деньгам на Руси в то время.

Что касается киевлян, то подарков от Ярослава они не дождались, ведь денег у него на это не было. Дело в том, что казна князя Владимира, незадолго до этого истраченная на подарки Святополком, была уже пуста. Ее последние остатки прихватил с собой Святополк, выступивший против Ярослава. Ян Длугош в этом плане отмечает, что когда Святополк бежал в Польшу, он принес Болеславу «многие [дары], а еще больше обещая, смиренно умоляя его оказать помощь против Ярослава» [119, с. 237].

О безденежье Ярослава, когда он объявился в Киеве, свидетельствует сага «Об Эймунде», ведь он в это время не мог даже расплатиться с варягами за их воинские услуги. Чтобы сгладить столь досадное для Ярослава обстоятельство, составители Никоновской летописи голословно объявили, что Ярослав, появив-шись в Киеве, подобно Владимиру: «безъ числа имѣніа раздаа нищимъ; бѣ бо Ярославъ, якоже и отецъ его, христолюбивъ» [62, с. 75].

Понятно и то, что летописная показная раздача подарков Ярославом служившим ему новгородцам именно в Киеве, вызвала у местных жителей явное раздражение.

Приход Ярослава на княжение в Киев в 1017 г., по летописцу, сопровождался весьма зловещим знамением, в городе сгорели деревянные церкви. По Никоновской летописи: «и погорѣ градъ и церьквей много, яко до седмисотъ» [62, с. 75], т. е. катастрофический пожар уничтожил в Киеве до 700 домов и церквей, в том числе и деревянный собор Святой Софии. Титмар также отметил, что Киев в 1017 г. пострадал

от сильного пожара, а София сгорела «по несчастному случаю», сообщая также о том, что в городе было более 400 церквей [27, т. IV, с. 82]. Такое большое число церквей в Киеве видимо определялось тем, что к их числу относились и домовые церкви городской знати. Примерно в это же время, по Нестору, также от «несчастного случая» сгорела деревянная Васильевская церковь в Вышгороде, рядом с которой (или в ней) был похоронен князь Борис.

По Никоновской летописи, Ярослав, хотя и опечалился пожаром в Киеве, но в том же году заново обустроил город, еще больше и краше: «и Златаа врата постави, и церковь святыа Софіи заложи, и много церквей постави» [62, с. 75]. Ясно, что это явный вымысел, отстроить заново Киев после пожара за один год невозможно, и для этого нужны огромные средства.

Весьма интересно последующее сообщение Никоновской летописи: «Того же лѣта пріидоша Печенѣзи къ Кіеву, и всѣкошася въ Кіевъ, и едва къ вечеру одолѣ Ярослав и побѣди Печенѣги, и отбѣгоша» [62, с. 75]. Титмар Мерзебургский также подтверждает, что в это время печенеги напали на Киев.

Если на самом деле печенеги «всѣкошася въ Кіевъ», т. е. ворвались в город, тогда действительно в городе мог бушевать сильный пожар. Поскольку сгорели деревянные церкви в разных местах города, значит, деревянный Киев горел весь, уцелели лишь жилища-полуземлянки, каменная Десятинная церковь и загородная княжеская резиденция.

По вопросу о том, почему сгорели церкви в Киеве, можно условно рассмотреть две версии — религиозную и военную.

В религиозном плане, для начала следует непредвзято определить отношение Ярослава, Святополка да и всех киевлян к новоявленному христианству и церкви как таковой, с практической и политической точки зрения.

Ко времени появления Ярослава на киевском княжении доподлинно известно лишь то, что он был крещен Владимиром еще ребенком под именем Георгий. Каких либо других свидетельств летописца об отношении Ярослава к христианству, когда он был князем ростовским и новгородским, мы не имеем.

Несмотря на это обстоятельство, со времен Никоновского свода, православно настроенные историки представляют нам Ярослава истинным христианином чуть ли не с пеленок. Так, современный историк А. Ю. Карпов вещает по этому поводу, что после крещения Ярослав, «как и другие его братья, прочно усвоил новое, христианское представление о мире» [47, с. 11].

Тогда спрашивается, почему это новоявленное сообщество «христианских братьев» столь беспощадно и озверело убивало друг друга в борьбе за киевское княжение? И причина тут не в «окаянстве» Святополка, ведь тот же Ярослав готовился воевать с отцом Владимиром, проливал кровь людей в войнах со своими крещеными братьями Святополком, Мстиславом и племянником Брячиславом, а своего несчастного брата псковского Судислава на 24 года (! — Авт.) заточил в гнусную яму-поруб[185].

А. Ю. Карпов пустился в явные измышления, утверждая, будто в период ростовского княжения с именем Ярослава связаны грандиозные изменения, в том числе распространение здесь христианской веры среди знати и строительство церквей, в том числе и первого, еще деревянного ростовского Успенского собора, созданного от «древ дубовых» в 992 г. [47, с. 12]. Но А. Ю. Карпов почему-то забыл, что при крещении Владимиром Ростова в 991 г. Ярославу было около 13 лет, что сопротивление местных жителей христианизации было чрезвычайно упорным и длительным. Ростовцы изгнали двух первых присланных из Киева епископов — греков Федора и Иллариона. Епископ Леонтий в середине XI веке почти не нашел в Ростове христиан. В 1073 г. он был убит язычниками. Судя по всему, по юности лет, Ярослав в борьбе ростовских епископов с местными язычниками занял позицию стороннего наблюдателя.

Что касается новгородского периода княжения Ярослава, то летописец, прежде всего, обращает внимание на его конфликт с отцом князем Владимиром, тем человеком, который крестил Русскую Землю. Летописец считал, что война сына с отцом была к «дьяволу радости» [64, с. 127], эта война не началась не потому, что Ярослав, подобно князю Борису, признал власть старшего князя, а потому, что Владимир умер, возможно, потрясенный столь наглым неповиновением Ярослава, который, как показали дальнейшие события, пылал скрытым дьявольским огнем ничем не обузданного властолюбия.

Как известно, в конфликте новгородцев с варягами Ярослав встал на сторону последних, по летописям, коварно предав казни около тысячи новгородских дружинников, среди которых, очевидно, было много христиан. Эта расправа была учинена Ярославом в угоду варягам,

185 После смерти Ярослава его сыновья Изяслав, Святослав и Всеволод вытащили на свет божий своего несчастного дядю Судислава из ямы-поруба и под страхом смерти взяли с него клятву, что он навсегда отрекается от претензий на место киевского князя. После чего его постригли в монахи и отправили подальше в один из новгородских монастырей. Там в полной безвестности Судислав, последний сын Владимира, тихо скончался в 1064 г., пережив Ярослава на 10 лет. — Авт.

по законам языческой родовой мести за нарушение исконного обычая гостеприимства.

Наконец, весьма показательна причина войны со Сятополком, которую обосновывает Ярослав, выступая перед новгородцами: «Утерлъ слезъ, и рече имъ на вѣчи «отець мой умерлъ, а Святополкъ седить Кыевѣ, избивая братью свою» [64, с. 137–138]. Таким образом, свой мятеж перед законной властью старшего брата в Киеве и возможное братоубийство, Ярослав обосновывает родовым законом кровной мести, ради которого он объявляет Святополку войну, желая его уничтожить.

При этом Ярослав прекрасно знал, что невинно убиенные братья Борис и Глеб не кровные Святополку по матери, а сам он на своего отца Владимира не задолго до этого предполагал идти войной. Таким образом, под слащавой личиной летописной «мудрости» Ярослава явным образом проглядывают его змеиная хитрость и звериное коварство.

В целом можно считать, что при появлении Ярослава в 1017 г. на киевском княжении нет никаких явных доводов полагать его подлинным христианином. К тому же, можно обратить внимание на корневую суть самого имени Ярослав. Очевидно, что это чисто славянское имя, происхождение которого связано с прославлением языческого божества Ярило.

В то же время, корневая суть имени Святополк явно связана с понятием святости, и в этом плане утверждение, что он был убежденным христианином, несомненно. Уже его кровное происхождение говорит само за себя, матерью Святополка была православная гречанка-монашка, привезенная Святославом из Болгарии «красоты ради лица ее». На гербе Святополка изображен христианский крест, а сам он был окружен нимбом святости вокруг своей головы.

Святополк не случайно был крещен князем Владимиром под именем Петра. Петр, как известно, был Первоапостолом, основателем первой общины христиан в Риме. Святополк, выступая под именем Петра, зримо символизировал собой первого старшего наследника князя Владимира, отображая себя именем Петр на чеканенных им монетах.

Можно быть уверенным и в том, что Святополк, придя к власти и раздавая киевлянам подарки, щедро одарил и киевское священство. По летописям, Анастас, первый русский митрополит, поставленный самим князем Владимиром, был преданным сторонником Святополка.

Киевляне знали Святополка и приняли его на княжение по исконному праву родового старшинства. К тому же, именно Святополк

хоронил князя Владимира, тем самым выступив перед всеми, как его неоспоримый наследник.

Для киевлян Ярослав был мятежником, который пошел на войну с больным отцом князем Владимиром, а потом, решивший силой незаконно захватить киевское княжение, наняв для этого иноземных варягов и малородных новгородских плотников. Именно поэтому киевляне поддержали Святополка в его войне с новгородским Ярославом.

Это не означает, что у Ярослава среди киевлян не было сторонников, конечно, они были и довольно многочисленные. Они с нетерпением ждали прихода Ярослава, и особенно его сестра Предслава, с группой преданных людей вокруг нее.

Опорой власти Ярослава в Киеве был сильный варяжский отряд Эймунда, личная княжеская дружина, и несколько пришедших с ним опытных и толковых новгородских мужей. Их Ярослав поставил в городскую администрацию, пришлось киевским старцам градским, к их неудовольствию, несколько потесниться.

Не сложились у Ярослава отношения и с киевским священством, особенно, с Анастасом, который только и ждал, чтобы в Киев вновь вернулся Святополк. И действительно, когда это вскоре произошло, Анастас торжественно встретил Святополка и польского князя Болеслава буквально с колокольным звоном: «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» [27, с. 81].

Но не только личная неприязнь между Анастасом и Ярославом отравляла их отношения. Существо проблемы состояло в решении жизненно важного для киевского священства вопроса, будет ли им теперь платить налог десятину Ярослав от своего имения? Ведь решением Владимира княжеская власть, в руках которой сосредоточивались государственные доходы, должна была обеспечивать содержание церкви. Уплата церковного налога-десятины привязывала всех без исключения фактически к государственной церкви и ее административным органам на местах.

Судя по всему, что поскольку казна была пуста, то прижимистый Ярослав решил не платить церковный налог-десятину, вероятно, поручив взимать налог самим церковным общинам на местах с общин верующих.

Если, помимо летописного восторга и ликования киевлян при принятии ими крещения, учесть и сообщения летописца, что не все были довольны, как выясняется, насильственным крещением, что был массовый плач по свергнутым языческим богам, что умножились разбои и жалобы священства по этому поводу, что матери киевской знати, отдавая детей на церковное учение, рыдали о них как о мертвых,

то выясняется весьма сложная и противоречивая картина отношений киевлян к церкви в переходное от язычества к христианству время.

Вполне возможно, что когда киевляне узнали, что теперь им придется платить церковный налог десятину, в дополнение к другим грабительским феодальным налогам, народ решил возникшую проблему традиционно радикальным образом, а именно: сжег все церкви, кроме княжеской каменной Десятинной. Ярослав при этом, как и в бывшие времена ростовского княжения, занял удобную для него позицию стороннего не участия.

Что касается существа военной версии о том, почему при Ярославе сгорели деревянные церкви в Киеве, то она является одним из следствий достаточно радикальных предположений ряда историков [41, 111, 12] как о Ярославе, так и о Святополке.

По мнению Н. Н. Ильина, материал летописных известий о событиях 1015–1017 гг. не может быть использован как основной источник по истории Руси начала XI века без его тщательного политического анализа и сопоставления с другими зарубежными источниками. Точка зрения Н. Н. Ильина основывается на обстоятельствах становления древнерусского летописания.

При Ярославе Десятинный храм, вследствие бегства его настоятеля Анастаса в католическую Польшу к Болеславу, впал в немилость и опалу. Дело дошло до того, что Десятинный храм был заново освящен как от скверны.

Ярослав решил обустроить свою святыню — Собор Святой Софии, взамен сгоревшей в 1017 г. и восстановленной деревянной церкви. В 1037 г. был построен каменный храм Софии.

Оправдывая свое название[186], как и именование Ярослава Мудрым, Софийский Собор, помимо своего религиозного предназначения, фактически стал центром богословской учености, где собирались различные книги и письменные материалы современности. По летописцу, Ярослав в это время стал весьма набожным, возлюбив церковную, монашескую книжность.

В это время в Софийском Соборе появился весьма толковый и просвещенный монах Иоаков — первый на Киевской Руси мыслитель и писатель. Иоакова Мниха (Черноризца) считают автором: «Сказания о святых страстотерпцах Борисе и Глебе» и богословских трудов, посвященных княгине Ольге, князю Владимиру и князю Изяславу. В частности, в Сахаровской рукописи сообщается: «Списано Иаковомъ-мнихом.

186 Премудрость Божья — греч. Σοφία (София).

Мѣсяца Июля въ 24 день. Сказаніе и похвала о убіеніи святую мученику Бориса и Глѣба. Господи благослови отче» [41, с. 28].

Можно предположить, что труд Иоакова о Борисе и Глебе был заказан ему именно князем Ярославом. Летописец пишет, что в 1037 г. Ярослав «собра писцѣ многы <…> и списаша книгы многы», особо доверяя при этом именно монахам «излиха же черноризьцѣ» [64, с. 148]. Очевидно, что целью для Ярослава было найти идеологическое оправдание войны со Святополком и последующей своей узурпацией права на киевское княжение. Так, по Софийской летописи, Ярослав выступил в роли *отместника* бога крови своих братьев [104, ст. 128].

С поставленной Ярославом задачей Иоаков блестяще справился, сфабриковав легенду о братоубийце Святополке, который находился в непрерывном зловещем общении с дьяволом, отцом всякого зла. Картинно эффектна сцена убийства Бориса: злодеи явились ночью, грозно блистая мечами, и шепот зла раздался близ шатра несчастного Бориса. Искусственность в изображении отрицательных черт Святополка, мрачность его личности и отвратительность деяний сопоставляется с кротостью и христианским всепрощением невинно убиенных им братьев, что стала каноном для последующего древнерусского летописания. Так, кляня Святополка, софийский летописец XV века живописует, как «окаянно треклятый» Святополк, советник всему злу и начальник всей неправды, отдавал гнусные распоряжения вышгородским убийцам, открывая «прескверные уста, опуская злые глаза свои» [104, с. 115].

Наконец, впечатляет и сама гибель Святополка, навсегда изгнанного прочь с Русской земли, сгинувшего неизвестно где «Межю Чахи и Ляхи»: «Самой пустыне, где он сложил свои кости не найти не на одной географической карте <…> Повесть об убийстве Бориса и Глеба во всех своих деталях пронизана негодованием на Святополка. Идея божественного возмездия на злодеяние объединяет эти детали в законченное художественное целое. Перед нами не документальное описание исторических событий, передающее факты, как они происходили, а тенденциозный исторический роман, где реальные события прошлого переплетаются с созданием художественного вымысла» [41, с. 44].

По мнению Н. Н. Ильина, прототипом русской летописной легенды о гибели Бориса от злодея Святополка стала весьма распространенная в европейском средневековье легенда об убийстве чешского князя Вячеслава Болеславом: «В преданиях о Вячеславе, равно как и в повествовании об убийстве Бориса и Глеба, находим: и ночное совещание братоубийцы с сообщниками, и коварные его предложения своей жертве, и предостережения, которые получал последний

от своих доброжелателей; детали обстановки убийства совпадают: ночь, предсмертная заутреня, избиение и ограбление приближенных князя, и даже само убийство не сразу, а как бы в два приема; о гибели убийц Вячеслава сообщается почти в тех же выражениях, как о гибели Святополка; чудесные явления, благодаря которым было обретено тело Глеба, таковы же…».

Все эти подробности в русском предании о Борисе и Глебе отразились в измененном виде. Для замены Болеслава Святополком, а Вячеслава Борисом требовалось перенести арену событий в Киев, затем Вышгород и, наконец, на берег Альты, сообразно данным русского предания о месте гибели Бориса. Изменилась и общая обстановка событий, применительно к положению, в котором, по этим данным, оказались Борис и Святополк. Задача эта выполнена блестяще. Вернее сказать, что мы имеем дело не с простым заимствованием, а с мастерской литературной переработкой жития Вячеслава. Созданное русским автором литературное произведение в художественном отношении выше оригинала, которому он подражал.

Возможность влияния русских преданий о Борисе и Глебе на формирование чешских о Вячеславе, разумеется, исключена, так как записанные предания о чешском князе восходят к X в., а убийство Бориса и Глеба — событие XI в.» [41, с. 52–54].

В подтверждение версии Н. Н. Ильина можно указать на то, что, по Софийской летописи, Борис в ночь перед своей трагической гибелью молился памяти святых мучеников Никиты и *Вячеслава* «подобно же сему убиену сущу съ слезами горкими и частымъ въздыханиемъ, и стенаниемъ многымъ» [104, ст. 116].

Принято считать, что первым древнерусским летописцем был монах Киево-Печерского монастыря, названный современниками Никоном Великим. Неоднократно изгоняемый князьями из Киева за непокорность, Никон объездил Приднепровье и Приазовье, неутомимо собирая материалы об истории славян и Киевской Руси. Летописный свод Никона не сохранился, но отрывками вошел в труд Нестора.

Составление первого летописного свода было поручено от имени киевского великого князя Святополка Изяславовича монаху Киево-Печерского монастыря Нестору.

Когда после долгих лет борьбы на киевском княжении утвердился Владимир Всеволодович Мономах — давний враг Святополка, то он труд Нестора велел переделать.

Мономах старался укрепить свою власть и оставить память о себе потомкам как о мудром правителе, подобно своему деду Ярославу, точно так же стремясь очернить вновь «воскресшего» тезку Святополка

любым способом, в том числе черня его предка «окаянного» Святополка. Так, в угоду Мономаху, Нестор его назвал «безумным» [63, с. 101] за то, что Святополк возглавил восстание против поляков на киевских землях в 1018 г. В XIII веке после крестовых походов и взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г., православные летописцы-монахи порицать Святополка за изгнание поляков-католиков из Киева уже не решились, в частности заменив в Лаврентьевской летописи слово «безумный» по отношению к Святополку на трафаретное понятие «окаянный» [64, с. 140].

Написание нового летописного свода по заказу Мономаха поручили игумену Выдубицкого монастыря Сильвестру. Он закончил свой труд в 1116 г. Однако новая переделка летописи Мономаха не устроила. Он поручает довести начатое до конца старшему сыну Мстиславу, своему новгородскому наместнику. Мстислав, используя местные новгородские летописи, составил третью редакцию «Повести временных лет», где обозначил иную, относительно киевской, версию становления Древней Руси. Теперь не Киев, а Новгород стал местом зарождения русской государственности, Киев же выступил в роли новгородского восприемника.

Таким образом, достоверные исторические факты рисуют перед нами вполне очевидную картину, как на протяжении более века ядро древнерусского летописания политически прессовалось и идейно форматировалось киевскими князьями. Легенда Иоакова Мниха о Борисе и Глебе стала идейно-политической базой легитимизации власти Ярослава в Киеве. Согласно этой легенде, Ярослав ополчился на Святополка не ради личных целей, он стал зримым орудием Бога, правого дела, долженствующим восстановить справедливость и покарать братоубийцу.

Независимые от обстоятельств киевского летописания зарубежные источники, некоторые из которых написаны современниками, рисуют иную версию исторических событий, а именно, что в убийстве Бориса повинен не Святополк, а Ярослав. В связи с этим советский историк академик Б. А. Рыбаков, освещая события 1015–1017 гг., объективно излагает обе версии убийства Бориса, не отдавая предпочтения ни одной из них [94, с. 414].

Объективность Б. А. Рыбакова в отношении Ярослава пришлась не по нраву современным российским историкам, как по команде, вдруг обрядившихся в новомодные хитоны православия. А. Ю. Карпов в популярной книжной серии «Правители России» приводит, о ужас!, мнение Б. А. Рыбакова о личности Ярослава, как о «хромоногом,

трусливом, но властолюбивом князе, опиравшимся на наемное войско и готовившим народу суровые статьи княжеского закона» [47, с. 4].

На основании сюжета из скандинавской саги «Пряди об Эймунде Хрингссоне» [23, с. 88–89, 162–163], у ряда историков возникло предположение об инициаторе убийства Бориса князя Ярослава, но не Святополка, который, по сообщению Титмара Мерзебургского, в то время бежал в Польшу к Болеславу.

Вполне очевидно, что организовать убийство князя Бориса Ярославу из Новгорода, по отдаленности от места событий, было практически невозможно. Но если Ярослав был неподалеку от Киева или в нем самом, то версия об его участии в убийстве Бориса становится вполне реальной.

В свое время средневековый польский историк Ян Длугош предположил, что когда летом 1015 г. Ярослав начав войну с князем Владимиром, он «хитростью подступает к Киеву и, поскольку верили, что он пришел с миром, занимает крепость и овладевает отцовской казной» [119, с. 236]. Конечно, это фантастическая выдумка. Однако она становится реальностью, после того как Ярослав, разгромив Святополка в битве при Любече в 1017 г., захватил Киев. И если на самом деле Ярослав был соучастником убийства Бориса, значит, Борис в это время был еще жив! Спрашивается, как такое могло быть?

Еще раз обратимся к летописцу об изложенных им фактах начала княжения Святополка в Киеве после смерти Владимира. Борис в это время стоял с великокняжеским войском неподалеку от Альты. Святополк обращается к Борису с мирным предложением по поводу раздела наследства князя Владимира, обещая ему придать к ростовскому княжению еще больше, имея в виду, вероятно, Переяславльскую волость, в той местности, где стоял лагерем князь Борис.

Предложение Святополка означало, что Борис становился обладателем весьма обширного княжения от Волги до Днепра. Борис, как истинно миролюбивый христианин соглашается, признает Святополка «своим отцом» и отпускает великокняжеское войско в Киев, где в это время находился его брат юный Глеб.

Таким образом, наследство князя Владимира было мирно поделено между Борисом и Святополком. О союзе Святополка с Борисом, направленном против Ярослава, пишет и Ян Длугош, они даже выступили против него войной [119, с. 236]. Известно и то, что Борису была отведена важная роль дружественного посредника с печенегами. Это подтверждает сага «Об Эймунде», где сообщается, что конунг Бурицлав (Борис) был зимой в Тюркланде, нанял тюрков в свое войско и намерен

с ними поделить свою землю, т. е. заключить с тюрками (печенегами) мирный договор [23, с. 112].

Мирная политика «окаянного» Святополка по отношению к печенегам продолжала политику его отца Ярополка и соответствовала советам греков по этому поводу. «Святой» же Владимир, как известно, предпочитал иное — строить циклопические крепости, рыть глубокие рвы и воздвигать неимоверные по длине частоколы для обороны от печенегов.

Сговор по разделу наследства Святополка с Борисом, без участия новгородского Ярослава, привел его в ярость. Наняв варягов и заручившись поддержкой новгородцев, которым он сообщил подложный вымысел об «окаянном» братоубийце Святополке, Ярослав начал войну за обладание киевским княжением. Разгромленный в битве при Любече Святополк бежал в Польшу, а Ярослав по феодальному праву грубой силы обосновался в Киеве.

Когда ростовско-переяславльский князь Борис узнал о случившимся, он решил изгнать узурпатора Ярослава из Киева. В саге «Об Эймунде», вслед за описанием битвы при Любече, приводятся уникальные сведения о последующем ожесточенном сражении за город, где окопался Ярослав, обороняясь от напавшего войска конунга Бурицлава [23, с. 111]. Судя по всему, речь идет о битве в стенах Киева в 1017 г., о которой упоминает Никоновская летопись.

По саге Бурицлав (Борис) тщательно готовился к походу на Киев, три зимних месяца проведя в Бьярмаланде[187] (Карелии), «набирая там великое множество людей». В скандинавских сагах отмечено существование страны Корелов с замками и правителями, с которыми норманны вели ожесточенные войны за богатства Севера.

Эймунд посоветовал Ярославу не выступать в поход против Бурицлава, но встретить его, окопавшись в Киеве, предприняв меры по усилению городских укреплений. По крепостным валам был установлен из стволов деревьев мощный частокол, выкопан замаскированный ров-ловушка, залитый водой, и укреплены два входа с воротами в крепость. Один из входов защищала дружина Ярослава, другой — отряд Эймунда.

Чтобы заманить врага в ловушку скрытого рва, Эймунд распорядился рядом на крепостных стенах поставить побольше нарядно одетых женщин с драгоценностями, рассчитывая на жадность воинов врага. Так оно и случилось. Когда войско Бурицлава подошло к городу, его воины ринулись туда, где ярко блестело на солнце золото, серебро

187 Бьярмаланд — в общем смысле страна возле Белого моря. — Авт.

и дорогая парча, угодив в схрон-ловушку рва с водой, многие там и погибли, при этом с городских стен вдруг исчезла и сбежала вся «красота».

Поняв роковую ошибку своих воинов, Бурицлав приказал идти на штурм наиболее уязвимой части укреплений — городских ворот. Начался жестокий бой, оборона ворот, которые защищала дружина Ярослава, была прорвана, а сам Ярослав ранен в ногу. Воины врага, ворвавшись в город, начали повальный грабеж красивых домов знати и церквей, многие из которых при этом сгорели.

Эймунд, поняв, что дело плохо, поручает своему конунгу Рагнару держать оборону вторых ворот, а сам с большим отрядом устремляется на помощь к Ярославу: «и никогда еще такой жестокий бой не длился так долго» [23, с. 111]. В конце концов, воины Бурицлава дрогнули и побежали из города, преследуя их, Эймунд даже захватил боевое знамя врага.

Не смотря на столь блестящую победу и помощь Эймунда, Ярослав не спешил с ним рассчитаться за воинские услуги. Это понятно, у Ярослава новгородские деньги кончились, а налоги с киевского княжения он еще не собрал. Оставалось одно: всячески оттягивать срок платежа варягам отряда Эймунда.

Эймунд, отличавшийся хитроумием, разрабатывает коварный план, каким образом выбить из Ярослава деньги. Так, вскоре, на военном совете с Ярославом, Эймунд объявил ему, что единственный способ прекратить бесконечные раздоры с бежавшим конунгом Бурицлавом — это его убийство, но не в бою, а тайно, с помощью Эймунда и верных ему людей [23, с. 113–115].

Ярослав, выслушав предложение Эймунда, ничего определенного по этому поводу не сказал, предоставив Эймунду делать все, что он сочтет нужным. Последующим обстоятельствам убийства Бориса посвящена отдельная глава саги: «Эймунд убил Бурицлава конунга».

Эймунд и еще 11 человек выступили в поход на конях, на одном из них везли припасы и оружие. Выехали они, снарядившись как купцы, и никто не знал их истинных намерений. В поход двинулись ранним утром и ехали до самой ночи. По времени однодневного похода можно предположить, что Эймунд, выйдя из Киева, прибыл в район реки Альты близ Переславля.

Эймунд знал, что Бурицлава сопровождает сильное войско, ему был известен его маршрут и место ночевки. Здесь Эймунд устроил засаду. Шестерых своих воинов он оставил в лесу, чтобы они стерегли лошадей и были готовы скоро выступить, если понадобиться. Как и у летописца, непосредственно в акции убийства участвовали четыре человека.

Ночью, когда Бурицлав и его охрана, утомленные походом, глубоко спали, Эймунд, используя хитроумное приспособление, сорвал полотно шатра, после чего его воины тут же зарубили топорами Бурицлава и его слуг.

Все произошло быстро и тихо, войско Бурицлава продолжало безмятежно спать неподалеку в своих походных шатрах. Как и по летописи, убийство произошло под утро. Еще одна характерная особенность, близкая летописному описанию обстоятельств убийства князя Бориса. Эймунд отрубил голову у мертвого Бурицлава[188], решив доставить ее как доказательство смерти Бориса Ярославу.

На следующий день Эймунд прибывает к Ярославу и предъявляет ему голову убитого Бурицлава, при виде которой Ярослав краснеет, ему было отнюдь не радостно ее видеть, ведь это была голова его брата.

Ярослава явно тяготила совесть соучастием в братоубийстве. Справедливости ради нужно отметить, что, по тексту саги, прямого распоряжения Эймунду убить Бурицлава, как это утверждает историк А. Ю. Карпов [46, с. 98], Ярослав не давал, он с Эймундом лишь обсуждал такую возможность.

Вернувшись, Эймунд озадачил Ярослава словами: «Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин; позаботьтесь теперь о том, чтобы тело вашего брата было хорошо, с почетом похоронено». Ярицлейв конунг отвечает: «Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам: вы должны позаботиться о его погребении» [23, с. 115]. Пришлось Эймунду идти обратно.

К тому времени войско Бурицлава, оставшись без предводителя, разошлось в несогласии. Это обстоятельство близко к летописному факту несогласия и ухода войска от князя Бориса, но только до его гибели. Эймунд нашел брошенное всеми тело Бурицлава и вернулся с ним, о погребении его знали многие.

Вскоре выяснилось, что косвенное участие Ярослава в акции по ликвидации Бурицлава было использовано Эймундом в прямом шантаже Ярослава с целью выбить из него деньги. Так, некоторые из норманнов открыто говорили Ярославу, что можно «вспомнить о братоубийстве и о его на это согласии» [23, с. 115], ставя себя выше Ярослава.

Титмар Мерзебургский сообщает о последующем событии: «Тем временем Ярослав силой захватил какой-то город, принадлежащий тогда его брату, а жителей увел [в плен]» [27, т. IV, с. 79]. Вполне возможно, что речь идет о Переяславле, городе разоренным Ярославом, в отместку за поддержку Бориса.

188 По летописцу, голову отрубили у слуги Бориса Георгия.

Князь Глеб, будучи в Киеве в это время, узнав о смерти Бориса, по Нестору, бежал на корабле в сторону Смоленска. Кто послал погоню за ним — Святополк, Ярослав или Эймунд — однозначно сказать сложно. Но то, что Глеб был убит его ближайшим слугой-поваром, никто не оспаривает.

Что касается версии о возможной погоне Ярослава за древлянским князем Святославом и его убийстве в битве близ гор Угорских, то она вполне вероятна. Дело в том, что в это время Болеслав заключил союз с Венгрией. В этой связи Святослав, судя по всему, решил прорваться к своим, к венграм, примкнувшим к Болеславу. Чтобы этого не случилось, и его враги не объединились, Ярослав был вынужден уничтожить войско Святослава и его самого.

Вскоре, после окончательного утверждения на киевском княжении, благодаря умелым стараниям книжника Иоакова-Мниха, происходит метаморфоз религиозного переодевания Ярослава из реального политического рубища «окаянства» в благостные одежды «мудрости».

Битва при Волыни на Западном Буге (1018 г.)

Святополк в длительном противостоянии с Ярославом на берегах Днепра и в ходе битвы при Любече был совершенно уверен в своей победе. Поражение для Святополка было столь неожиданным, что он, панически бежав, бросил в Киеве на произвол судьбы свою жену, дочь польского князя Болеслава.

Несчастная женщина, незадолго до этого томившаяся по воле князя Владимира в вышгородских застенках, вновь попала, если не в заключение, то в заложницы к Ярославу, что стало досадным обстоятельством для честолюбивого Болеслава.

По летописцу, после поражения: «Святополкъ же бѣжа Ляхы» [64, с. 139], устюжский летописец добавляет «к Болеслав кралю» [110, с. 26], и можно представить себе, с каким ледяным видом встретил Болеслав своего неудачника зятя.

Где в таком случае мог обитать и кормиться в Польше Святополк со своей поредевшей дружиной, кому был нужен столь жалкий князь-изгой?

Наиболее вероятно, что злосчастный Святополк с дружинниками укрылся не в самой Польше, а на ее границе с Туровским княжением, возможно, в городе Берестье (Бресте). На эту возможность указывает новгородский летописец, который особо отмечает, что в 1017 г. «Ярослав иде к Берестию» [77, с. 89], имеется в виду его военный

поход по преследованию бегущего на запад Святополка и последующего установления нового правопорядка в Туровском княжении[189].

О результатах похода Ярослава новгородский летописец умалчивает, ведь он окончился неудачной осадой Бреста [102, с. 202]. Отбив натиск Ярослава, Святополк почувствовал себя увереннее, к нему вернулось благорасположение Болеслава.

Болеслав Храбрый (из латинской книги А. Гваньини, 1581)

По Яну Длугошу, Святополк смиренно умолял Болеслава помочь ему против брата Ярослава [119, с. 237]. Для опытного в политических интригах Болеслава Святополк в возникшей ситуации стал пока второстепенной фигурой. Игнорируя его, Болеслав решил договориться мирным образом напрямую с Ярославом, предложив ему династический брак с сестрой Предславой. Сватовство Болеслава датируют началом осени 1017 г.

Собственно, Болеславу было все равно, с каким киевским князем вступать в союзные отношения, он политические союзы многократно нарушал без всякого смущения, когда считал это нужным. Практически одновременно с киевским сватовством Болеслав, по Титмару, «с лисьим коварством» обратился к саксонской знати, заслав сватов к юной Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда.

Политический расчет Болеслава был безупречен, если брак с Предславой не состоится, тогда, опираясь на другой брачный союз с немцами, объявить Ярославу войну как киевскому узурпатору, с целью спасения своей дочери из постыдного плена и установления в Киеве законной власти Святополка. Болеслав прекрасно понимал, имея в виду предстоящий безнаказанный грабеж киевской земли, что в его войско охотно придут сотни воинов разнокалиберного рыцарского сброда.

Ярослав на брачную сделку не пошел, не желая отдавать Предславу за «давнего распутника» [27, т. IV, с. 81] Болеслава, за свиноподобной фигурой которого затаился Святополк.

Интересно и то обстоятельство, что Ярослав, предчувствуя войну с Болеславом, не желая давать ему столь очевидный повод для нападения на Киев, отправил, по сути как заложницу, дочь Болеслава

189 Берестье (Брест), располагаясь на реке Западный Буг, текущей от Волыни к польской Висле, имел важное стратегическое и торговое значение. Князь Ярослав пытался захватить Берестье в 1017, 1022 и 1031 гг., и лишь в 1044году подчинил его Киевскому княжеству.

в Новгород, резонно рассчитывая на верность и неподкупность новгородцев. Это же говорит и о том, что киевлянам Ярослав, чувствуя их измену, особо не доверял.

В начале 1018 г., так и не заключив мира, обе стороны стали готовиться к войне. По мнению В. Н. Татищева, Святополк «упросилЪ Болеслава сЪ войскомЪ итти на Ярослава» [106, 1773, с. 98], об этом же пишут М. М. Щербатов [122, с. 297] и М. В. Ломоносов [70, с. 133]. Болеслав вступил в союзные отношения с печенегами, Германией и Венгрией, усилив свое войско немецким и венгерским рыцарством. По Титмару, в войске Болеслава было 300 немцев, 500 венгров и 1000 печенегов [27, т. IV, с. 82].

В. Н. Татищев отмечал, что Болеслав «кЪ разпорядку войскЪ был смысленЪ и храбрЪ» [106, 1773, с. 98]. Ян Длугош сообщает, что Болеслав собрал лучших бойцов и воинов Польского королевства и тщательно организовал их, «чтобы было удобно и стоять, и идти, и соединяться в отряды, и делать все, что потребует необходимость» [119, с. 237–238].

Ярослав же, по сообщению летописца: «совокупивъ Русь, и Варягы и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку» [64, с. 139]. Под летописной Русью, в данном случае, можно разуметь новгородцев, как об этом сообщает М. В. Ломоносов [70, с. 133], а под Славянами — киевских сторонников Ярослава. Устюжский летописец подкрепил войско Ярослава еще и псковичами [110, с. 26, 66]. Что касается варягов, то речь может идти о некоторых дружинниках Ярослава и бывших без дела киевских норманнах.

По саге, отряд Эймунда, не получив денег от Ярослава, покинул его, отправившись на службу к полоцкому князю Вертилаву (Брячиславу) [23, с. 115–117]. Еще до этого, весной 1018 г., ярлы Эймунд и Рагнар отбыли на родину, воспользовавшись временным отсутствием в Норвегии Олофа Святого.

По Титмару, Ярослав и Болеслав заранее договорились о месте сражения на границе владений по Западному Бугу [27, т. IV, с. 78].

Летописец сообщает, что Ярослав вышел из Киева в поход и, дойдя до Волыни, стал на берегу реки Буг, на другом же берегу расположилось войско Болеслава: «И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: «Если вас не унижает оскорбление это, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его. Ярослав же не успел исполчиться,

и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород» [64, с. 139–140].

По софийскому летописцу, в битве при Буге пал воевода Блуд «и иных множество побѣдиша, и их же руками изымаша (взятых в плен — Авт.), то расточи Болеславъ по Ляхомъ» [104, ст. 130]. При этом, он не приводит сообщение киевского летописца, будто Ярослав бежал с поля боя с четырьмя мужами в Новгород. По софийскому летописцу, это произошло позднее, уже в Киеве. Об этом же сообщает и тверской летописец [65, ст. 137].

Современник событий Титмар Мерзебургский, вероятно, со слов участников битвы, называет точную дату сражения на реке Западный Буг — 22 июля, в целом подтверждая его летописное описание, с некоторым отличием, так, сражение начали не русские, а поляки, дразня близкого к ним врага.

По Титмару, битва при Буге разворачивалось следующим образом. Союзное войско Болеслава подошло первым, у него была возможность осмотреться и найти места для брода и переправы через реку. Ярослав же, подойдя позднее, «горя желанием» сразиться с Болеславом, расположился вблизи Буга, отправив на его берег передовой отряд охранения: «Между тем поляки, дразня близкого врага, вызвали столкновение, [завершившееся] нечаянным успехом, так что охранявшие реку были отброшены. Узнав об этом, Болеслав ободрился и, приказав бывшим с ним немедленный сбор, стремительно, хотя и не без труда, переправился через реку. Вражеское же войско, выстроившись напротив, тщетно старалось защитить отечество, ибо, уступив в первой стычке, оно не оказало более серьезного сопротивления. Тогда пало там бесчисленное множество бегущих, победителей же немного <…> С того дня Болеслав, [добившись] желанного успеха, преследовал разбитого врага» [27, т. IV, с. 78–79].

Ситуационно сообщение Титмара можно дополнить. Ударной силой войска Болеслава были 800 тяжело вооруженных немецких и венгерских рыцарей, выразительно отображенных на миниатюре из Радзивиловской летописи[190]. Рыцари не без труда переправились через Буг. По летописцу, войско Ярослава не успело встать сомкнутым строем, ведь оно было разнородным (русь, славяне и варяги) и слабо обучено к совместным действиям быстро и согласованно строиться боевым должным порядком. В войске Ярослава отсутствовало боевое ядро, способное противостоять удару тяжело вооруженного рыцарства, наиболее эффективным средством борьбы с которым в ближнем бою были

190 Иллюстрации. Рис. 53. Битва на Волыни на реке Буг (1018 г.)

топоры, ими крушили рыцарские доспехи. Закаленного в сражениях отряда Эймунда из 600 воинов, имевших топоры и мечи, у Ярослава уже не было.

В ходе сражения войско Ярослава, при виде сотен рыцарей, закованных в латы и панцири, в сопровождении тысячной орды визжащих и воющих печенегов, не пришло в страх и в панике не разбежалось, но вступило с врагами бой. М.М. Щербатов пишет: «Ярослав при столь несчастных обстоятельствах начала боя против перешедшего реку неприятеля, как мудрый вождь и храбрый воин повелениями и мечом действуя, отличную храбрость показал; тщетно войска его ему подражали, надлежало уступить превышающему счастью и селе Поляков» [122, с. 298].

Ян Длугош, касаясь характера битвы, сообщает: «Повсеместно разгорелось невиданное сражение, так что все зависело от воли судьбы, битва шла повсеместно несколько часов» [119, с. 238–239]. Титмар признал, что в сражении пал славный саксонский рыцарь Херик Гордый [27, т. IV, с. 79]. Такую рыцарскую знать, как правило, сопровождали в походе десятки оруженосцев, слуг и вассалов, оберегающих жизнь своих господ. Значит, не уберегли. По тверскому летописцу, в битве при Буге также пал некий знатный поляк, приближенный Болеслава, вдове которого после киевского похода досталось множество пленных, в том числе Моисей Угрин (брат Георгия, верного слуги князя Бориса) [65, ст. 137].

В польском средневековом сочинении Галла Анонима (конец XI века), сообщается иная версия битвы при Буге. Болеслав решил «отомстить за свою обиду русскому королю (Ярославу), который отказал ему отдать в жены свою сестру (Предславу). Король Болеслав, вознегодовав, вторгся с великой храбростью в королевство русских и тех, вначале пытавшихся сопротивляться, но не осмелившихся завязать сражение, разогнал перед своим строем, словно ветер, прах. Он не задерживался, однако, по вражескому обычаю в пути, чтобы захватывать города и собирать деньги, а поспешил в столицу королевства Киев, чтобы захватить одновременно и королевский замок и короля» [120, с. 50].

Затем, уже после захвата Киева и грабежа города в течение 10 месяцев, Болеслав решил вернуться в Польшу с награбленным добром, но на границе был настигнут бежавшим в начале королем русских (Ярославом), который собрал силы князей с половцами[191] и печенегами[192] и, уверенный в победе, поскольку его войско было в 100 раз боль-

191 Половцы в то время, как таковые, еще не существовали. — Авт.

192 Ярослав не был в союзе печенегами, наоборот, они были врагами. В то же время в военных столкновениях с киевскими князьями в 1013, 1017 и 1018 гг. Болеслав неизменно опирался на поддержку печенегов. — Авт.

ше (? — Авт.), решил напасть с тыла на Болеслава, завязав сражение на реке Буг[193].

Есть еще одно весьма важное обстоятельство, которое следует отметить. По летописям и латинским и польским источникам нет прямых и очевидных свидетельств об участии в сражении на реке Буг дружины Святополка на стороне Болеслава. Явно, что летописец по этому поводу сообщает лишь свое предположение: «Приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с Ляхы» [64, с. 139].

В. Н. Татищев [106, 1773, с. 98], Н. И. Костомаров [54, с. 11] и в наше время А. Ю. Карпов пустились в фантазии по этому поводу, утверждая, что к Болеславу примкнули дружинники Святополка, бежавшие в Польшу после поражения своего князя, — это туровцы и волыняне [46, с. 142]. В этом случае можно столь же голословно утверждать, что в войске Болеслава могли быть бывшие дружинники Бориса и Глеба, кто из Мурома, а кто из Ростова. М. М. Щербатов по этому поводу высказался более осторожно, что Болеслав пошел против Ярослава, «ведя сЪ собою Святополка» [122, с. 297].

Если судить о княжеской дружине как таковой, то дружина — это то, что всегда при князе, а без князя это нечто иное, некие вооруженные люди, ищущие воинскую службу. Если они оказались на поле сражения в битве при Буге, то при чем здесь Святополк? Засевший в Берестье, он сам тогда нуждался в воинах.

К тому же, спрашивается, а что славянские воины могли делать в войске Болеслава, кто их звал, и на каких условиях нанимал? Обычно воинов нанимали или за деньги, или в счет будущей добычи в случае победы над врагом. Добыча — это брошенный военный лагерь противника, имущество на поле боя, оружие и одежда мертвых и раненых. Их обдирали догола и бросали одичавшим псам и воронью. Через месяц оставались лишь кости, за год-другой зараставшие бурьяном.

Войско Болеслава состояло из рыцарства, которому доставалась самая ценная часть добычи, и слуг, они довольствовались тем, что осталось от рыцарского дележа. Печенеги, бывшие на службе у Болеслава, охотились за теми, кто пытался бежать и спастись. Наиболее знатных врагов брали в плен живыми с целью выкупа.

В этой организованной и отлаженной системе военного грабежа и убийств не было и не могло быть места для наемников от славян. Что и говорить, ведь, по источникам, Болеслав с исконно великопольской спесью именовал Ярослава королем варваров, а перед началом

193 Приложение. Описание битвы при реке Буг в 1018 г. Галлом Анонимом, Винцентием Кадлубком и Яном Длугошом.

сражения при Буге над полем боя между русскими и поляками раздавалась грубая взаимная брань — ослы, свиньи, собаки, щенки[194].

Несмотря на это обстоятельство, В. Н. Татищев, развивая тему «окаянства» Святополка, якобы подбившего Болеслава начать войну с Ярославом, выдвигает совершенно абсурдную версию, будто именно Святополк был инициатором начала сражения при Буге, в то время как Болеслав склонялся к миру, и даже «хотѣлЪ братію примирить, по совѣту ВельможЪ посылалЪ кЪ Ярославу о мирѣ» [106, 1773, с. 98]. Тут В. Н. Татищев прямо извращает известный эпизод из хроники Галла Анонима, который сообщает, что непосредственно перед боем наступал праздник, Болеслав, собираясь отметить его, отложил сражение на третий день [120, с. 52].

По киевскому летописцу, Ярослав был наголову разгромлен в битве при Буге, бросив всех, он бежал с поля боя с четырьмя новгородскими мужами прямо в Новгород. Ситуационно это невероятно, ведь, по Титмару, в сражении участвовало до 1000 конных печенегов, уйти от которых горстке знатных людей, не погибнув или не попав в плен, было реально невозможно.

По Галлу Анониму, немногим из уцелевших все же удалось спастись бегством [120, с. 51]. По Титмару, Ярослав не был полностью разбит, преследуемый Болеславом, он смог вернуться в Киев. В. Н. Татищев также предполагал, что Ярослав пришел в Киев, где набрал остальное войско, с которым затем смог прорваться в Новгород [106, 1773, с. 99].

Хотя Титмар и Галл Аноним утверждают, что Болеслав преследовал отступающего Ярослава, однако есть сомнения по этому поводу. По киевскому летописцу, Ярослав бежал в Новгород, т. е. ушел от погони. А Галл Аноним пишет, что когда Болеслав подошел к Киеву, то это стало неожиданностью для Ярослава, мирно удившего рыбу в Днепре [120, с. 50]. По Яну Длугошу, Ярослав в это время в Киеве «предавался удовольствиям и развлечениям» [119, с. 238]. Какая же это погоня?

Спрашивается, почему Болеслав не преследовал отступающего Ярослава? Галл Аноним указывает на возможную причину, говоря о принятом в средневековье правиле, после удачной битвы захватывать и грабить земли и города побежденного врага.

Летописец сообщает, что после поражения в сражении на Буге Ярослав оставил червеньские города [64, с. 140], завоеванные

194 Приложение. Описание битвы при реке Буг в 1018 г. Галлом Анонимоми Винцентием Кадлубком.

князем Владимиром у Ляхов еще в 981 г. Понятно, что Болеславу нужно было время, чтобы оставленные Ярославом города вначале ограбить, а затем поставить в них своих наместников. К тому же, как пишет Н. М. Карамзин, один из червеньских городов отказался сдаться Болеславу. Непокорных пришлось брать приступом, жителей обратили в вечный плен, т. е. в рабство [42, с. 93].

Только после этого Болеслав решил двинулся походом на Киев, по летописцу, уже вместе со Святополком. Галл Аноним подтверждает это обстоятельство, уничижительно именуя Святополка «неким русским» из рода Болеслава [120, с. 51].

Болеслав не хотел рисковать, преследуя Ярослава, продвигаясь со своим войском в глубь русской земли. Святополк был нужен Болеславу не столько в военном отношении, сколько в политическом, как повод и средство легитимизации польской интервенции на киевской земле. Множество сторонников Святополка, не принявших власть Ярослава, ждали возвращения его как законного киевского князя.

Польская интервенция. Реставрация Святополка (1018 г.)

Судя по всему, после сражения на реке Буг, подчинив себе червеньские города, Болеслав принял важное стратегическое решение — не преследовать Ярослава, уходящего к Киеву, но прежде пройти по течению Западного Буга до Берестья, где в это время находился Святополк.

Стратегический замысел Болеслава состоял не только в том, чтобы усилиться в политическом и военном плане, объединившись со Святополком, но, главным образом, в том, чтобы нанести ушедшему в Киев Ярославу неожиданный удар с той стороны, где появление поляков совершенно не ждали.

Ярослав, отступивший к Киеву с остатками своего войска, был уверен, что Болеслав будет его преследовать с юго-запада от Волыни. С этого направления Киев, еще со времен князя Владимира, был хорошо защищен системой крепостей. В них стояли гарнизоны, в разгар лета не было проблем с припасами. Да и хорошо укрепленный Киев, с засевшим в нем Ярославом, было не так просто взять. В этом плане шансы у Ярослава удержаться на киевском княжении были вполне реальные, с Болеславом можно было даже торговаться, его дочь находилась в заложниках у новгородцев.

Все эти обстоятельства Болеслав хорошо понимал. Поэтому он решил обойти юго-западную киевскую оборонительную зону, выступив

известным путем по Припяти до Днепра, чтобы выйти к Киеву западнее, отрезав тем самым киевские земли от смоленских, псковских и новгородских.

Идеологическим оправданием похода Болеслава служила его оскорбленная честь из-за отказа Ярослава отдать ему в жены Предславу, необходимость вызволения из плена своей дочери и, наконец, возвращение исконных прав на киевское княжение своему зятю Святополку.

Объединившись в Бресте, Болеслав и Святополк двинулись по Припяти, освобождая от власти Ярослава Туровские земли, и, выйдя к Днепру, устремились к Киеву. Титмар сообщает о «благорасположении» населения киевской земли к Святополку, который с радостью принимал местных жителей, приходивших к нему с изъявлением покорности [27, т. IV, с. 80, 82].

Стратегический замысел Болеслава блестяще удался. Польские хронисты дружно рисуют картину, веками приводившую в восторг местную национальную публику. Галл Аноним живописует, как Болеслав с войском поспешил к Киеву, дабы овладеть одновременно и твердыней королевства, и королем: «Случилось так, что король Руси (Ярослав — Авт.) тогда по простоте, [свойственной] тому народу, на лодке ловил удочкой рыбу, как вдруг приходит весть, что король Болеслав — рядом. Тот никак не мог этому поверить, но, в конце концов, убедившись, так как к нему прибывали все новые гонцы, пришел в ужас. Только тогда, поднеся ко рту разом большой и указательный пальцы. Он послюнил, как принято у рыболовов, крючок, и, говорят, произнес к стыду своего народа, [такие] слова: «Раз уж Болеслав занимается не этим искусством, а его обычной забавой служили война и оружие, то Бог решил предать в его руки и этот город, и королевство Руси, и сокровища». Промолвив это и не распространяясь долее, он обратился в бегство» [27, т. IV, с. 168–169].

Если отвлечься от фольклорной картины, рисующей князя Ярослава с удочкой, слюнящего наживку и, затем, в ужасе бегущего прочь[195], то в сообщении Галла Анонима можно без труда увидеть вполне реальную действительность. Ярослав находился в полной безмятежности, отдыхая на киевском берегу Днепра. Неожиданное сообщение о близости войск Болеслава повергло Ярослава в шок, особенно когда он уразумел, что Болеслав идет прямо на него по берегу Днепра, откуда его никто не ожидал.

195 Этот эпизод, судя по всему, стал основой для известного бытового изречения, характеризующего трусливое бегство от противника: «Пора сматывать или мотать удочки». — Авт.

Укрыться в Киеве Ярослав не решился. В этом плане Ян Длугош вполне обоснованно считал: «Ярослав не осмелился оставаться в Киеве, чтобы его не предали свои же» [119, с. 239], а Святополк, наверняка, убил бы его, подобно Борису и Глебу.

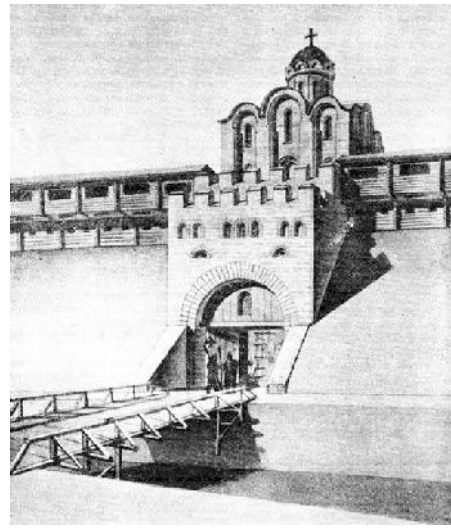
Ситуация сложилась экстремальная, вопрос жизни или смерти Ярослава был вопросом буквально часа. Оставалось одно средство спасения — лодка, с которой, возможно, Ярослав действительно ловил рыбу. На помощь князю бросилось несколько слуг, в том числе четверо новгородцев, всегда бывших рядом с Ярославом. Оттолкнув судно от берега, подняв парус и дружно гребя, буквально на глазах Болеслава к его страшной досаде, Ярослав бежал по Днепру вверх до Смоленска и затем по «болотистым местам» [119, с. 239], т. е. по землям Подвинья, известным путем на конях ушел к Пскову и Новгороду.

Сторонники Ярослава в Киеве, узнав о его бегстве и увидев войско Болеслава близ городских укреплений, все же решили не сдаваться, затворив городские ворота. По Титмару, хотя киевляне вначале и сопротивлялись [27, т. IV, с. 80], но, поняв бессмысленность, 14 августа сдались на милость Болеслава и Святополка, открыв им Золотые ворота, не задолго до этого воздвигнутые Ярославом.

Затем произошли события, хорошо известные в Европе тех лет, о которых летописец, как и его последующие цензоры, да и российские историки в целом, предпочли умалчивать, храня ореол мнимой «мудрости» Ярослава.

Галл Аноним живописует, что творилось в Киеве в это время: «Болеслав <…> вступил в великий и изобильный город и, вынув меч, ударил в Золотые ворота, когда его [спутники] удивлялись, зачем он это сделал, со смехом объяснил [дело] шуткой: «Подобно тому, как сейчас этот меч поражает Золотые ворота города, — сказал он, — так следующей ночью будет порушена честь сестры трусливейшего из королей, которую не захотели отдать мне [в жены]. Ибо она соединится с Болеславом не на супружеском ложе, а наложницей только однажды, дабы, таким образом, было отомщено оскорбление, [нанесенное] нашему роду, а русским зачлось бы в срам и бесчестье». Сказав так, сказанное подкрепил делом» [27, т. IV, с. 169–170]. М. М. Щербатов также отмечает, что Болеслав после взятия Киева омерзительно изнасиловал дочь Владимира Предславу, не взирая на ее сан» [122, с. 299].

Перед нами возникает очередной пример летописного «поянья», публичного насилования знатной женской особи в династических целях, коими был отличен и князь Владимир в своих бесчинствах к Полоцке и Корсуни. Однако Галл Аноним не совсем верно толкует ситуацию, Болеслав надругался над Предславой не с целью отомстить

Золотые ворота в Киеве времен князя Ярослава Мудрого

и обесчестить трусливого Ярослава и его русский народ. Предслава стала наложницей отнюдь не разового пользования, ее Болеслав забрал в Польшу, поместив со слугами в замке на Ледницком острове. Есть известия, что Болеслав «поял» не только Предславу, но и ее сестру (Мстиславу) [34, с. 251; 119, с. 240], брошенных в Киеве на произвол судьбы Ярославом.

Имея в наложницах дочерей князя Владимира, Болеслав тем самым зримо демонстрировал приоритет Польши на вассально зависимые от него киевские земли, что стало основой 900-летней великопольской политики по отношению к Киеву[196]. Именно в этом плане Винцентий Кадлубк толкует смысл ударов меча Болеслава, как некую мету на Золотых воротах в знак зависимости Киева [120, с. 98]. По Яну Длугошу, Болеслав «взмахнул мужественной рукой и вонзил меч в ворота, рассекая их посередине и разрубая, оставляя на них знак своего триумфа и победы» [119, с. 239].

Золотые ворота, разбитые ударом меча Болеслава, были первым, весьма непрочным их вариантом, в дальнейшем они заново были отстроены Ярославом, явив собой мощный и великолепный символ киевских укреплений.

196 В 1920 г. состоялась последняя киевская интервенция поляков. — Авт.

Явно усиливает династическую картину событий Титмар, по сообщению которого Болеслав, беззаконно забыв о своей супруге — юной немецкой Оде, торжественно женился в киевском соборе святой Софии на весьма зрелой Предславе [27, т. IV, с. 80–82]. По версии М. М. Щербатова, Болеслав увез Предславу с собою в Польшу, где на ней женился как на наследнице Российского престола [122, с. 299, 392][197].

Летописи хранят гробовое молчание по поводу торжеств в Киеве. Титмар сообщает, что Болеслава и Святополка буквально с колокольным звоном, «с почестями, с мощами святых[198] и прочим всевозможным великолепием встретил архиепископ [199] этого города [Киева]. Там была мачеха[200] упомянутого короля [Ярослава], его жена[201] и девять [его] сестер» [27, т. IV, с. 81]. Все они, являя собой женское династическое поколение князя Владимира, находясь в храме святой Софии, незадолго до этого построенного велением Ярослава, были вынуждены склонить головы, т. е. признать власть над собой, поработителя киевской земли Болеслава и его сателлита Святополка.

Затем началось то, что фактически было целью похода Болеслава на Киев: «Там ему были показаны немыслимые сокровища, большую часть которых он раздал своим иноземным сторонникам, а кое-что отправил на родину» [27, т. IV, с. 82]. По Титмару, в Киеве было что грабить: только церквей 400[202], 8 рынков и жило неведомое множество народу. По Галлу Анониму: «Король Болеслав [в течение] десяти месяцев владел [этим] богатейшим городом и могущественным королевством русских, откуда не уставал посылать беспрестанно в Польшу деньги» [120, с. 51].

Нужно отметить, что речь идет не о разграблении Болеславом сокровищницы князя Владимира, она к тому времени была опустошена Святополком его раздачами подарков киевлянам, а ее остатки он вывез

197 Здесь М. М. Щербатов путает эпоху древнерусского средневековья, где наследование шло по линии старших сыновей, с современной ему реальностью правления «матушки» Екатерины II. Да и Престола Российского во времена Святополка и Ярослава не было. — Авт.

198 Судя по всему, речь идет о мощах святых Климента и Ольги.

199 Это был Анастас Корсунянин.

200 Последняя, после Анны, неизвестная нам по имени жена князя Владимира.

201 Анна — первая новгородская жена Ярослава.

202 Это вымысел, по данным археологии, в Киеве в это время церквей, включая домовые, было на порядок меньше. — Авт.

при своем бегстве в Брест. О том, что киевская казна была пуста, говорит и правление в то время Ярослава, он не мог даже, как положено было по договору, расплатиться с варяжским отрядом Эймунда.

Говоря о богатствах Киева, следует иметь в виду богатства церковные и богатства киевской знати. Что касается церковных богатств, то, по летописцу, Болеслав приставил к ним перешедшего на его сторону киевского митрополита: «Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью». Частные же богатства киевской знати оказались столь велики, что подвергались разграблению не один месяц. Более того, по летописцу, войдя в Киев, Болеслав повелел: «разведѣте дружіну мою по городомъ на покоръмъ» и бысть тако» [64, с. 140], что означало, что польские интервенты грабили не только Киев, но и ближние к нему города и окрестности.

Болеслав, основательно обустроившись в Киеве, помнил о своей дочери, по воле Ярослава оказавшейся в неволе у новгородцев. Титмар пишет, что Болеслав, гордый своим завоеванием: «послал к Ярославу архиепископа [203] названного города [204] с просьбой вернуть его дочь, обещая выдать его [Ярослава] жену, мачеху и сестер» [27, т. IV, с. 83].

Однако переговоры по обмену плененными женщинами закончились неудачей, не только потому, что Ярослав и Настас давно ненавидели друг друга, но, главным образом, потому, что ни Ярославу, ни новгородцам женская знать семьи князя Владимира была, судя по всему, не нужна. Кормить их даром новгородцы не хотели, а Ярослав в это время уже имел виды на другую жену из варяжской знати. Его интересовала своя династия наследников, но не судьба наследников Владимира.

Как это ни странно, но и Святополк, понимая свою зависимость от Болеслава, отнюдь не горел желанием вновь соединиться семейными узами с его дочерью, т. е. попасть в еще большую подчиненность от Болеслава.

Судьбе этих несчастных женщин не позавидуешь. Предславу Болеслав увез в польскую неволю и заточил в замке на Ледницком острове. Мстислава и ее семь не известных нам по имени сестер, как и дочь Болеслава, сгинули во мраке безвестности. Первая новгородская жена Ярослава Анна, и их малолетний сын Илья, попав в жернова политической истории, умерли, и, судя по всему, им помогли так рано умереть за их ненадобностью.

Болеслав, имея наложницей или женой Предславу, возомнил себя полноправным киевским князем. Совершенно обнаглев, он, по Титмару,

203 Судя по всему, это был Настас. — Авт.

204 Имеется в виду Киев. — Авт.

отправил часть киевских богатств в виде подарков германскому императору: «чтобы и далее заручиться его благосклонностью и поддержкой, уверяя, что все будет делать согласно его желаниям. В близкую Грецию он также отправил послов, обещая ее императору выгоды, если тот будет его верным другом» [27, т. IV, с. 83]. Более того, Болеслав в Киеве начал чеканить «русские денарии» со своим именем как полноправный властитель земли Русской.

«Поляки начали обращаться с киевлянами, как господа с рабами» [54, с. 11], что вызывало массовое возмущение. К Святополку явилась киевская знать и потребовала навести на его землях порядок, вопросив его, кто он на самом деле, киевский князь, внук непобедимого Святослава, или вассал свиноподобного по облику и поведению Болеслава?

Святополк встал перед непростым выбором, у него под рукой была небольшая дружина, однако и Болеслав распустил большую часть своего войска на «кормление» по киевским землям. Выступить против поляков означало для Святополка навсегда лишиться их поддержки. И все же русская кровь Святослава сыграла свою роль, Святополк не долго был в нерешительности, приказав польских мародеров, насильников и грабителей убивать тут же, на месте: «Святополк рече: «елико же Ляхомъ в городомъ избивайте я»; и избиша Ляхы» [64, с. 140].

Характеризуя возникшую ситуацию, А. Ю. Карпов совершенно верно отмечает: «Победив Ярослава руками поляков, [Святополк] перестал нуждаться в покровительстве Болеслава, стал тяготиться им. Избиение поляков объединило его с киевлянами. В едином порыве ненависти оказались забыты прошлые обиды и противоречия <…> Ненависть к врагу, особенно к чужаку, захватчику, способна сплотить самых разных людей» [46, с. 161]. По Титмару, именно Святополк «посоветовал» Болеславу, когда он упивался своим могуществом в Киеве, отпустить домой его союзников — немцев, венгров и печенегов [27, т. IV, с. 83], и тем самым ослабить киевский гарнизон польских интервентов. Значит, Святополк не был покорным вассалом и слугой Болеслава, он вел свою скрытую политику, причем весьма эффективную, в результате которой он вновь стал полноправным киевским князем.

Когда Болеслав узнал, что его воинов по приказу Святополка стали гнать прочь и даже убивать, он пришел в ярость, одновременно поняв, что пора уходить с киевской земли. Ян Длугош пишет об этих событиях: «Святополк, муж безрассудный, тяготясь длительной задержкой короля Болеслава, некоторых польских воинов, [пребывающих на зимних квартирах], тайно или сам убивает, или приказывает убить своим. По праву (?! — Авт.) возмущенный такой несправедливостью,

польский король Болеслав, созвав своих воинов и все польское войско с зимних квартир, отдает на разграбление воинам город Киев, оставленный Святополком, также и крепости русские, подчинив [их] своей власти, прекратив грабежи не раньше, чем поляками были истощены все запасы русских, накопленные длительным благополучием[205]. С того-то времени Киев, не смотря на то, что был восстановлен разными князьями <…> являет потомкам знаки совершившегося тогда разрушения. Двух сестер князей Руси Святополка и Ярослава, а именно Предславу и Мстиславу, а также бояр и наиболее знатных русских он берет в плен и в оковах уводит в качестве заложников в Польшу, нагруженный русскими трофеями, ведя длинные вереницы русских пленников <…> поставив над своей казной казначеем и хранителем Анастасия — русского, который обманом прикинулся благодарным и верным ему» [119, с. 240–241]. Как пишет Н. М. Карамзин по поводу Анастаса: «изменив первому отечеству, изменил и второму для своей личной корысти» [42, с. 93].

Можно отметить при этом, что В. Н. Татищев сочинил легенду, будто уведенные в польский плен Болеславом дочери князя Владимира Предслава и Мстислава были помолвлены с князьями Богемским и Венгерским [106, 1773, с. 99].

По польским источникам, уход[206] «ляхов» из Киева было делом отнюдь не простым, поскольку их шаг за шагом преследовал коварный и хитрый князь Руси Ярослав, вдруг с огромным войском пришедший из Новгорода. Конечно, это явный вымысел, в действительности речь может идти о Святополке. По Яну Длугошу, Болеслав, теснимый стремительными нападениями русских: «боялся бегства и позора для себя и своего войска больше, чем смерти, понимая, что русские, воодушевленные его бегством, проникнут в глубь его королевства и станут повсюду свирепствовать [по обычаю] врагов» [119, с. 241].

Болеслав отступал в Польшу из Киева кратчайшим путем на юго-запад к Волыни. Решающее сражение со Святополком, как до этого с Ярославом, вновь развернулось на приграничных берегах Буга. По хронике Винцентия Кадлубка, Болеслав перед битвой, обнажая хищническую сущность польской интервенции, обратился к своему воинству, сказав, что мы всегда стремились покоренные народы удерживать под даннического ярмом и сделали самую Русь нашей данницей: «Мы начали войну с Русью ради расширения наших границ. Но если отсюда мы не выйдем победителями, то потеряем достигнутое <…>

205 Имеется в виду киевский период правления князя Владимира. — Авт.

206 По летописцу: «Болеславъ же побѣже ис Кыева» [64, с. 140].

поскольку с поклажей никто легко не выплывает, следует отбросить груз добычи. Право же, приятней похваляться славой победы, чем тяготиться разбойничьей наживой» [120, с. 98].

Бросив награбленное барахло, «положившись на помощь небес», воинство Болеслава, после кровопролитного сражения (по Кадлубку, якобы рассеив и уничтожив русские полки), смогло прорваться в Польшу через Буг.

С точки зрения исторической справедливости нужно признать, что Ярослав в событиях на киевской земле в 1018 г. проявил себя отнюдь не с «мудрой» стороны. Сначала наголову разбитым Болеславом в битве на Буге, он, при появлении поляков близ Киева, впав в панику, трусливо бежал в Новгород, бросив киевлян на разбой польским насильникам и грабителям. Святополк же, бывший сперва пособником Болеслава, искупил свою вину, изгнав польских оккупантов с русской земли.

Борьбу против поляков летописно «окаянного» Святополка В. Н. Татищев, вслед за Нестором, назвал «безумной» [106, 1773, с. 99], а Н. М. Карамзин, вторя М. М. Щербатову [122, с. 299], «вероломством», разразившись по этому поводу антинациональными бредовыми откровениями: «Злодеи не знают благодарности, Святополк, боясь долговременной опеки тестя, и желая скорее воспользоваться независимостью, тайно велел градоначальникам умертвить всех поляков, которые думали, что они живут с друзьями (?! — Авт.), и не брали никаких предосторожностей (окончательно обнаглели — Авт.). Злая воля его исполнилась, к бесславию имени русского[207]. Вероятно, что он и самому Болеславу готовил такую же участь в Киеве (жаль, что этого не случилось — Авт.), но сей государь (поработитель земли русской — Авт.) сведал о заговоре и вышел из столицы, взяв с собою многих бояр российских и сестер Ярославовых <…> [так] Святополк злодейством [208] избавил Россию от поляков». [42, с. 93]

В целом можно однозначно утверждать, что политически поход на Киев не принес Болеславу желаемого результата. Основная цель нападения на Русь — посадить в Киеве выгодного для Польши правителя — не была достигнута. Хотя династически, пленив Предславу,

207 Мнение Н. М. Карамзина относится и к подвигу Ивана Сусанина, который также «вероломно» завлек отряд польских оккупантов в лесную чащу«к бесславию имени русского». — Авт.

208 Уму не постижимо, как можно назвать злодейством борьбу против польских оккупантов. Тогда нужно назвать партизана 1812 г. Дениса Давыдова бандитом. — Авт.

Болеслав продолжал тешить себя иллюзиями права влияния и вмешательства в дела киевского великокняжеского двора, тем более, что в его руках оказались сотни плененных знатных киевлян. Для Болеслава главным итогом похода 1018 г. на Киевскую Русь стал захват галицких приграничных городов Червонной Руси.

Второе пришествие Ярослава в Киев. Битва при Альте. Бегство Святополка (1019 г.)

Когда, находясь в безумном состоянии от страха, Ярослав из Киева (или от Волыни) «прібѣгшю Новугороду», то он «хотяше бѣжати за море» к варягам. Игнорируя это свидетельство летописца, В. Н. Татищев сочинил версию, будто Ярослав, придя в Новгород с частью киевского войска, обратился к новгородскому посаднику Коснятину, чтобы «приготовили войско, если Святополк на него придет» [106, 1773, с. 99].

Исторически новгородцы, не считаясь с расходами, всегда стремились оказывать финансовую и военную поддержку тем князьям, которых считали выгодными для себя иметь на киевском княжении, тем более Ярославу, даровавшему им льготы и вольности.

По летописцу, чтобы привести в себя Ярослава, были приняты действенные меры. Для начала, посадник Коснятин, сын Добрыни, «расѣкоша лодьѣ Ярославлѣ», чтобы он никуда не сбежал. Затем новгородцы собрали продовольствие (скот) и весьма серьезные деньги: «отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ» [64, с. 140]. Нужно отметить, что сбор денег у новгородцев имел социально справедливый характер, по достатку богатые платили больше.

Собрав деньги и скот, новгородцы дали знать варягам, что готовы хорошо заплатить им и кормить их, если они придут на помощь Новгороду и Ярославу. Весьма показательно, что все свои начинания и действия, новгородцы вершили сами, оставив пока в стороне приходить в себя Ярослава.

Когда Ярослав вдруг обнаружил вокруг себя новое варяжское войско и, самое главное, тысячи гривен из серебра, поднесенных ему новгородцами, он быстро «исцелился», вновь обретя сознание и летописную «мудрость».

Правда, при этом выяснилось одно обстоятельство, варяги, помятуя скандалы Ярослава с Эймундом по поводу оплаты, не доверяя его мнимой щедрости, через знатного варяга Рёнгвальда, родственника

шведской принцессы Ингигерды, предложили Ярославу вступить с ней в брак, т. е. династически закрепить его финансовые обязательства. Ярослав, как всегда юля, тем более что он еще был женат, однако смог действительно мудро и дальновидно убедить варягов отложить свое будущее супружество до той поры, пока он снова станет киевским князем.

Придя к взаимному согласию, новгородцы и варяги во главе с Ярославом дружно вышли в поход, по пути к ним присоединились недовольные бесчинствами польских интервентов на киевской земле псковичи и смоляне. Но западные земли — Туров, Пинск и Брест — стояли за своего князя Святополка.

В это время в Киеве царила тревожная обстановка горя и неуверенности, сменившая эйфорию изгнания польских интервентов с русской земли. Святополк не смог отбить у Болеслава киевских пленных, число которых исчислялось тысячами[209]. Никто не знал, как их спасти. У Святополка не было денег на их выкуп, его казна была пуста, при этом, ему были нужны серьезные средства, чтобы заручиться поддержкой печенегов в наступавшей войне с Ярославом. К тому же, переговоры Святополка с Болеславом были невозможны, ведь он был смертельно оскорблен изменой своего зятя.

Множество оставшихся сторонников Ярослава в Киеве, узнав, что он выступил из Новгорода с войском, возликовали, убеждая киевлян, что именно Ярослав способен спасти из гнусной польской неволи их братьев, ведь новгородцы не поскупились снабдить его серебром.

Святополк, будучи в сложном финансовом положении, чтобы нанять печенегов, решил использовать способ, в свое время весьма успешно примененный князем Владимиром при общении с печенегами — начеканить для них денежный фальсификат с низким содержанием серебра, а то и вообще без него. Найденное большинство монет Святополка не является серебряным, как и большинство сребренников Владимира [103, с. 196]. Оба они вполне резонно считали, что безграмотные печенеги их монетные «изделия» будут применять не как деньги, но, прежде всего, как личные украшения.

Начеканив массу денежного фальсификата, Святополк, наняв печенегов, почувствовал себя более уверенно при вести о подходе к Киеву войска Ярослава. Учтя печальный опыт битвы при Любече, когда печенеги ничем не могли помочь ему в бою в лесу возле озере, Святополк

209 Лишь в конце 30-х — начале 40-х годов XI века, после женитьбы польского князя Казимира на сестре Ярослава Марии-Добронеге, в знак дружественного союза, в Киев из плена вернулись 800 (!) человек. — Авт.

решил выйти из Киева и навязать решающее сражение Ярославу на открытом пространстве на берегу реки Альты, где в свое время был убит князь Борис.

По мнению В. Н. Татищева, Святополк ушел из Киева, поскольку боялся (? — Авт.) киевлян, ведая, что они Ярослава больше любят (? — Авт.) [106, 1773, с. 100].

Если исходить из летописной версии «окаянства» Святополка, то выбор им места нового сражения при Альте понятен. Это место было символически удачное для Святополка в плане его борьбы с конкурентами за киевское княжение. А для Ярослава, наоборот, здесь был злодейски убит его брат Борис, ради мести за которого он и начал с новгородцами праведную войну с «окаянным» Святополком. Именно на это обстоятельство обращает внимание летописец, который пишет, что Ярослав перед боем: «въздѣвъ руцѣ на небо, рече: «кровь брата моего вопьет к тобѣ, Владыко! Мьсти отъ крове праведнаго сего» [64, с. 140–141]. Еще более эффектно переписал это сообщение летописца Н. М. Карамзин: Ярослав перед началом сражения «стоял на месте, обагренный кровию святого Бориса» [42, с. 93].

Затем летописец приводит весьма впечатляющую картину самого сражения: «двинулись противники друг на друга, и покрыло поле Альтинское множество воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал» [64, с. 141].

С символической точки зрения победитель Ярослав и побежденный Святополк восприняли итог Альтинского сражения как некое знамение, связанное с трагической гибелью здесь же в свое время Бориса. Поэтому, вернувшись в Киев, Ярослав распорядился найти останки князя Глеба, брошенные на произвол судьбы где-то возле Смоленска. Тело Глеба, почти за год поисков, случайно нашли звероловы, после чего его торжественно похоронили рядом с братом Борисом в Вышгороде у церкви Святого Василия.

Святополк же, по летописцу, после Альтинского поражения, впал в паралич ужаса: «напал на него бес, и расслабли все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами. Отроки же его посылали посмотреть: «Гонится ли кто за нами?» И не было никого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним» [64, с. 141].

Святополку мнилось, что именно чудом воскресшие Борис и Глеб помогли Ярославу и теперь, на конях, они неустанно гонятся за ним[210], но слуги наяву этого навязчивого кошмара Святополка совершенно не видели.

Если отвлечься от символически религиозных предположений, то итоги Альтинской битвы вполне очевидны. Сражение было настолько кровопролитным и ожесточенным, что обе враждующие стороны после боя уже ничего не могли предпринять друг против друга. По В. Н. Татищеву, Ярослав «едва побѣди», а Святополк ушел через Днепр, и так утрудился при бегстве, что не мог усидеть на коне и велел нести себя на носилках. Когда его принесли в Брест, то слуги решили немного отдохнуть, но Святополк, вопя от страха, приказал бежать дальше в пустыню (? — Авт.) между Польшей и Богемией [106, 1773, с. 100].

Ярослав не смог уничтожить Святополка, более того, не смог даже помешать его бегству не то что на конях, а медленному его уходу со слугами и охраной на носилках. И причина здесь не в «братском милосердии» Ярослава, ведь он незадолго до этого коварно истребил в Ракоме тысячу новгородцев, и можно совершенно не сомневаться, что эта же судьба ожидала и Святополка, но войско Ярослава понесло такие потери в битве с печенегами, что фактически утратило боеспособность. Но парализованному от ужаса Святополку все мнилось, что погоня идет по его пятам.

По летописцу, Святополк, как и после поражения при Любече, снова бежал в Берестье, что и не удивительно, ведь здесь, судя по всему, находилась его княжеская резиденция. По Яну Длугошу, в то время существовало самостоятельное Берестовское княжение. Он также сообщает, что когда Святополк правил в Киеве, то Брест был в руках польского короля Болеслава, (его гарнизона и наместника) [119, с. 235, 245].

Летописец решил окончательно и навсегда изгнать Святополка с русской земли неизвестно куда: «и пробежал он через Польскую землю, гонимый Божиим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там бедственно окончил злую жизнь свою» [64, с. 141]. М. М. Щербатов добавляет живописные летописный подробности о кончине Святополка, якобы в месте, где он был погребен, учинилась пропасть, откуда исходит смрадный дух [122, с. 303].

Но так ли это было в действительности, когда и где умер Святополк на самом деле? То, что он бежал, по летописцу, через Польскую землю, маловероятно, ведь там в это время правил его непримиримый враг Болеслав. Да и в населенной центральной Европе исчезнуть просто так

210 Иллюстрации: Рис. 56. Борис и Глеб на конях.

бесследно со слугами и охраной было непросто, дремучих и глухих лесов там уже не было, а тем более, по Н. М. Карамзину, «пустынях богемских» [42, с. 94].

Ян Длугош по поводу гибели Святополка сообщает, что он «по дороге, застигнутый внезапным недугом, умирает, и спутники его хоронят в неизвестном пустынном месте» [119, с. 245].

По версии М. М. Щербатова, Святополк, лишенный всякой надежды, побежал в Берестье, откуда, невзирая на свою измену, поехал к тестю своему Болеславу, еще у него помощи просить: «сей честолюбивый Государь ему не отказал, более для своей, нежели для его пользы (но, вскоре Святополк умер)» [122, с. 302]. По мнению С. М. Соловьева, Святополк, вероятно, умер в Бресте от ран, полученных в битве при Альте [102, с. 203].

По поводу смерти Святополка, неизвестно когда и где, в саге об Эймунде приводится знаменательный разговор между Эймундом и Ярославом: «Но знаете ли вы, наверное, что Бурицлав (Святополк) умер? — «Думаю, что это, правда» — говорит Ярослав. Эймунд спросил: «Его, верно, похоронили с пышностью, но где его могила?» Ярослав отвечал: «Этого мы наверное не знаем». Эймунд сказал: «Подобает, господин, вашему высокому достоинству знать о вашем брате, таком же знатном, как вы, — где он положен. Но я подозреваю, что ваши воины неверно сказали, и нет еще верных вестей об этом деле» [23, с. 110].

Действительно, весьма скоро к Ярославу в Киев поступили верные вести о Святополке, он находился в Берестье, засев в местной крепости. Болеслав решил не вмешиваться, благоразумно дожидаясь того, как русские «братья» окончательно не сожрут друг друга.

По летописцу, после войны с полоцким Брячиславом, в 1022 г. Ярослав вышел походом на Святополка в Берестье, но вновь неудачно; на юге, воспользовавшись отсутствием Ярослава, двинулся на Киев из Тмутаракани Мстислав. Пришлось Ярославу с войском немедленно возвращаться в Киев.

Не смог Ярослав уже вместе с Мстиславом взять Берестье и в 1031 г., и лишь в 1044 г. Берестье окончательно отошло к киевскому княжению. Именно с этого времени можно быть окончательно уверенным, что Святополка, сына Ярополка и внука славного Святослава, не стало в живых.

ПРИЛОЖЕНИЯ

О разделе Русской земли в 970 году Святославом

Раздел Русской земли в 970 г. киевским Святославом Игоревичем между своими сыновьями Ярополком, Олегом и Владимиром выглядит одним из сложно объяснимых фактов древнерусского летописания, исторически став «поворотным моментом для древнерусской государственности: с этого времени неделимое прежде в роду Рюриковичей господство над восточнославянскими племенными союзами, почти столетие обязанные варяжским правителям Киева данью, а в случае необходимости и военной поддержкой, оказалось раздроблено» [12, с. 10].

Сообщение летописца о разделе Русской земли, по которому Ярополку отошли киевские земли, Олегу — древлянские, Владимиру — новгородские, очевидным образом вступает в противоречие с более чем вековой предшествующей историей Древней Руси, изложенной Нестором.

По летописцу, первый раздел Русской земли между тремя братьями произошел в 862 г.: «старѣйший, Рюрикъ сѣде Новѣгородѣ, а другий, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля».

По Нестору, в том же 862 г., по смерти Синеуса, Рюрик «раздая мужемъ своимъ грады», бывшие в то время центрами крупных этнических племен: «в Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотьстѣ Кривичи, в Ростовѣ Меря, в Бѣлѣозерѣ Весь, в Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрик».

По летописцу, в том же 862 г., 2 «мужа боярина Асколдъ и Диръ испросистася» у Рюрика идти «ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок» [64, с. 19–20]. Местные жители сообщили, что «градок» был в давности основан тремя братьями[211]: Кием, Щеком и Хоривом.

211 В раннем средневековье у многих европейских народов бытовали легенды о трех удачливых братьях. У сербов три брата основали города, у западных славян братья Лех, Рус и Чех основали народы. Сходным образом, три брата Кий, Щек и Хорив основали Киев, а три брата Рюрик, Синеус и Трувор первыми начали

Таким образом, по Нестору, в 862 г. к Русской земле относились крупные племенные центры с «градами и градками» в Новгороде, Изборске, Белоозере, Полоцке, Ростове, Муроме, Киеве.

Сто лет спустя, при разделе Русской земли в 970 г. между сыновьями Святослава упоминаются лишь Новгород и Киев, с примыкающей к нему древлянской землей, где незадолго до этого княгиня Ольга устроила погром, предав огню крепостной центр древлян Искоростень вместе с его жителями.

Еще более контрастная картина возникает при сопоставлении раздела Русской земли Святославом в 970 г. с событиями княжения Олега-правителя.

В 882 г. Олег-правитель во время похода в Поднепровье «посади мужъ свои» в центре славян-кривичей Смоленске, а «оттуда поиде вниз, и взя Любець, и посади мужъ свои». По летописцу, Олег-правитель основал крупнейшее в Европе государство норманнов, в состав которого вошли земли племен Словен, Кривичей, Меря, Древлян, Северян, Радимичей, Полян, Уличей, Тиверичей, с политическим центром в Киеве: «се буди маи градомъ Русьскимъ» [64, с. 22–23]. Под 903 годом летописец впервые упоминает Псков.

По договору 907 г. Византии с Олегом-правителем греки «даяти уклады на Рускыа грады: первое на Киевъ, таже на Черниговъ, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростовъ, на Любечь и на проча городы, по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи, под Олгомъ суще» [64, с. 30]. Судя по летописям, Русь времен Олега-правителя в геополитическом отношении была несоизмеримо больше Русской земли при ее разделе в 970 г. между сыновьями Святослава.

По летописцу, наследственный раздел 970 г. был справедлив и устроил всех братьев, к тому же соответствовал родовому праву, по которому старшему наследнику Ярополку отошли обширные киевские земли Поднепровья, младшему Олегу менее значимые по размерам древлянские земли, а «робичичу» Владимиру окраинная отдаленная новгородская земля.

Понятно, что с точки зрения достоверности, события раздела Русской земли в 970 г. гораздо ближе к исторической реальности, чем предшествующие им вековые события, о которых сообщал летописец по преданиям и своей их оценке.

Летописец посчитал картину Русской земли вокруг него верной и для глубокой древности. По этой причине в воображении Нестора

обустраивать Русскую землю. При Святославе, снова, три брата делили наследство между собой. — Авт.

появились «грады» Новгород, Изборск, Белоозеро, Полоцк, Киев, Ростов и Муром времен Рюрика, хотя в действительности, по данным археологии, на их месте стояли не «грады», где «седяху велиции князи», а, в лучшем случае, разросшиеся, иногда разноплеменные, селища, под управлением местной родовой, военной и жреческой знати.

О русском посольстве 973 года к германскому императору Оттону I в Кведлинбург

В 973 г. при начале княжении Ярополка произошло немаловажное событие, вызвавшее оживленные комментарии среди историков. По сообщению немецкого хрониста XI века Ламперта Херсфельдского, на Пасху 23 марта 973 г. к германскому императору Оттону I в город Кведлинбург прибыло в числе прочих иноземных посольств (греков, итальянцев, венгров, датчан, болгар и др.) и русское посольство. Послы явились «с великими дарами». Вместе с императором они должны были принять участие в праздновании Святой Пасхи [60, с. 163–164].

Одним из первых российских историков, обративших внимание на важность сообщения Ламперта Херсфельдского, был Н. М. Карамзин, однако по не до конца ясным для него обстоятельствам «русского посольства» он решил его особо не комментировать [42, с. 72].

Летописцу, судя по всему, факт нахождения русского посольства в Кведлинбурге был неизвестен, или он его игнорировал, поскольку речь шла о встрече с «немцами-католиками». Но составители сравнительно позднего летописного Никоновского свода середины XIV века решили весьма своеобразно истолковать обстоятельства посольства в Кведлинбург. Так, в Никоновском своде появилась знаменательная запись, датируемая 979 г.: «пріидоша послы къ Ярополку изъ Рима отъ папы» [62, с. 39].

Ясно, что это являет собой пример летописно-церковной фальсификации, намеренно извративший смысл праздника Святой Пасхи в Кведлинбурге, путем переноса даты события с 973 на 979 г., обратной заменой его маршрута из Германии в Киев и, наконец, подменой германского императора Священной Римской империи Оттона I персоной самого Римского Папы.

Почему составители Никоновского свода намеренно пошли на столь существенное искажение исторической действительности, вполне объяснимо.

Замена времени события с 973 на 979 год была сделано по причине того, что в 973 г. Ярополку было около 12 лет, по сути, он был

в это время лишь номинальным князем при киевском регенте воеводе Свенельде. Ясно, что по политической малозначимости персон Ярополка и Свенельда в то время прибытие к ним послов «изъ Рима отъ папы» выглядело бы совершенно нелепым. Другое дело 979 год, Свенельд был изгнан из Киева, а возмужавший киевский князь Ярополк к тому времени уже наладил мирные отношения с печенегами и пошел на союз с Византией, взяв в жены православную грекиню-монашку.

Стремясь поднять политический статус и значение Руси в последней трети X века, составители Никоновской летописи решили направить католическое посольство от самого Римского папы на поклон к киевскому князю Ярополку.

Дело в том, что, учитывая серьезную ситуацию разброда в христианском мире в связи с Флорентийской унией 1439 г. и Ливонскими войнами середины XVI в., Московской Руси с европейским католическим миром, как Ивану Грозному, так и патриарху Никону, были крайне важны дополнительные исторические аргументы о величии с глубокой древности Руси, на поклон правителям которой шли послы от папского мира. Так появилась в Никоновской летописи знаменательная запись-врезка о послах «изъ Рима отъ папы» к Ярополку, совершенно не связанная с другими летописными особенностями его княжения.

Что касается реальных обстоятельств русского посольства 973 г. в Кведлинбург, то, безусловно, ясно, что оно было киевским, ведь еще с 959 г. времен княгини Ольги были налажены отношения киевских правителей с германским императором Оттоном I.

Понятно также и то, что на праздник Святой Пасхи 23 марта 973 г. в Кведлинбург прибыли, прежде всего, представители киевских христиан католиков, число которых среди варяжской военной и купеческой знати постепенно росло еще со времен Аскольда и Дира, Игоря и Ольги.

Былинный эпос и древнерусское летописание

Былинный эпос — это то немногое, что реально осталось в народной памяти от наследия языческой культуры после эпохи насильственного крещения Руси. Эпос стал одной из форм выражения национального самосознания русского народа.

Открытие былинного эпоса явилось одним из крупнейших достижений русской исторической науки в XIX веке. Первым получил известность сборник Кирши Данилова «Древние русские стихотворения» (1804). В последующем этнографическими исследованиям Русского

Севера к 1980 г. открыто около 3000 текстов, представляющих 80 былинных сюжетов.

То, что былинный эпос был зафиксирован в письменных источниках лишь с XVIII в., судя по всему, явилось следствием монопольного положения православия в древнерусской культуре. Церковники ревниво относились к былинам как к чему-то языческому: «Отношение к былине (старине) как божественному дару выражалось в том факте, что еще в XIX веке во многих северных районах исполнение былин происходило только в праздничные (то есть «святые») дни» [9, с. 206].

Классовая дворянская историография игнорировала и отрицала народность русского эпоса. Так, И. Н. Болтин пишет: «В старинных песнях, относящихся между черни, каковы суть о Илье Муромце, о пирах князя Володимера, и пр., в песнях подлых без всякого складу и ладу <…> Таковые песни изображают вкус тогдашнего века, но не народа, а черни, людей безграмотных, и, может быть, бродяг, кои ремеслом сим кормилися, что слагая таковые песни, пели их для испрошения милости; подобно тому, как и ныне нищие, а паче слепые, слагая нелепые стихи, поют их, ходя по торгам, где чернь собирается. Сказанные песни такого ж точно рода как сии нищенские» [11, с. 60].

Былины не похожи на придворные славословия княжеских слуг-певцов, таких как Даниил Заточник и летописцев-прихлебателей княжеских милостей и кормлений.

В отличие от германского или скандинавского эпоса, воспевающего «подвиги» насильников, грабителей и убийц, русский эпос в массе своей лишен агрессивных, порабощающих другие народы черт: «Поэзия геройской отваги нашла себе поле на родной Земле, а не на чужих заморских землях» [55, с. 78].

Мифы народов, как правило, хранились изустно в виде преданий, хранителями которых были языческие жрецы.

Если обратиться к «ПОВѢСТИ ВРЕМЯНЬНЫХЪ ЛѢТЪ», по сути, к единственному первоисточнику, с характерным развернутым названием «ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЯ, КТО ВЪ КИЕВѢ НАЧА ПЕРВѢЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ», то летописец начинает историю Русской земли не как продолжения истории части древнего восточнославянского мира, но, следуя византийским церковным трафаретам, с пересказа библейских сюжетов со времен Вавилона и всемирного Потопа.

По поводу происхождения славян Нестор ограничивается непонятным и маловразумительным утверждением: «отъ племени Афетова, Нарци, еже суть Словѣне» [64, с. 5].

Отнюдь не многословные сообщения летописца о легендарной истории славян Поднепровья — основателях Киева, быте и взаимоотношениях полян и древлян, хазарском иге и данях — сопровождаются назидательными христианскими сентенциями, чернением и проклятиями в адрес «поганого язычества».

Несмотря на вековые церковные гонения, в былинном эпосе сохранились смутные воспоминания народной памяти об истории древних языческих времен, в некоторых чертах своих отраженных и в летописных легендах.

Былины и легенды, дополняя друг друга, дают более целостную историческую картину рождения *Русской земли*. В этом плане представляет несомненный интерес сопоставление одной из древнейших былин о *Святогоре* с начальной историей Руси по летописной «Повести временных лет».

Прежде всего, нужно отметить, что летописец, рисуя широкую историческую картину расселения славян по землям восточной Европы, среди многих названий племен славян, выступающих под коренным именем русские, не упоминает.

Как известно, народ (народность) от племени (племенного союза) отличает коренная политическая особенность — проживание на территории реально состоявшегося государства.

Атрибутивными признаками государства являются — территория, население и публичная власть, отделенная от народа, опирающаяся на вооруженную силу принуждения.

Что касается центра территории *Русской земли*, то, по летописцу, им являются Святые горы, на которых, по предвидению апостола Андрея, «восияеть благодать Божья; имать градъ великъ [быти] и церкви многи Богъ «въздвигнутись» [64, с. 7]. Поэтому, местное население, т. е. славянское племя полян, по Нестору, являет собой этническую основу русского народа.

Первоначально поляне, находясь в лоне родоплеменного строя, не знали государственности, ни при апостоле Андрее, ни позже, при легендарном родовом князе Кие, по смерти которого, они подпали под многовековую кабалу хазарского ига.

Лингвистически этноним *русский* не славянского происхождения. Летописец считал понятие «русь» обозначением варягов, посольство новгородских словен «идоша за море къ Варягомъ, к Русі. сице бо тіи звахуся <…> оть тѣхъ Варягь прозвася Руская земля» [64, с.18–19].

Княжение Аскольда и Дира знаменовало собой установление на землях киевских полян раннефеодального государства норманнов,

но не древнерусского государства, поскольку по летописцу бояре Рюрика Аскольд и Дир были не рода Руси.

По Нестору, древнерусское государство возникло в связи с вооруженным походом сородича Рюрика Олега-правителя на земли киевских полян: «сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «се буди мати градомъ Русьскимъ» [64, с.23].

Сообщения Нестора можно наполнить реальным историческим содержанием образного символизма одной из древнейших былин о Святогоре. По смысловому содержанию имя Святогор, очевидно, происходит от названия *Святые горы*:

На крутыхъ горахъ, на Святыхъ Горахъ,
Великанъ-богатыръ Святогоръ сидѣлъ [2, с. 125].

Географически идентификация Святых гор очевидна, речь идет о киевских горах, где, по летописцу, в начале новой эры апостол Андрей «заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: видите ли горы сия? Яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья <…> [И] вышедъ на горы сия, благослави я» [64, с. 7].

Не менее очевидна историческая идентификация личности самого Святогора — безусловно, речь идет об Олеге-правителе, оба они «сѣде» в Киеве, на Святых горах.

В пользу такого предположения говорит этимологическое толкование имени *Олег*. Мужское личное имя Олег не славянского происхождения, восходящее к древнескандинавскому *Hélgi* — «святой» (*heilagr*).

Святые киевские Горы, несомненно, имели классовую локализацию, здесь селились князь, знать и обслуживающая их ближняя «чадь». Торгово-ремесленные простолюдины жили в прибрежных низинах Подола.

«Сидение» древнерусских князей за рубленными крепостными заборами носило ограниченно временной характер, из-за необходимости «кормления», как самих князей, так и их челяди и дружины. Князья периодически покидали место «сидения», отправляясь в окрестные походы-полюдья для сбора дани.

Вероятно, что именно по этой причине былинный Святогор седлает коня богатырского, вооружается палицей булатной и спускается со Святых гор на «чисто поле мать-сырой земли», т. е. на земли полян.

Здесь Святогор встречается с добрым молодцем *Микулой Селяниновичем*, который «с пахоты идучи, нес суму переметную». В былинном имени *Селянинович* нарочито подчеркнуто сугубо крестьянское происхождение Микулы, в богатырском труде которого видна созидательная сила русского народа.

Святогор, заинтересовавшись содержанием *сумочки-переметной*, погнался на коне богатырском за Микулой Селяниновичем. Микула, зная, что находится в *сумочке-переметной*, добровольно отдает ее Святогору, чтобы он ее просто подержал.

В *сумочке-переметной* удалого Микулы лежала «тяга земная». Святогор вначале вцепился в *сумочку* ухватистыми пальцами, затем, всей рукой, двумя руками и:

Во сыру землю угрязнулъ по колѣночки,
По бѣлу лицу не слёзы — кровь течетъ.
Уходилось сердце молодецкое [2, с. 125].

В этом былинном эпизоде в символическом виде характерно показано соотношение власти княжеской с властью народной. Труд народа, заключенный в *сумочке-переметной*, как одна из основ человеческого бытия, поставил высокомерную вооруженную княжескую власть, в лице Святогора, на колени в грязь земную перед Микулой Селяниновичем, т. е. перед трудящимся народом русской земли.

Судя по всему, врастание Святогора в землю, символизирует собой врастание в землю русскую власти норманнских князей через проливаемую слезы-кровь порабощенных ими людей.

По былине, дальнейшая судьба Святогора неясна. По мнению сказителя былины гусёльщика *Добрынюшки*, где «угрязнул» в сырую землю Святогор, там «баютъ, онъ и встать не могъ», там и представился. А *Бармята Васильевич* сообщил непроверенный слух, что, мол, Святогор все-же вернулся на Святые Горы.

Факт неясности обстоятельств гибели роднит жизненные судьбы Святогора и Олега-правителя.

Святогора с Олегом роднит и очевидное религиозное вольнодумие. Имя *Вещий* связано с легендой летописца о встрече Олега с волхвами-кудесниками и беседе с ними о своей будущей судьбе. Волхвы предрекли гибель Олегу от его любимого коня. Прошло пять лет, конь умер, а Олег был жив. Олег «посмѣася и укори кудесника, река: то ти неправо глаголють вольсви, но все лжа есть: конь умерлъ естъ, а я живъ» [64, с.38].

Святогор, в сравнении с Олегом, пошел еще дальше, приблизив себя к уровню Творца мироздания. Играючи, он кинул палицу булатную «выше облака ходячего», чтобы утвердить в небесах кольцо, привязать к нему цепь железную:

Притянулъ бы небо къ землѣ-матушкѣ,
Повернулъ бы землю краемъ вверхъ,
И смѣшалъ бы земныхъ с небесными! [2, с. 125]

Мотивы смешения «земных с небесными», безусловно, языческие, ведь в основе язычества лежит обожествление природы вообще.

Безмерная гордыня, по мнению гусёльщика Добрынюшки, стала роковой в жизненной судьбе Святогора: «Наказалъ Господь за похвальбу великую!» [2, с. 127].

Несмотря на это обстоятельство, по предложению Алеши Поповича, одобренному князем Владимиром, древнерусские богатыри Илья Муромец и Добрыня Никитич решают: «Правду-истину извѣдати, Святогора попровѣдати» — имея целью померяться с ним силой богатырской или побрататься.

Чем закончились поиски древнерусскими богатырями Святогора — неизвестно. Однако исторически образный символизм окончания былины о Святогоре понятен. Речь идет о решении вопроса, что делать с норманнами, сидевшими на русской земле, или биться с ними, или брататься, т. е. быть вместе. Как известно в истории, князь Владимир выбрал последнее — норманны служили ему безупречно.

Былинные сказания о походе на Корсунь

Былинный эпос веками существовал в русле устного народного творчества, став неотъемлемой частью начальной истории древнерусского искусства.

Основной массив былин в живом исполнении сохранился в одном определенном регионе Русского Севера — Поморья (термин известен с XIV века) — от Онежского озера и Белого моря до Печоры. «Сопоставление былинного ареала с показаниями письменных источников, антропологических, этнографических и диалектологических данных позволяет утверждать, что распространение былин на Русском Севере можно связывать только с новгородскими переселенцами <…> к XIV–XV вв. былин не было на всей территории Руси, кроме Новгородской земли» [25, с. 41, 93]. «Былинные очаги», сохранившиеся в отдельных районах Приуралья и Сибири, были занесены туда переселенцами из Поморья, т. е. предками новгородцев.

Достоверность неизменности текстов былин, передаваемых по наследству поколениями сказителей друг другу, не вызывает сомнений. Известная сказительница былин А. М. Крюкова говорила: «проклят будет тот, кто позволит себе прибавить или убавить что-нибудь в содержании старин» [6, с. 13]. При этом, нужно отличать текстовую изустную достоверность от самой исторической реальности, фрагментарно вкрапленной в художественную былинную ткань.

В былинном сказании о «Князе Глебе Володьевиче» в двух версиях №50 и №80 [6] можно найти «старины» исторических обстоятельств

похода на Корсунь в 988 г. князя Владимира. Обе версии дополняют друг друга.

В версии сказании № 50 Глеб Володьевич выступает как князь новгородский, задумавший выгодное торговое предприятие, «дѣлышко немалоё». Он снаряжает три корабля «дорогими всё разныма товарами», набирает команду «младых корабельшиковъ» и отправляет их «за сине солоно морё, морё Арапскоё», близ земли татарской.

Перед нами возникает реальная историческая картина новгородского торгового предприятия по «варяжскому пути» от Волхова до Черного моря, по его вполне реальным географическим признакам.

Князь Глеб Володьевич являет собой некий собирательный многоплановый образ. Исторически к нему близок Глеб Святосла́вич († 30 мая 1078 г.) — князь тмутараканский (1064, 1066–1068), князь новгородский (1069–1078), старший сын великого князя киевского Святослава Ярославича.

Именно князю Глебу Святославичу было весьма сподручно организовать и провести выгодную торговую экспедицию из Новгорода к причерноморской Тмутаракани.

По сказанию, торговую экспедицию постигла неудача. Буйными ветрами суда «замётало-забросало» на татаро-арапские земли еретицы и разбойницы Маринки Кайдаловки. Она обобрала русских купцов пошлинами, отняла у них корабли, а затем, кроме трех корабельщиков, посадила всех в тюрьму.

Корабельщики конфискованных судов решили написать «скору грамотку» князю Глѣбуту Володьевичу, что их ограбила разбойница Маринка Кайдаловка:

> Она все у насъ взяла да все отобрала.
> Своёму она берёт эту всё пошлину,
> Своёму-то скоплятъ она то золоту казну…
> Заморить она хоцётъ всё сьмертью голодною [6, с. 252].

Познав о случившемся, князь Глѣбъ да свѣтъ-Володьёвицъ седлает доброго богатырского коня и немедленно является «ко той-ли еретици, все безбожници Маринки ко Кайдаловки».

Здесь выясняется неожиданное обстоятельство. Маринке уже давно как «замуж выйти хотѣлось, во супружество» и она специально спровоцировала ситуацию с грабежом, желая видеть князя у себя при широком дворе.

Маринка предложила Глебу в обмен за замужество вернуть князю его конфискованные товары и корабли с плененными людьми. Князь Глеб отказался брать в жены еретицу и безбожницу Маринку. После этого начался торг, т. е. переговоры. Маринка предложила князю отгадать шесть

загадок. Глеб без труда их отгадал. Пришлось Маринке отдать все княжеское добро.

На прощанье озлобленная еретица и безбожница Маринка поднесла князю золотую чарку с отравленным вином, однако княжеский конь, почуяв недоброе, ударил в землю правой ногой. Яд, расплескашись, вспыхнул на земле ярким пламенем. Тут князь Глеб, подъехав к Маринке Кайдаловке:

Онъ хваталъ скоро свою-то саблю вострую,
Онъ отсѣкъ-то, отрубил да у ей голову;
Они вырубили всихъ со старого, до малого,
Не оставили они сылы на сѣмяна» [6, с. 255].

В былинном сказании о князе Глебе Володьевиче видны две сюжетные линии — побочная религиозная и главная торгово-экономическая. В религиозном плане князь Глеб выступает поборником святой Руси, силой оружия уничтоживший все живое «от старого до малого» в осином гнезде еретицы и безбожницы Маринки Кайдаловки.

Перед нами возникает былинная о инверсная картина действительных исторических событий борьбы новгородского князя Глеба с язычеством, но не на юге близ «земли татарской и моря Арапского», а в самом Новгороде.

В 1071 г. языческие волхвы подняли восстание в Новгороде. Епископ Федор с крестом, с князем и дружиной вышел к восставшим и обратился ко всем: «Кто верует волхву — идите к нему, кто верует кресту — идите ко мне». К епископу подошли князь с дружиной, а к волхву весь народ. Видя, что *людие* за волхва — князь Глеб, взявший потихоньку топор, зарубил волхва, люди же, увидев его мертвое тело, разошлись [64, с. 175–176].

В полном виде сюжетная линия искоренения язычества на Руси изложена в былине «Три года Добрынюшка стольничал», где подробно описана изуверская казнь Марины Игнатьевны — *Суки-еретницы*, не имевшей в доме образа Спаса.

Славный Добрынюшка уличил Марину *еретницу-безбожницу* в колдовстве и преподал ей *учение*: вначале отрезал руку, потом отсек обе ноги, затем отрезал губы и нос, и, наконец, голову ей отсек с языком прочь, приговаривая: «мне и ето языкъ не надобенъ, знал онъ дела еретическия» [96, с. 31].

Торгово-экономическая тема становится доминирующей в версии №80 сказания о «Князе Глебе Володьевиче». Здесь он представлен не князем новгородским, но князем московским.

Сюжетная линия о трех кораблях, занесенных непогодой, сохраняется, с точной географической локализацией, вместо неопределенного

моря «Арапского», речь идет о «синя морюшке Корсунском». По сказанию, корабли попали в гавань Корсуни.

В городе не было ни королей, ни королевичей, ни царей, ни царевичей, ни князей, ни княжевичей[212]: «Тутъ жила была Маринка дочь Колдаёвна, Она бле [я]ть, еретица была, безбожьница» [6, с. 429]. Маринка установила режим пошлинного беспредела для торговых кораблей, прибывающих в гавань:

Они какъ вѣдъ въ гавани заходили, брала пошлину,
Паруса ронили — брала пошлину,
Якори-ти бросали — брала пошлину,
Шлюпки на воду спускали — брала пошлину,
А какъ въ шлюпочьки садились, брала пошлину,
А къ мосту проставали — мостову брала,
А какъ по мосту шли, да мостову брала,
Какъ въ таможню заходили, не протамажила,
Набирала она дани-пошлины немножко, немало –
сорокъ тысечей [6, с. 429].

Три русских торговых корабля, которые везли товары, среди были и драгоценные подарки князю Володьевичу, Маринка обобрала начисто, суда конфисковала, приставив к ним «крѣпкихъ стророжовъ», а «трёхъ младыхъ карабельщиковъ» выгнала прочь. Пришлось им писать «ёрлыкити скоропичяты» Глѣбову Володьёву о случившемся и молить князя о помощи.

Исторически под эпическим князем Глебом Володьевичем можно разуметь знатного варяжского вельможу именем Улѣбъ Володиславль, в числе других лиц подписавших в 945 г. мирный договор Игоря Рюриковича с Византией. Улеб был так знатен, что договор подписал и некто Сфандр от жены Улеба [64, с. 46].

Корсунь в те времена была автономной провинцией Византии в Крыму. Тема торгово-экономических отношений между рождающимся древнерусским государством и византийской империей была одной из центральных в мирных договорных отношениях между ними.

Самым выгодным был мирный договор 907–912 гг. Олега-правителя с Византией, в котором предусматривался особо благоприятный режим торговли для русских купцов. В договоре, в частности, оговаривались взаимные наказания за грабежи и кражи, помощь попавшим в бедствия судам, льготы русским для торговли и проживании в Царьграде.

Договор 945 г. Игоря с Византией был взаимовыгодным, но не давал явных преимуществ русским купцам. В договоре особо оговаривались

212 Это типичный древнегреческий полис республиканского типа. Поэтому он,по самодержавно-православным понятиям, покрывается грязью проклятий.

права Корсунской страны. Русские не имели права воевать и держать войска в Крыму, но были обязаны помогать корсунцам воинами, сколько им будет нужно. Корсунцы могли ловить рыбу в устье Днепра в любое время, при этом, русские не имели права там зимовать и должны были осенью уходить обратно на Русь.

В договоре 971 г. Святослава с греками не оговариваются взаимные торговые права, Русь обязывалась навсегда отречься от каких-либо претензий к Византии, Болгарии и Корсунской стране.

Судя по всему, режим пошлинного произвола, установленный в Корсуни Маринкой Колдаёвной, относился к временам после гибели Святослава, касаясь эпохи княжения Владимира.

По сказанию, былинный князь Глеб Володьевич, получив «ёрлыки карабельщиков», вознегодовал, особенно при вести о конфискации дорогих подарочков к нему.

В отличие от первой версии, где князь Глеб отправляется наводить должный порядок сам на добром коне, в версии № 80 князь для похода на Корсунь созывает дружинное войско из 30 тысяч воинов, из которых отбирает 300 отборных молодцов[213].

Весьма показательно то обстоятельство, что по сказанию, князь с отборной дружиной двинулся в поход на Корсунь на конях сухопутной дорогой, т. е. по тмутараканским землям.

По сказанию, былинные особенности похода на Корсунь князя Глеба Володьевича схожи с историческими фактами осады и штурма Корсуни князем Владимиром. Княжеские дружины окружили крепость военным лагерем, готовясь к длительной осаде:

> А да спите-тко, лёжите во бѣлыхъ шатрахъ,
> А дёржите караулы крѣпкія и строгія.

Князь Глеб лично осмотрел крепость Корсуни снаружи, узрев мощные стены с наугольными башнями. Крепостные ворота были присыпаны валом из «да пески камешки»[214].

Дружина получает княжеское распоряжение начать штурм крепости и беспощадную резню в городе по условному знаку, как только неровно зазвенит княжеская сабля:

---

213 Приводимая здесь былинная численность русских войск вполне реальна. Несколько десятков тысяч воинов было в дружинном войске Святослава в походе на Болгарию. Сама же отборная княжеская дружина насчитывала несколько сот человек. — Авт.

214 Это былинная инверсия крепостного вала, насыпанного русскими войсками, окружившими город. Корсунцы, не сдаваясь, ночью, как кроты, руками подкапывали земляной вал укреплений русских войск, тем самым мешая им вплотную приблизиться к городским стенам. — Авт.

А скачите вы черезъ стѣну городовую,
Ужъ вы бейте-ко по городу старого и малого,
Ни единого не оставляйте вы на сѣмёна [6, с. 432].

Затем, князь Глеб на коне подъезжает к крепостным воротам наугольной башни и зычным голосом вопрошает в адрес корсунской правительницы Маринки Колдаёвны:

А зачѣм ты обрала у мня да черны карабли,
Ты зачѣм жа у мня згонила съ караблей моихъ трёх-то
карабельщиков,
А нашьто поставила да своихъ караульщиков? [6, с. 432]

Услышав громоподобный голос князя Глеба, Маринка, появившись на крепостной стене, узрела как самого князя, так и дружинные шатры вокруг города. Поняв, что дело плохо, Маринка затеяла переговоры, предложив Глебу три загадки хитромудрые, которые князь без труда отгадал.

Маринка, затаив злобу, велела освободить ворота крепости от песка и камней и, как красна девица, объявила, что пойдет замуж за князя, налив ему чашу зелена вина с лютым зельем-отравой. Затем последовала сцена, как верный княжеский конь, припав на ногу, сплескал чару зелена вина:

Загорѣлась у добра коня да грива лошадиная.
А как ту да Глѣбъ испугался жа,
А бросал-то чару на сыру землю;
Ише какъ тутъ мать сыра земля да загорѣласе [6, с. 433].

Глеб, придя в ярость, отсек саблей «ей Маринки буйну голову». Услышав условный знак неровного звона княжеской сабли, в город через открытые ворота ворвалась дружина, начав резню под корень всех жителей, и старых и малых.

Историк А. Ю. Карпов пишет об этом: «А ведь виновата перед былинным Глебом Володьевичем была одна только правительница Корсуня-города злая "еретица" и "безбожница" Маринка дочь Кайдаловна», а отнюдь не рядовые жители города, «старые и малые» [44, с. 232].

Такая оценка событий А. Ю. Карповым поверхностна. Обстоятельства погрома княжеской дружиной Корсуни носили глубинный характер и не случайно были обращены зловещим образом к судьбам всех горожан. Если внимательней присмотреться к былинной оценке Корсуни и ее жителей, то можно предположить, в чем была суть кровавых событий.

Политическая и экономическая оценка города по былине однозначна: Корсунь — то место, где не было ни королей, ни царей, ни князей, ни их наследников. Вместо них горожане поставили у власти «бле [я]ть, еретицу и безбожьницу» Маринку Колдаёвну, которая устроила в черноморском порту режим пошлинного грабежа. В Корсуни царил режим

ворократии, узаконенной власти мародеров, осиное гнездо наглого обмана, безбожия и гнусного разврата.

Это шло полностью в разрез русским (славянским) традиционным устоям гостеприимства, честности, целомудрия. Князь Глеб прекрасно понимал, что просто убить Маринку, как он убил новгородского волхва, будет бесполезно, на ее месте появились бы новые гадины и твари. Необходимо было искоренить чертополох беззакония до последнего семени, сжечь всю мерзкую скверну этой чумы до тла.

Чтобы корсунская зараза не коснулась души воинов, Глеб Володьевич тщательно подобрал дружину — из 30 тыс. воинов князь выбрал лучших добрых молодцов, под стать себе: «Шьтобы были все да одного росту, А да голосъ къ голосу да волосъ къ волосу» [6, с. 431]. Когда очаг корсунской заразы был истреблен и выкорчеван, князь Глеб Володьевич с дружиной:

> Уходили на сьвяту-ту Русь…
> Поживать-то они стали всё постарому,
> Всё постарому стали, всё по-прежнему,
> Всё по-прежнему стали, по-хорошему [6, с. 255].

Таким образом, религиозно-политическая суть былинного сказания о князе Глебе Володьевиче обретает черты идеала исконно русского этического традиционализма.

В сказании заметны и другие темы. Например, упоминание о желании замужества за князя Глеба правительницы Корсуни Маринки Колдаёвны. Это необычная былинная интерпретация исторических обстоятельств выдачи замуж за князя Владимира византийской царевны Анны, связанных с Корсунью. Здесь былинное сказание обратно реальной истории, где православная царевна Анна имеет дело с «еретиком и безбожником» князем Владимиром.

Интересна и былинная тема помощи верного коня князю Глебу. Эта тема имеет явную аналогию с конем одного из первых русских святых, так же князя Глеба, конь которого споткнулся, роковым образом изменив маршрут похода Глеба от верховий Волги к Смоленску.

Вообще, в русском эпосе, как и в жизни простых русских людей, конь-кормилец имел исключительно важное значение. Известны сказки-сказания по этому поводу о Коньке-Горбунке, о Сивке-бурке вещем каурке.

Если сопоставить роль коней в сказаниях о Глебе Володьевиче и Олеге-правителе, то по религиозной теме они былинно инверсны. Олег-правитель был наказан роком судьбы и принял смерть от черепа любимого коня за неверие предсказанию волхвов. Олег «посмѣася и укори кудесника, река: то ти неправо глаголють вольсви, но все лжа есть: конь умерлъ

естъ, а я живъ» [64, с.38]. Но «змиа из голы лба виникнувши, уклюну» князя в ногу, после чего он разболелся и умер.

Совсем иная религиозная ситуация возникает с конем князя Глеба Володьевича. Глеб выступает как представитель святой Руси, ревностный борец с «еретицей и безбожницей» коварной Маринкой Колдаёвной. Верный княжеский конь спасает, рискуя собой, князя от верной гибели — от прикосновения к содержанию чаши зелена вина с зельем-отравой.

Тема отравы не случайна, это «византийский след» в русской былинном творчестве. Низменное коварство намеренного убийства отравой, от чаши, подносимой в знак дружбы и любви, что может быть подлее и порочней.

Император Цимисхий, равный Святославу в военном мужестве и удаче, умер в страшных мучениях, отравленный своей придворной знатью. После него пришли к власти братья-императоры Василий и Константин, во времена которых князь Владимир взял штурмом Корсунь.

Интересна и былинная тема сказания об огне, вызванном расплескавшимся отравленным вином, поднесенным Маринкой Колдаёвной князю Глебу Володьевичу. Огонь был настолько силен, что от него загорелась не только грива верного княжеского коня, но и мать сыра земля.

Вероятно, что перед нами своеобразная былинная интерпретация реальных исторических обстоятельств штурма Корсуни, связанных с возникшими при этом пожарами, подтвержденными археологическими данными. А. Л. Якобсон по этому поводу высказывает предположение, что именно вследствие обстрела Херсона (Корсуни) «живым огнем» в городе возник пожар [124, с. 65].

Такое предположение невероятно, дело в том, что секрет приготовления «живого (греческого) огня», от которого горели даже камни, византийцы хранили в строжайшей тайне. Его, как правило, с успехом применял византийский флот. По летописям, от греческого (ладейного) огня пострадали корабли и дружина князя Игоря при набеге на Византию в 941 г.

Былинный эпос о временах князя Владимира

По своему содержанию, большинство тем русского героического эпоса сложилось в южной Киевской Руси. Богатыри совершают свои подвиги, как правило, в «чистом поле», простирающемся от Киева к «синему морю», речь идет о причерноморских и прикаспийских степях.

Историческое единство киевского и новгородского эпоса отражало собой единство и могущество русской земли в славные времена

Владимира. Былины о *князе-солнышке* Владимире устами сказителей грели сердца благодарных слушателей в длительную темную пору северной зимней стужи.

На Руси народ особенно любил богатырей, называемых *божьими людьми*. В эпосе упоминается много богатырей времен князя Владимира: крестный батюшка Ильи Муромца *Самсон Самойлович*; соратник Ильи Муромца *Калика-богатырь*, у которого костыль в девяносто пуд; *Ян Усмович* (кожевник) — победитель печенегов, убивший их богатыря; *голь кабацкая Василий Игнатьевич*, победивший возле Киева царя Батыгу; *Рагдай Удалой* — ходивший на триста воинов; богатырь галицкий *Михайло Казаринов*; *Андрих Добренков,* отравленный слугами в 1004 г.

Богатырский эпос, несомненно, носит исторический характер: «Во многих былинах подробно описано, как именно вооружены богатыри князя Владимира <…> описываются именно те брони, какие были в употреблении в X веке — кольчатые и дощатые. Ни разу не встречено упоминания о более сложных видах брони, вошедших в употребление позже <…> Погребение богатыря Михаила Потыка в полном вооружении, с конем в сбруе, под насыпным курганом, — то есть по обряду, сохранившемуся в Древней Руси не позднее X–XI веков <…> реалия эта доказывает как то, что былины складывались в воинской, дружинной среде (едва ли крестьяне могли столь точно знать обряд воинских похорон), так и то, что их формирование относится ко времени не позднее XI века» [66, с. 30–43].

Славным богатырям Руси противостоит эпический образ *Чурилы Пленковича* молодого повесы, «пустохвата боярского», измывающегося над подневольным людом [2, с. 184–186]. Излюбленное занятие боярского бездельника Чурилы — созывать богатых гостей на княжеские пиры.

По былинам русские богатыри вершили многие славные дела — это борьба с внешней угрозой (ордынцами царевича *Калина*); устранение внутренних неурядиц (самоуправство дикого *Соловья Разбойника*); искоренение язычества, воплощенного в образе «поганого» *Идолища*.

Былинный эпос не обошел и иудейской темы, явив нам образ *Жидовина Проклятого* с Хазарской стороны [75, с. 238]. Известна былина о борьбе Ильи Муромца с *Жидовином-богатырем*, пришедшим из земли Жидовской (Хазарии) в «степи Цицарские» (Византийское Причерноморье), где под «горою Сорочинскою» *Жидовин* напал и на Добрыню Никитича. Не устоял младой Добрыня, отступил перед *нахвальщиком*. Пришлось выйти против Жидовина старому Илье Муромцу. Тяжкий это был бой, уже осилил Жидовин Илью, оседлал. Распростерся на сырой земле Илья Муромец под Жидовином проклятым. Но русская земля

придала втрое больше сил Илье, воспрял он могучей русской силой, сбросил с себя Жидовина:

Вскочил Илья на резвы ноги,
Сел нахвальщине на белы груди, <…>
По плеч отсек буйну голову [13, с. 122–129].

Влияние иудеев на Киевскую Русь было весьма ощутимым и болезненным для русских людей. Поэтому письменные произведения на Руси XI — первой половины XII веков, которые в массе своей носили богословский характер, в основном, помимо католицизма, были направлены и против иудаизма.

Богатыри-ратники Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович имели свой характер и разное сословное происхождение. Добрыня Никитич — сын киевского боярина, Алеша Попович — сын соборного ростовского священника, Илья Муромец — простого крестьянского рода. Каждый из них понимал границы своего социального статуса.

Добрыня, после подвига по освобождению племянницы Владимира *Забавы* от *Змея Горыныча*, отвечает отказом на предложение взять ее в жены, благоразумно замечая: «Не чета тебе, княжна, боярский сын» [2, с. 58].

Илья Муромец, освободивший Чернигов от осады «черной орды», на предложение стать воеводой отвечает: «Не дай, Господи, с холопа сделать барина» [2, с. 98].

По былинам, в личном плане князь Владимир в общем бесцветен, в основном «он лишь пирует, да похаживает по гриднице светлой, расчесывая кудри черные» [5, с. 356], или отдыхает.

В русских былинах сложно найти эпизоды, где Владимир обнаруживает свою храбрость. Обычно при опасности князь Владимир явно растерян и просто трусит, плачет «роняя с ясных очушек слезы горючие», ползает «на карачках возле печки», прячется куда подальше, где бьет поклоны *божьим угодникам*. Иногда Владимир попросту признается, что не способен защитить не то, что веру христианскую, постоять за Киев-град, он не может защитить даже самого себя, взывая к помощи древнерусских богатырей.

Храбрость Ильи Муромца противопоставляется трусости богомольного князя Владимира. Когда Калин-царь подступил к Киеву с несметной ратью, Владимир, вместо того, чтобы защищать город, заплакал, и в страхе стал бить поклоны и служить молебны, чтобы Господь спас и помиловал. Илья же перебил «железной шалыгой дорожной» «все войско собаки Калина», но сделал это «не ради князя Владимира, «не ради церквей и монастырей», а ради спасения «земли Русской, стольного града-Киева, ради вдов, сирот, бедных детушек» [117, с. 62–63].

Илья Муромец, идя к Киеву, по пути обустраивает землю Русскую — сворачивает огромные камни, вырывает деревья, чтобы очистить землю под пашню; строит мосты; прокладывает дороги в лесах и болотах, через брянские и смоленские грязи.

Сложная коллизия возникла из-за решения Владимира назначить «первым богатырем во Киеве» Илью Муромца. Алеша Попович вознегодовал: «Я из рода старого поповского, Добрыня из боярского», неужели нами будет командовать «деревенщина», невесть откуда взявшаяся [2, с. 112–113]. Не желая ссоры, Добрыня сослался на богатыря Микулу Селяниновича, также простого крестьянина, служившего Владимиру. На что, с усмешкой, Алеша Попович возразил — да какой Микула богатырь, ведь он своих мужиков гурчевцев-ореховцев с княжеской дружиной исхлестал плетьми [2, с. 123].

Князь *Владимир* подобен центральному светилу, около которого вращается политическая система древнерусского государства. *Владимир-солнышко* грел многих людей, по летописцу, в господские праздники князь ставил три тризны: одну — священству, другую — нищим, третью — себе и боярам [64, с. 122].

Княжеская *гридня*-столовая, как римский форум, где собираются сливки общества тех времен — сватаются, интригуют, ссорятся, мирятся, замышляют богатырские наезды против врагов внутренних и внешних и почивают на лаврах славы после многолетней службы на сторожевых заставах. Н. И. Костомаров пишет: «Товарищеские пиры-братчины имели общественное значение; это было средство сближения между собой; это были, так сказать, общественные митинги, где не только пировали и веселились, но и толковали о делах» [53, с. 157].

Обыкновенно, по содержанию, киевские былины зачинаются пирами Владимира: «В песнях он показывается не просветителем Русской Земли, а идеалом роскошного господина» [55, с. 83].

Но проблемы были и у *князя-солнышка*. Вот на пиру-застолье, где одна чаша, как полтора ведра, объявляется *Ставр Годинович*, молодой торговый гость черниговский, который объявляет, что он так богат, что может продать, а затем выкупить всех бояр, а перед красой его жены князь Владимир с ума сойдет. В наступившей тишине, разгневанный Владимир велит заточить Ставра *во погреба холодные на 6 лет на воду и овес* [2, с. 61].

В былине «Илья Муромец и Калин-царь» повествуется, как, впав в негодование от *боярского воронья,* князя Владимира богатырский отряд во главе с *Самсоном Самойловичем* (крестным батюшкой Ильи Муромца) вышел из Киева на восточную сторону. В это время к Киеву подступила несметная поганая татарская рать собаки Калина-царя. Илья Муромец

стал уговаривать Самсона Самойловича выступить в поход «за славный стольный Киев-град, за церкви Божие, за князя Владимира и его жену Опраксну-королевичну», на что получил троекратный категорический отказ: «У Владимира есть много князей и бояр, кормит их он, поит и жалует» [13, с. 75] — пусть они его и защищают!

Центральное место по социальному накалу занимает былина «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром». После долгой службы на Западе (*литвах*) и Востоке (*ордах*) Илья едет в Киев на отдых. Там он застает обычную картину княжеского пира-веселья, и князя Владимира, окруженного новыми «воронятами-боярченками».

Забытого Илью никто не узнал, его посадили с самого края стола, хуже всех. Не стерпел Илья и отодвинул в угол «боярских воронят». Закричал, как «лютый зверь», князь Владимир, велел слугам выкинуть прочь на улицу Илью. Да не тут-то было, двинул могучим плечом Илья — попадали княжеские холуи, «порасползлись», Владимир в страхе «за печь позадвинулся».

Вышел в гневе Илья на крыльцо из княжеских покоев. «Тугой лук натягивал, каленую стрелочку накладывал», посбивал на землю украшения с княжеских кровлей и маковок златоверхих. Отдал это богатство простому люду *голям*, накормил и напоил их досыта.

Возрадовались киевские «голюшки», говорит им Илья такие слова: «Я завтра буду в Киеве князем княжить, а вы, голи, будете над всеми наибольши» [2, с. 154]. В этом эпизоде видна идея «народного» княжения, с опорой на поддержку богатырей.

Союз Ильи Муромца с народом устрашил Владимира, он стал искать примирения. Илья выдвинул ультиматум — чтобы Владимир поделился богатствами с простым людом (поил и кормил бы всех 3 дня). «А коли не сделает по моему, то ему Владимиру княжить (и жить) до утра» [2, с. 157].

Илья предложил Владимиру и его боярам лично обносить яствами и питьем *голюшек* и весь честной народ. Владимир, затаив злобу, предлагает Илье быть «за хозяина», спуститься в подвалы и вынести все нужное для всенародного пира. Но когда Илья спустился в погреба, Владимир приказал его там живьем замуровать, завалить *дубьем-колодьем*.

Познав о вероломстве Владимира, вознегодовали русские богатыри, затаили обиду великую, решили, что не будут отныне служить в Киеве.

Не случайно, что в эпическом плане, видны такие черты князя Владимира, как коварство, жестокость, жадность — типичные для феодалов княжеской Руси.

Разные экономические условия жизни Киева (феодальный капитал) и Новгорода (торговый капитал) отразились и в былинном эпосе.

В былинах о Киеве звучат мотивы государственного начала — борьбы за «святую Русь, за славный Киев, за церкви божьи, за веру христианскую, за бедных вдов и малых детушек». Былинный центр власти Киева — князь Владимир[215], при котором древняя Русь достигла зримой вершины могущества.

О человеческих жертвоприношениях на Древней Руси

Безусловно, ясно, что если говорить в целом о божествах славян-язычников, то они несли людям свет, тепло, плодородие, защиту, а сказания «злобных человеконенавистнических библейских пророков» [95, с. 447] заполнены карами за *грех неверия* и изуверскими наказаниями людям, народам (*Вавилон*) и всему человечеству в целом (*Всемирный потоп*). По догматам христианства: *ад* — это место *вечных и безмерных страданий* безмерного числа душ грешников.

Церковники, конкурентно подавляя предшествующую им народную языческую веру, толковали о ней лишь негативно, как о темных бесовских силах суеверий грубых умом славян, заблудших во «мраке идолопоклонства религии аборигенного уровня» [86, с. 76]. Языческое богослужение квалифицировалось как «творяше норовы поганьския» [64, с. 62], «смрадное кумиробесие» [50, с. 23], а все язычество изощренно клялось как «поганое идолище, лютое хайлище, черная собачища псища, кобелище-объедище» [2].

Во франкской «Хронике Фредегара» (VII в.), по поводу отношений христиан и язычников пишется: «Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи установили дружбу с псами» [97, с. 369]. Уподобление язычников «псам» восходит к евангельской аллегории «брось хлеб псам» (Матф. 15.26). В слове Златоуста, обличающем язычников, Макошь, жена Перуна, богиня плодородия, ставится в один ряд с упырями.

Православные летописцы обрушили на язычество потоки лжи и клеветы. О язычниках-древлянах летописец пишет: «Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица» [64, с. 12]. Солидарно с летописцем о язычестве пишет митрополит *Илларион* (1051–54), объявляющий мир, не знающий христианство,

215 Большинство событий, происходящих в былинах, приурочены ко двору князя Владимира, былинный образ которого объединил воспоминания по меньшей мере о двух киевских великих князьях: Владимире Святославиче (†1015 г.) и Владимире Мономахе (1053–1125 гг.) — Авт.

миром зверей и скотов, молящихся идолам нечеловеческим языком «гугнивых» [39, с. 64].

Летописцы-монахи усердно измышляли фантазии о человеческих жертвоприношениях, принятых среди язычников, пугая людей жуткими картинами: «Омраченные суеверием идолопоклонства (волхвы) обагряют свои требища кровию христиан, выбранных жребием из пленников. Они думали, что идолы увеселятся христианской кровью, и к довершению ужаса пили её». Жрецы же при языческих храмах-капищах «питались жертвою, приносимую их божествам» [42, с. 37]. Здесь Н. М. Карамзин, не мудрствуя лукаво, достославно воспроизводит фантазии монаха католика хрониста XII века *Гельмольда* из Басау *(Helmold von Bosau)* из его «Славянской хроники» *(Chronicon Slavorum)*.

В этом плане следует упомянуть и греческих православных религиозных фальсификаторов и историков. Одним из первых

ударился в дикие измышления о звероподобных склавинах (славянах) монах константинопольского монастыря Акимитон *Псевдо-Кесарий* (середина VI в.): «склавины <…> с удовольствием поедают женские груди, когда они наполнены молоком, а грудные младенцы при этом разбиваются о камни, подобно мышам <…> [Они] питаются лисами, и лесными кошками, и кабанами, перекликаясь же волчьим воем» [97, с. 254].

О человеческих жертвоприношениях среди росов пишет Лев Диакон, однако сам он этого не видел: «Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы <…> начав подбирать своих мертвецов, они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра» [58, с. 78].

Но росы Святослава — это его варяжские воины, отправляющие свой языческий культ жертвоприношения, но отнюдь не восточные славяне.

О человеческих жертвоприношениях времен князя Владимира, 450 лет спустя, лживо толкует католический польский историк Ян Длугош (1415–1480): «И не только сам князь, но и весь народ русский (?! — Авт.), следуя этому ложному (языческому) обряду, почитал кумира Перуна самыми частыми жертвоприношениями и всесожжениями» [119, с. 230].

Отношение к язычеству как к чему-то «поганому» перешло в официальную дореволюционную историографию. В. Н. Татищев отмечает жертвы бесчувственным (? — Авт.) славянским богам [106, 1773, с. 5]. Он пишет: «В каком мерзком зловерии и злоключении до проповеди нам Христовой предки наши пребывали», называя язычество

болванохвальством, а славянских богов *божишками* с их «безумием и мерзостью богослужения» [106, 1768, с. 9]. Затем не мудрствуя лукаво сообщает, что в Киеве времен Владимира языческим богам «люди жертвы приносили <…> имЪ приводили сыны и дщери своя вЪ жертву служащее» [106, 1773, с. 61].

Эта традиционная христианская точка зрения, укоренившись, воспроизводится вплоть до наших дней. Так, А. М. Ранчин стращит малосведущих людей: «Если человеческие, в том числе детские, жертвоприношения и не были в Киеве 980-х годов обыденными, то в особо торжественных случаях людей в жертву богам приносили, несомненно <…> Старшие княжичи [сыновья Владимира] еще могли видеть эти дикие, душераздирающие сцены, когда несчастных, в том числе детей, волокли к жертвеннику и их кровь орошала землю» [88, с. 83].

Однако за полтора века археологических раскопок сотен древних городищ восточных славян, открывших десятки языческих святилищ, не обнаружено ни одного факта человеческих жертвоприношений. Это касается и киевского святилища Перунова холма, и новгородской Перыни, и псковских жертвенников. Найденные в зольниках костров святилищ кости показывают, что в жертву приносили прежде всего лошадей, быков, свиней, птиц и рыб [83, с. 214].

Византийский историк середины VI в. Прокопий Кесарийский, особо подчеркивающий, что пишет о том, что видел сам, сообщает о древних славянах: «они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных» [26, с. 82]. Константин Багрянородный пишет о языческих жертвоприношениях на Руси, на так называемом острове святого Григория, во время переезда из Киева в Царьград: «на этом острове справляют они свои жертвоприношения, потому что там стоит огромный дуб. И приносят они в жертву живых петухов и кур <…> другие кладут хлеб, мясо или что другое, что у кого найдется, таков их обычай. Они бросают также жребии на петухов и кур, о том следует ли их убить или съесть или оставить в живых» [26, с. 98]. О схожем совершенно (славянском) обряде возношения хлебом, мясом, луком, молоком, хмельным напиткам, петухами и курицами, говорится у *Ибн-Фадлана* [51]. *Ал-Массуди* сообщает о приношении одному из идолов проса [105, с. 67].

Единственный достоверно известный летописный случай жертвоприношения в Киеве в 983 г. касается не славян, но двух варягов, отца и сына. К тому же, это событие имело не только религиозные основания, но, несомненно, и политические, «греческий» след в них очевиден.

В. Я. Петрухин обратил внимание на то, что летописец в сообщении о человеческих жертвоприношениях использовал стереотипные выражения из Библии, перешедшие в греческую книжность Иоанна Златоуста и Георгия Амартола, с переводами которых обращались древнерусские летописцы. По его мнению, здесь мы видим скорее «общее наследие библейско-византийского литературного «этикета», чем связь с реалиями или пережитками языческого «быта» [81, с. 209–210].

Правомерен и общий вывод В. Я. Петрухина: «Археологи в интерпретации своих находок получили ту «свободу», при которой даже следы монголо-татарского погрома древнерусских поселений могут восприниматься как следы языческих культовых действ, а погребения жертв вражеского нашествия — как свидетельства человеческих жертвоприношений» [79, с. 288].

Случай жертвоприношения в Киеве в 983 г. уникален. Но, по определению, исключение не может быть правилом. В приводимой летописцем картине этого события, в силу ее подробности и красочности, едва ли можно сомневаться, сомнение вызывает ее трактовка, а именно как достоверного случая языческого человеческого жертвоприношения в угоду «требы» Богам-идолам.

Но здесь возможна и другая, историческая версия этого события. Речь идет о так называемой «строительной жертве» [37, с. 145–175]. Это распространенный по всему миру обряд жертвоприношения, совершавшийся при закладке различных строений — домов, крепостей, ворот, насыпей, замков, мостов и иных сооружений, когда жертву закладывали в фундамент или основание строения, или же замуровывали в стены здания. В качестве жертвы могла выступать человеческая кровь, различные животные, но в основном обычай касался человеческой жертвы. В различное время и в различных странах это: дети, молодежь, женщины, люди любого пола, брачные пары, рабы.

Целью жертвоприношения могло быть примирение с духами земли, на которой возводится строение, примирение с духами уничтоженных для постройки деревьев, приобретение духа-охранителя строения, заклятие против разных враждебных надземных сил.

Корни обычая «строительной жертвы» уходят в глубины эпохи первобытной дикости. В те времена жилища людей были окружены костными отбросами животных, а то и людей. Вполне резонно считалось, что количество костных отбросов говорит об уровне достатка тех, кто живет рядом с ними. Позже, в эпоху варварства, по мере становления «культа предков», костные остатки, наиболее почитаемых из них, иногда решали не захоранивать в могильниках или курганах, а держать в укромных местах дома, как охранителях родового жилища.

Изначально, в древнем христианстве убийство человека для строительной жертвы не каралось сурово. Древнехристианский Номоканон[216] по этому поводу гласит: «При постройке домов имеют обыкновение класть человеческое тело в качестве фундамента. Кто положит человека в фундамент, тому наказание — 12 лет церковного покаяния и 300 поклонов. Клади в фундамент кабана, или быка, или козла» [37, с. 156].

В России известный былинный случай «строительного жертвоприношения» произошел в Нижнем Новгороде в одной из кремлевских башен, в фундаменте которой была заживо замурована случайно проходившая мимо Алена, молодая жена местного купца Григория Лопаты. Рабочие отказались зарывать несчастную, это сделал главный мастер, приговаривая:

Пусть погибнет она за весь город одна,
Мы в молитвах ее не забудем.
Лучше погибнуть одной, да за крепкой стеной.
От врагов безопасны мы будем.

В другой версии нижегородской былины-сказания говориться:

Самый Новгород тем ведь и крепок,
Что под башней одной, за Софийской стеной,
Там зарыт был один малолеток [37, с. 157].

Что касается сообщения летописца[217], то по совокупности приводимых им обстоятельств, здесь мы явным образом видим картину строительной жертвы. В Проложном Житии варягов-мучеников пишется: «И реша старци и бояре: «Мечем жребий на отрока или девицу; на него же падет, того зарежем богом» [80, с. 101]. На заклание по жребию был выбран сын варяга-христианина. Отец и сын были погребены под завалами рухнувшего на них дома. На месте их мученической гибели Владимир воздвиг впоследствии Десятинную церковь Успения Пресвятой Богородицы — первый каменный храм Киева, по церковным канонам стоящий на крови мучеников.

Еще один пример использования обрядности строительной жертвы связан с дальнейшей судьбой разрушенного капища киевского пантеона языческих богов, по летописцу, стоявшего на холме, где приносились жертвы, и проливалась жертвенная кровь. На этом месте князь Владимир распорядился поставить церковь св. Василия.

---

216 Номоканон (Νομοκανών закон-правило) — византийские сборники церковных правил и императорских указов, касающиеся церкви, составленные в VI–VII веках.

217 Летописец привел эту легенду по вековым преданиям с весьма условной датировкой последовательности событий. — Авт.

В средние же века христианская церковь в Европе пыталась вывести оправдание обычаю строительной жертвы, исходя из библейской идеологии Нового завета, то есть между смертью невинного человека, ради блага многих, по аналогии с жертвой Иисуса Христа, смертью своей искупившего грехи всего человечества.

О крещении князя Владимира

Говоря о крещении князя Владимира Н. М. Карамзин обратил внимание на следующее обстоятельство: «князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни цари греческие и патриарх казались ему достойными <…> Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться <…> смиренно просить крещения, он вздумал, так сказать, *завоевать* веру христианскую и принять ее святыню рукою победителя» [42, с. 77].

Княжеский способ *завоевания* Владимира один — насильно принудить наглым нахрапом оружия и пролитой крови, что полоцкую Рогнеду, что киевскую беременную жену Ярополка, что безымянную дочь «князя Корсунского града», что сотни других замученных и изуродованных славянских жен и дочерей, что веру христианскую вообще.

Из летописной логики исторических событий следует, что в поход на Корсунь двинулось языческое войско Владимира, а обратно в Киев пришло войско крещеных христиан во главе с православным князем Владимиром и греческой царицей Анной, окруженных преданными им «корсунскими попами».

Для понимания смысла христианизации Руси, произошедших и последующих за ним событий, центральным является выяснение вопроса: *о каком христианстве идет речь, о том, что является сутью воплощения учения Христа и апостолов, или о том, во что его превратила церковь спустя тысячу лет после рождения Иисуса?*

Душа христианства, его гуманная этическая вселенская суть изложена аксиоматически ясно: «Бог есть любовь» (Ин. 3,16; 1 Ин. 4,8) — это непреложный закон истинно праведного человеческого бытия, обретения Духа Святого. Отсюда естественным, органическим образом следуют библейские заповеди, законы поведения истинных христиан, среди которых — «не убий» и «люби ближнего твоего, как самого себя».

Летописец, спустя более 1000 лет после жизни Христа и деятельности апостолов, как монах, вскормленный православной церковью, имел весьма смутные представления об этической сути раннего христианства, относя ее к древним традициям сирийцев, живущих на краю света:

«Имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеянием и прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон и у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами» [64, с. 13–14].

Уже при описании летописцем обстоятельств крещения в православии княгини Ольги патриархом Константинопольским налицо явное расхождение апостольской раннехристианской этики с системой религиозной догматики, отшлифованной веками церковными соборами[218].

По летописцу, в 955 г. княгиня Ольга обратилась к Богу естественным образом, эмоционально, руководясь не разумом, но сердцем. После крещения Ольга, просветившись, «радовашеся душею и тѣломъ» попросила патриарха наставить, «поучи ю» о вере, об истинах христианских. Патриарх, благославив Ольгу за то, что она «возлюби свѣтъ, а тьму остави <…> заповеда ей о церковном уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста» [64, с. 59] — вот и все, по патриарху, главные основы христианства.

Княгиня Ольга, как «губка напояемая», впитав наставления патриарха, в действительности оказалась совершенно неспособной толково объяснить сыну Святославу, в чем же состоит сокровенная суть христианской веры, зачем ему креститься.

Разительная картина возникает при уяснении смысла известной «речи философа» об основах христианства, во всех библейских и евангельских подробностях рассказанных князю Владимиру. Поразительно, но «философ» ни одним словом не коснулся этической сути христианского миропонимания.

Понятно, почему «философ» решил умолчать об основах христианского гуманизма. Ведь тогда он должен был убедить Владимира в том, что, поскольку «любовь к ближнему» — одна из основ Божеской человеческой жизни, то князь должен снять с себя кольчугу и брони, выбросить

218 «Верую и в семь соборов святых отцов, из которых первый был в Никее 318 отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и Правую веру. Второй собор в Константинополе 150 святых отцов, проклявших духоборца Македония, проповедовавшего единосущную Троицу. Третий же собор — в Ефесе 200 святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедали святую Богородицу. Четвертый собор в Халкидоне 630 святыхотцов против Евтихия и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив Господа нашего Иисуса Христа совершенным Богом и совершенным человеком. Пятый собор в Царьграде 165 святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде 170 святых отцов против Сергия и Кура, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее 350 святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам» [64, с. 59].

прочь меч, а княжескую дружину отправить добывать себе хлеб насущный не грабежами, но праведным тяжким крестьянским трудом.

Хитрый греческий «философ» явился с вполне определенной целью — хорошо заработать, склонив князя Владимира к крещению, путем затемнения существа учения Христа массой библейских исторических подробностей. Впав в миссионерское рвение, «философ», напрочь игнорируя христианский гуманизм, стал принуждать Владимира к крещению, запугивая князя картинам бесконечных адских мук, одновременно прельщая его «весельем» райской вечной жизни.

Владимира, как бывалого воинского человека, запугать чем-то, тем более столь эфемерным, было весьма непросто. Князь из «речи философа» усвоил и запомнил для себя весьма ценное — возможность принуждения людей к христианскому крещению через страх, запугивание и угрозы. Именно этого способа придерживалась в дальнейшем средневековая Инквизиция, как «принуждения во благо спасаемой души».

Явившиеся из похода на Корсунь в Киев новоявленные «христиане», кроме царевны Анны, к христианству имели сугубо внешнее отношение, как маски-личины к подлиннику души человеческой. Это касается князя Владимира, его знати и дружины — нацепившие на свои одежды и доспехи христианские крестики, но в действительности оставшиеся теми же самыми грабителями, насильниками и убийцами.

О «корсунских попах», прибывших с Владимиром в Киев, особый разговор. Они предали христианскую веру и обрекли православных греков Корсуни на разграбление языческому полчищу, после чего горожане, как скверну, изгнали их прочь навсегда из Херсонеса. Будучи отныне полностью зависимыми от своего благодетеля князя Владимира, «корсунские попы» стали основными «кадрами» новоявленной русской православной церкви «карманно-княжеского» типа.

Еще одна отличительная черта «корсунских попов», они были весьма молоды. Это следует из того, что небезызвестный Анастас пережил князя Владимира, умершего в возрасте около 55 лет в 1015 г. Сведения о годе кончины Анастаса Корсунянина неизвестны, но доподлинно известно, что в 1018 г. он был жив, перейдя на сторону католиков поляков. Еще один известный нам «корсунский поп» Иоаким Корсунян, будучи поставленный князем Владимиром на служение новгородским епископом в 989 г., пробыл на этой должности 42 года.

Молодость «корсунских попов» фактически означала, что в Корсуни они занимали низшие церковные должности просмонариев, иподиаконов или диаконов. Судя по всему, именно по этой причине византийское священство их не признало. С другой стороны, молодых «корсунских попов»,

ушедших с князем Владимиром, на Руси ожидала блестящая карьера, их сразу ставили епископами обширных удельных княжений, и это решило все, они были преданы Владимиру до конца его жизни.

Крещение Руси

Исторически неправомерно отождествление *крещения киевлян* князем Владимиром в 988 г. *с крещением Руси*, растянувшимся на многие века.

По Ипатьевской летописи, язычники были в Киеве при князе Рюрике даже на исходе XII века. Летопись сообщает, что в 1194 г. при вокняжении на киевском столе князя Рюрика, возликовал народ по этому поводу: «И обрадовася вся Руская земля о княженьи Рюриковѣ, Кыянѣ и крестьяне и погани, зане всихъ приимаше с любовью: и крестьяны и поганыя. И не отгоняше никого же» [63, с. 458].

Анализ выдающегося произведения древнерусской литературы XII века «Слова о полку Игореве» показывает, что, несмотря на 200 летнюю духовную экспансию христианства, миропонимание русских людей, названных автором *Слова* «детьми Дажбога» [38, с. 425], осталось языческим, отличаясь живым созерцанием реального мира.

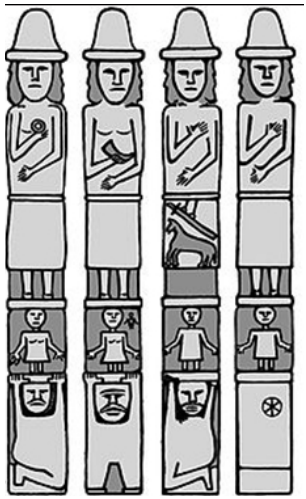
Недавние открытия археологов, исследовавших языческий центр на юго-западе Руси, состоящий из трех святилищ на реке Збруч (левый приток Днестра), показали, что он существовал с конца X века до XIII века включительно. Здесь совершались языческие обряды, приносились жертвы, проживали жрецы-волхвы, поддерживался неугасимый священный огонь.

В число збручских святилищ входило звенигородское, существовавшее до второй половины XIII века, отличное множеством предметов, связанных с отправлениями языческого культа. Среди многочисленных принесенных в жертву предметов есть изделия ремесленников, киевские стеклянные браслеты, замки, ключи, имевшие магическое значение.

Святилище, несомненно, посещали все сословия, здесь обнаружена серебряная гривна, украшения боярынь, предметы рыцарского обихода, перстень-печать с княжеским знаком представителя власти. Среди языческих пожертвований есть предметы христианского культа — иконки, кресты, даже перламутровый крестик, привезенный, видимо, из Святой земли. Эти священные христианские предметы могли быть принесены в жертву языческим богам.

Збручские святилища не были разрушены врагами, в том числе христианами, на них нет следов разгрома. Они были оставлены

преднамеренно, все культовые объекты засыпаны землей и забросаны камнями, идолы убраны, а жертвоприношения, в том числе дорогие серебряные и золотые вещи, оставлены на месте [92, с. 98].

Збру́чский и́дол — славянский каменный идол, найденный у села Гусятин, ныне Тернопольская область, в реке Збруч в 1848 г. Идол представляет собой четырехгранный столб высотой 2,67 м, высеченный из серого известняка. Столб разделен на три яруса, на каждом из которых высечены различные изображения. Нижний ярус изображает подземное божество, средний — мир людей, верхний — богов. Идол венчает круглая шапка. Дата создания идола — приблизительно X век. По данным археологических раскопок, идол был установлен на территории святилища, расположенного на горе Бохит.

О. М. Рапов пишет о Новгородской и Псковской землях: «археологические материалы по этому региону не дают возможности сделать заключение о каком-либо распространении христианства здесь в IX столетии — да и в X веке также» [89, с. 123]. Археологические раскопки курганов-захоронений на восточном берегу Чудского озера в Залахтовье в 120 км от Пскова показывают, что местное сельское население в начале XII века никакого понятия о христианстве не имело, оставаясь «добропорядочными язычниками» [115, с. 152].

Как свидетельствуют раскопки курганов, вплоть до начала XII века основная масса населения Смоленщины оставалась в язычестве. Христианство в деревню не проникало вовсе. В единичных курганах Смоленской земли тех времен встреченные нагрудные крестики использовались не как христианские символы, а как простые украшения. Например, в одном из случаев крестик находился на цепочке, на которой были языческие амулеты — два конька, две ложечки и ножик. Еще в одном курганном захоронении по языческому обряду, было найдено ожерелье из восьми крестиков и лунницы [98, с. 78]. Лишь в 30-х гг. XII в. на Смоленщине возникла первые христианская епархия.

Известно святилище ненцев в устье Печоры, где найдены многие украшения, обломки медных котлов, христианские кресты и иконки. Там стояли деревянные идолы, которые посещались верующими с X до XVII вв. [92, с. 82].

По летописям и житийной литературе, редко где на Руси насаждение феодалами и церковниками православия шло мирно, без сопротивления славян. В *Иоакимовской летописи* пишется: «Сии шедшие по земле с вельможи с войском Владимировым учили люд и крестили всюду сотнями и тысячами, сколько, где удавалось, хотя люди неверные весьма о том скорбели и сожалели, но отказываться из-за воинов не смели <…> не хотящих креститься воины насильно приводили и крестили» [106, 1768, с. 38][219].

По былинам, при христианизации Руси церковники опирались на военную силу богатырей. Так, в битве Алеши Поповича со *Змеем язычества* — все сословия Киева — князья, бояре, купцы, крестьяне — считали, что победит *Змей язычества*. Алешу Поповича поддержал лишь епископ черниговский. Против самого *Идолища* язычества Алеша Попович выступить побоялся. *Идолище* захватило Киев. Князь Владимир был вынужден выйти к *Идолищу* «со низкими поклонами, со подарочками драгоценными, звали к себе в палаты белокаменны» [2, с. 142]. Истребить *Идолище* смог лишь Илья Муромец.

Множество людей, спасаясь от крещения, бежало с Руси. «Есть предание, записанное в XVII веке, что часть языческого, очевидно, *мерянского* населения Ростовской земли, убегая «от *русского* крещения», выселилась в пределы Болгарского царства на Волгу к родственным *меря* черемисам» [49, с. 366].

Полоцкие славяне кривичи более века сопротивлялись христианизации [112, с. 169–173]. В 1024 и 1071 гг. в Ростово-Суздальской земле происходили восстания волхвов. Массовые восстания населения Руси охватили земли от Киева до Ногорода, Белоозера и Волги, народы Древней Руси с нескрываемой враждебностью встретили новую веру и ее служителей.

В 1071 г., спустя более 80 лет после крещения, языческие волхвы подняли восстание в Новгороде: «И бысть мятежь в граде». Епископ Федор с крестом, с князем и дружиной, вышел к восставшим и обратился ко всем: «Кто верует волхву — идите к нему, кто верует кресту — идите ко мне». К епископу подошли князь с дружиной, а к волхву весь народ. Видя, что *людие* за волхва — князь Глеб, взявший потихоньку топор, зарубил волхва, люди же, увидев его мертвое тело, разошлись [64, с. 175–176]. Но судьба наказала вероломных, вскоре епископ Федор странно умер, а князь Глеб бежал из Новгорода и погиб за *Волоком*.

В том же 1071 г. *заблудящая чудь* убивает епископа *Леонтия*. Ростовские язычники упорно боролись против христианских проповедников:

219 Иллюстрации: Рис. 25. «Христиане и язычники».

«Первые епископы ростовские, Феодор и Иларион, принуждены были бежать из своей епархии от ярости язычников» [102, с. 49].

В Муромских землях искоренить язычество св. Глеб не смог, ему пришел на помощь князь Константин, взявший с большим трудом Муром, при штурме города погиб сын князя — Михаил [102, прим.130].

Ожесточенной борьбой ответили поклонявшиеся Волосу язычники селища *Медвежий угол* (будущий Ярославль) князю Ярославу Владимировичу «с сильной и великой ратью». По одной из местных легенд, к городу Турову близ Киева, при крещении по реке приплыли каменные кресты. Когда они остановились напротив городских ворот, вся река покрылась кровью [114, с. 111].

Есть мнение, что при насильственном крещении погибла треть славянского населения Руси. Историк В. В. Пузанов пишет: «Из 83 стационарно исследованных археологами городищ IX — начала XI вв. 24 (28,9%) прекратили свое существование к началу X века» [28, с. 50]. Треть жителей Руси. Люди, которые могли бы повторить вслед за новгородским тысяцким Угоняем: «Лучше нам помереть, чем отдать Богов своих на поругание».

В 1534 г., спустя более 500 лет после *крещения Руси*, архиепископ *Макарий* в борьбе с укоренившемся язычеством *новгородской чуди* предписывает властям «в селах, деревнях и лесах разорять, истреблять огнем языческие мольбища, дерева и камни» [19, с. 86], требуя отдавать язычников под княжеский суд. Однако это не помогало: «в Водской земле, еще в XVI веке, было язычество» [55, с. 263]. В XVIII веке в Духовном регламенте запрещались молебны под дубом.

Говоря о последствиях крещения Руси, Ю. Н. Денисов пишет: «Евсевий Кесарийский, создавший в IV в. «Церковную историю», сообщает, что первые последователи Иисуса Христа из языческих народов надеялись на отмену деления людей по национальному признаку. Они считали, что все люди братья, и все они одной национальности — христиане. Так и народы Киевской Руси расстались со своими племенными наименованиями. Славянские племена полян, древлян, северян, кривичей, радимичей, вятичей и другие — стали все христианами. А угро-финские племена муромы, мери, мещеры, веси, чуди заволоцкой и другие, крестившись в Христианскую веру, стали крестьянами Руси. Именно христианство создало в Киевской Руси единый по наименованию народ русичей, а также объединило русский народ единым церковно-славянским языком. В «Повести временных лет» после крещения Руси наименования славянских и угро-финских племен больше не упоминаются» [22, с. 288].

О встрече архиепископа Бруно с князем Владимиром в 1008 году

Древнерусские исторические сообщения о князе Владимире и событиях его эпохи писались летописцам по преданиям и предположениям 200–500-летней давности весьма условной достоверности. Тем ценнее, практически одно из единственных, свидетельств о Владимире архиепископа Бруно, который будучи не только современником князя, но близко знакомым с ним, несколько месяцев жил, общаясь с Владимиром, в Киеве.

Бруно Кверфуртский (ок. 975–1009) родился в состоятельной семье графов Кверфуртских, которые приходились родственниками императорской семье. Когда ему было 6 лет, родители отправили его учиться в знаменитой магдебургской школе. Там «он был отдан в обучение философу Геддону и все, что было положено, получил с избытком» [27, т. IV, с. 69]. После ее окончания Бруно остался служить каноником в Магдебурге.

Император Германии Оттон III приблизил Бруно ко двору. В 996–997 гг. Бруно сопровождал Оттона в Рим, а в 1002 г. получает от папы благословение на миссионерскую деятельность. В 1004 г. Папа Римский Сильвестр II посвятил Бруно в архиепископа язычников, т. е. миссионера, не имеющим определенного церковного места служения (диоцеза).

Бруно отправился проповедовать в Венгрии, а в конце 1007 г. посетил Киевскую Русь, где встретился с Владимиром Святославичем, при поддержке которого отправился крестить печенегов. Пробыв в их земле, пять месяцев, он смог добиться значительных успехов в миссионерской деятельности, рукоположив печенегам епископа. Эти события в 2008 г. Бруно ярко и достаточно подробно описал в «Послании к германскому королю Генриху II».

К сожалению, Бруно не оставил нам свидетельств о внешнем облике князя Владимира, его окружении, о Киеве, который он видел воочию, что вполне объяснимо. Бруно был увлеченным миссионером, но не историком, подобно Льву Диакону, оставившим нам бесценное описание внешнего облика Святослава — отца князя Владимира.

Лев Диакон был высокомерным ромеем, с презрением отзывавшимся о предводителе тавроскифов Сфендославе, как о наглом, жадном, бешеном и свирепом варваре. Однако, увидев Святослава наяву, Лев Диакон был так удивлен, что подробно описал как внешний облик Святослава, так и его ближайшее окружение, бывших с ним в лодке соратников-гребцов.

Бруно, по словам Титмара Мерзебургского, будучи «отпрыском славнейшего рода» [27, т. IV, с. 69], был хорошо знаком со знатью Рима,

Германии, Польши и Венгрии. Когда Бруно прибыл в Киев и жил при Владимире в княжеской среде, он не отметил для себя ничего нового и необычного, значит, он был в такой среде, которая мало чем отличалась от европейской. Уже в то время Киев был подобен крупным европейским городам, князь Владимир, как и его двор, не уступали римским или немецким королевствам. Бруно в этом плане так характеризует Владимира: «Государь Руси, великий державой и богатствами» [27, т. IV, с. 58].

У Бруно Владимир выглядел обычным человеком, весьма гостеприимным и заботливым. Узнав о миссионерской цели Бруно распространения христианства среди печенегов, князь в течение месяца удерживал его в Киеве, стараясь отговорить Бруно от явного безрассудства, убеждая «не ходить к столь безумному народу, у которого, по его словам, [он] не обрел бы новых душ, а одну только смерть, да и то постыднейшую» [27, т. IV, с. 58]. В плане отношений с Бруно князь Владимир выглядит как убежденный христианин.

Поняв тщетность своих увещеваний, Владимир решил проводить Бруно до границы с печенегами, выйдя к одному из приграничных городов-крепостей. Князь с дружиной двое суток сопровождал Бруно, судя по всему, достигнув укрепленной крепости по реке Рось.

По словам Бруно, князь Владимир ловко спрыгнув с коня и вместе со свой знатью, в том числе со старейшинами, вышел за ворота крепостной ограды, решив еще раз отговорить Бруно от его безумной затеи, но все было тщетно. Бруно, распевая католический гимн, подняв крест, который нес на руках, двинулся вдаль со своими спутниками. Так они и расстались, Владимир стоял на одном холме, а Бруно уходил с другого холма все дальше и дальше в степь.

Касаясь бесед князя Владимира с архиепископом Бруно, небезынтересен вопрос — *на каком языке они общались*? Что касается Бруно, по рождению он был немец, а по тому блестящему образованию, которое он получил, Бруно, безусловно, прекрасно владел латинским и греческим языком.

Князь Владимир родился в Киеве и долгое время правил в нем, значит, он знал славянский киевский диалект, в равной степени, как и новгородский славянский язык, когда был новгородским князем. Пребывая «за морем» в Скандинавии, пользуясь услугами норманнской дружины и находясь в дружеских отношениях со знатным Олавом Трюгвасоном, Владимир очевидно должен был владеть норвежским языком. Будучи в союзных отношениях с Византией и находясь в браке с царевной Анной, от которой получал христианские наставления, князь Владимир хорошо владел греческим языком, как и его отец Святослав. В целом,

можно вполне уверенно утверждать, что Владимир, по крайней мере в области языкознания, был просвещенным и европейски образованным человеком.

Судя по всему, архиепископ Бруно Кверфуртский и князь Владимир свободно общались друг с другом на греческом языке, но не исключено, что и на латинском, хотя прямых доказательств этому нет.

Еще одно немаловажное историческое обстоятельство связано с тем, что князь Владимир гостеприимно принял в Киеве католическую миссию во главе с архиепископом Бруно, лично рукоположенным римским папой Сильвестром II. Бруно в присутствии князя Владимира, отправляясь к язычникам печенегам, возгласил католический гимн-молитву в честь памяти Престола святого Петра в Риме.

Архиепископа Бруно и князя Владимира в религиозном плане объединяло то, что, прежде всего, они были христианами, не придававшими особого значения различиям католицизма от православия. Князь Владимир в этом плане идет по религиозному пути княгини Ольги, наладившей отношения с католиками и миссией архиепископа *Адальберта Магдебургского,* который был первым христианским епископом, бывшим на Руси в 961 г. Эта линия единения христиан была продолжена киевским князем Ярополком, который в 973 г. послал русское посольство к германскому императору Оттону I в Кведлинбург.

Наконец, нужно отметить и то обстоятельство, что дальновидный князь Владимир фактически спас жизнь Бруно и его спутникам, придав их христианской миссионерской миссии определенное политическое содержание.

Владимир в то время находился в весьма накаленных и сложных отношениях с печенегами, фактически, в состоянии войны. Миссию Бруно князь решил использовать для налаживания контактов со знатью печенегов в русле мирного переговорного процесса. Сам Бруно в планы Владимира не был посвящен. Владимир послал вместе с Бруно верного ему человека, речь идет о киевском переводчике-толмаче для общения католической миссии с печенегами.

По словам Бруно, события разворачивались следующим образом. Через несколько дней, войдя вглубь владений печенегов, он и его спутники были схвачены, их избили, бичуя, словно лошадей. Затем был собран всенародный сход, на котором католиков решили публично казнить: «Сбежалась бесчисленная толпа. С налитыми кровью глазами, они подняли страшный крик. Тысячи обнаженных мечей и тысячи топоров над нашими головами грозили изрубить нас в куски. До ночи терзали нас, волоча в разные стороны, пока нас не вырвали из их рук старейшины (той)

земли, которые, будучи рассудительны, услыхав наши речи, поняли, что мы с добром явились в их землю» [27, т. IV, с. 60].

Совершенно очевидно, что старейшины печенегов не знали латыни и понять, о чем говорили католические миссионеры, прощаясь с жизнью, не могли. Была лишь одна возможность, и она осуществилась на самом деле, ведь среди обреченных на смерть оказался человек, посланный князем Владимиром, знающий печенежский язык, со слов которого старейшины уразумели, что избиваемые и терзаемые католики на самом деле пришли к ним с добром, т. е. были посланцами князя Владимира для мирных переговоров.

Тут дело сразу приняло противоположный оборот перерождения «из грязи в князи». Миссионерам в течение пяти месяцев было дозволено проповедовать христианство на землях печенегов. В их глазах христиане устроили тот самый мир, который, кроме христиан никто не мог бы устроить. Старейшины объявили Бруно: «Если же государь Руси изменит уговору, нам придется думать только о войне, а не о христианстве» [27, т. IV, с. 61].

По новому мирному договору, 30 старейшин печенегов согласились стать христианами, а Владимир должен был прислать им в заложники сына. Вернувшись в Киев, архиепископ Бруно изложил Владимиру требования печенегов, с чем князь согласился, возможно, послав заложником не сына, а одного из своих многочисленных внуков. Вместе с ним к печенегам прибыл и один из его спутников миссионеров, посвященный в сан лично Бруно и ставший епископом новообразованной печенежской епархии.

Мир Владимира с печенегами, устроенный благодаря католической миссии архиепископа Бруно, оказался весьма прочным, вплоть до болезни и смерти Владимира в 1015 г.

Описание битвы при реке Буг в 1018 году Галлом Анонимом, Винцентием Кадлубком и Яном Длугошом

«Случилось [так], что в одно и то же время, не зная один о другом, король Болеслав напал на Русь, а король русских — на Польшу, и тот и другой разбили лагеря на противоположных берегах реки, в пределах чужих территорий, разделенных рекой. Когда королю русских было сообщено, что король Болеслав уже перешел реку и обосновался с войском в пределах его королевства, тот опрометчиво решил, что он уже [Болеслава] с помощью своих многочисленных [отрядов] загнал в сети, словно зверя. Говорят, передал ему слова, полные надменности, которые следовало бы обратить на голову его самого: «Пусть Болеслав знает,

что он, подобно вепрю, в луже окружен моими собаками и охотниками». На это король Болеслав ему в свою очередь послал [следующее]: «Верно, ты назвал меня свиньей в луже, так как я в крови собак твоих и охотников — то бишь, князей и рыцарей — омочу ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно невиданный зверь. [Пока] и тот и другой обменивались такими речами, на следующий день приближался праздник, [и] король Болеслав, собирался отметить его, отложив сражение на третий день. В этот день резали многочисленных животных, которых приготовляли к наступающему празднику к столу короля, намеревающегося, по обычаю, пировать со своими военоначальниками. Когда повара, наемные слуги, войсковая челядь собрались на берегу реки, чтобы чистить мясо и внутренности животных, с другого берега реки слуги русских начали громко насмехаться и раздражать их [поляков] обидными до гнева оскорблениями. Те же ни на какие обиды не отвечали, но в ответ им насмешливо прямо в глаза кидали внутренности животных и отбросы. Когда русские еще сильнее раздразнили их поношениями и начали пускать в них стрелы, войско Болеславовой челяди, бросив псам и птицам все, что было в [руках], с оружием воинов, спавших после полудня, переплыв реку, одержало победу над великим множеством русских. Король Болеслав и все войско, разбуженное криками и звоном оружия, спрашивают, в чем дело, а узнав причину и сомневаясь, не нарочно ли это подстроено, обрушиваются на бегущего повсюду врага боевым строем; таким образом, не только челядь заслужила славу победы и пролила [свою] кровь. Столь было велико множество переходящих реку, что она нижним казалась не водой, а сухой дорогой» [120, с. 52–53].

(Галл Аноним)

«Спустя некоторое время Болеслав снова решает напасть враждебно на Русь, а русский [король] — на Польшу, и, разделенные рекой, которая значила границу и того и другого королевства, они ставят лагери друг против друга. Когда сей варвар, нерасчетливо презрев войско поляков за малочисленностью, пересчитал огромное число своих, то преисполнился чувством собственного превосходства и возомнил, что никто не сможет с ним тягаться, в хвастливом безумии чванливо обратился к Болеславу: "Кабан, попавший в засаду, свинья, застигнутая в грязной луже, мечется в наших сетях, значит ее нужно употребить для натаскивания наших щенков и позабавиться этим зрелищем". Тот ему отвечает: "Напрасно муж возвеличивается в надменности и, подобно дикому осленку, считает себя вольно рожденным, называя меня кабаном и свиньей. И не ошибается он: ведь этот необыкновенный зверь его, возможно, сожрет; свинья, это плодовитейшее сильное животное, с божьей помощью

так разделается с собаками, что упьется их кровью. Но я думаю, нужно сражаться, не словами, а оружием". Между тем, пока слуги и с той и с другой стороны обмениваются оскорблениями, раздражают друг друга взаимными обидами, польские солдаты врываются во вражеский лагерь и одних убивают, другие вынуждены броситься врассыпную. Узнав об этом, Болеслав выстраивает боевые ряды, снимает лагерь, и, приказав страшно шуметь и кричать, сечет врагов и одерживает триумфальную победу. Короля, схваченного с лучшими людьми, ведут на веревке, словно свору собак, и по заслугам, ведь сам повелитель их назвал щенками. Но не по душе это было славному победителю. «Низко — сказал он — ликовать над унижением [другого], потому что судьба ничего не простит тебе из того, что не простила из-за тебя другому» [120, с. 98–99].

(Винцент Кадлубк)

«Собрав многочисленное войско из русских, варягов и печенегов (? — Авт.), он [Ярослав] выходит навстречу польскому королю Болеславу к реке Буг, намереваясь, если сможет, воспрепятствовать переправе [Болеслава], а если нет — сразиться. Когда оба войска простояли на реке Буг несколько дней, между войсками стали происходить стычки [взаимно] предварявшие [сражение]; в конце концов [это повело] к общей битве. Вначале дело ограничивалось комками грязи и укорами, но из этой малости, как бывает, спор разгорелся до того, что швыряли уже камни, копья и дротики. У князя Руси был кормилец по имени Буды, любимец многих и советник Ярослава во всех вопросах и делах, управитель и распорядитель, который, стоя на другом берегу, стал задирать польского короля Болеслава и его войско многими укорами, называя польского короля то трусливым, то жирным, добавляя, что проткнет ему толстое брюхо, если тот осмелится выйти на битву. Польский король Болеслав, рассерженный этими оскорблениями, созывает воинов на сходку и ведет разумную речь, убеждая, что нельзя равнодушно переносить оскорбления их королю и им сами и надо, взявшись за оружие, немедленно начать сражение. Итак, стремительно вооружив все войско, польский король Болеслав первым направляет коня в реку Буг и, перейдя его, направляет на трепещущих русских, призывая своих [товарищей] к оружию. Повсеместно разгорелось невиданное сражение, так что все зависело от воли судьбы; битва шла повсеместно несколько часов, но наконец русский князь Ярослав был разбит и только с четырьмя спутниками убежал в Киев. Страшная сеча тогда была учинена справедливым гневом, но многие из русских, печенегов и варягов были также взяты в плен; поляки овладели еще и чрезвычайно богатым вражеским лагерем» [119, с. 238–239].

(Ян Длугош)

О некоторых характерных особенностях «Польской истории» Яна Длугоша

Ян Длугош (1415–1480) относится к числу основоположников польской историографии с ее специфически предвзятыми признаками по отношению к Руси, временами, высокомерным великопольским характером и массой исторических выдумок и фантазий. Капитальный труд Яна Длугоша «Польская история», касающийся, в частности, событий древнерусской истории, тому полное подтверждение.

С самого начала, Ян Длугош выдвигает аксиоматический исторический тезис о том, что восточные земли, т. е. Русь: «спустя долгое время была заселена и освоена одним из потомков Леха[220], который звался Русом, и получила имя Русь <…> Некоторые силятся утверждать, что Рус был не потомком, а братом Леха, и вышел вместе с ним и третьим братом Чехом из Хорватии, населил обширнейшие русские королевства, главой и столицей которых является Киев <…> и распространяет свои пределы по ту сторону Новгорода, русского города, богатейшего и славнейшего золотом, серебром и мехами, расположенного среди болот и топей почти на краю земли. Такое разноречие писателей о происхождении Руси больше затемняет это происхождение, чем разъясняет» [119, с. 218–219].

Таким образом, по Яну Длугошу, польская история первична относительно истории древнерусской и носит по отношению к ней доминирующий характер. Руководствуясь этим тезисом, Ян Длугош проводит намеренную фальсификацию древнерусской истории, например, не мудрствуя лукаво, сообщает, что Киев был основан одним из польских языческих князей Кием, так же, как и другие польские князья именем Радим и Вятко, дали свои имена другим землям и народам: «их сыновья и потомки, наследуя по прямой линии, княжили у русских много лет, пока такого рода наследование не привело к двум родным братьям — Оскальду и Диру. В то время, как они княжили в Киеве, некоторые русские народы, которые по причине чрезвычайного умножения, расселились по новым местам, тяготясь их княжением, приняли трех князей от варягов» [119, с. 224–226].

Если отвлечься от эпического фольклора по поводу «братской троицы» Леха, Руса и Чеха, то, с этнической стороны по вопросу о славянском первородстве, складывается очевидная историческая картина, подтвержденная данными археологии, антропологии и языкознания.

По материалам языкознания, германцы, балты и славяне составляют родственную индоевропейскую группировку. Славяне формировались на большей части территории Европы, имея сходные антропологические

220 Лех первым пришел в Польшу и поселился в ней.

черты, что говорит об их общей прародине. При этом, этнически славян выделить более сложно, чем, например, арийский, нордический, германский, древнегреческий или древнеримский этнотип. Славян, как правило, идентифицируют археологически по их материальной культуре жизнедеятельности.

Коренной славянский ареал обитания не был замкнутым пространством. Так, в Висло-Одерском междуречье вместе со славянами проживали германские племена, а ранее кельты.

Географически на территории Висло-Одерского междуречья, как места древнейшего обитания славян, возникло впоследствии Польское государство. В этом плане, рассуждения Яна Длугоша о славянском польском первородстве не лишены определенного исторического смысла, тем более что, поляки и поляне — однокоренные слова, а древненовгородский диалект, по данным языкознания, весьма близок к древнепольскому языку [36].

Но это не означает, что древние славяне были поляками, подобно тому, как древние европейцы были индусами, а еще раньше африканцами. Этногенез на протяжении веков и тысячелетий практически полностью размыл понятие права исходного первородства в роде человеческом. В Европе германо-романские, славянские, финно-угорских племена постепенно расселяясь из мест своего древнейшего обитания, и ассимилируя между собой, образовали новые полиэтнические общности, племена и народности.

В этом плане, например, древних новгородцев, а именно только словен, как считал летописец, не было. Новгороду предшествовали три разноплеменных селища — Славенский, Людин и Неревский концы, возможно, бывшие племенными центрами словен, кривичей, чуди и меря.

Сходным образом и древних киевлян не следует идентифицировать лишь с полянами. Летописец сохранил нам несколько славянских имен из киевского предместья Вышгорода. В числе первых упоминается бывший киевский воевода времен Святослава, оборонявший город от печенегов в 968 г. — Претич. Это имя явно древне сербское[221]. Летописец также приводит имена вышгородских убийц князя Бориса — Путша, Талец, Еловит, Ляшко. Имя Путша близко к славянам кривичам — Малуша, Любша, Ропша [72, с. 96–97]. Имя Талец, вероятно, характерная славянская кличка, талец обычно означает незамерзающий ручей, родник. Имя Еловит, возможно, также кличка, еловит означает способность человека к непрерывному движению. Имя Ляшко, в дальнейшем, типично украинское, но и весьма близкое к расхожему общему названию поляков — «ляхи». Таким образом, в целом, хотя имя Ляшко дает нам определенный польский след в именах древних киевлян, но этот след не доминирующий, он растворен в других славянских именах и кличках.

221 Приведем характерные фамилии сербов — Иванович, Красич, Олич.

Вынужденный признать, помимо польских князей, властвующих на Руси, еще и варяжских князей Рюриковичей, Ян Длугош явно принижает их значение. Об Олеге-правителе он вообще умалчивает, так же, как и о походах русских войск Олега и Игоря на Византию, и тут же сочиняет небылицу, будто именно князь Игорь коварно убил киевских польских князей Оскальда и Дира [119, с. 226–227].

Рассматривая древнерусскую историю, Ян Длугош грубо извращает окончание похода Святослава на греков, утверждая, что «его враги печенеги, извещенные некоторыми русскими и киевлянами, выступают со всеми силами и легко побеждают Святослава и его войско, как потому, что оно было обремено добычей, так и потому, что сражалось в неудобном месте. Сам Святослав, пытаясь продолжить сражение, и остановить позорное бегство своих [воинов], живым попадает в руки врагов» [119, с. 229].

Весьма забавна вольная фантазия Яна Длугоша о том, что князь Владимир «воздвиг замок на возвышенном холме, построенном из дубовых бревен <…> нанял мастеров, вывезенных из Греции, и построил множество церквей из камня и кирпича» [119, с. 224]. Иногда, Ян Длугош, запутавшись, впадает в противоречие с самим собой. Так, описывая семейство Владимира, он вначале дословно приводит сообщение летописца о матерях 12 его сыновей — Рогнеде, гречанке, чехине, болгарке; затем сообщает совершенно иное, что четыре сына были от Рогнеды, а остальные восемь князь родил от сестры греческих императоров Василия и Константина Анны [119, с. 230].

Еще одна выдумка Яна Длугоша касается его сообщения о наследственном разделе Руси Владимиром в пользу своих младших сыновей Станислава, Позвизда и Судислава, которым он отдал Киевское и Берестовское княжества [119, с. 235].

Обосновывая причины польской интервенции на Киевскую Русь в 1019 г., Ян Длугош сообщает, что Болеслав решил «отомстить за многие заговоры, грабежи, разорения и обиды, которыми русские часто оскорбляли Польское королевство» [119, с. 237] — не упоминая при этом ни одного конкретного примера «русских злодеяний» на польской земле.

Подводя итоги, Ян Длугош пишет: «И владел польский король Болеслав и его наследники, польские короли, крепостями, городами и укреплениями, отнятыми тогда у русских, и управлял ими через своих наместников и капитанов; а также он подчинил своей власти и вечной власти своего Польского королевства большую часть русских земель, захваченных тогда оружием, расположенную около Киева» [119, с. 245].

Вот он, перед нами очевидный идеологический образец претензий на «вечную власть» поляков на киевские русские земли!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамовичъ Д. И. Житія святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба и службы им. Петроградъ: Типография Императорской Академии Наук, 1916. 205 с.
2. Авенаріусъ В. П. Книга былинъ. С.-Петербургъ: Типографія М. Стасюлевича, 1880. 355 с.
3. Андерссон И. История Швеции. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 481 с.
4. Александров А. А. Ольгинская топонимика, выбутские сопки и руссы в Псковской земле // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.: Art-contact, 1994. 272 с.
5. Белинский В. Г. Соч. в 13 тт., т. V. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. 863 с.
6. Бѣломорскія былины, записанные А. МарковымЪ. М.: Т-во скоропечати А. Г. Левенсона, 1901. 632 с.
7. Беляев С. А. «Базилика на холме» в Херсоне и «церковь на горе» в Корсуни, построенная Владимиром // Byzantinorussica. 1994. № 1.
8. Беляев С. А. Поход князя Владимира на Корсунь (Его последствия для Херсонеса) // Византийский временник. Т. 51. М.: Наука, 1990–1991. 253 с.
9. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX века. Л.: Наука, 1983. 231 с.
10. Боголюбовъ Н. П. Исторія корабля. Т. I. М.: Типографія Л. Ѳ. Снегирева, 1879. 354 с.
11. Болтинъ И. Н. Примечанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка сочиненныя генералъ маіоромъ Иваномъ Болтинымъ. Т. I. С.-Петербургъ: Печатано въ типографіи Горнаго училища, 1788. 615 с.
12. Боровков Д. А. Тайна гибели Бориса и Глеба. М.: Вече, 2009. 314 с.
13. Былины. Сборник. Л.: Советский писатель, 1986. 551 с.
14. Былины. Исторические песни. Баллады. М.: ЭКСМО, 2008. 661 с.
15. Володихин Д. М. Святой Владимир (Красное Солнышко). М.: Комсомольская правда, 2015. 96 с.
16. Гедеоновъ С. А. Варяги и Русь. С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1876. 569 с.

17. Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях в X — первой трети XIII вв. Киев: Наукова Думка, 1988. 136 с.
18. Голубинский Е. Е. Исторія русской церкви. Т. 1. М.: Университетская типографія, 1901. 968 с.
19. Гордиенко Н. С. Крещение Руси: факты против легенд. Л.: Лениздат, 1986. 287 с.
20. Дегтярев А. Я., Дубов И. В. Начало отечества. Л.: Детская литература, 1983. 187 с.
21. Денисенко Д., Кузык Б. Н. Борис и Глеб. Днепропетровск: Арт-пресс, 2005. 243 с.
22. Денисов Ю. Н. Славяне. От Эльбы до Волги. М.: Флинт-наука, 2009. 296 с.
23. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о восточной Европе (первая треть XI в.). М.: Ладомир, 1994. 255 с.
24. Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М.: Языки русской культуры, 2000. 188 с.
25. Дмитриева С. И. Географическое распространение русских Былин по материалам конца XIX — начала XX вв. М.: Наука, 1975. 113 с.: 2 л. карт.
26. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. — М.: Логос, 1999. 608 с.
27. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т. Н. Джаксон. Тт. II, IV, V. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 384 с. (II), 512 с. (IV), 384 с. (V).
28. Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. 432 с.
29. Дук Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк: ПДУ, 2010. 180 с.
30. Евгений (Болховитинов) митрополит. Описаніе Кіевопечерской Лавры. Кіевъ.: Печатано въ типографіи кіево-печерской лавры, 1847. 360 с.
31. Евтушенко С. А. Убийство сыновей Владимира Святого: Борис, Глеб, Святослав. М.: Социально-политическая мысль, 2008. 193 с.
32. Емелях Л. И., Кожурин Я. Я. Советская историческая наука о крещении Руси. Л.: ЛО Знание, 1986. 34 с.
33. Ермолинская летопись. ПСРЛ т. 23. С.-Петербургъ: Типографія М. А. Александрова, 1910. 241 с.
34. Житіе преп. Отца нашего Моисея Угрина. Киево-печерский патерик. М.: Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина, 1900. 394 с.
35. Жития и творения русских святых. Донской монастырь. М.: Современник, 1993. 480 с.

36. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
37. Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954. М.: Индрик, 2004. 368 с.
38. Злато слово. М.: Молодая гвардия, 1986. 464 с.
39. Иларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Столица, Скрипторий, 1994. 146 с.
40. Иловайский Д. И. Исторія Россіи. Т. 1, часть 1. М.: Типографія Грачева и К, 1876. 333 с.
41. Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 210 с.
42. Карамзин Н. М. История государства российского. М.: ЭКСМО, 2004. 1021 с.
43. Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. 580 с.
44. Карпов А. Ю. Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 2004. 489 с.
45. Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2009. 376 с.
46. Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия, 2001. 618 с.
47. Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. М.: Комсомольская правда, 2015. 96 с.
48. Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. Минск: Наука и техника, 1982. 127 с.
49. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция V. Пг.: Четвертая Государственная Типография, 1918. 464 с.
50. Книга степенная царского родословія. ПСРЛ, том 21. С.-Петербургъ: Типографія М. А. Александрова, 1908. 342 с.
51. Книга Ахмада Ибн-Фадлана посла Аль-Муктадира к царю славян. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1939. 193 с. + 33 табл.
52. Костомаровъ Н. И. Историческіе монографіи и изследованія. Т. 1. С.-Петербургъ: Изданіе Д. Е. Кожанчикова. 1863. 504 с.
53. Костомаров Н. И. Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно-вѣчевого уклада. Т. 7. С.-Петербургъ: Изданіе Д. Е. Кожанчикова, 1868. 448 с.
54. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО, 2004. 1023 с.
55. Костомаров Н. И. Историческія монографіи и изслѣдованія. Черты народной южнорусской истории. Т. 1. С.-Петербургъ: Типографія Товарищества «Общественная Польза», 1863. 504 с.
56. Краткий гидрологический очерк Ладожского озера. ЦАМО, фонд 17, опись 1221, дело 216. 1941.
57. Лебедевъ А. П. Исторія раздѣленія церквей в IX–XI вв. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1900. 422 с.

58. Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988. 244 с.
59. Лаврентіевская и Троицкая лѣтописи. ПСРЛ, т. 1. С.-Петербургъ: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1846. 269 с.
60. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. М.-Л.: Институт истории СССР, 1989. 204 с.
61. Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго составленный въ началѣ XIII вѣка (между 1214 и 1219 годовъ). ПСРЛ, т. 41. М.: Въ Университетской Типографіи, 1851. 113 с.
62. Лѣтопись Патріаршая или Никоновская. ПСРЛ, т. 9. С.-Петербургъ: Въ Типографіи Эдуарда Праца, 1862. 256 с.
63. Лѣтопись по Ипатскому списку. С.-Петербургъ: Издание археографической комиссіи, 1871. 703 с.
64. Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наук, 1872. 512 с.
65. Лѣтописный сборникъ, именуемый Тверскою лѣтописью. ПСРЛ, т. 15. С.-Петербургъ: Въ типографіи Леонида Демиса, 1863. 540 с.
66. Липец Р. С., Рабинович М. Г. К вопросу о времени сложения былин // Советская этнография. 1960. № 24.
67. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 908 с.
68. Лихачёв Д. С. Текстология. Л.: Наука, 1983. 640 с.
69. Ловмяньский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985. 304 с.
70. Ломоносовъ М. В. Древняя россійская исторія. С.-Петербургъ: При Императорской Академіи Наукъ, 1766. 140 с.
71. Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. 578 с.
72. Михайлов С. М. От Рюрика до Святослава. СПб.: Русская коллекция, 2014. 305 с. + цв. ил.
73. Макарий (Булгаков) Митрополит. История русской церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996. 3053 с. С.-Петербургъ: Въ типографіи императорской Академіи наукъ, 1857. 296 с.
74. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М.: Наука, 1993–240 с.
75. Нечволодовъ А. Сказанія о русской земле. С.-Петербургъ: Государственная типографія, 1913. 1140 с.
76. Никитин А. Аз. Святослав, князь русский // Наука и религия. 1991. № 9. М.: Знание, 1991. 64 с.
77. Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку. С.-Петербургъ: Издание Археографической Комиссіи, 1888. 531 с.

78. Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 686 с.
79. Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. М.: Языки русской культуры, 2000. 760 с.
80. Петрухин В. Я. Крещение Руси: от язычества к христианству. М.: АСТ-Астрель, 2006. 223 с.
81. Петрухин В. Я. Русь и вси языци. Аспекты исторических взаимосвязей. Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. 384 с.
82. Попов А. Н. Изборникъ славянскихъ и русских сочинений и статей внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. М.: Типографіия А. И. Мамонтова, 1869. 541 с.
83. По следам древних культур. Древняя Русь. М.: Типография Госкультпросветиздата, 1953. 359 с.
84. Прозоровский Д. И. О родстве св. Владимира по матери // Записки Императорской Академии наук. С.-Петербургъ: Типографія Академии Наук, 1864. Т. V. Кн. I.
85. Пселл Михаил. Хронография. М.: Наука, 1978. 324 с.
86. Пчелов Е. В. Рюриковичи: история династии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 479 с. + илл.
87. Равноапостольная Ольга. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. 32 с.
88. Ранчин А. М. Борис и Глеб. М.: Молодая гвардия, 2013. 324 с.
89. Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988. 418 с.
90. Розенъ В. Р. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія из лѣтописи Яхъи Антіохійского. С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академии Наук, 1883. 646 с.
91. Романчук А. И. Слои разрушения X в. в Херсонесе (К вопросу о последствиях корсунского похода Владимира) // Византийский временник. М.: Наука, 1989. 265 с. + рис.
92. Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.: Издательство «Ладога-100», 2007. 304 с.
93. Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси. М.: Издательство Московского университета, 1984. 241 с.
94. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 599 с.
95. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 406 с.
96. Сборникъ Кирши Данилова. С.-Петербургъ: Типографія Императорской академии наук, 1901. 284 с.

97. Свод древнейших письменных известий о славянах (VII–IX вв.). Т. II. М.: Восточная литература РАН, 1995. 589 с.
98. Седов В. В. Становление христианства в Смоленской земле (по курганным материалам) // Язычество, христианство, церковь. М.: Институт российской истории РАН, 1995.
99. Семенов В. П. (ред.) Россія. Полное географическое описаніе нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 9. С-.Петербургъ: Изданіе А. Ф. Девріена, 1905. 619 с.
100. Серебрянскій Н. И. Древнерускія княжескія житія. М.: Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1915. 175 с.
101. Славянская энциклопедия. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 791 с.
102. Соловьев С. М. Соч. в 24 тт. Т. I. М.: Мысль, 1988. 798 с.
103. Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. М.: Банки и биржи, 1995. 318 с.
104. Софийская первая летопись старшего извода. ПСРЛ, т. 6, вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 581 с.
105. Срезневский И. И. Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древніхъ славянъ. С.-Петербургъ: въ типографіи К. Жернакова, 1848. 96 с.
106. Татищевъ В. Н. Исторія Россійская. Напечатана при ИмператорскомЪ МосковскомЪ Университетѣ, 1768. 224 с. 1769. 600 с. 1773. 536 с.
107. Татищев В. Н. История Российская. Первая ред. II часть, гл. 9. О крещении словян от апостол и потом. ИДДК, 2005.
108. Типографская лѣтопись. ПСРЛ, т. 24. Петроград: 2-я Государственная типографія, 1921. 271 с.
109. Тихомиров Н. М. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 475 с.
110. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. ПСРЛ, т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.
111. Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск.: Беларусь, 1990. 156 с.
112. Филист Г. М. О «крещении» Белой Руси // Неман. 1988. № 9.
113. Франклин С., Шепард Д. Начало Руси 750–1200. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 624 с.
114. Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007. 336 с.
115. Хвощинская Н. В. Финны на западе новгородской земли. (По материалам могильника Залахтовье). С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004. 279 с. + 125 табл.
116. Чтение в обществе истории и древностей российских. М.: Издательство Московского Университета, 1986, т. 1.

117. Шахнович М. И. Человек восстает против бога. М.: Детская литература, 1986. 176 с.
118. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках. М.: Товарищество типографіи А. И. Мамонтова, 1908. –138 с.
119. Щавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 494 с.
120. Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М.: Наука, 1990. 210 с.
121. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 233 с.
122. Щербатовъ М. М. Исторія россійская. Томъ 1. Въ Санкт-Петербургѣ при Императорской Академіи наукъ, 1770. 396 с.
123. Энциклопедический словарь. СПб.: Типографія Акц. Общ. «Издательское дело» Брокгауз и Ефрон. Т. XIII, 1900, статья «Святополк I Владимирович». Книга «Россия».
124. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР № 63. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
125. Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. Исследования и материалы. М., 1984. Вып. 7.
126. Marx K. The Eastern Question. London, 1897.
127. Stender-Petersen Ad. Varangica. Aarhus, 1953.

Сергей Михайлович Михайлов

ОТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО ДО СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО

Монография

Адрес редакции:
199178, Санкт-Петербург, 12-я линия В.О., д. 13 литера А, к. 504

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 14,3. Тираж экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Переплетный центр»
190020, Санкт-Петербург, Рижский пр., д. 23
Тел./факс: (812) 622-01-23
e-mail: 6220123@mail.ru

Рис. 1. Раздел Русской земли Святославом. Добрыня с Владимиром отбывает в Новгород (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 2. Убийство Люта слугами древлянского князя Олега (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 3. Гибель древлянского князя Олега в битве с братом Ярополком (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 4. Сват Владимира Святославича у Рогволда. Рогволд беседует с Рогнедой (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 5. Поход на Полоцк князя Владимира (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 6. Осада дружиной Владимира Ярополка в Родне (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 7. Убийство Ярополка в Киеве при князе Владимире (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 8. Воздвижение Перуна и других языческих божеств на Священном Холме в Киеве (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 9. Убийство христиан в Киеве (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 10. Первые русские мученики Федор и Иоанн перед гибелью (худ. Сергей Ерошкин)

Рис. 11. Болгарский поход князя Владимира (985)
Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядей своим Добрынею,
а торков привел берегом на конях
(миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 12. Философ показывает князю Владимиру запону
(миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис 13. Князь Владимир выбирает веру
(худ. И. Эггинк)

Рис. 14. Владимир принимает послов
(худ. В. Верещагин)

Рис. 15. Выбор Веры князем Владимиром (худ. А. Филатов)

Рис. 16. Решение князя Владимира, старцев и дружины считать наилучшей греческую веру (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 17. Осада Корсуни князем Владимиром (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 18. Осада Корсуни, обнаружение тайного источника воды (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 19. Царевна Анна отплывает из Греции в Корсунь (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 20. Передача царевной Анной послания Владимиру с советом скорее креститься, чтобы избавиться от болезни (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 21. Крещение князя Владимира (худ. В. Васнецов)

Рис. 22. Крещение князя Владимира в Корсуни (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 23. Крещение дружинников князя Владимира (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 24. Крещение киевлян

Рис. 25. Христиане и язычники
(худ. С. Иванов, нач. XX в.)

Рис. 26. Славянский юноша-кожемяка побеждает печенежского богатыря (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 27. Князь Владимир повелевает построить церковь пресвятой Богородицы в Киеве (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 28. Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, ибо любил город тот (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 29. Казнь разбойника по требованию епископов к князю Владимиру (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 30. Раздача милостыни и пиры в Киеве времен князя Владимира (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 31. Златник князя Владимира из коллекции Эрмитажа

Рис. 32. Византийский солид Василия II и Константина VIII, послуживший моделью для златников князя Владимира

Рис. 33. Сребреник великого Киевского князя Владимира

Рис. 34. Сребреник князя Владимира. Прорись

Рис. 35. В киевском тереме князя Владимира (худ. В. Васнецов)

Рис. 36. Покушение Рогнеды на Владимира, слева Изяслав (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 37. Владимир хочет покарать Рогнеду, но на ее защиту встает Изяслав (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 38. Владимир посылает Бориса против печенегов (из рукописного Жития святых Бориса и Глеба XIV века, Сильвестровский сборник)

Рис. 39. Князь Борис Владимирович (фрагмент иконы, ок. 1301–1325, Киевский музей)

Рис. 40. Святой Борис идет на печенеги
(Из рукописного Жития святых Бориса и Глеба XIV века,
Сильвестровский сборник)

Рис. 41. Совет князя Бориса с дружиной
(миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 42. Святополк посылает убийц на святаго Бориса

Рис. 43. Убивают святаго Бориса
(из рукописного Жития святых Бориса и Глеба XIV века,
Сильвестровский сборник)

Рис. 44. Убийство Бориса варягами по приказу Святополка (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 45. Два варяга прободоша мечем в сердце святаго Бориса (из рукописного Жития святых Бориса и Глеба XIV века, Сильвестровский сборник)

Рис. 46. Князь Глеб Владимирович
(фрагмент иконы [ок. 1301–1325], Киевский музей)

Рис. 47. Сретают убиицы святаго Глеба. Заклан бысть святый Глеб. Похороны святаго Глеба меж двух колод (Из рукописного Жития святых Бориса и Глеба XIV века, Сильвестровский сборник)

Рис. 48. Убийство на судне князя Глеба на Днепре близ Смоленска (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 49. Святослав Владимирович (неизвестный художник)

Рис. 50. Князь Ярослав Владимирович Новгородский (лит. В. А. Прохорова с фрески Спасо-Нередицкой церкви)

Рис. 51. Убийство новгородских мужей по приказу Ярослава (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 52. Битва при Любече (1016 г.)
(миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 53. Битва на Волыне на реке Буг (1018 г.)
(миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 54. Святополк Владимирович Окаянный (худ. В. Шереметьев, 1867)

Рис. 55. Битва Ярослава и Святополка при Альте (миниатюра Радзивиловской летописи)

Рис. 56. Борис и Глеб на конях (иконостас Троице-Сергиевой Лавры, сер. XIV века)